

ПОВОЛЖЬЕ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Государственный Исторический музей

*Посвящается светлой памяти
Германа Алексеевича Федорова-Давыдова*

Г.А.Федоров-Давыдов
(1931–2000)

Труды Государственного Исторического музея

Выпуск 135

ПОВОЛЖЬЕ и сопредельные территории в средние века

Ответственные редакторы

доктор исторических наук

В.Л.Егоров,

кандидат исторических наук

Ю.А.Зеленеев

Москва
2002

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета ГИМ

Научный редактор
кандидат исторических наук
М.Д.Полубяринова

Поволжье и сопредельные территории в средние века // Труды ГИМ. М., 2002. Вып. 135. 200 с., с ил.

Сборник составляют статьи, посвященные археологическим и историческим исследованиям средневекового Поволжья и связанных с ним территорий. Тематика каждого из публикуемых исследований в той или иной степени отражает многогранные интересы видного российского ученого, профессора кафедры археологии Исторического факультета МГУ Г.А.Федорова-Давыдова.

Издание представляет интерес для научных сотрудников, студентов и краеведов.

Неполные 70 лет, прожитые ученым, сделали его полноправным гражданином давно канувшей в Лету державы — Золотой Орды. И хотя это государство исчезло в XV в., Герман Алексеевич в полной мере возродил его историю, культуру, искусство и быт, показал мощь и слабость улуса первого сына Чингисхана Джучи.

Работы Г.А.Федорова-Давыдова на редкость объективны. В них нет оправдания или намеренного унижения создателей огромной Монгольской империи. Они не содержат квазипатриотических восхвалений борцов против «клятого ига». Ученый искал истину лопатой археолога и пером историка. Он блестяще соединил письменные источники с вещественными, буквально вырывая у прошлого крупницы знаний о быте огромной массы кочевников и их повелителей — степных аристократов.

Присущая ученому скрупулезность исследований, отнюдь не предполагая мелочности, позволяла выявлять глубинные процессы и их динамичное развитие на протяжении всего периода существования государства кочевников. Это можно увидеть не только в нумизматических работах Германа Алексеевича, где не остается без внимания ни один завиток арабской графики, но и в исследованиях о городах и общественном строе Золотой Орды, рисующих трудно воспринимаемый тесный союз кочевого и оседлого образа жизни. Кочевниковедение является одной из традиционных тем российской науки, и его развитие в XX в. во многом обязано трудам Г.А.Федорова-Давыдова.

Как это нередко случается в жизни, ученый больше дал российской науке, нежели получил от нее признания и наград. Но заслужив даже мировую известность, он ценил ее не выше авторитета в студенческой среде. Его объяснения, интерпретации и догадки на раскопе превращались в поэтические лекции. Он был неутомимым полевым археологом и одновременно трудолюбивым кабинетным ученым неиссякаемой работоспособности. Его чувство долга в науке и жизни было абсолютным, и никакие обстоятельства не могли воспрепятствовать достижению намеченной цели.

Герман Алексеевич был носителем врожденной, истинно русской интеллигентности. Он презирал привилегии и никогда не имел их, а оказываемые ему почет и уважение основывались на энциклопедических знаниях ученого. Воспитанный Московским университетом интерес к мировой культуре в самых широких проявлениях можно проследить в его трудах от античности до западноевропейского средневековья и математических методов в археологии. Но золотоордынская тематика во всех ее ипостасях стала основным научным стержнем трудов ученого. И нет никакого сомнения, что привитое им своим ученикам истинное уважение к истории кочевников и их соседей позволит продолжить начатое учителем.

В.Л.Егоров

ПАМЯТИ ГЕРМАНА АЛЕКСЕЕВИЧА ФЕДОРОВА-ДАВЫДОВА

Российская историческая наука понесла невосполнимую утрату. 23 апреля 2000 г. после тяжелой изнурительной болезни ушел из жизни профессор Герман Алексеевич Федоров-Давыдов — наш старший товарищ, выдающийся ученый, талантливый теоретик и замечательный популяризатор отечественной исторической науки, блестящий полевой археолог, широко эрудированный историк, нумизмат. Учитель, которому многим обязаны и авторы этой статьи.

Жизнь Германа Алексеевича без малейшей натяжки можно считать образцом бескорыстного и целеустремленного служения науке. Среди историков и археологов, посвятивших себя изучению Золотой Орды, он, несомненно, был и навсегда останется наиболее значительной величиной. И дело здесь не только в том, что именно он взял на себя нелегкое бремя организации одной из крупнейших экспедиций по изучению нижневолжских городов Золотой Орды. Несомненно, что очень многое зависело и от чисто человеческих особенностей Германа Алексеевича, притягивавшего к себе людей не только благодаря своим деловым качествам и научному авторитету, но и уникальным чертам характера истинно русского интеллигента.

Его дед — Александр Александрович — был популярным детским писателем и просветителем, издателем первых детских журналов в России. Отец — Алексей Александрович, тонкий знаток русского искусства — заведовал кафедрой искусствоведения на истфаке МГУ, мать — Ирина Николаевна — художник.

Герман Алексеевич родился в Москве 17 июля 1931 г. Ему было десять лет, когда началась Великая Отечественная война. В самые трудные военные времена он остается в Москве с матерью, в квартире, где они проживали с бабушкой и бабушкой. От этих дней у него навсегда сохранились в памяти «зажигалки», холод, чувство голода. Недалеко от их дома в центре Москвы упала бомба, были повреждены коммуникации, и вся семья вынуждена была жить в одной комнате: буржуйка не могла обогреть всю квартиру. С тех пор Герман Алексеевич страдал болезнями сердца и суставов.

В 1949 г. он окончил среднюю школу № 59 и поступил на исторический факультет Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова. Естественно, что наследственные гуманитарные тра-

диции повлияли на выбор дальнейшего пути будущего ученого. Хотя при четком, чисто математическом складе ума он впоследствии не раз сожалел, что не поступил на мехмат. Впрочем, математические способности Герман Алексеевич все-таки реализовал в своих археолого-статистических разработках.

Его археологическая карьера началась в Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР, в составе которой он, студент-практикант, работал в течение нескольких лет. Именно Хорезмская экспедиция, которую в то время возглавлял С.П.Толстов, многое определила в его дальнейшей полевой деятельности. Это и безграничная любовь к раскопкам, и методические приемы исследования сырцовых сооружений, и осознание необходимости проведения достаточно масштабных полевых исследований для получения надежных результатов в процессе исторической реконструкции, и неугасающий интерес к среднеазиатским древностям, в которых он свободно ориентировался, пренеся его через всю свою жизнь. Он навсегда сохранил самые теплые воспоминания о полевых сезонах, проведенных в романтическом, но суровом Хорезме. Дипломная работа молодого специалиста была построена именно на хорезмийских материалах. Результаты этого периода деятельности вылились в первую серьезную и солидную публикацию, посвященную раскопкам на городище Таш-кала в Куня-Ургенче (Федоров-Давыдов, 1958).

Эта статья подвела и определенный итог раннему периоду деятельности ученого, поскольку его дальнейшая судьба сделала крутой поворот, навсегда связав с Поволжьем и изучением Золотой Орды. Принятию такого решения во многом способствовал прекрасный полевик и скрупулезный методист археологических исследований Алексей Петрович Смирнов.

Окончив университет в 1954 г., Федоров-Давыдов получил диплом по специальности «Историк с правом преподавания в школе» и тогда же поступил в очную аспирантуру МГУ. В автобиографии Герман Алексеевич писал: «Учителем своим считаю профессора Алексея Петровича Смирнова, который указал мне многие темы моей научной работы и помог начать самостоятельную научную деятельность».

Детское увлечение монетами не переросло в коллекционирование, как это часто бывает. Но нумизма-

тика стала одним из основных занятий в его жизни. Нет случайности и в том, что его первая научно-популярная книга «Монеты рассказывают» была посвящена именно нумизматике и выдержала несколько изданий у нас в стране и за рубежом (Федоров-Давыдов, 1963 а; 1966 а; 1981 а; 1986 а; 1986 б; 1990 а, б).

В соответствии с нумизматическими интересами им была избрана и тема кандидатской диссертации — о джучидских монетах. Трудоемкость ее измерялась не только фантастическим количеством джучидского чекана, но и чисто графическими трудностями многочисленных типов монетных эмиссий, накопленных к этому времени в музеях страны. Основу работы составило изучение около 400 кладов, насчитывающих тысячи монет. Естественно, что автор не ограничился простым составлением сводки всех известных находок. Были выяснены, а в необходимых случаях уточнены, даты и время накопления кладов; аргументированно установлены периоды развития денежного обращения в Золотой Орде; обоснованы особенности состава обращения монет в различные периоды истории государства; очерчены его экономико-географические зоны; составлен перечень 31 города, чеканившего джучидские монеты.

В 1957 г. Г.А.Федоров-Давыдов защищает кандидатскую диссертацию на тему «Клады золотоордынских монет», на основе которой была опубликована специальная статья (Федоров-Давыдов, 1960). Продолжением исследования кладов стала работа об отдельных находках джучидских монет (Федоров-Давыдов, 1963 б).

Очень органично в русле золотоордынской нумизматики выглядят монографии о монетах Московской Руси (Федоров-Давыдов, 1981 б) и Нижегородского княжества (Федоров-Давыдов, 1989). Обе книги являются как бы естественным продолжением и расширением изысканий по золотоордынской нумизматике, показывая начальный период возобновления русского чекана после длительного перерыва. Затрагивая вопрос о соотношении русского и джучидского монетных типов, автор раскрывает на своеобразном материале один из аспектов освобождения Руси от монгольского ига.

С 1959 г. под руководством Германа Алексеевича начинается археологическое исследование нижневолжских золотоордынских городищ — Царевского, Селитренного и Водянского. С этой целью чуть ранее (1957 г.) была создана Поволжская экспедиция, а в ее составе — Ахтубинский отряд под руководством Г.А.Федорова-Давыдова. Раскопки предваряла программная статья, наметившая и обосновавшая стратегические перспективы изучения памятников и предполагаемую на этой основе тематику конкретных исследований истории и культуры Золотой Орды (Смирнов, Федоров-Давыдов, 1959).

С сентября 1956 г. до февраля 1960 г. Герман Алексеевич проработал в Институте археологии на долж-

ности младшего научного сотрудника, в 1958—1960 гг. был ответственным секретарем редакции журнала «Советская археология», а затем по приглашению А.В.Арциховского перешел на работу в Государственный университет на кафедру археологии исторического факультета. Здесь, будучи сначала ассистентом, затем старшим научным сотрудником и доцентом, он подготовил и защитил в 1966 г. докторскую диссертацию «Кочевники Восточной Европы в X—XIV веках» (первый отклик, акцентирующий внимание на значении этой работы для развития отечественной археологии см.: Булатов, 1967).

С 1969 г. Герман Алексеевич — профессор Московского университета. Он читал на историческом факультете курсы общей археологии, историографии археологии; спецкурсы общей археологии, историографии археологии; спецкурсы по археологии Поволжья, Средней Азии, мусульманских стран, применению математико-статистических методов в археологии. Около тридцати учеников под его руководством защитили кандидатские диссертации, трое стали докторами наук.

Самостоятельная полевая работа Германа Алексеевича началась с археологических раскопок Тигашевского городища в экспедиции А.П.Смирнова. Как и его учитель, он не гнушался никакой работы в экспедициях, которыми руководил, особенно в наиболее сложные годы их становления. С момента начала полевых работ Поволжской экспедиции (1959 г.) на Царевском городище он уже полностью отвечал за все вопросы, связанные с их проведением. Перед этим, в 1959 г. они вместе с А.П.Смирновым осуществили рекогносцировочную поездку по крупнейшим нижневолжским городищам Золотой Орды. Ахтубинский отряд (затем экспедиция) Поволжской экспедиции Института археологии АН СССР и МГУ (так называлось тогда это подразделение) начал первые раскопки на Царевском городище (Новый Сарай, исторический Сарай-ал-Джедид) в 1959 г. Тогда же были начаты съемки инструментального плана, законченные в следующем сезоне. В результате были во многом уточнены планы городища, составленные еще в середине XIX в. Масштабные работы на городище с незначительными перерывами продолжались до 1973 г. (Гусева, 1975).

Согласно программе, выдвинутой ранее, уже в 1965 г. были проведены первые разведки, а с 1966 г. начаты стационарные исследования крупнейшего золотоордынского города в низовьях Волги — городища у с. Селитренного в Астраханской области (Старый Сарай, или Сарай-ал-Махруса — по арабским источникам), которые также с небольшими перерывами продолжались под его руководством до 1990 г.

С 1967 по 1974 гг. масштабным раскопкам подверглось и Водянское городище (город Бельджамен) в Волгоградской области (Егоров, Полубояринова, 1974).

Жизнь и быт огромной экспедиции, навыки, полученные при этом всеми сотрудниками, в том числе и самим Германом Алексеевичем, сыграли огромную роль в становлении и развитии коллектива Поволжской экспедиции, научной школы единомышленников. Для всех при этом важны были абсолютная порядочность Германа Алексеевича в делах и с людьми, доброе и исключительно благожелательное отношение к ученикам и сотрудникам, которое, однако, сочеталось с требовательностью, порой даже бескомпромиссностью, когда дело касалось отстаивания интересов науки при проведении исследований. Также беспощадно относился Герман Алексеевич и к самому себе. Будучи хронически тяжело больным человеком, он не только участвовал в полевых работах, спал, как и остальные, в палатке на земле, был неприхотлив и нетребователен к еде, несмотря на необходимость соблюдения строгой диеты. Часто сам брался за лопату при выяснении особенно сложных ситуаций на раскопках.

С 1959 по 1990 гг. в раскопках Поволжской экспедиции принимали участие студенты практически всех городов Поволжья от Астрахани до Нижнего Новгорода и Москвы. В результате общая площадь раскопанной территории трех крупнейших золотоордынских памятников составила несколько гектаров. Были вскрыты целые улицы и кварталы жилых и производственных построек. Исследованы дворцы и усадьбы, хозяйственные постройки, бани, мавзолеи, мечети, землянки, горны различного назначения, керамические мастерские, оборонительные сооружения, водопроводы, бассейны, дренажные каналы и многочисленные захоронения. В частности, на Водянском городище был обнаружен целый квартал, где проживали русские пленники, и места их захоронений (Полубояринова, 1978). Была разработана подробная стратиграфия памятников и уточнено время возникновения и гибели золотоордынских городов, их исторической географии (Егоров, 1985).

Результаты раскопок Поволжской археологической экспедиции были в значительной своей части опубликованы в четырех томах ее трудов (Поволжье..., 1970; Города Поволжья..., 1974; Средневековые памятники, 1976; Сокровища, 1989) благодаря личному участию и энергии Германа Алексеевича. Кроме того, материалы этих исследований обобщены в монографии Г.А. Федорова-Давыдова, где рассмотрены различные аспекты золотоордынской градостроительной культуры и ремесленного производства (Федоров-Давыдов, 1994), а также в его книгах, опубликованных за рубежом.

Будучи профессором кафедры археологии, Герман Алексеевич постоянно предлагал студентам-дипломникам и аспирантам исследовательскую тематику, основанную на материалах раскопок городов Золотой Орды. Диссертационные исследования были подготовлены по керамическому и стекольному про-

изводству, архитектурному декору, нумизматике, погребальному обряду и антропологии, строительству и планировке городов. В разные годы активное участие в работах Поволжской экспедиции принимали археологи, составлявшие основной костяк археологических отрядов, многие из которых впоследствии защитили диссертации под его руководством. Среди них Н.М. Булатов, Н.Н. Бусятская, И.С. Вайнер, В.И. Вихляев, Т.В. Гусева, В.Л. Егоров, Ю.А. Зеленев, Э.Д. Зиливинская, К.И. Корепанов, М.Г. Крамаровский, Н.В. Малиновская, А.Г. Мухаммадиев, Л.М. Носкова, М.Д. Полубояринова, Л.Т. Яблонский. В течение многих лет заместителем начальника Поволжской экспедиции являлся В.В. Дворниченко. В настоящее время ученики и последователи Германа Алексеевича работают во многих университетах, музеях и крупнейших научных центрах Поволжья, Урала, Средней Азии, Северного Кавказа и Закавказья, Москвы и Петербурга. Можно со всей определенностью сказать, что научная школа профессора Федорова-Давыдова является одной из ведущих в российской исторической науке.

Одновременно с началом раскопок нижеволжских городов Герман Алексеевич приступает к монографическому исследованию темы «Кочевники Восточной Европы в X–XIV вв.». Осенью 1966 г. эта работа была защищена в качестве докторской диссертации и издана двумя книгами (Федоров-Давыдов, 1966 б; Федоров-Давыдов, 1973). Хронологически они охватили 500-летний период истории прикаспийских и причерноморских степей, удачно соединив чисто археологический материал с общеоисторическими обобщениями и углубленным рассмотрением конкретных сторон материальной культуры и социального устройства кочевого общества в домонгольский период и в эпоху после возникновения Золотой Орды. Исследователь разработал четкую и стройную типологию кочевнической материальной культуры – конской сбруи, оружия, украшений, каменных изваяний и т.д. Здесь же рассматривается соотношение кочевого и оседлого элементов в жизни степей, а также воздействие монгольского завоевания на аборигенное половецкое население.

Федоров-Давыдов рассматривает не только перемены в степях после утверждения здесь Золотой Орды, но и общественный строй нового государства, перенесенный из Центральной Азии в Европу. Особое внимание уделяется детальному освещению улусной системы Золотой Орды, ее иерархии и отношениям ханской власти с кочевой аристократией. Конкретные археологические исследования позволили автору обосновать факт сращения части кочевой монгольской аристократии с верхушкой оседлого городского населения, выявить роль рабского труда в городах и затронуть проблему организации ремесленного производства. Динамика развития золотоордынского общества прослеживается им на измене-

нии внутреннего содержания социальных терминов, что связывается с развитием феодальных отношений в государстве. При этом подчеркивается, что основой общественного строя Золотой Орды остаются традиции кочевого феодализма, что косвенно подтверждается архаизмом социальной терминологии в этом государстве даже на заключительной стадии его существования. Особо нужно обратить внимание на то, что многие построения, нашедшие отражение в работах Г.А. Федорова-Давыдова, в дальнейшем могут способствовать решению целого ряда проблем, далеко выходящих за рамки собственно золотоордынской тематики. В частности, это касается более деликатного изучения системы властвования монголов на Руси и выявления причин, вызвавших изменения этой системы.

Таким образом, благодаря энтузиазму и энергичности Г.А. Федорова-Давыдова, практически заново была создана археология золотоордынского города, до этого почти не разработанная.

Герман Алексеевич никогда не чурался и более мелких, но не менее важных для правильного понимания нюансов истории Золотой Орды проблем. В качестве примера можно привести вопрос о соотношении названий «Ак-Орда» и «Кок-Орда» и их географической локализации (Федоров-Давыдов, 1968).

После 1972 г. А.П. Смирнов полностью передал руководство Поволжской экспедицией в руки своего ученика. Алексей Петрович был уверен в том, что надежность и принципиальность в ведении научных и организационных дел были при этом гарантированы.

С этого же года наряду с основными научными задачами по изучению городов Золотой Орды, поставленными ранее, перед экспедицией возникла необходимость приступить к столь же крупным новостроечным работам в зонах создания оросительных сооружений. Ей было поручено исследование курганов различных эпох на территории будущей Калмыцко-Астраханской системы в пределах Чернырского района Астраханской области.

Начался новый этап в научной, и не только в научной, жизни Г.А. Федорова-Давыдова и его детища — Поволжской экспедиции. Ко многому приходилось приступать как бы сначала. Опять поездки на машинах из Москвы, организация строительства лагерей в условиях полупустыни, съемки планов курганных групп и погребений, многомесячное пребывание в поле и, самое главное, создание еще одного коллектива — нового отряда экспедиции. А еще встречи лицом к лицу и разговоры с ватагами пьяных «условников» — строителей, въезжавших в лагерь экспедиции на огромных скреперах в поисках развлечений. Или мог прийти к нам и сказать: «Я вас очень прошу, пожалуйста, проиграйте сегодня нашему шоферу в преферанс, а то у него плохое настроение. Я тоже постараюсь проиграть». Кроме того, всему коллективу экспедиции во главе с ее на-

чальником приходилось учиться копать незнакомые до этого памятники — разновременные курганы с исключительно сложной стратиграфией.

Многим ученикам Германа Алексеевича и сотрудникам Института, рядовым участникам экспедиции памятливы общие радости открытий и трудности быта в бескрайней и безводной степи. За десять полевых сезонов на протяжении 60 км вдоль сухого русла балки «Кривая Лука» было раскопано около трех с половиной сотен курганов. К работе, которая носила комплексный характер, были привлечены антропологи, остеологи, почвоведы. В результате во многом стала яснее и картина освоения кочевниками сухих степей Северного Прикаспия на протяжении длительного времени, и динамика функционирования русел, подобных «Кривой Луке» (Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов, 1977. С.15, 16). Более отчетливо стала видна разница в развитии древних культур на территории Калмыкии и низовий Волги в эпоху средней бронзы. Была открыта группа погребений предскифского времени, неизвестных ранее в этих районах. Памятники савроматской культуры подтвердили факт ее появления на правом берегу Волги не позднее конца VI в. до н.э. Чрезвычайно интересны образцы звериного стиля того времени, позволяющие с большей уверенностью утверждать, что его формирование на Нижней Волге находилось под воздействием как восточных, так и западных соседей. Не менее значимыми оказались материалы из сарматских погребений различных периодов существования, хазарских, впервые исследованных в этом районе, и, конечно, позднесредневековых, среди которых находились и подкурганные сооружения из сырцового и обожженного кирпича. Часть материалов опубликована Германом Алексеевичем (Федоров-Давыдов, 1980 а; 1984. С.80—94), часть — в соавторстве с другими сотрудниками экспедиции, в том числе и в двух сборниках трудов Поволжской экспедиции (Дворниченко и др., 1977, С. 3—77, 85—194; Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1989. С.14—132).

Публикация Г.А. Федоровым-Давыдовым хазарских погребений из курганных групп «Кривой Луки» позволила в определенной степени заполнить лакуны в знаниях об археологии хазарского времени Нижневолжского региона. Постепенно накапливаются материалы об этой эпохе, оставившей мало памятников на данной территории. Работы Поволжской экспедиции показали, что археологические изыскания Л.Н. Гумилева по этой эпохе не имеют научного значения и являются ошибочными. К таким «открытиям» относится и утверждение о существовании Итиля напротив Селитренного городища. Поэтому-то так важен каждый достоверный, вновь выявленный памятник хазарского времени в этом районе. В настоящее время ни одна заслуживающая внимания работа, посвященная погребальному обряду и материальной культуре кочевников Нижней Волги от эпохи бронзы до позднего средне-

вековья, не обходит стороной памятники «Кривой Луки».

С 1982 г. Г.А.Федоров-Давыдов формально оставил должность начальника Поволжской экспедиции Института археологии, сохранив за собой руководство Поволжской экспедицией МГУ. Ему все труднее давались поездки в поле на длительные сроки, но чувство ответственности за одно из главных дел жизни сохранялось до конца. Так, до последних дней жизни он мучительно переживал все перипетии, связанные с Селитренным городищем.

Один из ярких эпизодов в жизни Германа Алексеевича был отмечен открытием могильника у с. Косика. Летом 1984 г. дирекция Астраханского музея-заповедника обратилась в Институт археологии АН СССР за помощью в организации проведения археологического исследования богатейшего сарматского погребения I в. н.э., случайно открытого при строительстве у с. Косика Астраханской области. Поволжская экспедиция сразу приступила к изучению памятника. Герман Алексеевич вместе с В.В.Дворниченко прибыл на место. Были определены задачи и первоначальный объем необходимых работ, которые в дальнейшем проводились при постоянных научных консультациях обоих исследователей. В результате было не только исследовано погребальное сооружение, частично сохранившееся после разрушения, но и пополнен состав комплекса, а раскопки на большой площади вокруг привели к открытию первого могильника на буграх Бэра, в дальнейшем полностью раскопанного. Погребение, в котором оказались прекрасные образцы художественных изделий разного времени, собранные в комплекс как в сокровищницу, вызвало огромный интерес со стороны широкой научной общественности. Раскопки посетил академик А.П.Александров, в то время президент Академии наук СССР. Он предложил сделать доклад об этом открытии и научных достижениях Поволжской экспедиции в целом за все предшествующие годы на заседании Президиума Академии. Доклад состоялся в октябре 1984 г. и был опубликован (*Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1985 а. С.62–72*). Оперативная информация была дана в журнале «Наука и жизнь» (*Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1985 б. С.33–38*) и «Археологических открытиях» за 1984 г. По предложению Президента Академии был издан сборник трудов экспедиции, где также дана краткая информация о выдающемся памятнике сарматской археологии (*Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1989. С.5–13*). Полностью материалы комплекса были опубликованы в «Вестнике древней истории» (*Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993. С.141–179*). Интерес к нему был вызван еще и тем, что после реставрации на одном из серебряных сосудов была обнаружена греческая надпись с упоминанием имени армянского царя Артавазда и сарматского имени Амписалак. Кроме того, здесь было получено самое раннее свидетельство появления гуннского

влияния на развитие вооружения кочевников западного ареала евразийских степей, так как на двух сосудах находились изображения стрел гуннского типа. Публикация послужила основой интереснейшей дискуссии, впоследствии развернувшейся на страницах журнала, об исторических судьбах различных сарматских племен на рубеже и в первые века нашей эры, о развитии у них художественного ремесла.

Богатейшие памятники типа Косики, появившиеся в степях Восточной Европы в I в. н.э., отличаются высоким социальным статусом погребенных и подтверждают возникновение многих новых элементов в культуре сарматов под влиянием нового импульса с востока и взаимосвязаны со всем кругом изменений в сарматской среде от Средней Азии до Причерноморья. Находки из Косики заняли достойное место в экспозиции Золотой кладовой Астраханского музея, а жители Москвы и Швеции смогли познакомиться с ними на выставках в Музее декоративного-прикладного искусства (1991 г.) и в музее города Эребру (1990 г.).

Обладая энциклопедическим образованием, в процессе исторической реконструкции Герман Алексеевич огромное значение придавал данным смежных исторических дисциплин и, в частности, палеоантропологии. По его настоянию в период интенсивных раскопок разновременных курганов на территории Волгоградской и Астраханской областей тщательно собирались палеоантропологические материалы. Именно эти сборы обеспечили фактологическую базу для фундаментальных историко-антропологических исследований древних популяций, населявших Нижнее Поволжье на протяжении огромного исторического периода — от эпохи ранней бронзы до развитого средневековья. На этих материалах антропологами были защищены диссертации и выполнены комплексные исследования, которые имеют огромное значение для понимания расо- и этногенетических процессов, происходивших в древности на территории степи, и которые легли в основу формирования ряда современных народов и народностей Волго-Уральского региона (см., например: *Шевченко, 1980; Балабанова, 1998*).

В этом контексте особое значение имеют комплексные археолого-палеоантропологические исследования, проводившиеся на мусульманских городских некрополях Золотой Орды. В ходе работ Поволжской археологической экспедиции, руководимой Г.А.Федоровым-Давыдовым, на Водянском городище было исследовано свыше 100, а на Селитренном — свыше 300 мусульманских захоронений. Палеоантропологические материалы из этих могильников (краниологические и остеологические) представляют самостоятельную ценность в антропологии, поскольку и поныне они остаются наиболее многочисленными выборками, характеризующими морфологические особенности заведомо

метисированной популяции. Но этим их значение для науки далеко не ограничивается.

В условиях закономерного для мусульманского погребального обряда отсутствия вещевого инвентаря и исключительной гетерогенности городского населения исследование культурно-генетических процессов, протекавших в золотоордынском городе, стало возможным именно благодаря многочисленности археологических материалов и палеоантропологических выборок, которые дали возможность использовать разнообразные статистические методы как для выявления типов погребального обряда, так и для коннексии данных археологии и антропологии (Яблонский, 1980; Герасимова и др., 1987).

В результате были получены сведения, касающиеся взаимосвязи между социальными и этническими факторами в жизни горожан как в столице Золотой Орды, так и в провинции. При этом казалось, что этногенетические процессы в столичном центре и на периферии золотоордынского государства протекали неодинаково и имели собственную специфику — на периферии завоеватели-монголы дольше сохраняли черты традиционной погребальной обрядности и исходного антропологического типа.

Суммарная краниологическая серия из некрополей нижневолжских городов отличается от синхронных болгарских, хорезмийских и кавказских повышением удельного веса монголоидной примеси. Однако все материалы свидетельствуют о том, что монгольское нашествие нельзя рассматривать как массовое переселение в европейские степи с Востока. Вместе с тем, палеоантропологические данные несколько не противоречат выводу Г.А. Федоров-Давыдова о том, что монгольское нашествие вызвало многочисленные миграции различных племен и народностей, которые оказались втянутыми в водоворот событий, связанных с монгольским нашествием на территории Южной Сибири, Средней Азии, Предкавказья, Приуралья и Поволжья. Многие из этих народностей, преимущественно тюркского происхождения, позже стали известны под именем монголов (Федоров-Давыдов, 1990 в. С.75, 76).

Накануне распада Золотой Орды на фоне продолжающейся исламизации населения в столице этого государства шли бурные процессы антропологического смешения и культурного взаимопроникновения, которые приводили, в частности, к срастанию монгольской кочевой аристократии и местной иноэтнической знати, к формированию специфической и самобытной культуры, развитие которой было прервано лишь в результате мощных военно-политических потрясений.

В целом выводы, полученные при изучении городских некрополей, подтверждают исторические концепции, сформулированные Г.А. Федоровым-Давыдовым на других материалах. Задолго до появ-

ления обобщающего палеоантропологического исследования населения Золотой Орды он писал о том, что именно в золотоордынскую эпоху зарождается процесс, уничтоживший старые этнические границы между группами домонгольского населения и собственно монголами. В результате этого процесса «происходит трансформация домонгольских племен в “татар” на Западе и “узбеков”, “казахов” и “ногайцев” на Востоке» (Федоров-Давыдов, 1973. С.173).

Одной из главных тем, которыми занимался Герман Алексеевич в последние годы жизни, стала тема взаимоотношений цивилизаций Востока и Запада в связи с историей так называемого Великого шелкового пути. Эта крупная историческая проблема была связана для него с философским пониманием некоторых аспектов исторического процесса в Евразии, в частности, роли цивилизаций Запада и Востока в истории народов России, в судьбах населения промежуточной зоны евразийского пояса степей. Огромная работа не была закончена, но некоторые взгляды автора легли в основу научно-популярной книги «Великий шелковый путь и города Золотой Орды», которая вышла в США в 2001 г. Еще одна большая работа — «Золотоордынские города Поволжья. Вып. второй. Керамика, торговля, быт» (ч. 2) — вышла также в 2001 г. Готовится к печати книга «Денежное дело Золотой Орды». Над этими книгами автор работал в последние годы жизни.

Естественным продолжением исследований материальной культуры населения степей стали работы, посвященные искусству кочевников (Федоров-Давыдов, 1975 б; 1976). Автор выстроил хронологический ряд от скифского звериного стиля до Золотой Орды включительно, показывая тем самым конкретные традиции преемственности степного искусства и наглядно демонстрируя направление происходящих перемен. Тонкий искусствоведческий анализ, предпринятый в этих работах, не оставляет сомнений в том, что Герман Алексеевич хорошо разбирался в проблемах теории искусствоведения и прикладного искусства кочевников, которое всегда имело знаковую, символическую семантику.

И все-таки степные просторы порой были тесны для ученого, и он, в том числе, занимался рассмотрением вопросов, даже отдаленно не связанных с собственно степной тематикой. Таковы его исследования об искусстве германских и английских племен раннего средневековья (Федоров-Давыдов, 1988); популярная книга «На окраинах античного мира» (Федоров-Давыдов, 1975 б), статьи по истории Москвы (см., например: Федоров-Давыдов, 1980 б), разработки по монетам нового времени (Федоров-Давыдов, 1987 а).

Огромное значение для развития отечественной археологии имели теоретические разработки Г.А. Федорова-Давыдова, проиллюстрированные методами

вероятностной статистики. Еще в 50-е годы XX столетия такие базисные для археологии понятия, как археологический тип, археологический комплекс, археологическая типологизация базировались только на эмпирических, интуиционно-логических представлениях исследователей. Это обстоятельство затрудняло создание объективных и, главное, сопоставимых между собой типологических рядов и классификаций, хронологических колонок. Герман Алексеевич, с его необычайно широким кругозором и особым, математическим складом ума, стал одним из первых ученых-историков, которые решительно преодолели барьер между гуманитарной, по сути, археологией и точными науками (Федоров-Давыдов, 1965; 1970 а). Он предложил рассматривать каждый археологический объект, будь то какой-либо предмет, признак погребального обряда или археологический комплекс, с точки зрения вероятностной взаимосвязи отдельных признаков, составляющих тот или иной объект. Теперь, в эпоху компьютеров, такой путь кажется тривиальным. Но в то время многие из нас с трудом расставались с представлением о сугубо эмпирическом подходе к выявлению археологического типа. Г.А.Федоров-Давыдов (1970 б) теоретически доказал, что археологический тип в период своего существования проходит три основные стадии — стадию формирования, когда представление об объекте уже существует, но оно еще не воплощено в часто встречающихся реалиях материальной культуры; стадию массового бытования, когда объект получает широкое распространение, представляя устойчивый тип, и стадию угасания, когда устойчивые связи между признаками нарушаются и приобретают дисперсное распределение. Тогда оказывается, что существование типа на первой и третьей стадии может быть выявлено только с помощью методов вероятностной статистики (Федоров-Давыдов, 1981 в; 1987 б).

Эти теоретические разработки позже нашли широкое воплощение в практике археологического исследования. Но пионерской в этом отношении является книга Г.А.Федорова-Давыдова «Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов» (1966 б), выполненная на основе его докторской диссертации. Монография, посвященная, казалось бы, относительно специальной археологической проблеме, стала яркой вехой на пути оформления археологической статистики как неотъемлемого методического направления нашей науки. На многие десятилетия вперед эта книга определила те методические и общетеоретические подходы, которые впоследствии стали нормативными для отечественной археологии (см., например: Каменецкий и др., 1975; Шапова Ю.Л., 1988; Каменецкий, 1999; обзор материалов: Клейн, 1991; Ковалевская, 1995). Определенным итогом этого направления работ ученого стал учебник «Статистические методы в ар-

хеологии» (Федоров-Давыдов, 1987 б), который надолго останется главным руководством по археологической статистике для многих поколений молодых специалистов.

Научное наследие, оставленное Германом Алексеевичем, представляют 26 монографий (вместе с переизданиями), которые издавались как у нас в стране, так и за рубежом — в Польше, Германии, Венгрии, Англии, Бельгии, США. Еще одна книга находится в печати. Уверены, что они, как и те, что были изданы при его жизни, войдут в золотой фонд российской науки. Количество статей, написанных им, — свыше 200; мы знаем, что он работал над ними постоянно, даже находясь в экспедиции. Среди них нет работ проходящих и легковесных.

Научные заслуги Г.А.Федорова-Давыдова, с нашей точки зрения, как это часто бывает в России, не были вполне оценены на Родине при жизни. Будучи яркой звездой отечественной и мировой науки, он формально так и не вошел в академическую элиту, не занимал высоких административных постов, хотя его авторитет в научных кругах был огромен. Возможно, это произошло и потому, что Герман Алексеевич никогда не подчинялся конъюнктурным обстоятельствам, был независим от них, насколько это было возможно в условиях советской действительности. Здесь следует напомнить, что в этой действительности золотоордынская тематика связывалась сначала только с «татарским нашествием» и «татаро-монгольским игом», а после событий 1969 г. на Даманском полуострове — с имперскими притязаниями еще недавно дружественного Китая. Авторы этой статьи еще помнят времена, при которых нельзя было упоминать в печати о китайских элементах в материальной культуре средневековых народов Поволжья. В учебниках археологии, издававшихся и переиздававшихся в 60-е — 80-е годы XX столетия, разделы, касающиеся золотоордынской археологии, отсутствовали. Лишь в 1989 г. Даниил Антонович Авдусин сумел, наконец, впервые опубликовать краткие сведения о достижениях отечественной археологии в этой области, да и то лишь в связи с болгарской тематикой (Авдусин, 1989). А вот в учебнике археологии А.И.Мартынова (1996) имеется раздел о «погибших городах Руси» золотоордынской эпохи, и опять — ни слова о богатой культуре золотоордынских городов, история которых составляет неотъемлемую часть не только этнической истории многих современных народов Поволжья, но и средневековой Руси.

А.П.Смирнов и его ученик и последователь Г.А.Федоров-Давыдов понимали и, как и многие другие русские и советские историки, хорошо осознавали историческую роль Золотой Орды в развитии общеевропейской цивилизации, но только Герман Алексеевич, вопреки всему, нашел в себе мужество связать свою научную биографию с этой «гиблой», с точки зрения советского исторического официоза, тематикой.

Высшим признанием для него стала награда Московского университета — Ломоносовская премия 1998 г. С 1983 г. он являлся членом-корреспондентом Германского археологического общества, с 1993 г. — действительным членом Российской Академии естественных наук. Членом партии не был и попасть в нее не стремился. За границей был много раз и посетил различные страны Европы, Ближнего Востока, Северной Африки и Монголию, но лишь трижды находился там в научных командировках (Тунис, 1966 г.; Монголия, 1969 г.; Республика Корея, 1992 г.).

К числу общественных работ, которыми он занимался, относятся его членство в Президиуме ВООПИК, членство в специализированных Советах по защита диссертаций при истфаке МГУ и Институте археологии АН СССР, председательство в специализированном Ученом совете по защита докторских диссертаций по археологии и этнографии в МГУ, пост зам. председателя Российского

общества «Древности». Много лет он проработал экспертом и членом экспертной комиссии ВАК, председателем экспертного совета Российского Гуманитарного Научного Фонда.

С уходом Германа Алексеевича Федорова-Давыдова навсегда закрылась одна из наиболее ярких и своеобразных страниц в летописи российской археологии. Ушел ученый-энциклопедист, составивший славу отечественной исторической науки. Ушел Человек с непростым характером, но с благородным сердцем и открытой душой. Ушел Учитель, чьи вдохновенные идеи на многие годы вперед определили научную биографию тех, кто теперь сами стали учителями, начальниками археологических экспедиций и отрядов, руководителями научных подразделений. В каждом из них горит огонек, который еще смолodu сумел зажечь в их сердцах Герман Алексеевич. И пока этот огонек не погас, Учитель остается с нами.

Литература

- Авдусин Д.А., 1989. Основы археологии. М.
- Балабанова М.А., 1998. Антропологический состав и происхождение ранних кочевников Южного Приуралья и Нижнего Поволжья VI в. до н.э. — 1-й половины II в. н.э.: Автореф. дисс. канд. ист. наук. М.
- Булатов Н.М., 1967. Защита докт. дисс. Г.А. Федорова-Давыдова на тему «Кочевники Восточной Европы в X—XIV вв.» // Вестник Московского университета. Сер. «История». № 4.
- Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т., 1987. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М.
- Города Поволжья в средние века, 1974. М.
- Гусева Т.В., 1975. История изучения Нового Сарая // Вестник Московского университета. Сер. «История». № 6.
- Дворниченко В.В., Малиновская Н.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1977. Раскопки курганов в урочище «Кривая Лука» в 1973 г. // Древности Астраханского края. М.
- Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1977. Некоторые археологические данные о времени обводнения протоков дельты Волги в историческое время // Колебания увлажняемости Арало-Каспийского региона в голоцене: Тезисы докладов. М.
- Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1985 а. Работы Поволжской археологической экспедиции на Нижней Волге и новые открытия 1984 г. // Вестник АН СССР. № 4.
- Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1985 б. Сокровища сарматского царя // Наука и жизнь. № 3.
- Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1989. Памятники сарматской аристократии в Нижнем Поволжье // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М.
- Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1993. Сарматское погребение скептуха I в. н.э. у с. Косика Астраханской обл. // ВДИ. № 3.
- Егоров В.Л., 1985. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М.
- Егоров В.Л., Полубояринова М.Д., 1974. Археологические исследования Водянского городища // Средневековые памятники Поволжья. М.
- Каменецкий И.С., 1999. Археология (I. Введение. II Археология и другие науки). М.
- Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер Я.А., 1975. Анализ археологических источников (Возможности формализованного подхода). М.
- Клейн Л.С., 1991. Археологическая типология. Л.
- Ковалевская В.Б., 1995. Археологическая культура — практика, теория, компьютер. М.
- Мартынов А.И., 1996. Археология. М.
- Поволжье в средние века, 1970. М.
- Полубояринова М.Д., 1978. Русские люди в Золотой Орде. М.
- Смирнов А.П., Федоров-Давыдов Г.А., 1959. Задачи археологического изучения Золотой Орды // СА. № 4.
- Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья, 1989. М.
- Средневековые памятники Поволжья, 1976. М.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1958. Раскопки торгово-ремесленного квартала XV—XVII вв. на городище Таш-кала в Ургенче // ТХАЭЭ. М. Т.II.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1960. Клады джучидских монет (Основные периоды развития денежного обращения в Золотой Орде) // Нумизматика и эпиграфика. М. Т. I.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1963 а. Монеты рассказывают. М.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1963 б. Находки джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. М. Т. IV.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1965. О датировке типов вещей по погребальным комплексам // СА. № 3.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1966 а. Монеты рассказывают. Варшава. (На польском языке.)
- Федоров-Давыдов Г.А., 1966 б. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.

Федоров-Давыдов Г.А., 1968. «Аноним Искандера» и термины «Ак-Орда» и «Кок-Орда» // История, археология и этнография Средней Азии. М.

Федоров-Давыдов Г.А., 1970 а. О статистическом исследовании взаимовстречаемости признаков и типов предметов в археологических комплексах // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.

Федоров-Давыдов Г.А., 1970 б. Понятия «археологический тип» и «археологическая культура» в «Аналитической археологии» Дэвида Кларка // СА. № 3.

Федоров-Давыдов Г.А., 1973. Общественный строй Золотой Орды. М.

Федоров-Давыдов Г.А., 1975 а. О сценах терзаний и борьбы зверей в памятниках скифо-сибирского искусства // Успехи среднеазиатской археологии. Л. Вып. 3.

Федоров-Давыдов Г.А., 1975 б. На окраинах античного мира. М.

Федоров-Давыдов Г.А., 1976. Искусство кочевников и Золотой Орды. М.

Федоров-Давыдов Г.А., 1980 а. Позднесарматский биметаллический кинжал из Барановского могильника // СА. № 2.

Федоров-Давыдов Г.А., 1980 б. Москва в борьбе за независимость: По нумизматическим материалам // Вестник АН СССР. № 8.

Федоров-Давыдов Г.А., 1981 а. Монеты рассказывают. М. (На языке телугу.)

Федоров-Давыдов Г.А., 1981 б. Монеты Московской Руси. М.

Федоров-Давыдов Г.А., 1981 в. Археологическая типология и процесс типобразования // Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях. М.

Федоров-Давыдов Г.А., 1984. Погребения хазарского времени из урочища «Кривая Лука» в Нижнем Поволжье // Проблемы археологии степей Евразии: Советско-венгерский сборник. Кемерово.

Федоров-Давыдов Г.А., 1986 а. Монеты рассказывают. М. (На языке телугу.)

Федоров-Давыдов Г.А., 1986 б. Монеты рассказывают. М. (На языке маратхи.)

Федоров-Давыдов Г.А., 1987 а. Монеты в Новое время // СМ. № 2.

Федоров-Давыдов Г.А., 1987 б. Статистические методы в археологии. М.

Федоров-Давыдов Г.А., 1988. Стилистические особенности раннесредневекового искусства Европы // Труды Академии художеств СССР. М. Вып. 5.

Федоров-Давыдов Г.А., 1989. Монеты Нижегородского княжества. М.

Федоров-Давыдов Г.А., 1990 а. Монеты рассказывают. М.

Федоров-Давыдов Г.А., 1990 б. Монеты рассказывают. М. (На языке телугу.)

Федоров-Давыдов Г.А., 1990 в. Этнические процессы в Средней Азии в XIII – XV вв. (этнос и феодальное государство) // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. М. Вып. II. История и археология.

Федоров-Давыдов Г.А., 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.

Федоров-Давыдов Г.А., 2001 а. Золотоордынские города Поволжья: Керамика, торговля, быт. М.

Fedorov-Davydov G.A., 2001 б. The Silk Road and the Cities of the Golden Horde. Berkeley. California.

Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды (в печати).

Шевченко А.В., 1980. Палеоантропология Северо-Западного Прикаспия в эпоху бронзы: Автореф. дисс. канд. ист. наук. М.

Щапова Ю.Л., 1988. Естественно-научные методы в археологии. М.

Яблонский Л.Т., 1980. Население средневековых городов Поволжья (по материалам мусульманских могильников): Автореф. дисс. канд. ист. наук. М.

М.Д.Полубояринова

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ Г.А. ФЕДОРОВА-ДАВЫДОВА

КНИГИ

Монеты рассказывают (Нумизматика). М.: Изд-во АН СССР, 1963. 136 с.

Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во МГУ, 1966. 275 с.

Monety opowiadao history. Warszawa, 1966. 184 p.

Курганы, идолы, монеты. М.: Наука, 1968. 184 с.

Kurgaanid, ebajumalad, mündid. Tallinn: Valgus, 1970. 152 p.

Die Goldene Horde und ihre Vorgänger. Leipzig, 1972. 192 p.

Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во МГУ, 1973. 177 с.

На окраинах античного мира. М.: Наука, 1975. 104 с.

Искусство кочевников и Золотой Орды: Очерки истории и культуры народов евразийских степей и золотоордынских городов. М.: Искусство, 1976. 228 с.

Монеты рассказывают. М.: Педагогика, 1981. 112 с.

Монеты Московской Руси. М.: Изд-во МГУ, 1981. 222 с.

Az Aranyhorda földjén. Budapest, 1983. 135 p.

The Culture of the Golden Horde Cities. Oxford, 1984. 277 p., 113 t.

Städte der Goldenen Horde an der unteren Wolga. München, 1984. 131 p.

Монеты – свидетели прошлого. М.: Изд-во МГУ, 1985. 176 с.

Монеты рассказывают (на языке телугу). М.: Мир, 1986. 141 с.

Монеты рассказывают (на языке маратхи). М.: Мир, 1986. 147 с.

Le trésor de Saransk: Les Monnaies de la Russie Moscovite XIV et XV-ième Siècles. Belgique, 1985. 317 p., 44 t.

Статистические методы в археологии. М., 1987. 215 с.

Монеты Нижегородского княжества. М.: Изд-во МГУ, 1989. 255 с.

Монеты рассказывают. М.: Педагогика, 1990. 110 с.

Монеты рассказывают (на языке телугу). М.: Мир, 1990. 141 с.

Le trésor de Saransk (2-ème Partie). Les Monnaies de la Principauté de Nijegorod. XIVe – XVe Siècles. Belgique, 1992. 318 p., 50 t.

Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во МГУ, 1994. 228 с.

Денежное дело Золотой орды. М.: Изд-во «Палеограф» (в печати).

Золотоордынские города Поволжья. Керамика. Торговля. Быт. М.: Изд-во МГУ.

The Silk Road and the Cities of the Golden Horde. Berkeley. California. 2001.

СТАТЬИ

Студенческая археологическая конференция (Москва, март 1955 г.) // ВИ. 1955. № 7. С.178–180.

К вопросу о денежном курсе золота в Иране и Средней Азии в XIV веке // КСИИМК. 1956. Вып. 66. С.51–58.

Рецензия на книгу «Труды ГИМ. Нумизматический сборник. Ч. I. Посвящается столетию со дня рождения А. В. Орешникова» // ВИ. 1956. № 7. С.180–181.

Оболгарских гирьках из собрания Государственного музея Татарской АССР // СА. 1957. № 1. С.247–248.

Монетная система Хорезма XIV века // СА. 1957. № 2. С.239–246.

Клады золотоордынских монет (Основные этапы развития денежного обращения и денежно-весовых систем в Золотой Орде XIII–XIV вв.): Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.: МГУ, Истфак, 1957. 14 с.

Булгарский феодальный замок X–XII вв. // Ученые записки НИИ при Совмине Чувашской АССР. Чебоксары, 1958. Т.XVI. С.202–226.

Конференция по археологии, древней и средневековой истории народов Поволжья // СА. 1957. № 2. С.310–311.

Денежно-весовые единицы Таны в начале XIV в. по данным Франческо Пеголотти // СА. 1958. № 3. С.65–72.

Раскопки торгово-ремесленного квартала XV–XVII вв. на городище Таш-Кала в Ургенче // ТХАЭЭ. М., 1958. Т.II. С.505–528.

Из истории политической жизни Хорезма XIV в. // КСИЭ. 1958. Вып. XXX. С.93–99.

Основные закономерности денежно-весовых норм в Золотой Орде // АЕ за 1957 г. М., 1958. С.7–16.

Рецензия: В.Л.Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья: Домонгольский период // СА. 1958. № 2. С.318–321.

Сессия отделения исторических наук и Пленум ИИМКАН СССР. Москва, 1959 г. // СА. 1959. № 3. С.272–276. Соавтор: Р.М.Мунчаев.

Задачи археологического изучения Золотой Орды // СА. 1959. № 4. С.128–134. Соавтор: А.П.Смирнов.

Читательская конференция журнала «Советская археология» 1959 г. // СА. 1959. № 3. С.271–272.

Клады джучидских монет (Основные периоды развития денежного обращения в Золотой Орде) // НЭ. М., 1960. Т.I. С.94–192.

Серебряная миска с арабской надписью из собрания Государственного Исторического музея // НЭ. М., 1960. Т.II. С.89–91.

Клад золотых монет XIII в. из Средней Азии // НЭ. М., 1960. Т.II. С.118–140.

Болгарское городище-святилище X–XI вв. // СА. 1960. № 4. С.122–142.

Опись клада монет из Нимич-Касы // Вопросы археологии и истории Чувашии. Чебоксары, 1960. С.96–125.

Раскопки городища у села Большая Тояба в Чувашской АССР в 1957 г. // Ученые записки Чувашского ИЯЛИЭ. 1960. Вып. 19. С.82–95.

О начале монетной чеканки в Хорезме и Сарая в конце XIII в. // ЭВ. Л., 1961. Вып. 14. С.49–89.

Новые поступления в музей при Кафедре археологии Истфака МГУ // СА. 1961. № 2. С.326.

Тигашевское городище (Археологические раскопки 1956, 1958 и 1959 гг.) // МИА. № 111. М., 1962. С.49–89.

Клад золотых монет X века из Самарканда // Историко-археологический сборник. М., 1962. С.175–189.

О надписи и рисунке на кости из Нового Сарая // СА. 1963. № 3. С.245–246.

Находки джучидских монет // НЭ. М., 1963. Т.IV. С.165–221.

Раскопки Нового Сарая в 1959–1962 гг. // СА. 1964. № 1. С.248–271.

Культура и общественный быт золотоордынских городов // Труды VII МКАЭН. М., 1964.

Нумизматика Хорезма золотоордынского периода // НЭ. М., 1965. Т.V. С.179–224.

Бронзовые фигурки человека из средневековых памятников Поволжья // МИА. № 130. М., 1965. С.275–277.

О датировке типов вещей по погребальным комплексам // СА. 1965. № 3. С.50–65.

Города и кочевые степи в Золотой Орде в XIII в. // ВМУ. Серия История. 1965. № 6. С.49–57.

Связи золотоордынских городов Поволжья со Средней Азией и Кавказом (по материалам последних раскопок Нового Сарая) // Материалы Сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР: Тезисы докладов. Баку, 1965. С.144.

Новые данные об Итяковском городище в Темниковском р-не Мордовской АССР // Исследования по археологии и этнографии Мордовской АССР: Труды Мордовского ИЯЛИЭ. Саранск, 1966. Вып. 30. С.235–249. Соавтор: А.В.Циркин.

Новый Сарай по раскопкам в 1963–1964 гг. // СА. 1966. № 2. С.233–248.

Раскопки на Царевском городище // АО 1965 года. М., 1966. С.193–195. Соавторы: И.С.Вайнер, А.Г.Мухаммадиев.

Восемь веков молчания: О каменных изваяниях степей Евразии // Наука и жизнь. 1966. № 9. С.74–76.

Кочевники Восточной Европы в X–XIV вв.: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М.: МГУ, Истфак, 1966. 38 с.

Рецензия: Я.А.Шер. Каменные изваяния Семиречья. М.; Л., 1966 // СА. 1967. № 2. С.266–268.

Раскопки золотоордынских городов на Ахтубе // АО 1966 года. М., 1967. С.122–123.

Археологическая поездка в Тунис (Международный археологический семинар в Керкуане) // СА. 1967. № 2. С.282–289.

Поселение эпохи бронзы и раннего железа в Мордовии // СА. 1968. № 4. С.174–180. Соавтор: А.В.Циркин.

«Аноним Искандера» и термины Ак-Орда и Кок-Орда // История, археологии и этнография Средней Азии. М., 1968. С.224–230.

Раскопки золотоордынских городов на Ахтубе // АО за 1967 год. М., 1968. С.137–138.

Проблемы средневековой истории в работах Поволжской экспедиции // Тезисы докладов на сессии Отделения истории АН СССР. М., 1968. С.26–28.

Город и область Саксин в XII–XIV вв. // Древности Восточной Европы. МИА № 169. М. 1969. С.253–261.

Раскопки золотоордынских городов в Нижнем Поволжье // АО за 1968 год. М., 1969. С.172–174. Соавторы: Н.М. Булатов, И.С.Вайнер, Л.Л.Галкин, В.Л.Егоров, А.Г.Мухаммадиев.

К 70-летию А.П.Смирнова // СА. 1969. № 4. С.117–119.

Элементы иранской культуры в культуре городов Золотой Орды // Тезисы докладов Всесоюзной конференции по искусству и археологии Ирана. М., 1969. С.17–18.

Культура и общественный быт золотоордынских городов // Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. М., 1970. Т.V. С.467–473.

Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959–1966 гг. // МИА. М., 1970. № 164. С.68–171. Соавторы: И.С.Вайнер, А.Г.Мухаммадиев.

Кочевая орда в улусе Джучи // ВМУ. Серия История. 1970. № 5. С.75–86.

Раскопки богатой усадьбы в Новом Сарее // СА. 1970. № 3. С.149–161. Соавтор: А.Г.Мухаммадиев.

Раскопки золотоордынских городов на Нижней Волге // АО за 1969 г. М., 1970. С.174–175. Соавторы: В.Л.Егоров, А.Г.Мухаммадиев.

Понятие «археологический тип» и «археологическая культура» в «Аналитической археологии» Дэвида Кларка // СА. 1970. № 3. С.258–270.

Исследование социальной структуры средневекового города при археологических раскопках (по материалам золотоордынских памятников) // Средневековые города Средней Азии и Казахстана: Тезисы докладов. Л., 1970. С.14–15.

Раскопки золотоордынских городов на Нижней Волге в 1969–1970 гг. // Тезисы докладов на сессии Отделения истории АН СССР. Тбилиси, 1971. С.261–262.

О статистическом исследовании взаимовстречаемости признаков и типов предметов в археологических комплексах // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970. С.123–131.

Раскопки золотоордынских городов на Нижней Волге // АО за 1970 г. М., 1971. С.175–177. Соавторы: Н.М.Булатов, В.И.Вихляев, В.Л.Егоров, А.Г.Мухаммадиев, В.Н.Шитов.

Два клада серебряных монет XIII века из Болгар // НЭ. М., 1972. Т.X. С.167–173.

Склеп с кладом татарских монет XV века из Старого Сарая // Новое в археологии. М., 1972. С.308–316. Соавтор: А.Г.Мухаммадиев.

Раскопки золотоордынских городов на Нижней Волге // АО за 1971 г. М., 1972. С.233–235. Соавторы: Н.М.Булатов, В.И.Вихляев, Т.В.Гусева, В.Л.Егоров, А.Г.Мухаммадиев, Л.М.Носкова.

Раскопки мечети XIV в. на Водянском городище // АО за 1972 г. М., 1973. С.171. Соавторы: Т.В.Гусева, А.Г.Мухаммадиев, Л.М.Носкова.

О состоянии и задачах теоретических исследований по археологии СССР // Тезисы СПИПАИ 1972 г. Ташкент, 1973. С.6–10. Соавторы: В.Ф.Геннинг, Ю.Н.Захарук, И.С.Каменецкий, Л.С.Клейн, В.М.Массон.

- Раскопки курганов у с. Барановка // АО за 1972 г. М., 1973. С.160–161. Соавторы: Н.Н.Бусятская, В.В.Дворниченко, С.Н.Корневский, Е.В.Шнайдштейн.
- Исследование трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевское городище) // Города Поволжья в средние века. М., 1974. С.89–129. Соавторы: И.С.Вайнер, Т.В.Гусева.
- Находки кладов золотоордынских монет // Города Поволжья в средние века. М., 1974. С.176–182.
- Астральный амулет с Царевского городища // Города Поволжья в средние века. М., 1974. С.130–131.
- Три средневековых нижеволжских города // ВИ. 1974. № 3. С.211–216.
- Алексей Петрович Смирнов (1899–1974 гг.) (некролог) // СА. 1974. № 4. С.328–329.
- Раскопки курганов в Астраханской области // АО за 1973 г. М., 1974. С.148–149. Соавторы: В.В.Дворниченко, С.Н.Корневский, Н.В.Малиновская, В.А.Филипченко, Е.В.Шнайдштейн.
- Раскопки золотоордынских городов на Нижней Волге // АО за 1973 г. М., 1974. С.147–148. Соавторы: Т.В.Гусева, В.Л.Егоров, А.Г.Мухаммадиев, Л.М.Носкова.
- Искусство кочевников и Золотой Орды // История искусства народов СССР. Искусство XIV–XVII вв. М., 1974. Т.3. С.399–402.
- О сценах терзаний и борьбы зверей в памятниках скифо-сибирского искусства // Успехи среднеазиатской археологии. Л., 1975. Вып. 3. С.23–28.
- Новые находки изделий «звериного стиля» в Поволжье: Из работ Поволжской археологической экспедиции в Астраханской области // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана: Тезисы. Л., 1975. С.73.
- Рецензия: И.В.Греков. Восточная Европа и падение Золотой Орды // ВИ. 1975. № 12. С.154–156.
- Раскопки курганов в Черноморском районе Астраханской области // АО за 1974 г. М., 1975. С.139–140. Соавторы: Н.М.Булатов, В.В.Дворниченко, С.Н.Корневский, Н.В.Малиновская.
- Раскопки на Водянском городище в Волгоградской области // АО за 1974 г. М., 1975. С.152. Соавторы: Т.В.Гусева, В.Л.Егоров, Л.М.Носкова.
- Сезон пяти тысячелетий // Вокруг света. 1975. № 5. С.47–49.
- А.П.Смирнов – исследователь древней истории финно-угорских народов // Материалы по археологии Мордовии: Труды Мордовского ИЯЛИЭ. Саранск, 1976. Вып. 52. С.7–23.
- Die Städte der Goldenen Horde // Das Altertum. Heft 3. 1976. Соавтор: М.Д.Полубояринова.
- Общественный строй кочевников в средневековую эпоху // ВИ. 1976. № 3. С.39–48.
- Исследование мечети на Водянском городище // Средневековые памятники Поволжья. М., 1976. С.108–167. Соавтор: В.Л.Егоров.
- Раскопки Поволжской археологической экспедиции на Селитренном городище // АО за 1975 г. М., 1976. С.159–160. Соавторы: Н.М.Булатов, Т.В.Гусева, В.Л.Егоров, А.Г.Мухаммадиев.
- Раскопки курганов в Астраханской области // АО за 1975 г. М., 1976. С.174. Соавторы: В.В.Дворниченко, А.В.Куйбышев, Н.В.Малиновская.
- Раскопки на Селитренном городище (Сарай-Бату) в Астраханской области // АО за 1976 г. М., 1977. С.132. Соавторы: Н.М.Булатов, Т.В.Гусева, В.Л.Егоров, Л.Т.Яблонский.
- Раскопки курганов на Нижней Волге // АО за 1976 г. М., 1977. С.143–144. Соавторы: В.В.Дворниченко, Я.М.Паромов, А.С.Смирнов, Ю.В.Чернов.
- Раскопки курганов в урочище Кривая Лука в 1973 г. // Древности Астраханского края. М., 1977. С.3–77. С.85–194. Соавторы: В.В.Дворниченко, Н.В.Малиновская.
- Памяти Алексея Петровича Смирнова // Древности Волго-Камья. Казань, 1977. С.3–6.
- Некоторые археологические данные о времени обводнения протоков дельты Волги в историческое время // Тезисы докладов конференции «Колебания увлажнения Арало-Каспийского региона в голоцене». М., 1977. С.15–16. Соавтор: В.В.Дворниченко.
- Итоги пятилетних работ Поволжской экспедиции на новостройках и некоторые вопросы археологии Поволжья // Тезисы докладов Всесоюзной конференции «Новейшие достижения советских археологов». М., 1977. С.28–29.
- Раскопки усадьбы на Царевском городище // ВМУ. Серия История. 1978. № 3. С.88–102. Соавтор: А.Г.Мухаммадиев.
- Об изображениях на некоторых ростовских монетах конца XIV – начала XV вв. // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С.420–424.
- Браслет с надписью с Селитренного городища // СА. 1978. № 2. С.286–288.
- Три науки, а дело одно: Разговор за круглым столом о сотрудничестве антропологов, археологов и этнографов // Знание – сила. 1978. № 4. С.22–24. Соавторы: С.А.Арутюнов, А.М.Хазанов.
- Золотая Орда и монгольский Иран // ВМУ. Серия История. 1978. № 6. С.25–37.
- Досаевский клад золотоордынских монет // Исследования по археологии Чувашии: Труды Чувашского ИЯЛИЭ. Вып. 80. Чебоксары, 1978. С.30–56.
- Раскопки на Селитренном городище // АО за 1977 г. М., 1978. С.158. Соавторы: Н.М.Булатов, Т.В.Гусева, В.Л.Егоров, Л.Т.Яблонский.
- Раскопки курганов близ села Никольское в Астраханской области // АО за 1977 г. М., 1978. С.169–170. Соавторы: В.В.Дворниченко, Н.В.Малиновская.
- Две заметки по золотоордынской нумизматике // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С.249–254.
- Тюрки // Искусство стран и народов мира. М., 1978. Т.4. С.462–464.
- Обращение серебра и меди в Золотой Орде и формы эксплуатации монетной регалии // Бартольдские чтения. М., 1978. С.63–64.

Раскопки на Селитренном городище // АО за 1978 г. М., 1979. С.160. Соавторы: Н.М.Булатов, Т.В.Гусева, В.Л.Егоров, Л.Т.Яблонский.

Раскопки в зоне строительства Калмыцко-Астраханской и Никольской рисовых оросительных систем // АО за 1978 г. М., 1979. С.167–168. Соавторы: В.В.Дворниченко, Н.В.Малиновская, Я.М.Паромов.

Библиография трудов А.П.Смирнова // История хозяйства населения Марийского края. Йошкар-Ола, 1979. Вып. 4. С.139–151.

Монеты с городища Шахерлик // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979. С.122–127.

Оценка информативности признаков при построении археологической классификации и процесс типобразования // Новое в применении физико-математических методов в археологии. М., 1979. С.80–87.

Москва в борьбе за независимость: По нумизматическим материалам // Вестник АН СССР, 1980. № 8. С.104–112.

Позднесарматский биметаллический кинжал из Барановского могильника // СА. 1980. № 2. С.235–238.

Особенности обращения серебряных и медных монет в Золотой Орде // Ближний и Средний Восток: Товарно-денежные отношения при феодализме. М., 1980. С.213–219.

Клад серебряных джучидских монет с Селитренного городища // НЭ. М., 1980. Т.XIII. С.58–76.

Раскопки на Селитренном городище // АО за 1979 г. М., 1980. С.144. Соавторы: Н.М.Булатов, В.Л.Егоров, Л.Т.Яблонский.

Раскопки курганов на Нижней Волге // АО за 1979 г. М., 1980. С.135–136. Соавтор: В.В.Дворниченко.

Денежное дело Москвы после Куликовской битвы: Отражение борьбы Москвы против ордынского ига по данным нумизматики // Тезисы докладов конференции «600-летие Куликовской битвы». М., 1980. С.30–31.

На переломе: Золотая Орда и Древняя Русь накануне Куликовской битвы // Знание – сила, 1980. № 8. С.17.

Исследование большой аристократической усадьбы на Царевском городище // ВМУ. Серия История. 1981. № 1. С.64–84.

Раскопки курганов в Кривой Луке // АО за 1980 г. М., 1981. С.130–131. Соавтор: В.В.Дворниченко.

Раскопки на Селитренном городище // АО за 1980 г. М., 1981. С.124. Соавторы: О.В.Богословский, Н.М.Булатов, В.Л.Егоров, Я.М.Паромов.

Монгольское завоевание и Золотая Орда // Археология СССР: Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С.229–236.

Об одной группе можайских монет XV в. // Научные чтения ГИМ. 1980–1981 гг.: Тезисы. М., 1981. С.32–33.

Серебряные фалары из сарматского погребения могильника Кривая Лука IX в Астраханской области // КСИА. 1981. Вып. 168. С.100–105.

Археологическая типология и процесс типобразования (на примере средневековых бус) // Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях. М., 1981. С.267–317.

Изучение химического состава средневековых золотоордынских изразцов // Тезисы V научно-технологической конференции «Совершенствование технологических процессов и оборудования в строительных материалах». Белгород, 1981. Соавторы: В.А.Малеванный, Н.Н.Голубева, Н.Б.Симпсон, А.Г.Чадов.

Из истории русской археологии и нумизматики (Х.М.Френ. 1782–1851) // СА. 1982. № 3.

Раскопки Селитренного городища // АО за 1981 г. М., 1983. С.138. Соавторы: Н.М.Булатов, В.Л.Егоров.

Раскопки курганов в Астраханской области // АО за 1981 г. М., 1983. С.143–144. Соавтор: В.В.Дворниченко.

Archaeology research in Central Asia in Muslim period // World Archaeology. 1983. V. 14. № 3.

15 лет деятельности Секции исторических памятников Центрального Совета ВООПИК // История СССР. 1983. № 1. С.203–205. Соавторы: А.Г.Букштынович, Ю.А.Тихонов.

Исторические особенности городов в монгольских государствах Азии в XIII–XIV вв. // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983. С.215–220.

В древней дельте Волги (Из работ Поволжской археологической экспедиции) // Путешествие в древность. М., 1983. С.50–76.

Раскопки Селитренного городища // АО за 1982 г. М., 1984. С.142–143. Соавторы: Н.М.Булатов, В.Л.Егоров.

Четверть века изучения средневековых городов Нижнего Поволжья // СА. 1984. № 3. С.83–95.

Х.М.Френ – нумизмат и эпиграфист: К 200-летию со дня рождения // НЭ. М., 1984. Т.XIV. С.176–179.

Кочевнический курган XIV в. из Нижнего Поволжья (Некоторые особенности погребального обряда средневековых кочевников) // Вопросы древней истории Южной Сибири. Абакан, 1984. С.98–108.

Количественные методы в археологической типологии и классификации // Комплексные методы в изучении истории с древних времен до наших дней. М., 1984. С.12–13.

Монеты Дубовского могильника // Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола, 1984. Вып. 8. С.160–172.

Погребение хазарского времени из урочища «Кривая Лука» в Нижнем Поволжье // Проблемы археологии степей Евразии. Кемерово, 1984. С.80–94.

Сокровища сарматского царя // Наука и жизнь. 1985. № 3. С.33–38. Соавтор: В.В.Дворниченко.

Fouilles et recherches archeologiques en URSS // Прогресс. М., 1985. С.153–211. Соавторы: Д.Б.Шелов, Е.Н.Черных, В.Л.Счин.

Открытие богатого сарматского захоронения на Нижней Волге в 1984 г. // Достижения советской археологии в XI пятилетке (тезисы докладов). Баку, 1985. С.13–14. Соавтор: В.В.Дворниченко.

Раскопки Селитренного городища и работы в Астраханской области // АО за 1983 г. М., 1985. С.139–140. Соавтор: Н.М.Булатов.

Работы Поволжской археологической экспедиции на Нижней Волге и новые открытия 1984 г. // Вестник АН СССР. 1985. № 4. С.62–72. Соавтор: В.В.Дворниченко.

Историография: Учебная программа. Археология. М.: МГУ, 1985. С.1–5.

Новые находки восточных монет VIII–XIII вв. на территории Восточной Европы // ЭВ. Л., 1985. Т.XXIII. С.44–47.

Клад серебряных монет XIII века из Болгара // КСИА. М., 1986. Вып. 183. С.55–65.

Рецензия: История Киргизской ССР. Т.1. Фрунзе, 1984 // ВИ. 1986. № 4. С.109–112.

Нумизматика для всех // СМ. 1986. № 3. С.46–50.

Монеты Киевской Руси // СМ. 1986. № 4. С.44–47.

Монеты древнего мира // СМ. 1986. № 5. С.63–65.

Монеты в средние века // СМ. 1986. № 6. С.67–70.

Раскопки на Селитренном городище // АО за 1984 г. М., 1986. С.119–120. Соавтор: Н.М.Булатов.

Погребение у с. Косика Енотаевского района Астраханской области // АО за 1984 г. М., 1986. С.126–128. Соавтор: В.В.Дворниченко.

Рецензия: П.П.Быря. Молдавский средневековый город в Днестровско-Прутском междуречье XV – начала XVI вв. // Известия АН Молдавской ССР. Серия общественных наук. 1986. Вып. 1. С.77–78.

Монеты средневековой Руси // СМ. 1987. № 1. С.49–52.

Монеты в новое время // СМ. М., 1987. № 2. С.71–73.

Введение // Город Болгар: Очерки истории и культуры. М., 1987. С.3–7.

Эволюция весовых норм чеканки деньги в Московском и Нижегородском княжествах в конце XIV – начале XV вв. // Вторая всесоюзная нумизматическая конференция: Тезисы. М., 1987. С.30–31.

Денежное дело и денежное обращение Болгара // Город Болгар: Очерки истории и культуры. М., 1987. С.158–204.

Две русские «союзные» монеты эпохи Дмитрия Донского и Василия I // Культура и история средневековой Руси: Тезисы докладов. М., 1987. С.44–45.

Царевский клад серебряных монет XIV в. // Краеведческие записки. Саранск, 1987. Вып. 1. С.107–157.

Археологические музеи-заповедники (проблемы и перспективы) // Методические основы охраны и использования памятников археологии. М., 1987. С.111–120.

Научно-практический семинар «Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XIV вв.» // СА. 1988. № 4. С.293–295.

Стилистические особенности раннесредневекового искусства Европы // Труды Академии художеств СССР. М., 1988. Вып. 5. С.172–204.

Находки восточных монет VIII–XVIII вв. в Восточной Европе // ЭВ. Л., 1988. Т. XXIV. С.44–47.

Религии и верования в городах Золотой Орды // Исторический архив. М., 1988. С.28–39.

Арзамасский клад русских монет конца XIV – начала XV вв. // НЭ. М., 1989. Т.XV. Соавтор: В.Н.Мартьянов.

Памятники сарматской аристократии в Нижнем Поволжье // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М., 1989. С.5–13. Соавтор: В.В.Дворниченко.

Раскопки курганов в зоне строительства Калмыцко-Астраханской и Никольской рисовых оросительных систем // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М., 1989. С.14–132. Соавтор: В.В.Дворниченко.

Керамическая мастерская Селитренного городища // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М., 1989. С.133–248. Соавтор: Н.М.Булатов.

По путям культуры Татарстана. Рецензия: С.М.Червонная «Искусство Татарии (история, изобразительное искусство и архитектура с древнейших времен до 1917 года)». «Искусство», 1987. 351 с. // Искусство. 1989. № 3. С.68–69.

Из истории денежного дела Можайска: О некоторых неясных легендах на ранних монетах Можайска // История и культура средневекового города. М., 1989. С.214–222.

Города Средней Азии в XIII–XIV вв.: Зоны и этапы урбанизации (теоретические аспекты проблемы) // Город и процессы урбанизации в Средней Азии: Тезисы докладов региональной конференции. Наманган–Ташкент, 1989. С.66.

Что мы знаем о древних кочевниках // Наука и человечество. М., 1990. С.78–85. Соавтор: В.В.Дворниченко. К 60-летию В.Л.Янина // АЕ 1989. М., 1990. С.168–171.

Этнические процессы в Средней Азии в XIII–XV вв.: Этнос и феодальное государство // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. М., 1990.

Оседлое и кочевое население в западных улусах Чингизидов // Взаимодействие кочевых и оседлых культур на Великом Шелковом пути. Алма-Ата, 1990.

Клад монет XIII века из Волжской Болгарии // Проблемы археологии Евразии. М., 1991. С.181–192.

Введение // Проблемы археологии Евразии. М., 1991. С. 3–8 (Соавтор В.А.Могильников).

Список трудов А.П.Смирнова // Проблемы археологии Евразии. М., 1991. С. 9–28.

Некоторые проблемы археологии Поволжья железного века // Материалы конференции «Археология и социальный прогресс». М., 1991. Вып. 2. С.72–83.

Культурно-историческое единство евразийских степей и Великий Шелковый путь // Культурно-

историческое единство Евразии и Великий Шелковый путь: Сборник тезисов. М., 1992. С.4–7.

Клад куфических монет из Ножай-Юрта (Чечено-Ингушетия) // СА. 1992. № 2. С.274–278. Соавторы: В.Б.Виноградов, Х.М.Мамаев.

Смерть хана Бату и династическая смута в Золотой Орде в освещении восточных и русских источников (Источниковедческие заметки) // Средневековые древности Волго-Камья. Йошкар-Ола, 1992. Вып. 21. С.72–82.

The Cultural and Historical Unity of the Eurasian Steppes and the Great Silk Road: Dialog of the West and East // The 11-th International Academic Conference. Iri, South Korea, 1992.

Золотоордынские города Нижнего Поволжья в системе «Шелкового пути» // Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в средневековье: Тезисы международного научного семинара. Донецк, 1992. С.70.

Сарматское погребение Скептуха I в н.э. у с. Косика Астраханской области // ВДИ. 1993. № 3. С.141–179. Соавтор: В.В.Дворниченко.

Tresors des tombes de l'aristocratie sarmate au Nord de la Capienne // Les dossiers d'archeologie. Paris, 1994. № 194. P.66–75.

Памяти Николая Михайловича Булатова // РА. 1995. № 4. С.236. Соавтор: В.В.Дворниченко.

Рецензия: Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. 1 // РА. 1996. № 1. С.215–221.

Некоторые итоги изучения городов Золотой Орды на Нижней Волге // Татарская археология. Казань, 1997. № 1. С.88–100.

Памяти Светланы Алексеевны Яниной // РА. 1998. № 1. С.242–244.

Раскопки Поволжской археологической экспедиции золотоордынских городов на Нижней Волге // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Йошкар-Ола, 1998. Вып. I. С.3–15.

Торговля нижеволжских городов Золотой Орды // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Йошкар-Ола, 1998. Вып. I. С.38–59.

Николай Михайлович Булатов // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Йошкар-Ола, 1998. Вып. I. С.106–107. Соавтор: В.В.Дворниченко.

Некоторые черты военного и мирного быта жителей золотоордынских городов // Российская провинция: история, культура, наука: Материалы II–III Сафаргалиевских научных чтений. Саранск, 1998. С.192–205.

Современное состояние изучения Золотой Орды // Славяне и их соседи: Тезисы 17 конференции памяти В.Д.Королюка. М., 1998. С.158а–158б.

Из истории денежного обращения средневекового Хорезма // Приаралье в древности и средневековье. М., 1998. С.218–227.

Алексей Петрович Смирнов – ученый, человек // Тезисы конференции «Научное наследие А.П.Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья». М., 1999.

О некоторых спорных вопросах русской нумизматики // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999. С.445–457.

Двуглавый орел на золотоордынских монетах // Гербовед. 1999. № 6 (38). С.126–130.

К столетию Алексея Петровича Смирнова // СА. 1999. № 3. С.190–196.

Новый клад куфических монет X века из Новгорода // Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция: Тезисы докладов и сообщений. М., 2000. С.55–56. Соавторы: П.Г.Гайдуков, В.Л.Янин.

От научных редакторов // Вихляев В.И. Происхождение древнемордовской культуры. Саранск, 2000. С.3–4. Соавтор: Ю.А.Зеленев.

Новые находки монет домонгольского времени в Восточной Европе // Труды ГИМ. М., 2000. Вып. 115.

Нумизматика в Историческом музее: Нумизматический сборник. М., 2001. Ч. XIV. С.89–100.

И.Р.Ахмедов

ДЕТАЛИ КОНСКОГО УБОРА С ЗООМОРФНЫМ ДЕКОРОМ В ГУННСКОЕ И ПОСТГУННСКОЕ ВРЕМЯ*

При исследовании конского убора эпохи Великого переселения народов автор обратил внимание на группы псалиев с зооморфными окончаниями, выделенную

им в особую группу «боспорских». Дальнейшее изучение конского убора гуннского и постгуннского времени показало существование целого пласта деталей уборов с зооморфным декором, которые включают в себя псалии, декоративные детали оголовий, седельные пластины. Рассмотрению некоторых вопросов истории этих изделий и посвящена данная статья.

* Работа выполнена в рамках исследовательского проекта Российского гуманитарного научного фонда №02–01–00177а.

Псалии с зооморфным декором можно разделить на следующие группы:

«БОСПОРСКИЙ» ТИП

Автору известны четыре экземпляра псалиев этой группы. Три находки происходят из Керчи — комплекс предметов конского убора купленных в 1897 г. на торгу (ГИМ, инв. №35122). В состав коллекции входят разновременные уздечные принадлежности, датируемые от конца I до конца IV — начала V в. (Ахмедов, in print). Среди наиболее поздней части вещей в коллекции имеются железные двусоставные удила с бронзовыми псалиями (рис. 1, 1). Верхняя часть псалиев изготовлена в виде двух раз-

вернутых в разные стороны головок животных с длинными ушами, раскрытой пастью, моделированными при помощи острых граней надбровными дугами. Шеи животных сзади имеют острую грань, по середине боковой стороны проходит сглаженное ребро; передняя сторона шеи округлая. В средней части крупная неподвижная петля. Нижняя часть представляет собой стержень круглого сечения, с зоной рельефных валиков на нижней части, окончание расширено. На кольцах сохранились по два зажима, изготовленных из белого металла, с пластинчатыми двускатными петлями, пластинчатыми обоями, ромбовидной формы со скошенными наружу краями. Головки заклепок на верхних пластинах зажимов сточены при помощи

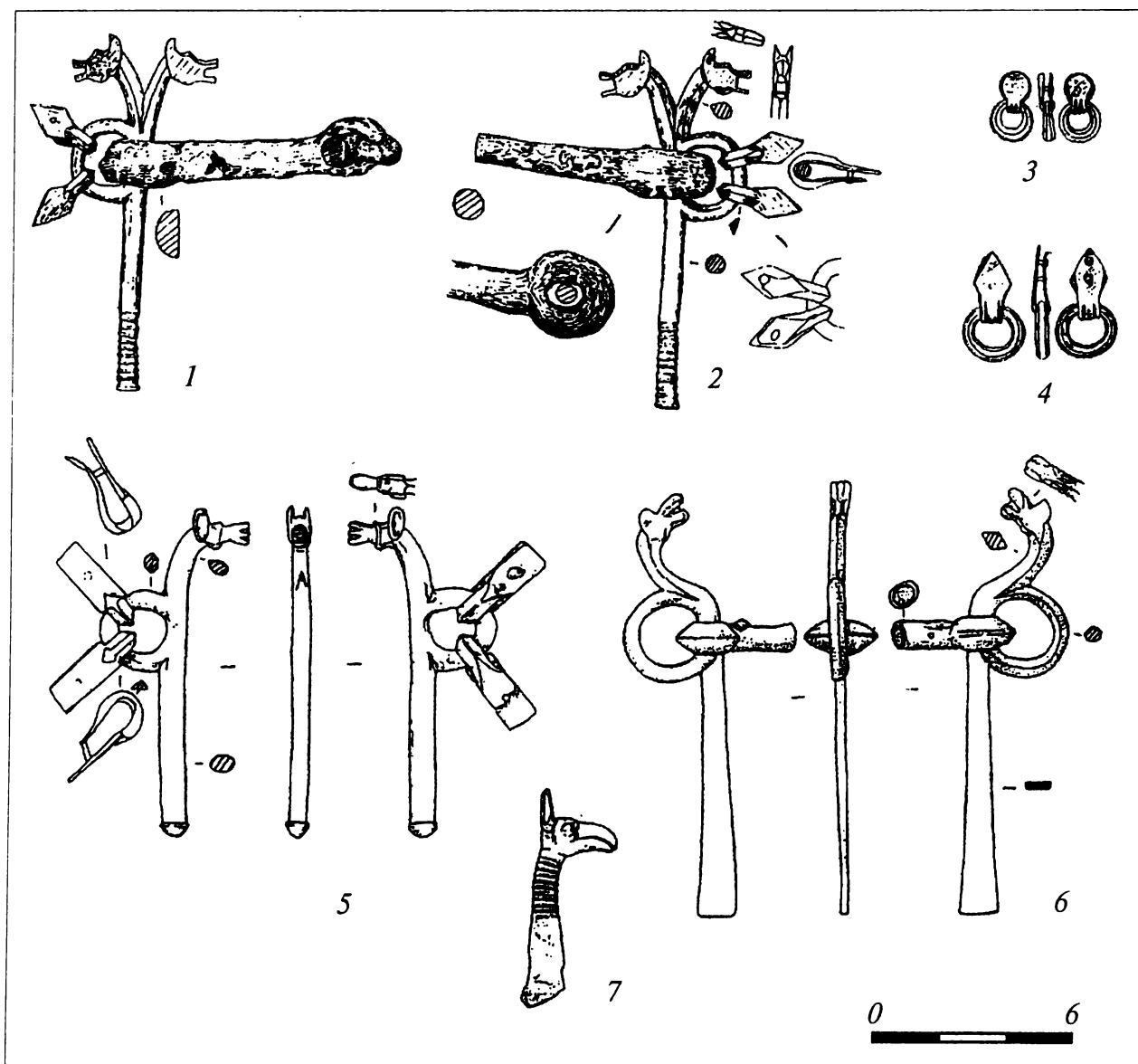

Рис. 1. Псалии «боспорской» группы:

1–4 – Керчь; 5 – Ундрих; 6 – Керчь; 7 – Керчь. Раскопки Шкорпила

1–4 – бронза, серебро, железо; 5 – серебро; 6 – бронза, железо; 7 – серебро, железо

1–6 – с оригинала; 7 – по ОАК, 1905

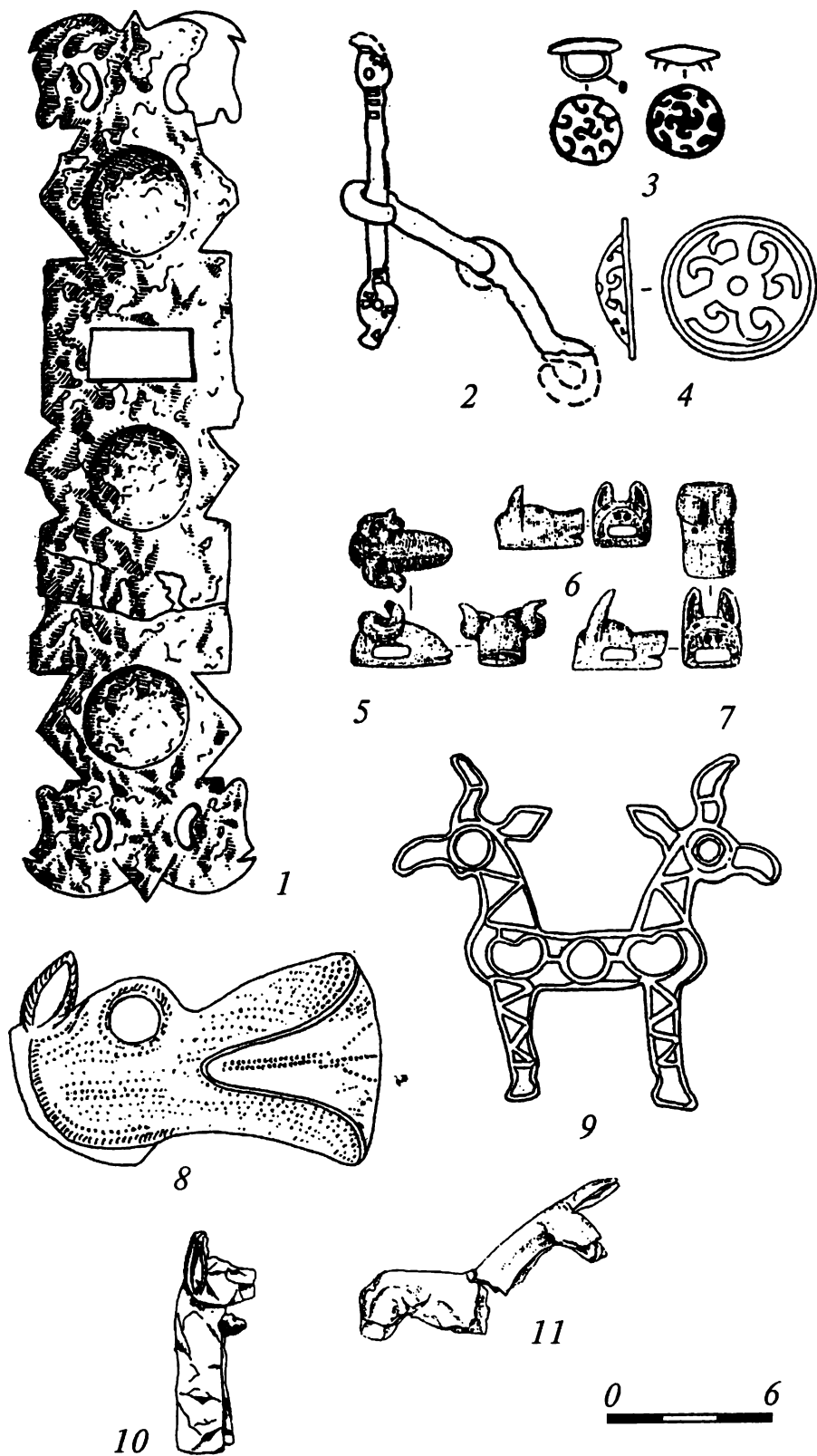

Рис.2. Элементы уздечных наборов и сбруи из сарматских боспорских и гуннских комплексов:

1 – Неаполь Скифский; 2–3 – могильник Новый; 4, 5–7 – Нейзац; 8–9 – Керчь; 10 – Новогригорьевка, погребение 8; 11 – Беяус

1 – по Дашевская, 1991; 2–3 – по Ильюков, Власкин, 1992; 4 – по Малашев, in print; 8–9 – по Засецкая, 1993; 10–11 – по Засецкая, 1994

абразива и заполированы вровень с поверхностью пластины.

Еще одна пара псалиев была также куплена в Керчи (ГИМ, инв. № 23889–90) (Рис.1, 6). Они изготовлены из бронзы, верхняя часть оформлена в виде зооморфной фигуры, развернутой, подобно экземпляру из Ундриха, вперед от кольца псалия; морда животного моделирована теми же приемами, что и у псалий из рассматриваемой коллекции. Это широкие плоскости боковых сторон морды, уши с дуговидной задней стороной, выделенная скула, к отличительным признакам относится отсутствие границы между шеей и мордой, боковые плоскости, сужаясь, переходят в боковую грань шеи, имеющей ромбическое сечение и несколько отогнутой в сторону кольца. Пасть животного показана при помощи длинного треугольного углубления, но в отличие от всех рассмотренных аналогов у морды животного здесь имеются ноздри, выделенные углублением на верхней стороне. Крупная неподвижная петля, изготовленная вместе с стержнем псалия, имеет выраженную двускатную заднюю сторону; нижняя часть псалия изготовлена в виде плоской, слегка расширяющейся к нижнему концу, пластинчатой лопасти. В кольцах псалиев сохранились бронзовые наконечники биметаллических удили, с двускатными петлями и овальными втулками для крепления железной части удили, закрепленных в этих втулках при помощи железных штифтов.

Биметаллические псалии происходят из разграбленной катакомбы 6, раскопок В.В.Шкорпила 1905 г. (тупик I Кладбищенского переулка, вблизи Госпитальной улицы) из Керчи (ОАК, 1905. С.61. Рис.70; Шкорпил, 1909. С.1, 3–4. Рис.1, 7) (рис.2, 7). Серебряное окончание железного стержня псалия (к сожалению, обломанного) оформлено в виде головы грифона, уши которого имеют вытянутую линзовидную выемку, как у псалия из могильника Ундриха, а шея декорирована поясом горизонтального рифления, подобно нижней части публикуемых керченских псалиев. В то же время головки грифонов имеют выделенный выпуклый глаз, с округлым углублением на месте зрачка, а пасть, похожая на клюв, показана длинной дуговидной углубленной линией.

Л.А.Мацулевич датировал склепы 1905 г. в тупике Кладбищенского переулка «по характеру вещей и на основании находки монеты Рескупорида VI (303–341) не старше второй половины IV в.» (Мацулевич, 1926. С.22). А.И.Айбабин определяет даты пряжек из этого склепа в целом второй половиной IV – первой половиной VII в. (Айбабин, 1990. С.19). Фибулы, аналогичные найденным в этом склепе, по И.П.Засецкой, бытуют до середины V в. (Засецкая, 1993. С.35. Табл.4, 8), в то же время среди материалов склепа присутствует пряжка типа IV.1.B, по М.М.Казанскому. Этот тип датируется второй половиной V–VI вв. (Kazanski, 1994. P.160–161. Fig.16, 12).

А.К.Амброз относил псалий из склепа к предметам II группы, основываясь на находке обрывков золотой фольги с чешуйчатым орнаментом, по его мнению, от пластин, украшавших ленчики седла (Амброз, 1989. С.81. Рис.39), и «геральдических» пряжек, помещая его в хронологической таблице в составе предметов воинского комплекса VI–VII вв. (Амброз, 1994. С.57, 88. Рис.11). Однако сопоставление с публикуемыми псалиями с зооморфными окончаниями позволяет относить этот экземпляр ко времени середины – второй половины V в.

Лишь один псалий этой группы найден далеко за пределами Боспора: в могильнике Ундрих в Рязанской области (раскопки А.Н.Гаврилова в 1983 г.) (рис.1, 5). Он отлит из серебра, верхняя часть оформлена в виде объемной головы животного, пасть показана при помощи подтреугольных углублений, скула выделена рельефным валиком, ухо миндалевидной формы, с выемкой. Сечения псалия в верхней части миндалевидной формы, задняя часть шеи зооморфного изображения имеет четко выраженную грань. Петля округлой формы, сечение овальное. Нижняя часть стержня овального сечения, с выступающей шишечкой в виде сдвоенного сегмента. Обоймы для ремней – прямоугольные, внутренние пластины повторяют очертания внешних, шпеньки для крепления заполированы вровень с поверхностью внешней пластины, петли двускатные, с плоской гранью, переходящей на верхней пластине в рельефный треугольник. Рельефные треугольники на обоймах имеют аналоги – на уздечных зажимах с обоймами овальной формы в памятниках гуннского времени – во всадническом погребении хронологического горизонта D2 в Мундольсхайме в Эльзасе (Kazanski, 1995. P.119), в погребении I могильника Куркли в Дагестане, на последних треугольники крупнее (Давудов, 1969. Рис.18). Для уточнения нижней даты комплекса из Куркли важно наличие в нем прямоугольных односоставных пряжек с прогнутым язычком, аналог которым есть в Черняховском могильнике Косаново среди хроноиндикаторов I хронологической группы вещей (280–320 гг.) (Шаров, 1992. Табл.IV, 71). Из инвентаря сохранились лишь серебряный круглодротовый браслет с расширяющимися концами, украшенными параллельными поперечными линиями плакировки золотом (аналогичные находки известны в древностях горизонта Смолин–Косино: Germanen; Tejral, 1995. Abb.22; 1997. Fig.8) и половина серебряного денария Антонина Пия 138–161 г. (определение Н.А.Фроловой). Для определения даты комплекса имеет значение наличие в нем крестовидной фибулы рязанского типа, относящейся к наиболее ранним образцам, появляющимся в конце IV в. (Ахмедов, 1998). Все это указывает на дату комплекса в рамках горизонта D2/D3, по Я.Тейралу, середины–третьей четверти V в.

Украшения в виде стилизованных головок животных широко распространены на различных предметах эпохи переселения народов. Наиболее роскошный набор происходит из Качина с парными головками коней и грифонов на обоях шарнирных подвесок, а также бляха, в которой восемь стилизованных головок грифонов образуют круглую фигуру «солярного» вида (рис. 6, 32–37). Известны такие находки в Германии (Кухаренко, 1982. Рис. 4. С. 240), в сбруйных украшениях стиля Сесдал в южной Швеции первой половины V в. (Norberg, 1931. S. 104–111. Abb. 8; 12; 13). В V в. звериные головки очень часто помещаются на язычках пряжек, браслетах, гривнах, что служит для исследователей неким хронологическим маркером и связывается исследователями с переработкой провинциально римских прототипов (Айбабин, 1990. С. 29, 59, 63; Амброз, 1995. С. 48). Однако есть данные, указывающие на необходимость уточнения времени появления этой традиции. Так, в могильнике Кошибеево подвязная фибула второй подгруппы имеет узкую ножку, оформленную звериной головкой (Спицын, 1901. Табл. IX, 5). Следует отметить, что изображения из Качина изготовлены в иной технике, характерной для узды стиля Качин – Кошовени де Жос – Унтерзибенбрунн. Изображения животных известны и в боспорской традиции. В склепах 1904 г. из Керчи имеются пластинчатая накладка с изображением хищника (волка?) (рис. 2, 8), иконографически весьма близкая публикуемым экземплярам – у него имеется миндалевидное ухо с выделенной центральной частью, круглый глаз (подобно экземпляру из склепа 6) и линиями пуансонных вдавлений показан язык. Там же найдены парные накладки, выполненные в полихромном стиле в виде направленных в разные стороны козлов с общим туловищем (рис. 2, 9). Эти находки датируются И. П. Засецкой второй четвертью IV – первой половиной V в. (Засецкая, 1993. Кат. 175–176. С. 68. Табл. 35). К первой половине V в. относятся также объемные изображения животных из кочевнических погребений на городище Беляус и в Новогригорьевке (погребение 8) (рис. 2, 10–11) (Засецкая, 1994. Табл. 2, 7; 26, 7), у которых уши выполнены при помощи миндалевидного углубления. Близкое изображение известно в погребении второй трети V в. в Арпаш-Домбифёлд в Паннонии (L'Or des princes barbares, 2000. Кат. 16, 1–3).

Парные головы лошадей известны и в более ранних памятниках: так, в известном сарматском погребении II в. в Неаполе Скифском конский налобник украшен двумя парами головок направленных в разные стороны (рис. 2, 7) (Дашевская, 1991. Табл. 75, 7). Парные лошадиные головки известны на костяных навершиях гребней, считающихся типичными находками комплексов прохоровской культуры, с единичной находкой в комплексе (курган D 4 у хутора Шульц) среднесарматского времени (Скрипкин, 1990. С. 169, 176. Рис. 37, 36–44). И. В. Сеницын связывал эти изображения с культом коня как главного про-

изводственного животного сармат (Сеницын, 1946. С. 77). Изображения стилизованных головок грифонов имеются на железных двудырчатых псалиях с плакировкой полосками золотой фольги из среднесарматского погребения 5 кургана 67 могильника Новый, вместе с которыми найдены выпуклые круглые бляшки со стилизованными головками грифонов, составляющих свастикообразные фигуры (рис. 2, 2–3) (Ильюков, Власкин, 1992. С. 80. Рис. 19, 31, 32; 20, 7) что свидетельствует об отражении в этих украшениях узды элементов солярного культа. Близкие мотивы присутствуют на колесовидных псалиях из сарматского погребения в Котлубани на нижнем течении Волги (рис. 2, 4) (Скрипкин, 1987). Возможно, заимствованием нижнедонских приемов украшения предметов конского убранства боспорскими торевтами следует объяснять присутствие в инвентаре склепа на Васюриной Горе (Тамань) парных литых металлических деталей уздечного набора, украшенных объемными изображениями головок грифонов, изготовленных в позднеантичной стилистике (Ростовцев, 1914. С. 40–41. Табл. XVIII). В Крыму известен также уздечный набор с зооморфными деталями из склепа 17 могильника Нейзац (Храпунов, Мульд, 2000. Рис. 12). В составе узды наряду с кольчатым трензелем, фасетированными накладками и наконечниками ремней содержатся четыре фиксатора ремней оголовья, две обоймы в виде голов хищников и одна обойма с головой барана (рис. 2, 5–7). Изобразительные приемы, использованные при изготовлении этих деталей, весьма близки керченским. На сарматские корни этих мотивов указывает изображение бараньей головы. Как известно, баран являлся символом фарна – *hvarnah (древнеиранское) – одного из основополагающих понятий иранской мифологии. Образ фарна тесно связан с божеством ветра Веретрагной, одной из инкарнаций которого был баран. Известно, что Шапур II в одном из сражений имел на голове шлем в виде головы барана (Ammian Marcellin, XIX, 1, 3).

Материалы склепа синхронизируются уже с древностями первой половины – середины III в. (период II а, по В. Ю. Малашеву) (Малашев, in print). К этому же времени относятся и указанные материалы из могильника Нейзац (Храпунов, Мульд, 2000).

Все это свидетельствует о том, что зооморфные украшения узды были достаточно характерны для ираноязычных кочевников в первой половине I тысячелетия. Эти мотивы, наряду с провинциально римскими элементами, были органично переработаны в узде гуннского времени.

КАВКАЗСКИЕ ЗООМОРФНЫЕ ПСАЛИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ V в. – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ VI в.

В кавказских древностях второй половины V в. известны две находки зооморфных псалиев. В первую очередь, это серебряный псалий с птичьей го-

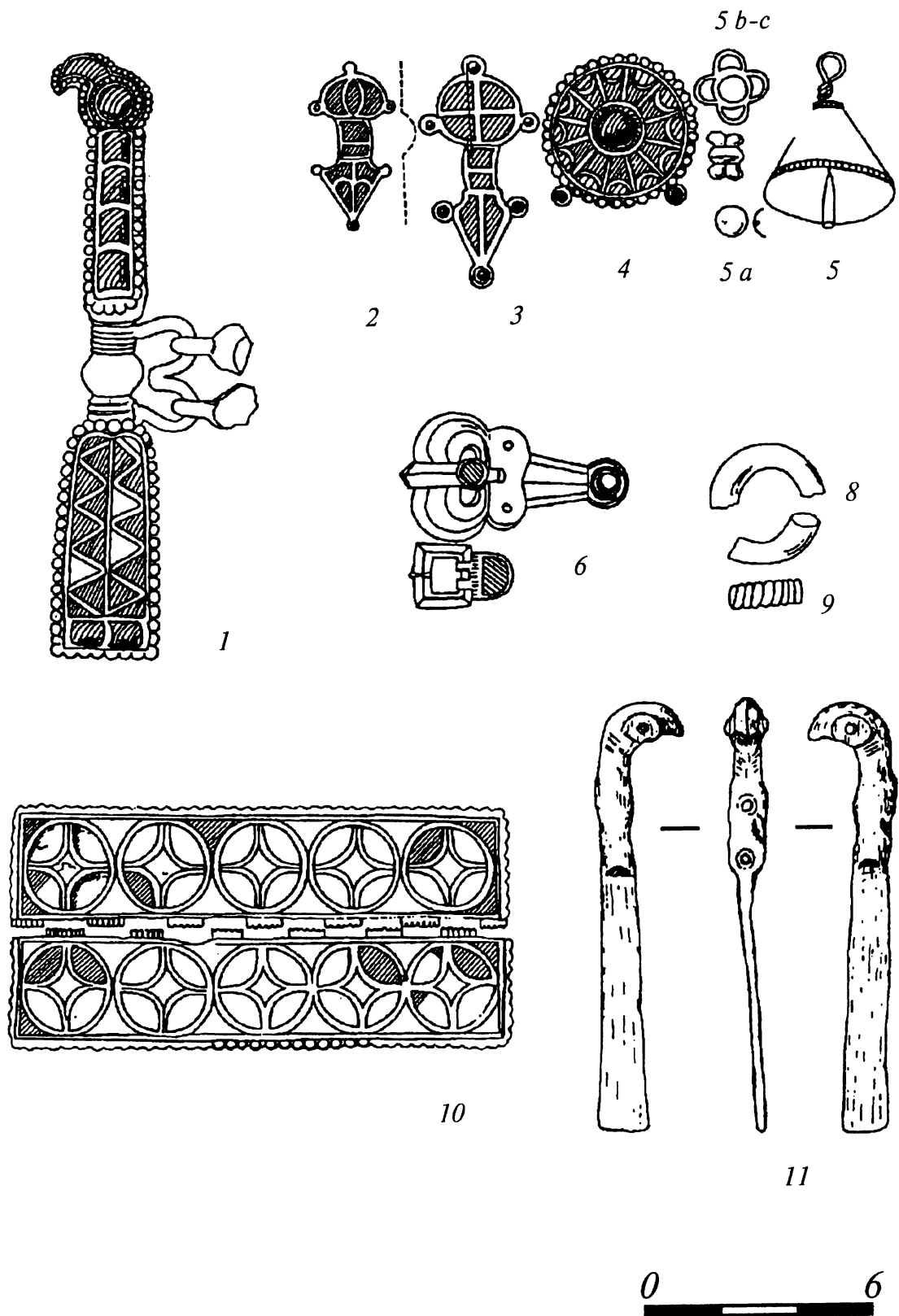

Рис.3. Находки на Северном Кавказе:
 1-10 – Кудинетово; 11 – Камунта или Кумбулта, серебро
 1-10 – по Амброс, 1989; 11 – с оригинала

ловкой, инкрустациями стеклянными вставками, с В-образной скобой, украшенный по краю каймой, аналогично бляшкам цебельдинского набора из Кудинетово (Кабарда) (рис.3, 1) в составе набора вещей второй половины V — начала VI в., имеющих средиземноморское происхождение (*Kazanski, Mastykova*, 1999. P.539—540; *Амброз*, 1989. Рис.39, 1—13). Верхняя часть псаля — пластинчатая, инкрустирована четырьмя каменными пластинами в виде валиков; в верхней части — стилизованная головка птицы, в центральной части стержень псаля имеет шаровидное расширение с поясами рифления по краям, здесь же крепится В-образная петля с двумя округлыми зажимами для ремней оголовья. Нижняя часть псаля сделана в виде лопасти с валиком, инкрустированной двумя пластинами. Остальная часть лопасти разделена на две полосы, инкрустированные треугольниками. Зоны инкрустации окружены имитацией зерни.

Конструкция псаля находит аналоги в европейских древностях. Так, особенности системы крепления псаля в кольце удила, когда шаровидное расширение стержня зажато кольцом-втулкой, известны на удилах из погребения 9 могильника Deersheim в Средней Германии (*Shneider*, 1983. Abb.27, 1; Abb.74, б). Наиболее роскошные наборы с такой схемой псалиев известны в Arahida II (*Horedt et Protase*, 1972; *Harhoiu*, 1998. P.159—160. Pl. LXIII, LXV, LXVI). Эта же конструкция известна в скандинавской узде эпохи раннего Вендела и связана с указанными по происхождению (рис.6, 3—5) (*Arrhenius*, 1980. P.12. Fig.16, b—c; 1983). Наборы из Deersheim и Arahida весьма близки еще и потому, что в их составе находятся детали узды, богато украшенные инкрустациями, выполненными в одном стиле, являющимся общим для горизонта погребений с престижным инвентарем Алахиды—Блудина—Турне (см. рис.6). Этот горизонт датируется 450—490 гг. периода D3 (*Tejral*, 1997; *Kazanski, Perin*, 1997. P.206—210). Под стенами Цибилиума так же найден набор с железными удилами и бронзовыми позолоченными украшениями ремней, инкрустированными вставками из красного стекла (*Воронов, Шенкао*, 1982. С.134. Рис.6, 31—37), изготовленный в том же стиле, что и наборы из Arahida и Deersheim, но с утраченными псалиями. К этому горизонту на Северном Кавказе относятся так же находки на могильнике Зеленодольский (сборы В.Г.Флерова) в Кисловодской котловине. Вероятно, под влиянием этого стиля были изготовлены конские уборы стиля Лермонтовская скала — Дюрсо, на псалиях вместо зооморфных деталей помещены полиэдрические украшения, а инкрустированные фиксаторы ремней оголовья имеют характерную арочную форму. Эти древности ранее рассматривались в составе группы II степных древностей (*Амброз*, 1989. С.78; 1994. С.56—57). В рамках этой группы анализировал

предметы узды этого горизонта и автор данной работы (*Ахмедов*, 1997а. С.14—15; 1997б). Однако дальнейшее изучение показало, что северокавказские находки представляют собой самостоятельную группу узды, тесно связанную с центрально-европейскими древностями и в то же время имеющую восточноевропейские корни в рамках понтийской группы узды гуннского времени. Сейчас дату этого горизонта определяют по-другому: I этап могильника Дюрсо (к которому относятся погребения с уздой этого стиля) А.В.Дмитриевым определяется второй половиной V в. с возможным сужением до последней трети V в. (*Дмитриев*, 1982. С.103; 1979, С.222). Для памятников Кисловодской котловины, по И.О.Гавритухину и В.Ю.Малашеву, это период I а, относящийся «не к первым десятилетиям V в.» (*Гавритухин, Малашев*, 1998. С.46, 66—67), или середина V — начало VI в. (*Kazanski, Mastykova*, 1999. P.566).

Другой серебряный псалий с зооморфным окончанием найден в Верхней Рутхе (Камунта или Кумбулта, собрание К.И.Ольшевского, ГИМ, инв. №86868) в Дигорском ущелье Северной Осетии. Верхняя часть псаля изготовлена в виде стилизованной птичьей головки, с невыделенным клювом, с овальными площадками, на которых размещены выпуклые глаза. Под площадками — параллельные насечки, возможно, обозначающие перья. Центральная часть стержня цилиндрическая, с двумя отверстиями, в которых сохранились остатки железных петель для крепления ремней оголовья. Нижняя часть оформлена в виде неширокой лопасти (рис.3, 11). Конструкция изделия восходит к псалиям второй группы стержневидных псалиев гуннского времени (*Akhmedov*, in print). Общая схема сочетания элементов близка псалиям группы «Дюрсо — Лермонтовская скала» и подражаниям этой группе в уральских и поволжских древностях (погребение 134, Безводнинский могильник; погребение на улице Г.Тукаева в Уфе, Башкирия) (*Ахмедов*, 1997. Рис.1; *Амброз*, 1989. С.74—79, 81; *Краснов*, 1980. Рис.53, 5).

Способ изображения птичьей головы, аналогичный рассматриваемому, появляется на крупных пряжках горизонта Смолин (фаза D2/D3, по J.Tejral), на среднем Дунае (*Smolin, Zmajevic et cet.*) (*Tejral*, 1995. Abb.22, 1—2, 10; abb.23, 3). Однако наиболее близкие изображения встречены на язычках крымских больших пряжек с прямоугольным шитком варианта 1—7, по А.И.Айбабину (Херсонес, склеп 14/1914 года, вторая половина V — первая половина VI в.) (*Айбабин*, 1990. С.30; *Kazansky*, 1994. P.166—168), и гепидских орлиноголовых пряжек (находка в Керчи, Коллекции Берлинских музеев; Ковин в Югославии и др.) (*Айбабин*, 1990. С.34—35. Рис.24, 1; 26, 2). Таким образом, по сочетанию конструкции и декора псалий можно датировать второй половиной V — первой половиной VI в.

ПАДНЫЕ ЗООМОРФНЫЕ ПСАЛИИ ИЗ V – НАЧАЛА VI в.

Среди многочисленных находок предметов конского убора меровингского времени из Западной Европы автору известен лишь один псалий с зооморфными окончаниями, происходящий из погребения 68 Jarville-Mezieres в Арденнах (Perin, 1972; Périn, 195. Fig.9) (рис.4, 1–2). Эти удила изготовлены из леза, на верхней части, стилизованное изображение птичьих головок с длинными клювами. Стержни псалиев округлые, поверхность покрыта поперечными линиями плакировки, имитирующим рифление железа, средняя часть с D-образными петлями для ремней повода и уздечки прямоугольная в сечении, а в нижнем конце подтрапцевидное расширение. Головки птичек очень схематичны, боковые грани плоские, таким образом изображение получается как бы контурным.

Погребение 68 – воинское, с престижным инвентарем: пряжка с декором «клуазонне», меч типа Vd, по W.Menghin (Menghin, 1994/95, 160), наконечники копья и дротика, боевой топор, монета императора Зенона (474–491). Датируется погребение в рамках фазы ABD для северо-востока Франции второй половиной – концом V в. (Perin, 1998. Fig.4, 7, 1) и коррелируется с горизонтом погребений «Flonheim-Gultingen» – группа B2-B3, по W.Menghin (Menghin, 1983). Эта группа тесно связана с дунайскими древностями типа Arahida-Blucina (Périn, 1995. P.249).

Среди последних и надо искать прототипы для изображений из Mezieres. Именно в инвентаре погребения 2 в Arahida II, где найдены украшения узды, седла, ременных гарнитур украшенные в стиле «клуазонне», в декоре которых обильно представлены изображения головок птиц (рис.6), представлены псалии из этих наборов, составные, с выделенной в центральной части втулкой, куда вставлялись стержни из органического материала, покрытые рифлеными металлическими колпачками. Именно эти втулки и имитируют центральные расширения рассматриваемых псалиев (Horedt, Protase, 1972; Harhoiu, 1998. P.159–160. Pl. LXIII, LXV, LXVI, L'Or des princes barbares, 2000. Kat.29, 22–26, 29).

В то же время тип псалиев из погребения 68 Mezieres входит в группу Form 1 раннемеровингского времени, по J.Oexle. Псалии этой группы с максимально схематизированными птичьими головками известны в Liebenau, эта схема встречается и в более позднее время, в группах Form 2 и 3 – Rißtissen, Schretzheim (рис.4, 3–5). J.Oexle указывает на связь группы Form 1 с уздечными наборами Центральной и Восточной Европы гуннского времени и на параллели второй половины V – начала VI в. из северокавказских и понтийских памятников (Дюрсо, Лермонтовская скала и др.) (Oexle, 1992. S.81–82. Bd.5. Taf. 72, 113, 200).

Таким образом, находка из Mezieres является одним из звеньев, связующих древности гуннского и меровингского периодов, и иллюстрирует процессы создания новых форм трензеля, в которых ярко прослеживаются восточные элементы.

Находка псалиев с зооморфными окончаниями известна и в Северной Европе. В «княжеском» кургане V в. в Högom, среди многочисленных принадлежностей уздечных и сбруйных наборов присутствуют железные одночастные удила с выступом в средней части, во внешние кольца которых вставлены железные псалии S-видной формы с бронзовыми головками птиц на верхних концах. В средней части – D-образные кольца для крепления ремней оголовья и повода, нижние концы слегка сужаются (рис.5, 1–2). Автор определяет этот набор как принадлежность «боевой узды», очевидно, основываясь на устройстве грызла, строгих удил, предназначенных для жесткого управления лошадью во время сражения (Ramqvist, 1992. Pl. 35, 41).

Птичьи головки предельно стилизованы, изготовлены в манере, близкой 1-му германскому звериному стилю. Характерные рельефные валики на клюве, шее, затылке, верхней части головки, проработка деталей клюва сближает эти изображения с птичьими головками на разделителе ремней из находки в Sjurup (Germanen, 1987. Kat.XI). Зажимы для ремней фигурные, изготовлены в виде маски животного.

В более позднее время в скандинавских древностях, также sporadически, встречаются псалии с зооморфными окончаниями. Наиболее яркий образец происходит из воинского погребения I в ладье первой трети VII в. у о. Vendel (Stoilpe, Arne, 1912) (рис.5, 5). Эти псалии – железные, украшены плакировкой поперечными линиями, на верхней, слегка изогнутой части – стилизованные птичьи головки. Б.Аррениус считает, что эта схема псалиев соотносится с находками из Германии. В то же время находка из Högom может указывать на более ранние заимствования с континента, тем более что в более раннем погребении XIV (рис.5, 4), относящемся к первой половине – середине VI в., находились псалии с фигурными зажимами, выполненными в виде антропоморфной маски, близкие по общей схеме к прототипам из Högom. В то же время Б.Аррениус указывает на прототипы конструкции самих псалиев из погребения 2 в Arahida. Имитация звериных головок видна и на псалиях из погребения XII второй половины VI в. (рис.5, 3) (Arrhenius, 1980. P.12, 20, 36. Fig.16 c, 18 a–b; 1983. Fig.6).

К этому можно добавить уже указанные предметы из погребения вождя (погребение 9) могильника Deersheim в средней Германии (Shneider, 1983. Abb.27, 1; Abb.74, 6), изготовленные в том же стиле, что и находки из Arahida.

Более простые псалии с зооморфными концами известны также в Норвегии в более позднее время (рис.5, 6–7) (Rygh, 1885. N573–574).

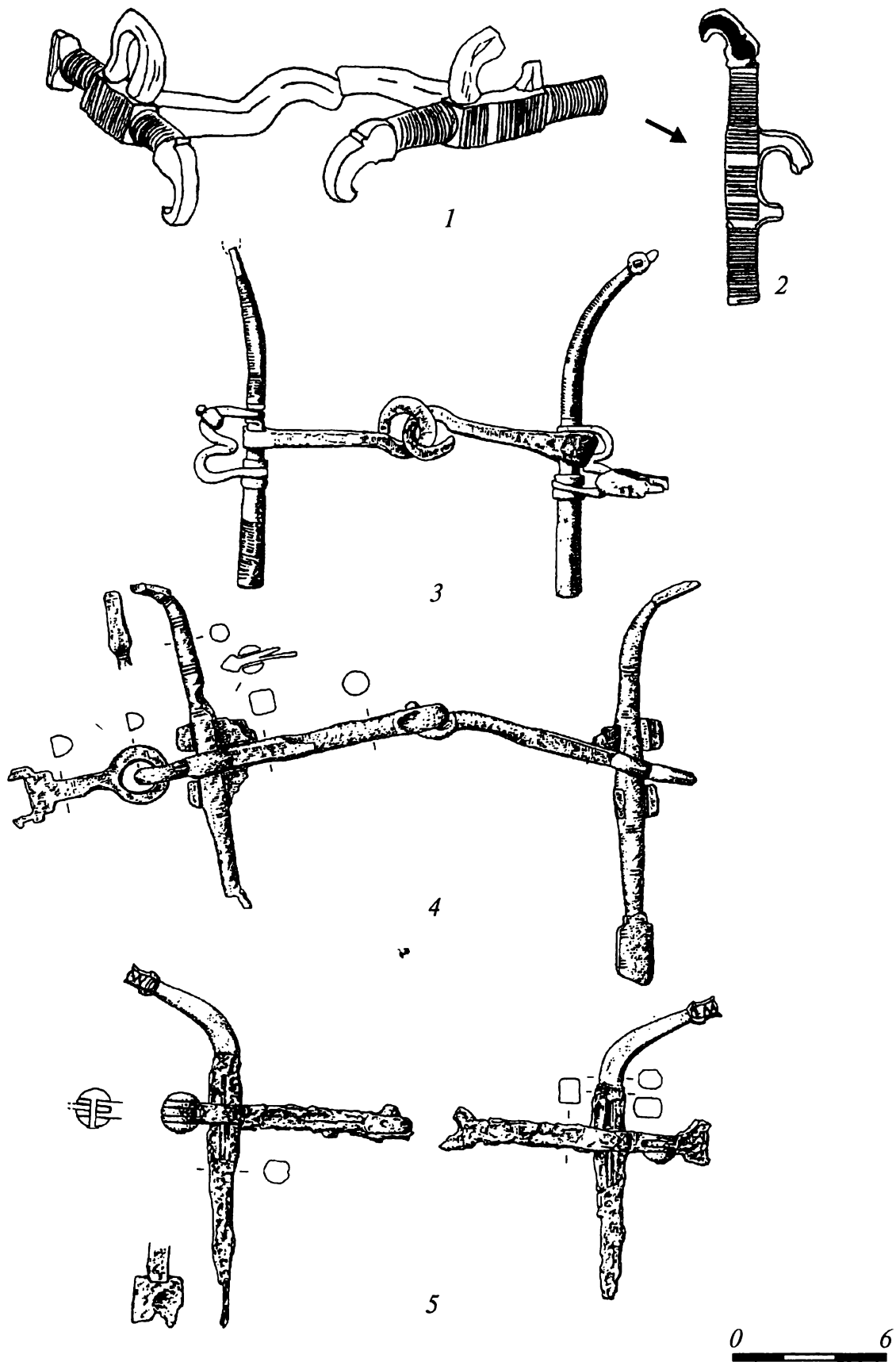

Рис. 4. Находки псалиев с зооморфным декором в Западной Европе:
 1-2 - Mézières; 3 - Liebenau; 4 - Schretzheim, 5 - Rißtissen
 1-2 - по Périn, 1995, 1998; 3-5 - по Oexle, 1986

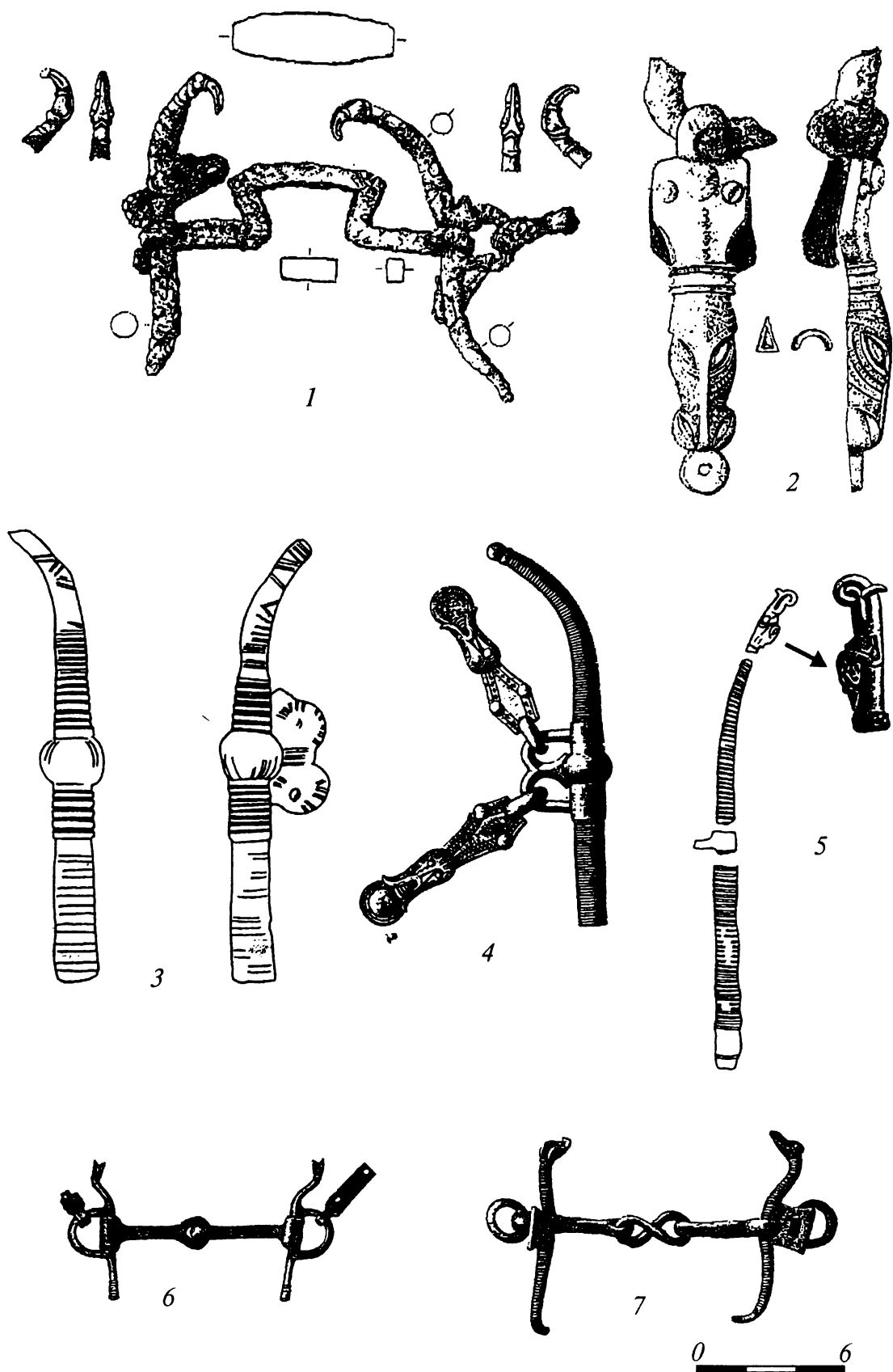

Рис.5. Находки псалиев с зооморфным декором в Скандинавии:
 1-2 – Хером; 3-5 – Vendel; 6-7 – Норвегия
 1-2 – по Ramqvist, 1992; 3-5 – по Arrhenius, 1983; 6-7 – по Rygh, 1885

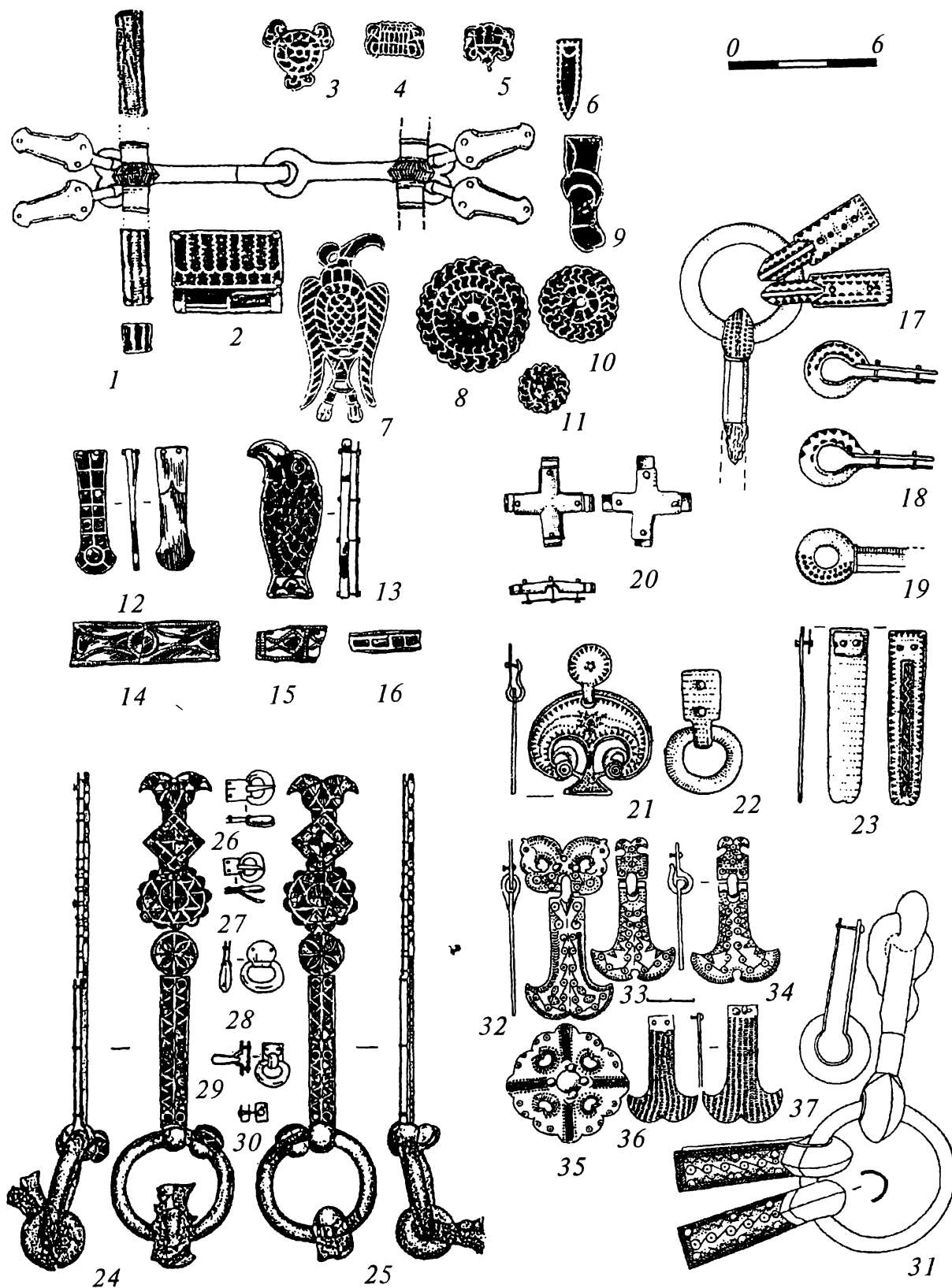

Рис.6. Уздечные наборы с зооморфным декором в Юго-Восточной Европе:

1–11 – Arahida, погребение 2; 12–16 – Концешты; 17–23 – Якушовице; 24–30 – Казаклия; 31–37 – Качин
 1–11 – по Harhoiu, 1998; 12–16 – по Засецкая, 1994; 17–23 – по Godlowski, 1995; 31–37 – по Кухаренко, 1982

Эта схема приживается в Скандинавии и существует вплоть до конца I тысячелетия, к которому относятся богато декорированные находки из погребения в Borre (*Muller-Wille*, 1986. Abb.3, 1, 3). Следует указать, что в коллекции ГИМ находятся аналогичные псалии из неопубликованного клада на городище Супруты (раскопки С.А.Изюмовой).

Таким образом, находки псалиев с зооморфным декором из Западной и Северной Европы следует рассматривать вместе, в контексте культурных контактов и переработок мотивов. Поиск прототипов приводит авторов к региону Центральной Европы в целом, находки же, использующиеся в качестве аргументов, сосредоточены практически в одном «королевском» погребении в Arahida (округ Клуж в Румынии). Все это требует более внимательно рассмотреть находки конского убора с зооморфными украшениями в Юго-Восточной Европе.

ДЕТАЛИ КОНСКОГО УБОРА С ЗООМОРФНЫМИ МОТИВАМИ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Как уже было указано выше, наиболее яркие уздечные и сбруйные наборы с деталями, декорированные в стиле «клуазонне», с применением зооморфных мотивов происходят из «королевского» погребения 2 в Arahida (*Horedt, Protase*, 1972; *Harhoiu*, 1998; *L'Or des princes barbares*, 2000). Здесь нет псалиев с зооморфными окончаниями, но присутствует большое количество блях, мелких бляшек, наконечников ремней, седельных накладок выполненных как в виде отдельных фигурок птиц (седельные накладки), отдельных головок животных (наконечники ремней), так и в виде композиции, в которую входят геометрические фигуры, отдельные элементы изображений головок птиц — клювы, головки (бляхи узды и сбруи). Все они изготовлены из золота, для вставок использованы гранаты, пластинки красного, в некоторых случаях — зеленого стекла, под которые подложены золотые пластинки с решетчатой поверхностью, которая была призвана обогатить игру цвета на поверхности стеклянных пластин (рис.6, 1–11).

Образ птицы наиболее полно предстает в седельных накладках (рис.6, 7; 8, 4). Головки птиц — с длинными вытянутыми клювами, с овальным глазом. Крылья изящно изогнуты, тело показано в виде овального, выпуклого медальона, на котором инкрустации выполнены в виде стилизованных перьев. Гранатовыми темными вставками подчеркнуты основание клюва, шея, центр и низ медальона, верхние края и концы крыльев, более светлого тона гранаты использованы для клюва и лап. Лапки проработаны рифлением, возможно, имитирующим пальцы. Фигурка показана фронтально, голова — в профиль, такой прием потом будет широко использоваться при изображении геральдических животных.

Круглые бляхи от сбруи украшены каймой из стилизованных птичьих клювов, идущей по краю полусферических центральных медальонов (рис.6, 8, 10–11). Меньшие по размеру круглые фиксаторы ремней на местах крепления ремней украшены тремя головками птиц. Две головки направлены клювами влево, одна в обратном направлении таким образом, что создается композиция развернутых в разные стороны головок. Этот прием использован и в композиции мелких бляшек сбруи (рис.6, 4–5), в которых вставки зеленого стекла отделяют друг от друга головки птиц, инкрустированные вставками красного цвета. Сам прием изображения парных головок, направленных в одну или разные стороны, восходит к изобразительной системе воинских ремennых гарнитур позднеримского времени и широко представлен в памятниках Дунайского и Рейнского лимеса (*Böhme*, 1986. P.25–34. Abb.2–4, 6–7, 9–11). Два наконечника ремней, возможно, не относящихся к узде, украшены головами лошадей, схема изображений которых, вероятно, повторяет в технике «клуазонне» головки животных на псалях «боспорской» группы (рис.6, 9).

В этом регионе зооморфные украшения узды и сбруи известны и в более раннее время. Наиболее близка к седельным бляхам из Arahida накладка из богатого погребения из Концешт в Румынии (рис.6, 13) (*Засецкая*, 1994. С.174–175. Табл.19, 2. Рис.15). Она изготовлена из золота, инкрустирована вставками граната и перламутра. Клюв несколько короче и шире, также выделен глаз, тело покрыто инкрустациями в виде перьев. Иногда это изображение интерпретируют как образ птицы-рыбы, основываясь, вероятно, на общей форме и декорации тела, похожей на чешую. Этот прием весьма характерен для многих изделий эпохи переселения народов, известен на накладках ленчиков жестких седел и т.д. (*Zasetskaya*, 1999. Fig.7). Известен он и в позднеримском искусстве: так, например, проработаны поверхность тела дельфинов на пряжке из Hontheim (Mosel), на шее птицы с ножен меча из Nydam, фигурка крылатого грифона из Otterswang, шеи грифонов на пряжке из коллекции музея Castellani в Риме (*Haseloff*, 1986. Taf.2–3; 4, 2; 5, 24; *Böhme*, 1986. Abb.2).

Наконечники ремней в виде инкрустированных головок птиц, относящиеся к несколько более раннему времени (периоду Д2 европейской хронологии, по Я.Тейралу), известны в составе находок из Szeged–Nagyszekes (*Germanen*, 1987; *L'Or des princes barbares*, 2000. Cat. Exp.19, 2). Псалии этого времени часто украшаются полиэдрическими головками, которые могут заменять в изобразительной системе зооморфные окончания, и встречаются в алано-германских погребениях гуннских федератов (Лучистое, склеп 88; Лендьялтошти; Унтерзибенбрунн) (*Кушш*, 1995; *Akhmedov*, in print).

Изображение птичьих головок присутствует на подвеске-луннице, украшавшей богатую уздечку из

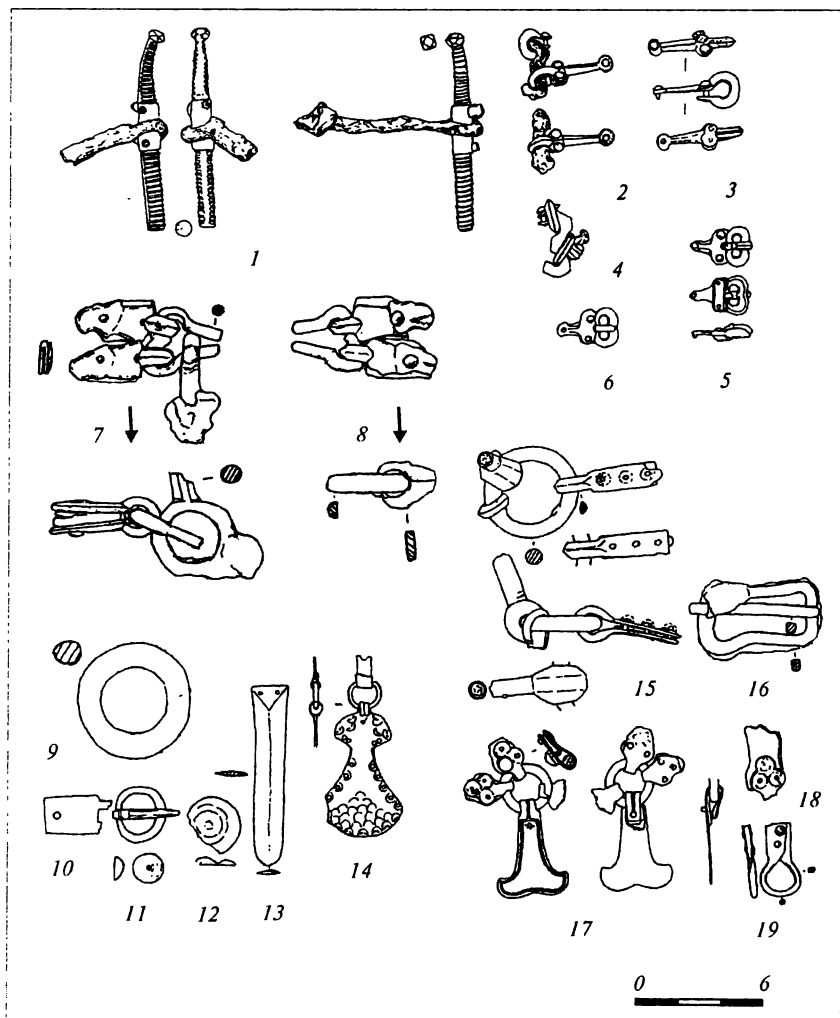

Рис.7. Предметы конского убора инокультурного происхождения на территории Средней Оки:

1–8 – Ундрих; 9–14 – Курман, погребение 28; 15–19 – окрестности г. Шилово

1–2, 4, 7–8, 15 – бронза, железо; 3, 6–7, 11, 19 – бронза; 9, 12–14 – серебро; 17 – серебро, оловянистый сплав, кожа; 18 – оловянистый сплав, кожа. Все с оригинала

погребения «гуннского наместника» в Якушовице (Godlowski, 1995. Abb.4, 3) (рис.6, 21).

На восточной и юго-восточной окраинах Карпатского бассейна известны две находки богато украшенных уздечек с зооморфными деталями. Узда из Качина на Волини уже рассматривалась выше.

Уздечный набор с инкрустированными деталями найден в кургане 14 в Казаклии в Молдавии (рис.6, 24–30) (Agulnikov, Simonenko, 1993. Fig.2–4; Гросу, 1990). Стилизованными парными головками птиц украшены накладки нащечных ремней оголовья, составленные из геометрических фигур – круга с округлыми фестонами и ромба. Конструкция удиц – применение зажимов разных размеров – сближает этот набор с боспорской инкрустированной уздой второй половины IV – начала V в. (Засецкая, 1993. Табл.18–19. Табл.36; Малашев, in print). Зажимы

овальной формы характерны для позднесарматской узды IV в. в целом (Ахмедов, 1995; Малашев, in print); в комплексах гуннского времени известны также в Муслюмово (Засецкая, 1994. С.191. Табл.43), где, кстати, встречены и детали ременных гарнитур с инкрустациями. Таким образом, вероятно, набор следует относить к началу V в.

Судя по всему, уздечные наборы из Карпатского бассейна являются промежуточным звеном между понтийскими образцами и европейской уздой второй половины V в.

О том, что воинская мода гуннского и постгуннского времени, элементами которой являются конструкция и украшения конского убора, интернациональна и является индикатором контактов и культурных заимствований, свидетельствуют находки уздечных наборов инокультурного происхождения в могильниках поволжских финнов, расположенных на рязанском течении р. Оки в Центральной России*. Кроме упомянутого псалия боспорского типа из могильника Ундрих, следует указать случайную находку узды, сделанную в окрестностях этого могильника (рис.1, 15–19). Удила из этого набора – биметаллические, а фиксаторы ремней украшены серебряными подвесками в виде «ласточкиного хвоста» и являются упрощенным вариантом уздечек типа Качин–Кошовени де Жос–Унтерзибенбрун. К этому же типу относится уздечный набор из погребения 28 могильника Курман

(рис.7, 9–14) (Уваров, 1890. Табл.11; Ахмедов, 1995).

К более позднему времени относятся два уздечных набора, найденных на могильнике Ундрих: один – со стержневидными псалиями с полиэдрическими головками рифлением, выделенной центральной частью, пряжками с полкой рамкой, двускатными зажимами (рис.7, 1–6), изготовлен в стиле западноевропейской узды последней четверти V в. (D3), наиболее яркие образцы которой встречены в погребениях горизонта Аратс 1а–Блучина–Турне (Arahida, Krefel-Gellep 1782, Гроссорнер, Deersheim) (Shneider, 1983; Périn, 1995; L'Or des princes barbares, 2000). От второ-

* Приношу искреннюю благодарность А.Н. и А.П. Гавриловым (Шилковский районный народный музей), любезно предоставившим материалы из могильника Ундрих для публикации.

го уздечного набора сохранились только В-образные вставные петли и зооморфные зажимы (рис. 7, 7–8). Общий облик изображений животных (лошадей?) представляет собой упрощенный вариант зооморфных изображений из погребения Arahida, погребения 1782 Krefeld-Geller, погребения короля Хильдерика, погребения 319 в Lavoye (Périn, 1995. Fig. 8, 10, 15; L'Or des princes barbares, 2000. 29. Kat. 11). Эти наборы не являются единичными предметами западного импорта в Центральной России. Существует целый пласт находок, и в первую очередь относящихся к предметам воинского обихода, второй половины V – начала VI в., свидетельствующий о вовлеченности этого региона в события эпохи распада гуннской державы и образования «варварских» королевств (Казанский, 1999; Kazanski, 2000; Ахмедов, Казанский, in print).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, можно сделать следующие выводы: «Боспорский» тип псалиев изготавливался в системе понтийских стилей узды гуннского времени, формирование которых приходится на рубеж IV–V – первую половину V в. (Ахмедов, in print). Иконография зооморфных изображений в этом регионе во многом восходит к степным традициям, сохраняемым алао-сарматской частью населения Крыма. Самое позднее стилистически, изображение из склепа 6 датируется не ранее середины V в. и представляет собой синтез элементов, характерных как для римской торевтики (изображение грифона), так и для боспорских изделий (моделировка уха, рифление шеи).

В это же время в среде сложного по составу населения Дунайско-Карпатского региона вырабатывается узда стиля Качин–Кошовени де Жос–Унтерзибенбрунн, тесно связанного как с понтийской группой узды (конструкции трензеля, набор декоративных и функциональных элементов), так и с европейскими традициями металлообработки (кербшит, циркульный орнамент, гравировки и т.д.). Наибольшего расцвета узда этого региона достигает в богато декорированных наборах из Концешт и Arahida, изготовленных в средиземноморских традициях, в которых зооморфные украшения узды и сбруи представляют собой уже целостную систему символов, несущих идеологическую нагрузку. Одновременно эти элементы появляются на Северном Кавказе, где они изготовлены, в целом, в том же стиле, что и набор из Arahida (рис. 8, 5).

Эти древности во многом могли служить эталоном для подражания и материалом, на котором в дальнейшем шло развитие этого мотива в западно-европейских древностях раннемеровингского времени, которые, возможно, вошли одним из элементов в скандинавскую узду середины – второй половины VI–VII вв.

Как правило, эти изделия находились в богатых воинских погребениях. Часть из них отождествля-

ется с погребениями знати, которые находятся в районах скопления находок престижного инвентаря, и ассоциируется с местами образования малых «варварских» королевств во второй половине V в. – Качин, Концешти, Arahida, Кудинетово (Основная литература: Tejral, 1997; Tejral, 1999; Kazanski, 1996; Kazanski, 1999; Мاستыкова, Казанский, 2000; Кулаков, 1998).

Эти образования отличались высокой военизированнойностью, что вызывало особое отношение к предметам воинского обихода. Они были необходимым элементом новой престижной воинской моды (многие элементы которой были характерны только для правящей воинской элиты), которая вырабатывалась в эпоху сложения «варварских» королевств. Неотъемлемой частью этой моды были узда и зооморфные детали. Часть изделий в стиле «клуазонне» горизонта Апахиды–Блущина–Турне изготовлена в восточносредиземноморских мастерских для «варварской» знати и в соответствии со вкусами последней (Arrhenius, 1985). Она, в свою очередь, стала образцом для подражания (например, на северо-востоке Франции, средней Германии, Тюрингии, через последние – и в Скандинавии). О связях дунайско-карпатского региона с указанными территориями уже много писалось в литературе (Ament, 1977; Arrhenius, 1980; Périn, 1995; Kazanski, Périn, 1997).

Традиция украшения предметов воинского убора связана с традициями воинской моды позднего Рима и Византии. Изображения из Arahida иконографически связаны с изображением орла на воинских значках римской армии. Орел в римской мифологии был спутником Юпитера, и его изображения украшали легионные знаки и портупей мечей, находились в святилищах отдельных частей (Karnap-Bornheim, 1996. Abb. 32). Он являлся неперенным спутником изображений императоров и военачальников (арка Константина, надгробие преторианского центуриона) (Bandinelli, 1961. Tabl. 18; 1970. Tabl. 72. III. 65). Стела с изображением Юпитера и орла известна в Добрудже, две бронзовые фигурки этих птиц найдены в Нове в Болгарии. Многочисленные находки керамических фигурок орлов и рельефов с ними в Северном Причерноморье связывают с пребыванием там во II–III вв. н.э. римских легионов (Цветеева, 1979. С. 38–43. Рис. 7–12). К V в. относятся великолепные изображения орлов из Sjögrup и Вознесенского клада (Germanen, 1987. Kat. XI, 12; Мацулевич, 1959) (рис. 8, 1–2). Неоднократно подобная схема изображения встречается на воинских инсингиях в Notitia Dignitatum, происхождение которой восходит к первой половине V в. (рис. 8, 5–6) (L'Or des princes barbares, 2000. P. 25. Fol. 74; Antiquités Nationales. № 29, Fol. 1). Иконография образа птицы везде одинакова, на изображениях особое значение придается ее позе, украшаются грудь, крылья – в изображениях из Arahida они подчеркнуты вставками темно-красных

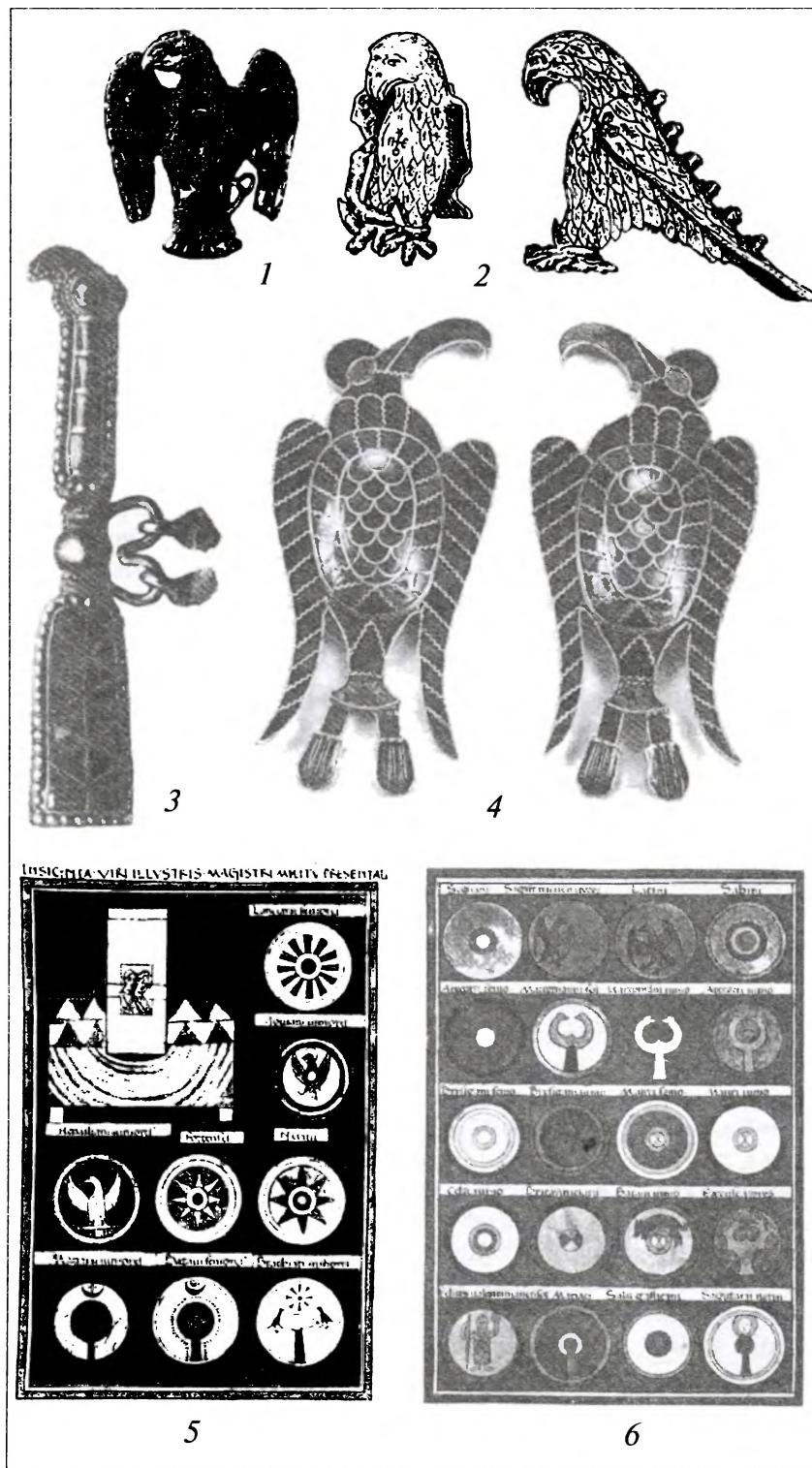

Рис. 8. Позднеримские и ранневизантийские параллели элементам декора узды: 1 – Sjöur; 2 – Вознесенка; 3 – Кудинетово; 4 – Apahida; 5–6 – Notitia Dignitatum, fol. 74, 111

1 – по Germanen; 2 – по Приходнюк, 1980; 4–5 – по L'Or des princes barbares, 2000; 6 – по Antiquités Nationales, 29

гранатов (рис. 8, 4). Таким образом, эти предметы принадлежат к пластуре регалий, подчеркивающих статус владельца. Как ранее уже определялось исследователями в древностях горизонта Апахиды—Блучина—Турне, к этим регалиям относились также богатое оружие, гривны, фибулы, браслеты (обзор и литературу см.: Ахмедов, Казанский, in print) – все вещи характерны для римского имперского воинского антуража.

О том, какое значение имел конский убор в системе социально-иерархических символов, свидетельствуют сообщения древних авторов: так, при провозглашении Юлиана в Галлии в качестве императорской инсингии солдаты пытались использовать конский фалар (*Ammianus Marcellinus*, *Rerum Gestarum libri qui supersunt*, XX, 4,15). При захоронении Аттилы в могилу наряду с инсингиями покоренных народов были помещены и «драгоценные фалеры» – «*faleras vario gemmarum fulgore praetiosas et diversi generis insignia*» (*lordannis*. De origine actibusque getarum, 258). Почти через сто лет после этих событий, перед битвой с Тотилой византийских солдат поощряли к сражению, показывая им поднятые на копья «обычные награды военных» – золотые браслеты, гривны и цепи, а также позолоченные удила (*Procopius Caesariensis*. *Bellum Gothicum*, IV, 31, 9).

Использование имперских элементов в предметах воинского обихода, как и в титулатуре правителей (например, у короля Хильдерика), служило для укрепления власти, ее легитимности, может быть, изменения ее сути: от власти военного вождя – к наследственной власти короля.

Среди аналогичных экземплярам из Apahida по назначению седельных пластин V–VII вв. встречаются не только изображения птиц, как, например, в Bislich 446 (*Oexle*, 1986. Taf. 173), но и львов, – Qustul (*Emery, Kirwku*, 1938. P.1.63), в двух склепах 1904 г. в Керчи (накладки на сбруйные ремни?) (*Засецкая*, 1993. Кат.167). Известна целая серия стилизованных изоб-

ражений львов VI–VII в. из Восточной Европы (*Амброз*, 1989; *Приходнюк*, 1980. Рис.59), а также композиции, состоящие из тех и других, в частности, в лангобардском погребении в Castel Trosino (*Vallet*, 1995. Fig.1, 1; 5, 1).

Упрощенной версией этих инсигний могли быть предметы конского убора и оружия с отдельными элементами изображений птиц. В боспорской вер-

сии первоначально на псалях изображаются привычные в понтийском мире образы, и лишь на самом позднем экземпляре середины – второй половины V в. появляется грифон. Позднее эта схема органично используется от дружинного символа на рубеже тысячелетий до обязательного элемента европейской геральдики вплоть до настоящего времени (*Кулаков*, 1988).

Литература

- Айбабин А.И.*, 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Симферополь. Вып. I.
- Амброз А.К.*, 1989. Хронология древностей Северного Кавказа. М.
- Амброз А.К.*, 1994. Юго-Западный Крым: Могильники IV–VII вв. // МАИЭТ. Симферополь. Вып. IV.
- Ахмедов И.Р.*, 1995. Из истории конского убора и предметов снаряжения всадника рязано-окских могильников // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань. Вып. 4.
- Ахмедов И.Р.*, 1997а. Уздечный набор из могильника Заречье 4. // Древности Евразии. М.
- Ахмедов И.Р.*, 1997б. К истории раннесредневековой узды (горизонт Шипово–Сахарная Головка) // Международная конференция «Византия и Крым», Севастополь, 6–11 июня 1997 г. Симферополь.
- Ахмедов И.Р.*, 1998. Рязано-окские «крестовидные» фибулы // Исследования П.Д.Степанова и этнокультурные процессы древности и современности: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию П.Д.Степанова. Саранск.
- Ахмедов И.Р., Казанский М.М.*, in print. После Аттилы: Киевский клад и его культурно-исторический контекст // Чтения памяти Е.А.Горюнова. СПб.
- Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К.*, 1982. Вооружение воинов Абхазии IV – VII вв. // Древности эпохи Великого переселения народов V–VII вв. М.
- Гавритухин И.О., Малашев В.Ю.*, 1998. Перспективы изучения хронологии раннесредневековых древностей Кисловодской котловины // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара.
- Гросу В.И.*, 1990. Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев.
- Давудов О.М.*, 1969. Отчет о работе Горного археологического отряда в 1969 г. // Дагестанский филиал АН СССР. Архив ИА РАН. Р–1. №3936.
- Дашевская О.Д.*, 1991. Поздние скифы в Крыму // САИ. Вып. Д 1–7. М.
- Дмитриев А.В.*, 1979. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // СА. №4.
- Дмитриев А.В.*, 1982. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи Великого переселения народов V–VII вв. М.
- Засецкая И.П.*, 1993. Материалы боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V в. н.э. // МАИЭТ. Симферополь. Вып. III.
- Засецкая И.П.*, 1994. Культура кочевников южно-русских степей в гунскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб.
- Илюков Л.С., Власкин М.В.*, 1992. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов-на-Дону.
- Казанский М.М.*, 1999. О балтах в лесной зоне России в эпоху Великого переселения народов // Археологические вести. №6.
- Кишиш А.*, 1999. Опыт исследования археологических памятников алан в Западной Европе и Северной Африке // Аланы: история и культура. Аланиса III. Владикавказ.
- Краснов Ю.А.*, 1980. Безводнинский могильник. М.
- Кулаков В.И.*, 1988. Птица-хищник и птица-жертва в искусстве Балтики и Восточной Европы (IX–XI вв.) // СА. №3.
- Кулаков В.И.*, 1998. Holibo. Междуречье Ильфинг и Фришинг в V в. н.э. // Істарычна-Археалагічны зборнік. №13.
- Кухаренко Ю.В.*, 1982. О Качинской находке V в. // Древности эпохи Великого переселения народов V–VII вв. М.
- Малашев В.Ю.*, in print. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону.
- Мастыкова А.В., Казанский М.М.*, 2000. Центры власти и торговые пути в Западной Алании в V–VI вв. // XXI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Кисловодск.
- Мацулевич Л.А.*, 1926. Серебряная чаша из Керчи // Памятники Государственного Эрмитажа. Пб; Л.
- Мацулевич Л.А.*, 1959. Войсковой знак V в. // Византийский временник. XVI.
- ОАК 1905: Отчет императорской археологической комиссии за 1905 г. СПб, 1908 г.
- Приходнюк О.М.*, 1980. Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI–IX ст. н.е. Київ.
- Ростовцев М.И.*, 1914. Античная декоративная живопись на юге России. СПб.
- Синицин И.В.*, 1946. К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья // СА. №VIII.

Скрипкин А.С., 1987. Погребальный комплекс с уздечным набором из Котлубани и некоторые вопросы этнической истории сарматов // СА. №4.

Скрипкин А.С., 1990. Азиатская Сарматия. Саратов.

Спицын А.А., 1901. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР. СПб. Вып.25.

Уваров А.С., 1890. Курманский могильник // Древности: Труды Московского Археологического Общества. Т.14.

Храпунов И.Н., Мульд С.А., 2000. Новые исследования могильников поздне римского времени в Крыму // Die spatromische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. Lodz.

Цветяева Г.А., 1979. Боспор и Рим. М.

Шаров О.В., 1992. Хронология могильников Ружичанка, Ксаново, Данчени и проблема датировки черняховской керамики // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. СПб.

Шкорпил В.В., 1909. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1905 г. // ИАК. СПб. Вып.30

Agulnikov S.M., Simonenko A.V., 1993. A late sarmatian bridle set from Moldova // Communicationes Archaeologicae Hungariae.

Akhmedov I., in print. The new data to the origin of some constructive details of the horse's harness on The Great Migrations period (psaliae).

Ament H., 1977. Zur archäologischen Periodisierung der Merowingerzeit // Germania. 55.

Arrhenius Å., 1980. The Chronology of the Vendel Graves: Rapport från Stocholms Universitets Arkeologiska forsknings laboratorium. Preprint. 12.

Arrhenius B., 1983. The Chronology of the Vendel Graves // Vendel period studies. Stockholm.

Arrhenius Å., 1985. Merovingian Garnet Jewellery. Stockholm.

Bandinelli R., 1961. Archeologia e cultura. Milan.

Bandinelli R., 1970. Rome. La fin de l'art antiques. Gallimard.

Böhme H.W., 1986. Bemerkungen zum spätrömischen Militärstil // Zum Problem der Deutung frühmittelalterlicher Bildinhalte / Herausgegeben von H.Roth. Sigmaringen.

Emery W.B., Kirwku L.R., 1938. The royal Tombs of Ballana and Qustul. Le Caire. T.2. Qustul.

Germanen, 1987: Germanen, Hunnen und Awaren. Schätze der Völkerwanderungszeit. Nürnberg.

Godlowski K., 1995. Das «Fürstengrab» des 5.Jhs und der «Fürstensitz» in Jakuszowice in Südpolen // La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle. Tome IX des mémoires publiées par A.F.A.M. Condée-sur-Noireau.

Harhoiu R., 1998. Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien. Bukarest.

Haseloff G., 1986. Bild und Motiv im Nydam-Stil und Stil I // Zum Problem der Deutung frühmittelalterlicher Bildinhalte / Herausgegeben von H.Roth. Sigmaringen.

Horedt K., Protase D., 1972. Das zweite Fürstengrab von Apahida (Siebenburgen) // Germania. 50.

Carnap-Bornheim von C., Ilkjaer J., 1996. Illerup Adal. 5. Textband. Jutland Archaeological Society Publications XXV: 5.

Kazanski J., 1994. Les plaques-boucles méditerranéennes des Ve-VIe siècles // Archéologie Médiévale. 24.

Kazansky M., 1995. Les Sarmates et les Alains dans l'Occident Romain // L'Or des Sarmates. Abbaye de Daoulas.

Kazansky M., 1996. Les tombes «princières» de l'horizon Untersiebenbrunn, le problème de l'identification ethnique // L'identité des populations archéologiques. Actes des XVIe rencontres internationales d'archéologie et d'histoire d'Antibes. Sophia Antipolis.

Kazansky M., 1999. Les tombes des chefs militaires de l'époque hunnique // Germanen beiderseits des spätantiken Limes. Brno.

Kazansky M., 2000. La zone forestière de la Russie et l'Europe centrale à la fin de l'époque des Grandes Migrations // Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. Lodz.

Kazansky M., Mastykova A., 1999. Le Caucase du Nord et la région méditerranéenne aux 5e-6e siècles. Eurasia Antiqua 5.

Kazanski M., Périn P., 1997. Les Barbares «orientaux» dans l'armée romaine en Gaule // Antiquités Nationales. 29.

Menghin W., 1983. Das Schwert im frühen Mittelalter: Chronologisch-typologische Untersuchungen zu Langschwerten aus germanischen Gräbern des 5. Bis 7. Jahrhunderts n. Chr. // Stuttgart. Bd.1. Wissenschaftliche Beibände zum Anzeiger des Germanischen Nationalmuseums.

Menghin W., 1994/95. Schwerter des Goldgriffspathenhorizonts im Museum für Vor- und Frühgeschichte // Acta Praehistorica et Archaeologica. Bd. 26/27. Berlin.

Müller-Wille M., 1986. Bild und Bildträger: Beispiele im Borre- und Jellingstil // Zum Problem der Deutung frühmittelalterlicher Bildinhalte / Herausgegeben von H.Roth. Sigmaringen.

Norberg R., 1931. Moor- und Depotfunde aus dem 5. Jahrhundert nach Chr. In Shonen // Acta archaeologica. København. Vol. II.

L'Or des princes barbares, 2000. L'Or des princes barbares: Du Caucase à la Gaule Ve siècle après J. C. Paris.

Oexle J., 1992. Studien zu merowingerzeitlichen pferdegeschirr am beispiel der Trensen // Germanische Denkmäler der Völkerwanderungszeit. Mainz am Rhein. Serie A. Bd. XVI.

Périn P., 1972. Trois tombes de «chefs» du début de la période mérovingienne: Les sépultures 166, 68 et 74 de la nécropole de Mézières (Ardenne) // Bulletin de la Société archéologique champenoise. №4.

Périn P., 1995. Les tombes de «chefs» du début de l'époque mérovingienne: Datation et interprétation historique // La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle. Tome IX des mémoires publiées par A.F.A.M. Conde-sur-Noireau.

Périn P., 1998. La question des «tombes-references» sur la datation absolue du mobilier funéraire mérovingien. La dotation des structures et des objets du haut Moyen âge: méthodes et résultats. Saint-Germain-en-Laye.

Ramqvist P.H., 1992. Högom. Excavations 1949–1984 Högom I (Archaeology and Environment, 13). Neumünster.

Rygh O., 1885. Norske oldsager. Christiania.

Shneider J., 1983. Deersheim: Ein Völkerwanderungszeitliches Grabfeld im Nordharzvorland // *Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte*. Berlin. Bd. 66.

Stolpe Hj., Arne T.J., 1912. Graffältet vid Vendel. Stockholm.

Tejral J., 1995. Die Verbündeten Roms nördlich des römischen Limes und ihre Nobilität während der Spätantike // *La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle*. Tome IX des mémoires publiées par A.F.A.M. Condé-sur-Noireau.

Tejral J., 1997. Les fédérés de l'Empire et la formation des royaumes barbares dans la région du Danube moyen à

la lumière des données archéologiques // *Antiquités Nationales*. 29.

Tejral J., 1999. Die spätantiken militärischen Eliten beiderseits der norisch-pannonischen Grenze aus der Sicht der Grabfunde // *Germanen beiderseits des spätantiken Limes*. Brno.

Zasetskaya I., 1999. Les Steppes pontiques à l'époque hunnique (Questions de chronologie) // *L'Occident romain et l'Europe centrale au début de l'époque des Grandes Migrations*. SpisyArch. UstavuCR. Brno. 13.

Vallet F., 1995. Une tombe de riche cavalier lombard découverte à Castel Trosino // *La Noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle*. Tome IX des mémoires publiées par A.F.A.M. Condé-sur-Noireau.

Voronov J., 1995. La civilisation matérielle de l'aristocratie avars (la côte est de la mer Noire) du IVe au VIIe siècle // *La Noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle*. Tome IX des mémoires publiées par A.F.A.M. Condé-sur-Noireau.

Н.М. Булатов

АНТРОПОМОРФНЫЕ И ЗООМОРФНЫЕ СЮЖЕТЫ В КЕРАМИКЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Довольно интенсивные и планомерные исследования в последние десятилетия археологических памятников в различных регионах бывшей территории государства Золотая Орда дали в руки специалистов много нового материала для изучения всех сторон жизни этого государственного образования. В том числе и в художественно-эстетической, религиозной и духовной сфере. К такой группе археологического материала следует отнести и многочисленные находки фрагментов и целых изделий из керамики с изображениями антропоморфных и зооморфных сюжетов на глиняных, каменных сосудах, а также на керамических предметах архитектурного декора и в керамической скульптуре.

Несмотря на сравнительную многочисленность таких находок, комплекс этих сюжетов, представляющий значительный научный и художественный интерес, ни разу не подвергался специальному исследованию. В научной литературе известны лишь отдельные статьи, посвященные тем или иным сюжетам (*Филиппенко*, 1958; *Булатов*, 1979), да иногда эти изображения попадали в поле зрения специалистов при исследовании других вопросов, связанных с археологией и историей Золотой Орды (*Федоров-Давыдов*, 1976; *Малиновская*, 1974; *Бусятская*, 1976; и др.).

В настоящей статье рассматриваются материалы, обнаруженные во всех регионах бывшей тер-

ритории Золотой Орды, независимо от того, считаются они здесь привозными или являются предметами местного, золотоордынского производства в керамических и иных мастерских в городах монгольского государства, за исключением некоторой посуды явно китайского или ближневосточного производства. Это вызвано тем, что так называемая привозная посуда на золотоордынских археологических памятниках, как показали исследования последних лет, ничем не отличается от многих образцов крымского, ближневосточного, закавказского или среднеазиатского круга. Особенно убеждают в этом исследования гончарных мастерских на Царевском и Селитренном городищах по производству каменной и глиняной поливной керамики с находками производственного брака и заготовок для производства изделий с этими сюжетами. Не ставя перед собой задачу искусствоведческого анализа сюжетов, автор попытался выяснить, что и почему изображалось на золотоордынских изделиях. Поэтому критерием отбора материала для исследования были лишь два фактора: место его находки и аргументированное отнесение его к золотоордынскому времени (XIII–XV вв.).

Анализ этих рисунков показывает, что в них отражены все многообразие окружающего золотоордын-

ца животного мира, дух и смысл различных домусульманских и мусульманских верований, уклад хозяйственной и бытовой жизни, отдых, увлечения различных групп населения и т.д. Это — изображения людей в различных ипостасях, мифологических персонажей, домашних животных и птиц, хищных животных и птиц, объектов охоты и рыболовства и т.д.

Прежде чем приступить к изучению и анализу названных сюжетов, необходимо, хотя бы бегло, ознакомиться с той общественно-политической, идеологической, этнической и религиозной обстановкой, в которой создавали свои изделия мастера-керамисты в различных концах огромного средневекового государства.

В процессе завоевательных походов монголы объединили в одно государство многие племена и народы Азии и Восточной Европы с различным хозяйственно-экономическим укладом, общественным строем и, естественно, религиозными верованиями. На этническую лоскутность территории, завоеванной Батыем в XIII в., обращали внимание и Плано Карпини, путешествовавший по территории Джучиева улуса в 1245—1247 гг. и Гильом Рубрук — 1253—1255 гг. (Путешествие..., 1957). В XIV в. Ибн-Баттута считает необходимым отметить, что и вера народов, населявших территорию Золотой Орды, была разной. Он пишет: «В Сарая живут разные народы: монголы — жители и владельцы ее, некоторые из них мусульмане; асы, которые мусульмане, кыпчаки, черкесы, русские и ромейцы, которые христиане» (Тизенгаузен, 1884). В 1333 г. для Ибн-Баттуты является весьма важным факт распространения мусульманства в Орде, процесс, который начался на государственном уровне при хане Берке, брате Батыя. Берке и сам принял мусульманство, как и его окружение. Процесс мусульманизации продолжался при хане Токте (1287—1313), а при его преемнике хане Узбеке мусульманство вступило в права в качестве государственной религии. Этот факт сыграл важную роль в развитии торговли и ремесел в золотоордынских городах (Федоров-Давыдов, 1973), в том числе и в керамическом ремесле.

В связи с мусульманизацией золотордынских городов, особенно среди правящей верхушки и купечества, на столы которых попадала большей частью поливная посуда с антропоморфными и зооморфными сюжетами, возникает вопрос об отношении ислама к изобразительному искусству. Эта проблема в той или иной мере затрагивается во всякой общей работе, посвященной культуре мусульманских стран. Поэтому необходимо четкое представление об отношении ислама к изображению живых существ, так как многие исследователи, особенно европейцы, ссылаясь на пример Османской империи, где полностью отсутствовали скульптура и монументальная живопись с такими сюжетами, считали, что такие изображения были запрещены Кораном.

Однако дело в том, что первоначально в исламе отсутствовал запрет на изображение живых существ

(Большаков, 1960). Лишь позднее иконоборческая тенденция ислама была использована для запрещения определенной категории таких изображений. В Коране также прямого запрещения этого нет, но осуждается в ряде сур (например, в суре 5, стихе 92) идолопоклонство (Коран, 1990. С. 82). Это осуждение позже было развито в хадисах в ряде запретов (например, «Осуждение на базарах», «Осуждение при приеме гостей» и др.), но изображения живых существ на подушках и коврах, тарелках и чашах, включая сосуды, изготовленные в виде фигур людей и животных, не осуждались, хотя изготовление игрушек в виде фигурок животных к некоторым праздникам считалось допустимым, но продажа их после праздника запрещалась — «харам» (Большаков, 1960). Некоторые допущения основывались на принципе степени реалистичности изображаемого: изображение живого существа, у которого отсутствует какая-либо часть тела, не запрещалось. Так, изображение птицы с одним глазом (в профиль) допускалось и шиитами, и суннитами даже на молитвенном коврике (Большаков, 1960).

Поскольку круг предметов с изображениями, считавшимися допустимыми, был довольно широк, то деятельность художников-керамистов вряд ли вызвала возражения у большинства мусульманизированного населения Золотой Орды. Да и на территории соседнего Ирана, ремесленная культура которого оказала значительное влияние на керамическое производство в золотоордынских городах, в предмонгольское время (XII—XIII вв.) достигает значительного расцвета производство люстровых изделий с изображениями людей, животных и птиц, росписи на керамике «минаи» и эмалевая роспись по стеклу. Однако несмотря на это в советской науке существовало мнение (среди историков и археологов), что изображение живых существ на предметах прикладного искусства является своего рода протестом против законов ислама и продолжением древних народных традиций с искусстве. Этот протест видят и в частых схематических изображениях животных и птиц (Большаков, 1960). Вряд ли это мнение верно для народов Золотой Орды, где в течение всей ее истории сохранялся принцип веротерпимости, о котором говорят многие письменные источники и археологические материалы. Основным населением в улусе Джучидов были тюркоязычные народы, которые в течение веков, завоевывая мусульманский мир, сами обращались в ислам и становились его ярыми защитниками (Мас-сэ, 1963). Что касается народа — завоевателя и основателя этого государства — монголов, то их религией в середине XIII в. был шаманизм, лишенный фанатизма (например, в семье великого хана Берке были христиане), и поначалу монголы в Орде практически не знали ислама. Так что ни о каком сопротивлении ему не может быть и речи в изобразительном искусстве. Это, как мы увидим ниже, относится и к другим народам, исповедовавшим иные религии.

Юта, естественно, проникновение ислама в Золотую Орду сыграло немаловажную роль в развитии ряда направлений в искусстве народов, объединенных в одно огромное государство (усиленное развитие орнаментальности в монументальном и прикладном искусстве, исчезновение или резкое сокращение в полувещной степи каменных баб и т.д.).

В предлагаемой публикации из-за ограниченности ее размера не представляется возможным рассмотреть в зооморфных сюжетах все виды зверей, животных, птиц и рыб, встречающихся на керамике из золотоордынских городов. Скажем только о том, что, кроме изображения людей, встречено около 70 представителей фауны, объединяемых в следующие группы: изображения мифологических персонажей, диких зверей, домашних животных, разнообразных объектов охоты, домашних и диких птиц, пресмыкающихся и некоторых видов рыб.

В статье выборочно рассмотрено лишь несколько представителей животного мира, на примере которых делается попытка проследить истоки их появления в Золотой Орде, их генезис в XIII–XV вв. и особенности их изображений как в государстве, так и в отдельных его регионах.

ИЗОБРАЖЕНИЯ ЛЮДЕЙ В КЕРАМИКЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Изображения людей встречаются крайне редко в керамическом материале золотоордынских городов, но представляют почти все регионы государства. Они встречаются как на красноглиняных, так и на кашинных изделиях — двух основных видах поливной керамики Золотой Орды.

На красноглиняной керамике изображения людей встречены в слоях золотоордынского Азака, Солхата и Аккермана (городище Белгород-Днестровское), т. е. в регионах, исторически связанных с закавказско-средиземноморским миром. Но обнаружены они в золотоордынских слоях этих городищ, и поэтому возможно отнести время их бытования непосредственно к периоду существования этого государства.

В Азаке (Азов) встречены два изображения человека на красноглиняных чашах, покрытых бесцветной прозрачной глазурью, рисунок выполнен гравировкой по ангобной подглазурке. На первой чаше (АКМ. № 4183/ОА) линиями гравировки изображена девушка в фате с венком на голове. Справа от нее схематически представлено дерево со спирально закручивающимися ветками. Девушка протягивает к нему руки, нарисована она в полный рост, с большеглазым лицом в фас, одета в длинное платье с широким подолом. Датируется XIII–XIV вв.

На дне другой чаши с кольцевым поддоном изображена также девушка на фоне растительного орнамента, в полосатом халате, с плодом граната в правой руке. На голове ее нечто похожее на тюрбейку,

в ушах крупные круглые серьги. Изображение нанесено линиями гравировки по ангобной подглазурке под прозрачной бесцветной поливой. Рисунок расцвечен зелеными и желтыми пятнами. Датируется XIV в. (АКМ. Сборы Н.М. Фомичева).

Такие изображения людей с неподвижными и неуклюжими фигурами, в мешковатых одеждах, с крупными головами, круглыми и большеглазыми лицами всегда в фас постоянно встречаются на люстровой посуде Закавказья незадолго до монгольских походов (*Кверфельд*, 1917) и юга Средней Азии, где на одном из фрагментов помещен юноша рядом с таким же деревом (*Пугаченкова*, 1967. Рис. 134). Подобные изображения обычно отождествляются с мифологическими сюжетами о древе жизни, уходящими корнями в далекую древность. Женщину рядом с этим деревом обычно интерпретируют как богиню плодородия Анахит в зороастрийском пантеоне богов. Часто эта богиня изображалась и с плодом граната или яблоком в руках.

Несколько изображений людей встречено при исследовании золотоордынского города Солхат в Крыму на красноглиняных поливных сосудах. На одной из чаш в технике гравировки и «резерва» показана сцена пира, в которой четко выделена фигура пьющего человека с тремя кубками. На нем хорошо видны полосатые штаны, куртка с чешуевидным рисунком (возможно, панцирь), в комплексе представляющие, по Рашид ад Дину, монгольский аристократический костюм, хорошо прорисованный линиями гравировки под желто-зеленой поливой. Так же хорошо прорисованы колени, живот, глотающий рот пьющего. Все это представляет мифологический иранский сюжет «Пира в гранатовом саду» (*Залесская, Крамаровский*, 1990). При этом гранатовые деревья изображены здесь точно так же, как и на чаше из Азова.

На другой чаше имеется изображение сидящего юноши с кубком в руках в той же технике. Все эти находки хранятся в Эрмитаже и датируются монетами, вместе с которыми они найдены (конец XIII — первая половина XIV в.). (Пользуясь случаем, приношу глубокую благодарность М.Г. Крамаровскому за представленную возможность ознакомиться с описанными материалами.)

В золотоордынских слоях Белгорода-Днестровского найдены пять керамических изделий или их фрагментов с изображением человека (*Кравченко*, 1986). На дне чаш с высоким кольцевым поддоном линиями гравировки изображались под светло-желтой поливой человеческие лица в фас, с большими круглыми глазами и окружающими голову нимбами, указывающими на принадлежность нарисованных людей в высшему сословию. На другом фрагменте — верхняя часть человеческой фигуры в полосатом восточном халате, с таким же лицом, окруженным нимбом.

Наиболее хорошо сохранилось поясное изображение человека на красноглиняной миске с высо-

ким кольцевых поддоном. Рисунок нанесен тонкой линией гравировки под желто-зеленой поливой и изображает мужчину в фас. На голове у него накидка в виде широкой непрерывной ленты, тело ниже шеи покрывают пластинчатые латы в виде рыбьей чешуи. Очевидно, это воин в доспехах, поверх которых накинута плащ с капюшоном, на фоне падающих снежинок (*Пугаченкова*, 1967. Рис. 48).

Все изображения людей на поливной красноглиняной керамике из Азова, Солхата и Белгорода-Днестровского имеют весьма схожие аналогии в такой посуде из Византии (*Якобсон*, 1979) и Ближнего Востока домонгольского времени. Однако никто пока не может дать точный ответ на вопрос, были они привозными в золотоордынских городах или их сделали местные мастера, скопировавшие сюжеты с привозных образцов.

Из изображений человека на кашинной керамике известно также лишь несколько образцов, в основном из золотоордынских городов Среднего и Нижнего Поволжья. Наиболее интересен фрагмент кашинной чаши, обнаруженный в фондах Болгарского государственного историко-археологического музея-заповедника (БГИАЗ. № 6–50). Это — придонная часть крупной чаши, возможно, касы, из желтоватого кашина, относящегося к типу кашинных изделий с полихромной расцветкой и рельефом под прозрачной бесцветной поливой (*Булатов*, 1968). Внутренняя поверхность этого фрагмента была украшена изображением человека, сидящего в кресле с подлокотниками (трон?). Верхняя часть человеческой фигуры с головой не сохранилась, как и оконечности ног. На фрагменте не видно и левой руки сидящего. Правая рука согнута в локте, а кисть ее со сжатыми пальцами опирается на подлокотник сидения. На руке изображение рукава с обшлагом. На сидящем прорисована меховая накидка из шкуры леопарда, обведенная коричневой линией и покрытая крупными коричневыми точками. Туловище и бедра сидящего покрыты одеждой свободного покроя, типа легкого халата с горизонтальными полосами и подпояской в талии. К поясу привязаны на двух тонких шнурах прямоугольная пластина (книга, пластина?), выделенная синей двойной линией со знаком, похожим на букву арабского алфавита «вав», в центре внутреннего прямоугольника, и еще предмет, не определимый по сохранившемуся фрагменту. Одежда со свободно падающими поперечными складками по всей фигуре человека украшена горизонтальными синими полосами. Фигура и детали, сопровождающие ее, даны в рельефном рисунке путем утолщения кашинной массы сосуда. В позе прямо сидящего человека, в расслабленном расположении на подлокотнике кисти руки, в небрежно перекинутой через плечо богатой меховой накидке чувствуются и парадность рисунка, и торжественность схваченного момента. Изображения людей в такой позе, с такой же прорисовкой рук

часто встречаются в средневековых иранских миниатюрах (*Абдрахман Джами*, 1977).

При раскопках на Селитренном городище были найдены крупные фрагменты толстостенной вазы из розоватого кашина, внешняя поверхность которой покрыта орнаментальным поясом из рельефных всадников, играющих в поло. Всадники изображены на фоне крупных растений с округлыми плодами (гранатами). Возможно, это один из сюжетов той же темы «Пира в гранатовом саду». На рисунке под прозрачной ультрамариновой поливой видны и фигуры скачущих коней, и увлеченные игрой всадники в напряженных позах. У некоторых из них в руках клюшки для игры в поло. Головы всадников нарисованы контурно, без отдельных деталей лица, так же изображены и головы коней, на которых выделены только уши — все это как бы смазывает рисунок и дает ощущение бешеной скачки, быстрой скорости схваченного момента.

Из других изображений людей на золотоордынской посуде отметим схематический рисунок гребцов в лодке на фоне китайского пейзажа на фрагменте вазы из высококачественного селадона (*Булатов*, 1979. Рис. 1), и очевидно, портретное изображение головы монгола на одной из архитектурных деталей, выполненной в технике «минаи» (*Федоров-Давыдов*, 1976. Рис. 89). Кроме того, схематические изображения людей встречены неоднократно на костяных обкладках колчанов, на настенной штукатурке и даже на детском рисунке тушью на верблюжьей лопатке.

Изучение же вышеописанных изображений людей на керамике из золотоордынских городов позволяет сделать вывод о том, что в большинстве случаев они связаны с конкретными лицами и конкретными событиями или возникли под влиянием некоторых мифологических сюжетов, хорошо известных в Орде определенному кругу лиц.

Так, изображения женских фигур на чашах с Азовского городища связаны, очевидно, со свадебными обрядами, а керамические изделия были предназначены в подарок невестам с символами богини плодородия Анахит. Изображение воина на миске из Белгорода-Днестровского, возможно, отражает реальный исторический факт, связанный с воинским походом на север — уж очень необычны на рисунке и теплый плащ с капюшоном, наглухо застегнутым на шее, и падающие снежинки. Несомненно, соответствует какому-то историческому факту или реальному лицу и изображение сидящего высокопоставленного вельможи на кашинном сосуда из Болгар, датируемом XIV в. Тщательная прорисовка богатой одежды и атрибутов власти не оставляет в этом сомнения. Мифологические и литературные сюжеты представлены на поливной керамике сценами «Пира в гранатовом саду» и игры в поло, распространенной в аристократической среде средневекового Ирана.

Хищники из семейства кошачьих занимали большое место в изобразительном искусстве Золотой Орды. В керамическом, косторезном, стеклодельческом, ювелирном и других видах ремесла часто встречаются изображения львов, барсов, леопардов в самых разных позах, выполненные различной техникой. Среди них в керамике чаще других встречаются львы. Это не случайно: культ льва был широко распространен у разных народов с глубокой древности. Известно, что в Древнем Египте изображения льва клали в погребения, чтобы он был умершему защитой в загробном мире. Лев почитался с древности и на территориях, вошедших в состав монгольских государств, у народов Средней и Передней Азии, Средиземноморья. Он являлся символом соллярного животного, обычным спутником солнечных божеств и божеств плодородия. На этих территориях его изображения повсеместно встречаются на печатях, ювелирных изделиях, тканях, произведениях торевтики, монетах и, конечно же, на керамике (Булатов, 1969).

На Дальний Восток и в Центральную Азию образ льва пришел из буддийской иконографии, где львы являются обычно стражами или посетителями престола Будды. Изображение львов в искусстве Средней Азии и в золотоордынском ремесле было заимствовано, так как ни в Монголии, ни на территории Золотой Орды этот зверь никогда не обитал и не мог войти самостоятельно ни в мифотворчество, ни в изобразительное искусство. Тем не менее изображения льва на золотоордынской керамике и других изделиях встречаются довольно часто. Всю сумму изображений, встреченных на памятниках этого времени в Нижнем Поволжье, в Болгарах, на Дону, на Днестре и в других местах, можно выделить в следующие группы: лев с поднятой лапой; лев, стоящий на задних лапах, и парное изображение львов.

В золотоордынской керамике преобладают, и значительно, изображения шагающего льва и льва в геральдической позе, т. е. с поднятой лапой. Эти позы льва часто встречаются на монетах и многих других вещах, т. е., очевидно, мы имеем дело с изобразительным канонам, регулируемым центральной властью. Такие львы имеются в керамике древних Болгар, где шагающий лев изображен на фоне «резервированного» поля, а фигура его выделена рельефно, с помощью ангобной подгрунтовки, и по нему тонкими линиями гравировки обозначены детали тела (БГИАЗ. № 3–255).

На Царевском городище — развалинах второй столицы золотоордынских ханов — было обнаружено блюдо-заготовка с наложенным на него слоем ангоба, по которому прочерчены линии рисунка, но не положен слой поливы. Рисунок представляет собой одновременно и шагающего кошачьего хищника, и с поднятой лапой на фоне лучей восходящего

солнца (Федоров-Давыдов, Вайнер, Гусева, 1974). В данном случае важен факт, что не доделанное до конца изделие говорит о его местном производстве. Львы на керамических сосудах в двух статических позах встречены на других золотоордынских памятниках. Львы в геральдической позе нередко встречаются и на золотоордынских монетах в качестве знака зодиака. Эти монеты чеканились, очевидно, и к новгородным мусульманским праздникам для раздачи их ханами населению (Галкин, 1985. Рис. 2). В золотоордынских городах встречаются и скульптурные изображения льва: в золотоордынском Азаке была обнаружена скульптура, вырезанная из камня. Ее считают привозной из Китая и датируют XIV–XV вв. (АКМ. № 40). Иногда канонические изображения льва на керамических изделиях подменяются изображениями леопарда в тех же позах.

Хорошо известны в золотоордынской керамике изображения еще одного зверя из семейства кошачьих — барса. Этот хищник как изобразительный сюжет тоже был широко распространен в средневековом мире как в мусульманских, так и в христианских странах. Например, в домонгольских слоях Таманского городища (средневековая Тмутарокань) было встречено его изображение на красноглиняном поливном блюде. Рисунок выполнен техникой гравировки под желтой прозрачной поливой, на нем шествующий барс с оскаленной мордой и головой, повернутой назад, на фоне растительного орнамента (Финогенова, 1987). Сюжеты с барсами были популярны в позднесредневековой Византии и использовались для украшения изделий из керамики и других материалов.

В среднеазиатском регионе изображения барса также получили широкое распространение в предмонгольское и золотоордынское время. Например, в Куна-Ургенче встречено его изображение на дне кашинной чаши с полихромной росписью, под прозрачной бесцветной поливой. Барс стоит с головой, повернутой направо. Изображения его на посуде присутствуют и в поливной керамике предмонгольского времени в слоях XIII в. Дехистана (Атагарьев, 1986). На дне одной из чаш с кольцевым поддоном, на фоне растительного орнамента изображен в профиль шагающий вправо барс. Известны такие изображения и на других территориях, окружавших Золотую Орду.

Непосредственно на территории монгольского государства рисунки этого хищника обнаружены на многих изделиях из различных материалов. Так, на серебряной чаше из Белореченских курганов среди других животных имеются и барсы (Федоров-Давыдов, 1976. Рис. 14), а в Азове даже были найдены литейные керамические формы с изображением барса, терзающего быка (АКМ. № 20938).

В керамике этот хищник наилучшим образом представлен в фондах Азовского краеведческого музея; на одной из кашинных чаш XIV в. со следами

производственного брака (чаша деформирована в процессе обжига) имеется барс, шествующий справа налево, с оскаленной пастью и головой, повернутой назад, на фоне растительного орнамента. Рисунок выполнен в обычной для кашинных изделий технике — это полихромная роспись с выделением отдельных деталей рельефом. Барс изображался и на золотоордынских монетах шагающим вправо или влево, но обязательно со звездой над ним. Таким образом, в изображениях барса также встречаются как канонизированные образы (геральдическая поза барса с оскаленной пастью и поворотом головы назад), так и вольные жанровые сцены (например, сцена терзания барсом быка).

ИЗОБРАЖЕНИЯ КОНЯ

Как известно, основным населением на территории монгольского государства были кочевые народы, чья жизнь была неразрывно связана с универсальным, быстрым средством передвижения на обширных территориях евразийских степей — конем. Поэтому неудивительно, что культ коня был чрезвычайно распространен среди жителей степей, где, по-видимому, он впервые был одомашнен и являлся источником материальных благ, а также играл большую роль в мифологических представлениях многих народов, входивших в состав Золотой Орды, в их фольклоре, ономастике, изобразительном искусстве. Лошадь-конь в XIII—XIV вв. в полумесячных степях был основным представителем кочевнического стада (Чулуны Далай, 1983), что, естественно, нашло отражение в изображении его и на керамических изделиях.

Его рисуют в виде мифологического существа — крылатого коня (Пегаса) в качестве символа неба и солнца, возможно, прямо заимствованного готового образа крылатого коня из эллинского и римского мира. В других случаях конь обычно встречается в рисунках со всадником или без него. Изображение коня без всадника — явление редкое в керамике золотоордынского времени, но имеет глубокие корни у тюркских народов и монголов. Так, у казахов с древности образ дикой, приручаемой лошади часто фигурирует в героическом эпосе (Неклюдов, 1984). Изображения коней встречены на закавказских карасах (сосуды для хранения зерна, масла, вина) непосредственно перед монгольским завоеванием (Кверфельд, 1947). К золотоордынскому времени относится изображение скачущей лошади на кашинной вазе с полихромной росписью без рельефа. В искусстве монголов конь как транспортная сила постоянно фигурирует в древних документах (Чулуны Далай, 1983). Кони воспеты в героическом эпосе монголов (Неклюдов, 1984), в повести о двух скакунах Чингиса. Изображения коней в виде скульптурной детской игрушки хранятся в фондах Эрмитажа в Санкт-Петербурге. Одна из игрушек покрыта глазу-

рю и имеет аналогии в китайском искусстве эпохи Тан (Кверфельд, 1947).

Гораздо чаще на керамике и на других изделиях встречаются изображения коней со всадниками. Обычно это сцены охоты либо войны, иногда — игры и развлечения знати, но ни разу не встречено изображение рабочей лошади как тягловой силы. Изображения всадников-охотников известны с древнейших времен на территории будущего государства Золотой Орды и на близлежащих территориях. Конные всадники имелись еще в петроглифах Верхнего Прииртышья в VII—IX вв., в сасанидских изделиях VI—X вв., где на серебряных чашах и шелках (Булатов, 1969) часто встречаются изображения царственных охотников, на средневековой керамике Херсонеса (Романюк, 1986), на керамике древнего Мерва X—XI вв. (Пугаченкова, 1967), на изделиях из других материалов в домонгольское время.

Частое изображение всадников-охотников на керамике и других изделиях не случайно, так как охота играла огромную роль в жизни кочевого общества. Об этом сохранились известия современников. В XIV в. охота в Золотой Орде была и экономическим фактором, и развлечением аристократии. Известны крупные охотничьи кампании ханов, в которых вассалы должны были принимать участие (Федоров-Давыдов, 1973). Облавная охота практиковалась и в среде монгольских императоров для добычи мяса и шкур, из которых шили меховые одежды. С другой стороны, широкое распространение сюжета коня со всадником, возможно, объяснялось в мусульманских странах, в том числе и в Золотой Орде, символическим изображением пророка Али с его легендарным конем Дульдудем (Пугаченкова, 1967).

ИЗОБРАЖЕНИЯ БАРАНА

Изображений барана-овцы в поливной посуде на археологических памятниках золотоордынской эпохи не встречено, что еще раз подтверждает тезис о том, что эта посуда предназначалась в основном для зажиточной части населения. Однако в кочевой среде и среди рядового городского населения изображение барана все же присутствует в основном в керамической скульптуре, а среди кочевой части населения — и на металлической посуде.

Единственным видом скульптуры в золотоордынских городах является детская керамическая игрушка с поливой или без нее. В ее состав входят изображения животных и птиц, и ведущую роль среди них занимают статуэтки баранов. Скульптурные изображения животных, разрешенные законами ислама лишь в качестве праздничных подарков детям, были широко распространены среди городского населения. Его изображения встречаются и на монетах как один из знаков зодиака (овна) (Галкин, 1985). Очень часто и на монетах, и в скульптуре видны изображения курдючных пород овец, распространенных и по

сей день в Поволжье. Некоторые скульптуры овец покрывались глазурью с последующей дорисовкой отдельных деталей (глаз, ноздрей, шерсти) подглазурной гравировкой. Таковой является, например, глазурованная скульптура с Азовского городища (АКМ. Экспозиция). Собственно детскими игрушками и изображениями на некоторых монетах почти и ограничивается иконография этого важнейшего для жизни кочевников животного.

Между тем культ барана у тюркских народов имеет давние исторические традиции. Еще в каменном веке в степном искусстве верхний мир, который ассоциировался с божественным началом, часто связывался с образом священного барана (*Байпаков, 1980*). Изображения барана на керамике и скульптуре в виде детских игрушек, покрытых голубой поливой, встречается в средневековом Отраре, где его образ также имеет многовековую историю. Известно оно здесь и в керамике XIII–XV вв. Семантика этих изображений связывается с культом животного, игравшего важную роль в жизни племен. Образу барана близки не только реликты тотемизма, но и более сложные религиозные представления, связанные с секрализацией животного мира и с элементами зороастризма (*Байпаков, 1980*). Изображения барана встречаются и на половецких каменных изваяниях (*Федоров-Давыдов, 1966*). Кроме того, баран был одним из животных, которое являлось тотемом тюркских и аланских племен, населявших половецкую степь, а в эпоху разложения родоплеменного строя превратился в онгоны мужчин и женщин или в общих родовых и семейных покровителей.

VX–XIV вв. овца — неперемнная составляющая кочевнического стада всех тюркских народов. Не меньшее значение она имела в эти века и в стаде у монголов. Кроме того, она использовалась здесь для воспитания будущих воинов в деле обучения искусству стрельбы из лука — первое животное, на которое сажали мальчика с луком и стрелами в руках, был баран (*Чулуны Далай, 1983*). Известно, что в это время в Монголии регулярно проводилась перепись стад, в том числе и овечьих отар. В героическом эпосе монгольских народов постоянно фигурирует образ барана как одного из животных, являвшихся вместилищем душ умерших (*Неклюдов, 1984*).

ИЗОБРАЖЕНИЯ ОЛЕНЯ

В составе поливной керамики нами встречено только одно изображение оленя, сохранившееся целиком, — это чаша с бирюзовой прозрачной поливой и черной росписью под ней. По форме она напоминает пиалообразные чаши с невысоким вертикальным бортиком. Дно ее украшено изображением стоящего оленя с ветвистыми рогами, а вертикальный бортик с внутренней стороны украшен такой же росписью в виде прямоугольников со впи-

санными в них листовидными рисунками, венчик орнаментирован белыми рельефными точками. Ф.Х. Валеев, не отрицая близость этого изделия к среднеазиатским сосудам, считает возможным отнести его к творчеству местных, болгарских керамистов и датирует чашу XIV в. (*Валеев, 1975*). Сосуд сделан, судя по описанию, из сероватого кашина и по форме и по технике украшения относится к кругу золотоордынской поливной керамики.

Прямые аналогии такому изображению оленя с ветвистыми рогами имеются в согдийской торевтике (*Маршак, 1971*) и в медальонах на одном из серебряных сосудов, относящемся к болгарским изделиям XII–XIII вв., найденном в г. Сургут на Оби (*Федорова, 1982*). Возможно, сюжет изображения оленя на поливной керамике также заимствован из искусства торевтики, как и изображения других животных и птиц.

Хотя изображения оленей на золотоордынской керамике и встречаются крайне редко, все же животное постоянно и разнообразно представлено на изделиях этого времени из других материалов: на костяных обкладках колчанов из кочевнических курганов XII–XIV вв. (*Малиновская, 1974*), бронзовых зеркалах (*Федоров-Давыдов, 1976*) и т.д. Культ оленя был широко распространен с древности среди многих кочевых народов Евразии. Он сыграл важнейшую роль в хозяйственной жизни сакских племен и был их тотемом (*Самашев, 1980*). Изображения его постоянно встречаются на вещах из скифских курганов, в петроглифах Восточного Казахстана эпохи раннего железа (*Аманжолов, 1980*). У тюркских народов он долгое время оставался одним из тотемов, воспринятым у древних азиатских кочевников. Согласно древним космогоническим представлениям, солнце выступает в облике оленя с сияющими золотыми рогами. Аналогично летящему оленю-солнцу древних скифов обозначение оленя на пиктографах эпохи Тан в Китае рассматривается как символ верхнего мира, связанного с огнем и утренним солнцем (*Рудова, 1969*).

Культ оленя имел место и среди кочевников на территории будущего ханского домена в половецких степях: в их могилах неоднократно были обнаружены фигуры оленей в виде амулетов (*Плетнева, 1983*). Не обходили вниманием это животное и бурятские мифы, и монгольский героический эпос, где олень выступает одним из вместилищ душ умерших (*Неклюдов, 1984*).

ИЗОБРАЖЕНИЯ УТОК

Наиболее распространенным в керамике Золотой Орды, особенно на кашинной керамике, является изображение водоплавающих птиц, среди которых особенное предпочтение отдавалось уткам, иногда похожим на гусей. Изображение утки, как правило, на фоне стилизованного растительного орнамента

на кашинной поливной керамике получило необычайно широкое распространение на всей территории Золотой Орды. Оно воспроизводилось только на одном типе кашинной посуды: с полихромной подглазурной росписью и подглазурным рельефом под прозрачной бесцветной поливой. Обычно утка изображалась на дне пиалообразных чаш, хотя встречаются и другие варианты. Рисунки наносились на внутренние и внешние стенки сосудов. Сугубо реалистическое изображение утки стилистически всегда трафаретно. Контур тела, крыльев, ног обведены по абрису рельефного рисунка коричневыми линиями, а детали расцвечены синими точками.

При нанесении этой птицы на поливную посуду использовались четыре четких, строго выдержанных изобразительных канона — стоящая или шагающая утка с головой, повернутой налево, стоящая утка с головой, повернутой к хвосту, летящая утка и парное изображение уток в трех вышеуказанных положениях. Из них наибольшее распространение получил первый изобразительный канон. Стоящая или шагающая влево утка на фоне растительного орнамента с точечным окружением встречается на кашинных изделиях на огромном пространстве, практически во всех городах и населенных пунктах Золотой Орды. Она встречается в Нижнем и Среднем Поволжье (Булатов, 1968), на городище Старый Архей в Молдавии (Абызова, Бырня, Нудельман, 1981), в Белгороде-Днестровском (Кравченко, 1986), на золотоордынских памятниках Крыма, на городищах средневекового Хорезма (Пугаченкова, 1967), на городище Сарайчик в Казахстане и т.д. Причем любопытной деталью является изображение на одной из чаш Сарайчика. На ней почти при полном соблюдении изобразительного канона имеется небольшое отклонение от стереотипа — изображение утки несколько смещено вправо, что дает основание предположить, что чаши со стандартизированным изображением могли изготавливаться не только в столицах государства, но и на его периферии. Неоднократно встречены изображения таких уток и в древнерусских городах в слоях XIV—XV вв., куда они попадали в качестве подарков в княжеские дворы или представителям городской верхушки, например в Новгород (Медведев, 1963).

Реже, но довольно часто и также повсеместно встречаются изображения уток точно в таком же стилистическом оформлении, но с головами, повернутыми назад, к хвосту. Такие рисунки встречены на Царевском (Федоров-Давыдов, Вайнер, Гусева, 1974) и Селитренном городищах (Булатов, 1968). Этот изобразительный канон допускал уже некоторые вольности при композиционном размещении изображений на керамических деталях. Утки могли располагаться как на дне сосудов, так и на других орнаментальных поверхностях. Образцом такого изображения является кашинная тарелка из Азова, внутренние стенки

которой разделены на четыре орнаментальных сектора, и в каждом из них помещена стоящая утка с головой, повернутой назад.

Еще большая свобода допускается на кашинных изделиях при изображении летящих уток. Этот сюжет встречается довольно часто, и фрагменты сосудов с такими изображениями найдены на Селитренном городище (Булатов, 1969), в Старом Архее (Абызова, Бырня, Нудельман, 1981), на памятниках Средней Азии золотоордынского времени (Вактурская, 1959). Все эти изображения показывают набирающую высоту птицу и помещены, как правило, с секторальным делением их внутренней поверхности, поскольку при поясным делении такое изображение было бы невозможным. Характерной деталью этих рисунков является вытянутая напряженная шея птицы, прилагающей большие усилия для преодоления сопротивления воздуха и земного притяжения. Изображение такой утки встречено на фрагменте кашинной чаши при раскопках в Московском Кремле (Панова, 1986).

Несколько особняком стоит изображение утки в свободном полете на дне кашинной чаши с Азовского городища. Она изображена в той же технике и в том же стиле, но схематично, наивно и неуклюже, совершенно не соответствуя изобразительному канону взлетающей птицы. Подобные изображения встречены на кашинной тарелке с Царевского городища (Федоров-Давыдов, Вайнер, Гусева, 1974), а также среди кашинной керамики древнего Самарканда.

Распространенным сюжетом является и парное изображение уток на кашинной посуде. В этом сюжете отмечаются несколько вариантов: пара уток, стоящих рядом бок о бок; пара стоящая, но птицы стоят друг против друга; пара,двигающаяся в противоположных направлениях, но головы их повернуты друг к другу. Такие пары разрисованы по трафаретному образцу и встречены неоднократно на золотоордынских памятниках Поволжья, среди Азовской керамики и т.д. Две стоящие утки изображены на одной из чаш из Белореченских курганов.

Как видим, изобразительное искусство Золотой Орды в поливной керамике обращало большое внимание на эту птицу. Она во всех рисунках стоит, поворачивает голову, летает, находится в паре, но при этом нет ни одного изображения на кашинных изделиях плавающей утки в естественной водной среде. Трудно сейчас объяснить, чем было вызвано такое широкое распространение ее изображения только в золотоордынское время, только на территории Золотой Орды (не считая вывоза отдельных изделий в сопредельные земли) и только на единственном типе многообразной поливной керамики. В этом плане этот изобразительный мотив является уникальным и чисто ордынским.

Между тем изображение водоплавающих птиц, в том числе и уток, имеет глубокие исторические

корни. Их рисунки в сочетании с солярными кругами известны еще на неолитической керамике Средней Азии (Пугаченкова, 1967), и семантика этих изображений связывается с тотемистическими воззрениями задолго до того, как они перерождаются в чисто этнографические традиции. Непосредственно перед татаро-монгольским нашествием у многих народов Средней Азии утка являлась символом благополучия (Лунина, 1962). У народов Дальнего Востока изображение утки служило символом пожелания многочисленного потомства (Глухарев, 1982). Утка была тотемом одного из огузских племен. Изображение этой птицы в разных вариантах и в различных видах технического исполнения в предмонгольское время часто встречается и у народов, вошедших позже в состав Золотой Орды. Так, предполагается, что изображение плавающих уток в домонгольской Булгарии — чисто болгарский орнаментальный мотив, а изображение двух противостоящих птиц — символ взаимоотношений между родами еще в XI—XIII вв. (Валеев, 1975). Изображение плавающих уток на красноглиняных изделиях под зеленой прозрачной поливой встречено в керамике Шабрана на территории Азербайджана в XI—XIII вв. (Достиев, 1988). Разнообразные изображения уток и других птиц постоянно встречаются и в керамике средневекового Китая. Да и в среде самих монголов утка занимала видное место в их героическом эпосе (Неклюдов, 1984).

Однако золотоордынские утки по реалистичности, стилю изображения ближе всего находятся к художественному стилю и набору изобразительных средств уток на изделиях согдийской торевтики (Маршак, 1971). Еще более похожи золотоордынские утки на изображения этих птиц на сасанидских тканях, на которые нанесены рисунки стоящих, идущих уток в профиль, а также утки в парах (Дьяконова, 1969). Трудно объяснить большой временной разрыв между изображениями уток на серебряных изделиях и шелках Средней Азии VIII в. и на кашинных изделиях XIV в. золотоордынских городов. Очевидно, традиция изображения водоплавающих птиц сохранялась в Средней и Передней Азии в течение веков и свое повторение и расцвет по каким-то причинам получила в городах Золотой Орды.

ИЗОБРАЖЕНИЯ ПТИЦЫ-МУХОЛОВКИ

Другое, возможно, чисто золотоордынское своеобразие в керамическом ремесле — неожиданное появление опять же только на одном типе кашинной поливной керамики птицы из отряда воробьиных — райской мухоловки. Ареал этого изображения ограничивается территорией Золотой Орды, а точнее — регионом Нижнего Поволжья и Северного Кавказа. Изображение этих птиц, нарисованных темной краской под прозрачной бирюзовой поливой, встречается на миниатюрных сосудах, на пиало-

образных чашах, на кувшинах закрытой формы (на их внешних поверхностях). Они изображались в следующих позициях: стоя; в полете с широким взмахом крыльев и далеко откинутым назад длинным трехконечным хвостом; сидящими на ветке.

Образцы изображения этой птицы наиболее выразительны в собрании Азовского краеведческого музея. На одном целом сосуде «для розовой воды», представляющем собой миску с трубчатым сливом, на верхней половине тулова под прозрачной бирюзовой поливой изображены восемь попарно расположенных мухоловок, сидящих на ветках с головой, повернутой вправо. Четко прорисованы отличительные признаки этой птицы — длинный трехконечный хвост и хохолок на голове. Птицы изображены на фоне растительно-точечного орнамента. Внутренняя поверхность другого сосуда — пиалообразной чаши — украшена изображением шести мухоловок. Одна из них находится в полете, а пять стоят, как бы наблюдая за ней. Пять птиц, расположенных по кругу, стоят, самки чередуются с самцами (у самца покороче хвост и отсутствует хохолок). Если это парное изображение птиц, то в полете находится самец. Летящая птица на фоне точечно-растительного орнамента занимает центр композиции, а сидящие птицы изображены более мелкими.

Парное изображение мухоловок на фоне точечно-растительного орнамента встречено и на миниатюрном кашинном сосуде при раскопках Азовского городища (Булатов, 1969). Парные и одиночные изображения мухоловок встречены на Увекском городище на миниатюрном сосуде (Баллод, 1923), на фрагменте округлой вазы (мухоловка в полете) с Селитренного городища (Булатов, 1989) и в других местах.

Некое подобие мухоловок встречено в керамике средневекового Байлакана, где птица изображена линиями гравировки, с широко раскрытыми глазами и приподнятой головой. Рисунок был расцвечен зелеными и голубыми пятнами. Похожие рисунки, но уже нарисованные под глазурью марганцем по ангобной подgrundовке, встречаются в поливной керамике XI—XIII вв. на территории Грузии (Мицшвили, 1979).

Неизвестно, откуда и как этот орнаментальный сюжет возник в керамическом ремесле Золотой Орды, но получил он довольно широкое распространение, и рисунок осуществлялся в пределах определенных изобразительных канонов, среди которых видное место занимало парное изображение этих птиц, которое, по мнению некоторых исследователей, трактуется как отражение древних экзогамных связей двух фратрий (Чижова, 1982).

Райская мухоловка — перелетная птица с быстрым, маневренным полетом, истребляет в день до 450 мух и других насекомых, не боится близости человека, селится в населенных пунктах и даже в больших городах. В зимнее время обитает в основном в

горах юга Средней Азии. Возвращается в места гнездования поздней весной, на границе весны и лета и символизирует установление летнего тепла. Возможно, все эти качества птицы и привлекли внимание золотоордынских мастеров-керамистов.

ИЗОБРАЖЕНИЯ ГОЛУБЕЙ

Периодически на различных золотоордынских памятниках встречаются или на посуде, или в виде скульптур-игрушек изображения голубей: мотив, также широко известный в домонгольское время на большой территории в средние века.

Голубь у разных народов и племен нес на себе с древности различное символическое значение. В предмонгольское и монгольское время на территории Золотой Орды и приграничных землях изображение этой птицы встречено на керамике средневекового Хорезма и в Мерве: в первом случае голубь изображен в виде птицы с клювом хищника, с хохолком на голове и с пышным хвостом. Птицы располагались на дне чаш, на фоне растительного орнамента. Рисунок выполнен подглазурной гравировкой с расцветкой отдельных деталей (*Пугаченкова, 1967.*). В другом случае в керамике X в. из Мерва голубь в технике полихромной расцветки под прозрачной бесцветной поливой представлен с преувеличенно пышным хвостом (*Пугаченкова, 1967. Табл. 7*). Изображения голубя и других птиц в таком стиле позволяют видеть в них сказочные образы, подобные популярным в фольклоре птицам Рух, Семург и др. Натурой для их прорисовки на керамике был голубь. На территории Средней Азии изображения голубей на кашинной поливной керамике XII–XIII вв. встречены в средневековом Дехистане и на городище Шехр-Ислам (*Атагарьев, 1986*).

В керамике средневекового Баку, на днищах чаш с полихромной подглазурной росписью на фоне богатого растительного орнамента встречаются оттиски специальным штампом с изображением голубя в XII–XIII вв. (*Исми-заде, Ибрагимов, 1983*). Имеются изображения голубей и в поливной керамике средневекового Белгорода-Днестровского (XIII–XIV вв.). На одной из чаш изображены два голубя, из которых один стоит, а другой в полете набирает высоту. Голуби даны линиями гравировки под прозрачной поливой. Идентичные рисунки имеются на керамике Феодосии того времени (*Кравченко, 1986. Рис. 22*).

Наличие рисунков голубей в художественном ремесле средневековых народов объясняется тем, что с глубокой древности эта птица считалась у них священной, символизирующей мир и благополучие. В преданиях некоторых народов Востока голубь является в образе священного духа или божества, а у узбеков Хорезма — в образе девы-пери. В азербайджанском народном фольклоре также существуют своеобразные пери, которые предстают в образе кра-

сивых девушек, связанных с водной стихией (*Исми-заде, Ибрагимов, 1983*).

В комплексе золотоордынской керамики изображения голубей встречаются, как правило, на Селитренном и Царевском городищах только на одном виде керамики — на сосудах со штампованным орнаментом, покрытых голубой поливой, в которой обычно стоящие голуби выделены. Такие же изображения птиц встречаются и на внешних поверхностях сферокусов.

Кроме того, довольно широкое распространение получили в золотоордынское время изображения этой птицы в виде скульптурных фигурок — детских игрушек, покрытых часто голубой поливой. В фондах Эрмитажа хранится скульптурное глиняное изображение голубя с голубой поливой, а форма для его изготовления находится в Саратовском музее. Аналогичные копилки и детские игрушки были найдены в предмонгольском Афрасиабе (*Кверфельд, 1947*), но без покрытия поливой. Глиняные голуби, раскрашенные в разные цвета, были обнаружены и в слоях средневекового Баку (*Исми-заде, Ибрагимов, 1983*). Изображения голубей, часто схематичные, встречены в виде стеклянных подвесок на золотоордынских памятниках Поволжья (Болгарское, Селитренное, Увекское, Царевское, Водянское городища) и имеют аналогии в позднесредневековых курганах Поволжья и Мордовских могильниках (*Бусятская, 1976. Рис. 2*). Такое распространение изображений голубей в виде игрушек и подвесок-сережек связано, очевидно, опять с традицией делать к праздникам детям подарки (*Большаков, 1960*).

ИЗОБРАЖЕНИЯ ЗМЕЙ

Змеи на керамике трудноуловимы из-за их формы — она может изображаться короткой линией или в виде латинской буквы “С”. Единственным отличительным признаком нанесения их на керамику является небольшое овальное утолщение на одном из концов короткой волнистой линии. Такие изображения встречаются довольно часто, обычно выполнены линией гравировки и на поливной керамике, и на заготовках для ее производства в керамических мастерских Царевского и Селитренного городищ, а также на городище Костешты в Молдавии. Более узнаваема змея, если она изображается в позе кобры, как на одном сосуде — кашинном кувшине с полихромной подглазурной росписью из Ургенча. Изображения змей на керамике встречены и на других территориях, входивших в состав Золотой Орды, например в слоях золотоордынского времени средневекового Отрара (*Байнаков, 1980*). На одном из фрагментов поливной керамики из золотоордынского Азака, под желтой прозрачной поливой была нанесена линией гравировки голова птицы с извивающейся змеей в клюве — мотив, довольно распространенный в средневековом мире. Такие изображения имеются среди

ивной керамики Древней Руси (*Макарова*, 1972. V), Таманского городища (*Финогенова*, 1987), а так- в одном из медальонов серебряной чаши болгар- го происхождения из Приобья (*Федорова*, 1982).

Культ змеи был одним из самых живучих у мно- х народов во все времена их исторического разви- я, и происхождение его исследователи объясня- по-разному. Одни считают, что в античном мире носит хтонический характер, реже фаллический — четание змеи с женским божеством или божества змеей, а поклонение змее обычных людей связа- с боязнью «ядовитых» людей или, наоборот, с рой в дружественные силы, которые исходят от ей. Это двойственное отношение к змее объясня- ся тем, что змеиный яд и лечебен, и смертоносен. ульт змеи известен у фракийцев, народов Кавказа, Древней Греции и т.д.

Другие считают изображение змеи, например в редней Азии, связанным с антропоморфными об- азами: со змеями знаменитого иранского эпоса о юхаке, или символом плодородия, а потому змее иногда специально помещали в стойло для скота, тобы та содействовала увеличению поголовья. Вряде лучаев образ змеи символизирует бесконечность змени или олицетворяет злые силы. Изображения змеи связывают и с тотемистической идеологией: она олицетворяет священное животное, положи- тельное начало (*Беленицкий, Мешкерес*, 1986). У мно- гих народов змея является олицетворением стража, предохраняющего от нечистой силы, выполняя роль оберега (*Богданова*, 1980).

У кыпчакского этнополитического союза змея была тотемным животным определенного племени (*Беленицкий, Мешкерес*, 1986). Народ змей был хо- рошо известен в политической истории евразий- ских степей начала II тысячелетия н.э. Наиболее точные сведения о передвижении этого племени, о контактах его с племенами харди и сары (кыпчаки—куманы—половцы) сохранились в древнеармянской хронике Матфея Эдесского. Рашид ад Дину также известны племена народов змей, самым знаменитым представителем которого был Субедей-багатур.

Популярностью культ змеи пользовался и у на- родов Дальнего Востока: она является атрибутом китайского календаря и включена наравне с зайцем и драконом в знаки зодиака (*Рудова*, 1969). В бурят- ских и монгольских мифах, в Гесериаде душа Гесера- героя превращается в белую змею, а душа демона — в черную. В «Сокровенном сказании монголов» обо- ротень неоднократно превращается в змею (*Неклю- дов*, 1984).

Итак, в этой предварительной публикации мы рас- смотрели, кроме изображений человека, рисунки с двумя представителями хищников из семейства коша- чьих; двух представителей домашних животных; од- ного животного, представляющего объект охоты; три вида птиц и змей. Это очень незначительная часть представителей фауны, изображаемых на керамичес-

ких изделиях Золотой Орды. Поэтому пока преждев-ременно делать обобщающие выводы по всей сумме изображений представителей фауны и мифологичес-ких существ, распространенных в этом государстве в прикладном искусстве. Но даже рассмотренный ма- териал приводит к определенным размышлениям о том, как возник, складывался и развивался комплекс изображений представителей фауны. Из этих раз- мышлений вытекает следующее.

С преобразованием варварского мира в феодаль-ные государства «животный эпос» переживает на территории Золотой Орды новый расцвет. Изобра-жения зверей, птиц, домашних животных, мифоло-гических существ и человека восходят к древним домонгольским тотемистическим и домусульман-ским верованиям как кочевых, так и земледельчес-ких народов.

Татаро-монгольское нашествие, создание нового государства и его мусульманизация в чем-то приос-тановили, в чем-то видоизменили развитие этого вида искусства, а в чем-то и создали новые направ-ления и сюжеты. Изображения человека и животных в золотоордынской керамике дают интересный при-мер того, как заимствованные элементы получили свое толкование в соответствии со вкусами город-ского и кочевого населения в степях Дешт-и-Кипча-ка, а также в соответствии с технологическими воз-можностями мастеров-керамистов в ордынских городах. В изображениях на керамике здесь хорошо прослеживаются элементы культур Византии, Кры-ма, Закавказья, Средней и Передней Азии, домон-гольской Булгарии, Дальнего Востока и Монголии.

В то же время трудно представить, что, несмот-ря на их официальный культ, образы древних веро-ваний продолжали понимать по-старому. Новое ос-мысление и использование древних образов и символов в искусстве Золотой Орды подтверждает-ся, прежде всего, тем фактом, что некоторые обра-зы (например, утка) были распространены от Оби и Иртыша до берегов Днестра. Только потеряв свое специфическое культовое и магическое значение, значение тотема и божественного символа, только превратившись в орнамент, эти сюжеты могли рас-пространиться по большим территориям. Но это было бы верно, если бы не существование сюжетов так называемого изобразительного канона. Наличие их и вольная орнаментация керамических изделий с определенной идеологической нагрузкой, несущих на себе традиционные семантические образы, не-совместимы. Все это позволяет предположить, что изобразительное искусство Золотой Орды находи-лось на стыке использования древних сюжетов с то-темистическими символами народов, вошедших в ее состав, и началом использования их в чисто ор-наментальных целях.

Важно выделить, что в Золотой Орде появились новые изобразительные сюжеты, ранее неизвестные ни на родине монголов, ни у народов, ими покорен-

ных, ни у их соседей. Это было вызвано, очевидно, тем, что в новом государстве возникли необходимость и возможность изображения ранее неизвестных представителей фауны, что в свою очередь могло быть вызвано новым социальным, хозяйственным и бы-

товым укладом. Прояснению этого, вероятно, помогут дальнейшие исследования орнаментальных сюжетов с использованием представителей фауны в искусстве Золотой Орды.

Литература

- Абаев А., 1949. Осетинский язык и фольклор. М.; Л.
Абдрахман Джами, 1977. Саламани и Абеаль. Душанбе.
Абызова Е.Н., Бырня П.П., Нудельман А.Л., 1981. Древности старого Архея. Кишинев.
Аманжолов А.С., 1980. Следы культа оленя в тюркских языках. Алма-Ата.
Атагарыев Е., 1986. Средневековый Дехистан. Л.
Ахинжанов С.М., 1980. К вопросу об этнониме Уранкай // Проблемы изучения и охрана памятников культуры Казахстана. Алма-Ата.
Байпаков К.М., 1980. Традиции и инновации в материальной культуре Отрара // Проблемы изучения и охрана памятников культуры Казахстана. Алма-Ата.
Баллод Ф., 1923. Приволжские Помпеи. М.; Л. Табл. 18.
Беленицкий А.М., Мешкерес В.М., 1986. Змеи-драконы в древнем искусстве Средней Азии // СА. № 3.
Богданова Н.А., 1980. Семантика и назначение некоторых амулетов из могильников первых веков нашей эры юго-западного Крыма // История и культура Евразии по археологическим данным. М.
Большаков О.Г., 1960. Ислам и изобразительное искусство // Труды ГЭ. Культура и искусство народов Востока. Л. Т. X.
Булатов Н.М., 1968. Классификация поливной кашинной керамики в золотоордынских городах // СА. № 4.
Булатов Н.М., 1969. Классификация поливной керамики золотоордынских городов Нижнего Поволжья и Северного Кавказа. Дис. ... канд. ист. наук. М.
Булатов Н.М., 1979. Иранская ваза с Селитренного городища // СА. № 2.
Бусятская Н.Н., 1976. Стекланные изделия городов Поволжья (XIII–XIV вв.) // Средневековые памятники Поволжья. М.
Вактурекая Н.Н., 1959. Классификация средневековой керамики Хорезма (XIII–XVII вв.). Керамика Хорезма // ТХАЭЭ. М. IV.
Валеев Ф.Х., 1975. Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. Йошкар-Ола
Галкин Л.Л., 1985. Некоторые золотоордынские монеты Золотой Орды // СА. № 4.
Глухарев О.Н., 1982. Искусство Кореи. М.
Достиев Т.М., 1988. Поливная керамика средневекового города Шабрана (XI–XIII вв.) // СА. № 2.
Дьяконова М.В., 1969. Сасанидские ткани // Труды ГЭ. Л. Т. X.
Ерзакович Л.Б., 1970. О южноказахстанском компоненте в материальной культуре городов Золотой Орды // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата.
Залеская В.Н., Крамаровский М.Г., 1990. Изображение человека в керамике Северного Причерноморья XII–XV вв. Л.
Ибраев Х.Т., 1980. О некоторых мотивах казахского орнамента // Проблемы изучения и охрана памятников культуры Казахстана. Алма-Ата.
Исми-заде О.Ш., Ибрагимов Ф.А., 1983. Художественная штампованная керамика средневекового Баку. Баку.
Кверфельд Э.К., 1947. Керамика Ближнего Востока. М.
Коран, 1990. Пер. И.Ю. Крачковского. М.
Кравченко А.А., 1986. Средневековый Белгород на Днестре (XIII–XIV вв.). Киев.
Лунин С.Б., 1962. Гончарное производство в Мерве X–начала XIII вв. // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад. Т. 11.
Макаров Т.И., 1972. Поливная керамика в Древней Руси. М. Т. IV.
Малиновская Н.В., 1974. Колчаны XIII–XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века. М.
Маршак Б.И., 1971. Согдийское серебро. М.
Массэ А., 1963. Ислам. М.
Медведев Н.Ф., 1963. Ближневосточная и золотоордынская поливная керамика из раскопок в Новгороде // МИА. М. 117.
Мицишвили М.Н., 1979. Производство поливной керамики в средневековом Тбилиси (IX–XIII вв.). Тбилиси.
Неклюдов С.Ю., 1984. Героический эпос монгольских народов. М.
Панова Т.Д., 1986. Восточная поливная керамика из раскопок в Московском Кремле // СА. № 1.
Плетнева С.А., 1983. От кочевий к городам. М.
Полубояринова М.Д., 1986. Костяные детали снаряжения средневекового всадника и лучника из Болгара // СА. № 2.
Пугаченкова Г.А., 1967. Искусство Туркменистана. М.
Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И., 1960. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. Ташкент.
Путешествие в Восточные страны Плано Карпини и Гильома Рубрука, 1957. М.
Романчук А.И., 1986. Граффити на средневековой керамике из Херсонеса // СА. № 4.
Рудова М.Л., 1969. Символика в китайском искусстве по народным новогодним картинам «няньхуа» // Труды ГЭ. Л. Т. X.
Самашев Э.С., 1980. Наскальные изображения Восточного Казахстана // Проблемы изучения и охрана памятников культуры Казахстана. Алма-Ата.
Тизенгаузен В.В., 1884. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб. Т. I.
Федорова И.В., 1982 Два серебряных сосуда из района г. Сургута // СА. № 1.

Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.

Федоров-Давыдов Г.А., 1973. Общественный строй Золотой Орды. М.

Федоров-Давыдов Г.А., 1976. Искусство кочевников и Золотой Орды. М.

Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М., 1989. Керамическая мастерская Селитренного городища // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М.

Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Гусева Т.В., 1974. Исследование трех усадеб в восточном пригороде Ново-

го Сарая (Царевского городища) // Города Поволжья в средние века. М.

Филиппенко В.А., 1958. О новых находках на территории Астраханской области // СА. № 1.

Финогенова С.И., 1987. Поливная керамика из раскопок Таманского городища // СА. № 2.

Чижова А.В., 1982. К вопросу об идеологии средневекового населения Прикамья // СА. № 3.

Чулуны Далай, 1983. Монголы в XIII–XIV вв. М.

Якобсон А.Л., 1979. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.

Б.И. Вайнберг

АРСИИ ИЗ ХОРЕЗМА В ХАЗАРСКОМ КАГАНАТЕ

Хазарско-хорезмийские взаимоотношения часто рассматриваются как в политическом, так и в этническом плане в связи с особой этнической группой. Это арсии — знаменитая мусульманская гвардия хазарских царей в X в. Арабские писатели приводят ряд вариантов написания их имени: ларсии, арсии (ал-арсии). Масуди отмечал, что эти мусульмане, арсии, переселились в Хазарию из местности, соседней с Хорезмом. М.И. Артамонов приводит разнообразные сведения из литературы, в которой обсуждался вопрос о происхождении этой этнической группы от аорсов, асиев-алан, асиев эпохи разгрома Греко-Бактрии, от Аршакидов, от арси-юечжей и т.д. (Артамонов, 1962. С. 316, 317, 406, 407). Указание на Хорезм или область около Хорезма в ситуации X в. заставляет нас вспомнить об области Кердере, которую мусульманские авторы так и характеризуют.

В письменных источниках сведения об области Кердер (Кардар, Курдур — в зависимости от огласовок) и одноименном канале появляются с VIII в. (Бартольд, 1963. С. 201–206). Наиболее ранние сведения отмечены у Табари и связаны с эпохой арабского завоевания Хорезма (Вайнберг, 1977. С. 98 и след.). В связи с появлением этого «владения» Аральское море иногда называется Кердерским озером (МИТТ, 1939. С. 146, 178, 179, 181, 187, 189, 206, 217, 431).

Область Кердер была локализована в правобережной части Приаральской дельты (Толстов, 1948). Основанием для этого послужили домонгольские письменные источники и прежде всего дорожники. В области Хорезм среди городов упоминаются Кардар (МИТТ, 1939. С. 178), город и канал Кардар в Хайтале (на правом берегу) в Хорезме (МИТТ, 1939. С. 187–189). В качестве области рядом с Хорезмом

отмечают Кардар Ибн-Хордабех (МИТТ, 1939. С. 146) и Якут (МИТТ, 1939. С. 431). Напомним, что еще в VIII в. Табари отмечал отдельное от Хорезма владение в Кардаре со своим царем. Это получило подтверждение в монетном чекане этой области (Вайнберг, 1973. С. 977), который автор связывал по короне в виде лежащего двугорбого верблюда и тамге с присырдарьинскими районами. Анализируя тамгу (Т 12 по нашей типологии), я отметила аналогии ей в Саркеле (Щербак, 1957. С. 363 и др. Табл. VI), среди клейм скота в Венгрии (Tárgány..., 1966. Табл. XXXIII, VIII) и у ногайцев рода канглы (Баскаков, 1940. С. 182. Табл.), но среди них я особо выделила связь с присырдарьинскими районами через «канглы». Сейчас я понимаю, что аналогии в Саркеле, и особенно в Венгрии, приобретают свой смысл и косвенно подтверждают иную гипотезу (иранское имя или титул царь Кердера в Хорезме Хусрав мог получить от местного сюзерена — хорезмшаха). Для этнической атрибуции населения этой области есть две группы материалов — археологические и скудные письменные свидетельства. Ибн-Фадлан (Ковалевский, 1956. С. 126) и Якут (МИТТ, 1938. С. 43), побывавшие в Хорезме, отмечали в связи с Кердером (ал-Кардалиа у Ибн-Фадлана) особенности языка его жителей. Ввиду важности для нашего исследования этого вопроса приведем перевод текста Якута полностью: «Кардар — местность в области Хорезма или на его границе с областью тюрок. Язык (населения) ее не хорезмский и не тюркский. У них в области множество селений; у них стада и животные; но это презренные люди. Так рассказал мне о них Ибн Кассам ал-Хабали...» (МИТТ, 1938. С. 43).

Обратимся к археологическим материалам. Кердерская культура, связываемая с третьим этапом джетысарской культуры в низовьях Сырдарьи, была

сформирована в низовьях Амударьи выходцами из дельты Амударьи. Л.М. Левина на основе анализа керамики пришла к выводу, что «кердерская культура» представляет собой «механическое соединение двух культурных комплексов: местного хорезмийского (афригидского времени) и комплекса Джетыасар III с примесью небольшого числа определенных элементов, характерных для среднесырдарьинских культур». Это связывалось с этнической пестротой данного района (Левина, 1971. С. 76–77). Вместе с тем характеристика форм и типов керамики кердерского комплекса, приведенная Л.М. Левиной (Левина, 1971. С. 86 и след. Рис. 22, 23) и А.В. Гудковой по итогам раскопок Ток-калы (Гудкова, 1964. С. 57 и след.), позволяет сделать вывод о большем своеобразии кердерской культуры (хотя бы по керамике). Можно отметить гораздо больший процент в ней керамики ручной лепки и кострового обжига (Неразик Е.Е., Рапопорт Ю.А., 1959; Ягодин, 1984), практически полное отсутствие такого характерного джетыасарского признака, как рифление по горлу на кувшинах (Гудкова, 1964. С. 64), которое племена джетыасарской культуры распространили во многие районы.

Известные особенности отмечаются и в орнаментации столовой посуды (Гудкова, 1964. С. 72 и след.). Особого внимания заслуживает прорезной орнамент, часто заполненный белой пастой, который связывается с районами Приаралья (Гудкова, 1964. С. 72). Для кердерской культуры, как и для джетыасарской, характерна традиция изготовления керамики без применения гончарного круга, обращается внимание на общность многих черт керамического комплекса и с «болотными городищами» в дельте Сырдарьи (Гудков, 1947; Левина, 1971. С. 77 и след.).

В дополнение к вышесказанному хотелось бы обратить внимание на некоторые существенные особенности керамических комплексов из Кердера в низовьях Амударьи, «болотных городиш»* и собственно джетыасарского комплекса третьего периода в низовьях Сырдарьи, который довольно хорошо исследован (Левина, 1971. Рис. 15; 1996). Для «болотных городиш»** здесь Л.М. Левина выделяет три компонента в керамическом комплексе: джетыасарский, т.е. ассимилированный джетыасарцами семиреченский и в гораздо меньшей степени афригидский, хорезмийский (Левина, 1971. С. 77).

* Практически известен материал только с городища Кескен-куюк-кала, где в 1963 г. автором проводились разведочные раскопки (Левина, 1971. С. 77).

** Первоначально высказывавшееся мнение об исчезновении саргатских памятников в III–IV вв. н.э. сейчас пересматривается в связи с открытием в 80-е годы памятников IV–VI вв. по всему ареалу этой культуры. В связи с этим и интерпретация саргатской общности как протомагьярской, по мнению ряда исследователей, нуждается в уточнении (Матвеев, 1994. С. 128).

Нам кажется, что различия, достаточно существенные, можно отметить и в наборе форм керамики и ее орнаментации.

В кердерской культуре довольно широко распространены кувшины вытянутых пропорций, украшенные, как правило, прорезным орнаментом из треугольников (в несколько прорезных полос), спускающихся от горизонтального орнаментального пояса (Левина, 1971. С. 88). Обращает на себя внимание отличие кердерской орнаментации этого типа от джетыасарской при известном сходстве общего рисунка. В кердерской культуре в отличие от строго геометрического орнамента на джетыасарских сосудах зигзагообразные полосы, часто покрывающие почти все тулово сосуда (Левина, 1971. Рис. 23; Толстов, 1962. С. 24. Рис. 156), имеют мягкое очертание и местами вместо углов образуют более плавный переход. Подобный орнамент традиционно был характерен для керамики саргатской культуры в южных районах Западной Сибири (Могильников, 1992. С. 292)**.

Исследования Л.М. Левиной в джетыасарском урочище показали тесные связи этих двух культур на протяжении нескольких столетий, предполагается наличие угорского населения в низовьях Сырдарьи в III–IV вв. н.э. во всяком случае (Левина, 1996. Заключение). Все это заставляет нас внимательнее относиться к оригинальному и традиционному в среде кердерской и саргатской культур орнаменту. Подчеркнем, что для саргатцев тоже были характерны мягкая линия в прорезном орнаменте и отсутствие строгой геометрии, наблюдаемой на традиционной джетыасарской керамике. Представляется, что и сами формы вытянутых кувшинов с покатыми плечиками по пропорциям, сильно расширяющейся горловине, прикреплению верхнего конца ручки к венчику сосуда отличаются от традиционно джетыасарских и не представлены в сколько-нибудь заметном количестве в материалах джетыасарской культуры (Левина, 1971; 1996). Возможно, что детальный анализ кердерской посуды, особенно из такого типично кердерского комплекса, как городище Курганча (Ягодин, 1973), поможет выявить и другие отличия, на которые пока не было обращено внимание.

Следует отметить и отличия в типе расселения кердерцев и джетыасарцев. В Кердере нет мощных укрепленных поселений, известных в Джетыасарском урочище, хотя на поселении Куюк-кала и выделены две цитадели (Неразик, Рапопорт, 1959; Ягодин, 1984). Внутренняя планировка Курганчи (с центральной «улицей» и регулярной застройкой по сторонам от нее) тоже неизвестна в низовьях Сырдарьи. К тому же вблизи Курганчи В.Н. Ягодин обнаружил развешенные кердерские поселения открытого типа (стоянки) (Ягодин, 1973), в низовьях Сырдарьи такого типа памятников нет.

Все это дает основание считать, что вместе с джетыасарским населением, переселившимся к концу VII н.э. в низовья Амударьи (в правобережную часть

Приаральской дельты), сюда пришла, вероятно, и какая-то иная этническая группа, до этого довольно долго проживавшая в Джетыясарском урочище и воспринявшая многие элементы культуры джетыясарцев. Завершая эту тему отметим, что в комплексе керамики с Кескен-куюк-калы («болотные городища») тоже можно отметить существенные отличия от кердерского и джетыясарского комплексов. Имеются пропорции типичных джетыясарских сосудов (например, кувшинов с уступом на плечике), они становятся более приземистыми. Этот признак может стать хронологическим, но материалы из Кердера и из Джетыясарского урочища не подтверждают такое предположение. На сосудах Кескен-куюк-калы широко представлен богатый растительный орнамент, которого нет в культурах джетыясарского круга (Левина, 1971. С. 77. Рис. 20, 21). Именно он и составляет наиболее характерную черту этого керамического комплекса. Гораздо больше, чем в других районах, здесь и архаического прорезного орнамента, напоминающего керамику эпохи бронзы (Толстов, 1947), но он наносится на традиционную местную лепную посуду кострового обжига, датируемую как и весь комплекс, VII–IX вв.

Таким образом, с конца VII в. в Южном Приаралье по керамике выделяются отдельные области: Южный Хорезм (афригидская культура, характеризующаяся тесным контактом с северо-восточной скотоводческой периферией), северный правобережный Хорезм — область Кердер (кердерская культура), Восточное Приаралье, разделяющееся в свою очередь на два района: Джетыясарский комплекс в древней дельте между Кувандарьей и современным руслом Сырдарьи, и район «болотных городищ» вблизи современной дельты, в ее левобережье. Все эти области и районы имели тесные культурные и, вероятно, этнические контакты.

Поскольку в керамическом комплексе кердерской культуры, как мы отмечали выше, прослеживаются в орнаментике сосудов, прежде всего, явно угорские аналогии (для саргатской культуры юга Западной Сибири на всем протяжении ее существования была характерна именно такая орнаментация), мы предположили, что язык жителей Кердера мог быть угорским. К V в. значительная часть саргатцев были увлечены гуннами на запад «великого переселения народов». Часть их ранее и, вероятно, в это время попала в Восточное Приаралье (Левина, 1996), где частично смешалась с джетыясарцами (по происхождению, скорее всего, иранцами).

В конце VII в., в период создания второго тюркского каганата (690 г.), или несколько позже — в самом начале VIII в., когда в 711–712 гг. тюрки вторглись в Семиречье и разгромили тюргешей и в 712–713 гг. предприняли походы в южные районы Средней Азии, эта еще не ассимилированная ни иранцами-джетыясарцами, ни тюрками группа угров продвинулась в правобережье Нижней Амуда-

рьи, где и создала на вновь освоенных землях удельное владение под эгидой Хорезма. В связи с этим предположением мы обратили внимание на этнонимы и топонимы в гунно-угорской среде Нижнего Поволжья и на прилегающей территории, где расселялись в V–VIII вв. многие народы, в составе которых были савиры — потомки угров из Западной Сибири (Артамонов, 1962).

Прежде всего, это племя «зебендер» (согласно Феофилакту Симокатте, оно было из народов уар и хунни (Артамонов, 1962. С.140), хазарский город Семендер на Северном Кавказе, Кедарская земля в Восточной Европе XII в. (Артамонов, 1962. С.446) и Кедар в правобережье Средней Сырдарьи в домонгольское время. С.Г. Агаджанов отмечал, что в тексте Идриси река Урал называется Дандераб (Агаджанов, 1969. С.62), а к востоку от реки Урал был город Дандера (Агаджанов, 1969. С.61). В русских документах XVIII в., по сведениям, приведенным С.Г. Агаджановым (Агаджанов, 1969. С.62), на реке Урал еще существовало урочище Дандера. Добавим к этому название крупного озера в этом районе, сохранившееся и поныне, — Индер. М.И. Артамонов отмечал, что арабы называли болгар венедерами или недерами, и считал со ссылкой на заключения П.К. Коковцева, что изначальной формой была W-n-gur (Артамонов, 1962. С.172). В круг очерченных топонимов и этнонимов, бесспорно, можно включить и Кердер. Все они имеют одинаковую и неизменную вторую часть, которая, нам представляется, может происходить от угорских языков, так как связь района реки Урал с уграми вероятна; угорский компонент отмечается всеми исследователями в составе тюркских народов Северного Кавказа и Нижнего Поволжья в раннем средневековье (Артамонов, 1962. С.141. Примеч.40).

Возвращаясь к арсиям, обратим внимание, на то, что не все они ушли из Кердера–Хорезма в Хазарию. Анализируя этнический состав кипчаков в XI–начале XIII в. по арабским источникам, Б. Кумекоев отмечает в их составе племя ал-`рс, которое он связывает с аорсами-асами, считая иранским, родственным аланам (Кумекоев, 1990). По его мнению, это племя было тюркизировано в районе Хорезма в XI–XII вв., когда там пребывали кипчаки. Риску предположить, что нет оснований связывать арсиев в составе кипчаков с иранцами-аланам. Скорее всего, это были потомки угров-кердерцев. Область Кердер известна и в домонгольское время, соответствующие слои есть на Ток-кале (город Дарсан) и Хайван-кале (город Кердер), есть на Ток-кале и погребения по мусульманскому обряду (Гудкова, 1964. С.143 и след.), что существенно при локализации арсиев, так как последние в Хазарии подчеркивали свое мусульманство. Возможно, что отголоски их имени можно видеть в названии города Дарсан, отмеченного дорожниками в Кердере. Возможно, что в этом топониме в первой части можно видеть усе-

ченную форму иранского *dex* (селение), племенное название *агс* — в середине и традиционное окончание *-ан*. По типу это — название, данное жителями Хорезма ближайшему к их территории городу соседней области по этнониму его жителей.

В тюркской среде имя *арсиев* стало развиваться по законам тюркского языка, где *арс > ас* (*Севортян*, 1966. С. 115), откуда появляются и формы имени предводи-

теля отряда гвардии хазарского царя — хорезмийца *Ас-Тархана* или *Рас-Тархана* (*Артамонов*, 1962), известного в связи с событиями 764 г. в Закавказье.

Подводя итог, подчеркнем, что население Кердера вплоть до монгольского времени сохраняло свою самобытность и вынуждено было покинуть эту область в связи с изменением режима обводнения дельты.

Литература

Агаджанов С. Г., 1969. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XII вв. Ашхабад.

Артамонов М. И., 1962. История хазар. Л.

Бартольд В. В., 1963. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // *Бартольд В. В.* Соч. М. Т. 1.

Баскаков Н. А., 1940. Ногайский язык и его диалекты. М.; Л.

Вайнберг Б. И., 1973. Удельный чекан раннесредневекового Кердера // Вопросы антропологии и материальной культуры Кердера. Ташкент

Вайнберг Б. И., 1977. Монеты древнего Хорезма. М.

Гудкова А. В., 1964. Ток-кала. Ташкент.

Ковалевский А. П., 1956. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков.

Кумеков Б., 1990. Об этническом составе кипчаков XI–XIII вв. по арабским источникам // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. М. Вып. II: История и археология.

Левина Л. М., 1971. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н.э. // ТХАЭЭ. М. Т. VII.

Левина Л. М., 1996. Этнокультурная история Восточного Приаралья: I тысячелетие до н.э. — I тысячелетие н.э. М.

Матвеева Н. П., 1994. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск.

Материалы по истории туркмен и Туркмении, 1939. М.; Л. Т. I: VII–XV вв. Арабские и персидские и хиванские источники.

Материалы по истории туркмен и Туркмении, 1938. М.; Л. Т. II: VI–XIX вв. Арабские, бухарские источники.

Могильников В. А., 1992. Саргатская культура // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.

Неразик Е. Е., Рапопорт Ю. А., 1959. Куюк-кала в 1956 г. // МХЭ. М. Вып. I.

Севортян Э. В., 1966. Тюркские *ас*, *аскыр*-, *аст*, *асы* и другие // Тюркологический сборник. М.

Толстов С. П., 1947. Города гузов // СЭ. № 3.

Толстов С. П., 1948. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР 1947 г. // Изв. АН СССР. Серия «История и философия». Т. V, № 2

Толстов С. П., 1962. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.

Щербак А. М., 1959. Знаки на керамике и кирпичях из Саркела–Белой Вежи (К вопросу о языке и письменности печенегов) // МИА. М.; Л. № 75.

Ягодин В. Н., 1963. К вопросу о локализации Кердера // Вестн. Каракалпакского филиала АН УзССР. № 2.

Ягодин В. Н., 1973. Кердерское поселение Курганча // Вопросы антропологии и материальной культуры Кердера. Ташкент

Ягодин В. Н., 1984. Кердерское поселение Куюк-кала: Историческая топография и хронология // Археология Приаралья. Ташкент. Вып. II.

Tárkány Szücs Ernő, 1965. A jószágok égetett tulajdonjegyel Magyarországon // Különlenyomat az Ethnographia. Budapest. Éir 2–3.

В. И. Вихляев

К ВОПРОСУ О РАННЕЙ СТАДИИ ПЕНЗЕНСКИХ МОГИЛЬНИКОВ*

В начале 70-х годов ушедшего столетия мною под руководством профессора Г. А. Федорова-Давыдова была получена система относительной хронологии для ранних мордовских пензенских могильников. Для ее создания использовались методы математической статистики, применение которых к

археологическому материалу разработано совместно с Г. А. Федоровым-Давыдовым (*Федоров-Давыдов*, 1987. С. 94–113. Рис. 23; *Вихляев*, 1977). Исполь-

* Статья подготовлена при содействии Российского гуманитарного научного фонда. Грант № 00-01-00161 а/в.

зование математических методов значительно повысило надежность и объективность получаемых результатов. Об этом говорит тот факт, что уже почти четверть века относительная хронология пензенских могильников используется исследователями без существенных поправок.

К выделенным стадиям были предложены по методу подбора аналогий абсолютные датировки, которые опирались на существовавшие тогда хронологические системы. Естественно, что с развитием этих систем абсолютные даты стадий нуждались в корректировке.

В последнее время сомнения в обоснованности выделения стадии А могильников селиксенского типа высказано в работах В.В. Гришакова (Гришаков, 1993. С. 61–62; 2000. С. 8–15).

В стадию А были объединены погребения 3, 6, 8 Ражкинского могильника в Верхнем Примокшанье. Основными датирующими вещами ее являются бронзовые бляхи с одной зоной овально-кругового орнамента вокруг центрального отверстия, состоящего из рельефных валиков, и проволоочные гривны с крючками на обоих концах, сопряженные между собой сильными связями. Эти комплексы не относятся к собственно селиксенскому типу. В них нет височных подвесок с грузиком, имеются отличия в элементах погребального обряда. В этом отношении они сближаются с культурой могильников кошибеевского типа. Древнейшие погребения Ражкинского могильника можно связывать с селиксенским типом захоронений, лишь учитывая то, что в дальнейшем население, оставившее этот памятник, попадает в сферу влияния носителей культуры могильников селиксенского типа и вскоре по вещевому материалу становится неотличным от них (Вихляев, 1977. С. 44–45, 49, 59–61. Рис. 27, 28).

В.В. Гришаковым правильно отмечена слабая сторона аргументации выделения стадии А. Место блях с валиками, являющихся основой для выделения хронологической линии, для стадии определено не статистически, а визуально, исходя из общего направления развития эволюционного ряда этих украшений в тот период. Однако, если валиковые бляхи ввиду их немногочисленности (3 экз.) не дали существенных связей с другими типами блях, то математически доказывается их сопряженность с вещами, характерными именно для ранних погребений рассматриваемой группы памятников. К ним относятся гривны с двумя крючками и ожерелья, состоящие на 81–95 % из бисерных и мелких золоченых бус (Вихляев, 1977. Рис. 27, 28). Наш оппонент отмечает, что гривны с двумя крючками имеют широкий хронологический диапазон бытования в пределах III–V вв. Однако следует различать два варианта этого типа: проволоочные (диаметр сечения до 2 мм) и дрововые (диаметр более 4 мм), что и сделано в моей работе. Первые из них, судя по аналогиям, появляются в финно-угорских древностях уже

в первые века нашей эры (Генинг, 1962. С. 22. Рис. 7, 61; Агеев, 1992. С. 35. Рис. 4, 7), а вторые распространяются около середины I тысячелетия н.э. (Генинг, 1963. С. 52. Табл. 22, рис. 9). Так что проволоочные двухкрючковые гривны хорошо хронологически вписываются в комплекс стадии А.

Следует согласиться с мыслью В.В. Гришакова о том, что бляхи с орнаментом из рельефных валиков (но не только от одного до трех, а и более) продолжают встречаться в погребениях кошибеевского типа почти на всем протяжении существования культуры их носителей вплоть до V в. (Гришаков, 2000. С. 8–12). Они, как показывает анализ материалов этой культуры, являются одной из ее специфических характерных черт, отличающих от других племенных культур данного времени Окско-Сурско-Цнинского междуречья (Вихляев, 2000). Наличие таких украшений в ражкинских погребениях неудивительно и вполне закономерно, если учесть их этнокультурное определение как кошибеевского типа, против которого будто не возражает и В.В. Гришаков (Гришаков, 2000. С. 12).

Весьма существенным замечанием является утверждение, что в анализируемую стадию включены комплексы, не имеющие общих стадийальных признаков. В погребениях 3, 6 почти нет общих вещей с захоронением 8 (Гришаков, 2000. С. 12–14).

В погребении 3, как и в погребении 8, Ражкинского могильника имеется тип блях с одной зоной орнамента из выдавленных изнутри валиковых овальных окружностей, только их здесь не три, а пять. Все более поздние бляхи этого типа имеют орнамент в виде четких концентрических кругов — «циркульный», по терминологии М.Р. Полесских. Это позволяет объединить украшения из обоих погребений в один тип, что и было сделано в моей работе. Ожерелье из погребения 3 однотипно с ожерельем из захоронения 8. Среди золоченых бусин здесь найдено не несколько (по В.В. Гришакову), а лишь одна краснопластовая, на что было обращено внимание уже в отчете о раскопках М.Р. Полесских (Полесских, 1956).

Погребение 6 с погребением 8 объединяет не только тип ожерелья, но и наличие проволоочной гривны с двумя крючками. В.В. Гришаков отмечает, что в коллекциях памятника она не сохранилась. Но в 1969 г. фрагменты ее имелись и тип мною был определен весьма достоверно (Фонды ПГОМК. Инв. № 8842, 9104). Именно она является стадийальным определяющим признаком для этого комплекса. Итак, утверждение В.В. Гришакова об отсутствии общих стадийальных признаков у погребений 3, 6, 8 Ражкинского могильника неверно.

Особенностью комплекса 6 Ражкинского могильника является то, что он наиболее поздний для стадии А. В нем ранний тип гривны сочетается с бляхами с одной зоной концентрического орнамента, характерной для более поздней стадии В. Это

позволило в свое время сделать вывод о том, что такие бляхи появляются уже в конце стадии А (Вихляев, 1977. С. 44). Специфику погребения 6 следует учитывать при характеристике комплекса и хронологии стадии А пензенских могильников.

Нельзя согласиться с еще одним утверждением В.В. Гришакова о том, что погребения 6 (стадия А моей классификации) и 5 (стадия В) составляют одно единовременное тройное коллективное захоронение. Аргументами в пользу такого заключения являются их близкое взаиморасположение, один уровень, синхронность сопровождающего инвентаря и ссылка на предположение М.Р. Полесских в публикации материалов памятника (Полесских, 1991. С. 153–156). В данном случае надежнее всего обратиться к первоисточнику — отчету о полевых исследованиях, написанному сразу же после раскопок. В нем парное погребение «б» имеет номера 6 и 7. Исследователь отмечает, что оно было обнаружено в непосредственном соседстве с предыдущим погребением 5 и «...нельзя с уверенностью сказать, была ли для этого парного погребения вырыта особая яма или все три погребения положены в одну широкую яму. Все же некоторые признаки (например, цветность почвы) дают основание предположить, что яма погребения 6 была прикопана с правой стороны погребения 5 и, по-видимому, составила одну общую могилу без разделяющей стенки» (Полесских, 1956. Л. 29). Контуры абсолютного большинства могильных ям в Ражкинском могильнике не прослеживаются, так как они сооружены в слое чернозема (Полесских, 1991. С. 153). Поэтому разделяющую могильную стенку, даже если она имела, проследить было бы невозможно. Однако важно, что в 1956 г. М.Р. Полесских склонялся к мысли о неодновременности погребений 6 и 7. В публикации материалов памятника через 35 лет раскопок он описывает погребения 5, 6 и 6а как тройное захоронение и хотя повторяет мысль о «прижатности» одного из захоронений, все же настаивает на существовании одной могильной ямы для всех трех погребений (Полесских, 1991. С. 154–155). Однако этому противоречат данные плана погребений, имеющиеся в отчете о раскопках (Полесских, 1956. Рис. 50). На нем захоронения 5 и 6 смещены по оси север-юг по отношению друг к другу примерно на одну треть длины костяков. Очевидно, должны быть смещены и контуры могильных ям, что, несомненно, является подтверждением неодновременности двух комплексов. Следовательно, попадание этих двух погребений в различные стадии развития культуры пензенских могильников не случайно.

Весьма важным представляется замечание В.В. Гришакова о том, что в моей работе указывается неправильная ориентировка погребенных головой по странам света в могиле 6. Обнаруженные костяки лежали головой не на восток, а на юг. Однако в данном случае и В.В. Гришаков, и автор этих строк были введены в заблуждение М.Р. Полесским. В отчете

1956 г. последний при описании захоронений дважды совершенно четко сообщает, что погребения были ориентированы «головой на восток» (Полесских, 1956. Л. 29–30). В публикации материалов памятника на плане погребения они изображены лежащими головой на юг (Полесских, 1991. Рис. 2). Очевидно, наиболее точные данные должен содержать план погребения в отчете. Там, на рис. 50 это парное погребение имеет юго-восточную ориентировку. Такую же ориентировку имеет и еще ряд захоронений Ражкинского могильника.

Таким образом, предположение В.В. Гришакова начинать историю культуры пензенских могильников не со стадии А, а со стадии В моей системы хронологии пока что выглядит малообоснованным.

Кроме внесения поправок в систему относительной хронологии, оказавшихся неудачными, В.В. Гришаков считает необходимым исправление абсолютных датировок, исключив из периода стадии В вторую половину II в. н.э. Мы полностью поддерживаем эту мысль. И, кроме того, предлагаем еще более омолодить стадию В. Такой вывод был уже опубликован еще до выхода последней критической работы нашего оппонента (Вихляев, Петербургский, 1999. С. 121). Новые, полученные по хронологии Восточной Европы (Амброз, 1971. С. 106–134) данные памятников первых веков нашей эры западных районов Среднего Поволжья (Вихляев, 1998. С. 17–30) позволяют датировать стадию А пензенских могильников концом II–первой половиной III в., а стадию В — второй половиной III в. Захоронения стадии А Ражкинского могильника примечательны тем, что только в них (погребение 3) и в Кошибеевском могильнике встречаются элементы головного убора, включающие в свой состав бронзовые спиральные височные кольца, характерные для андреевской культуры I–II вв. (Вихляев, 1977. С. 45). Это указывает на раннюю дату функционирования погребений стадии (не позднее конца II–начала III в.). В более поздних комплексах Ражкинского могильника уже господствует мордовский головной убор с височными подвесками с грузиком.

В связи с новыми абсолютными датами первых двух стадий могильников селиксенского типа следует изменить и даты следующих периодов. Стадию С предлагается относить к IV в., а стадию Сi — к второй половине IV–началу V в. Для могильников армиевского типа корректируется только дата стадии А — конец IV–первая половина V в. Датировка остальных стадий остается без изменений (Вихляев, 2000).

Итак, разработанная нами система относительной хронологии пензенских могильников при существующей базе археологических данных остается по-прежнему устойчивой, хотя отдельные ее элементы, например выделенная стадия А, нуждаются в дополнительной аргументации. Она может быть получена лишь в результате дальнейшего накопления материалов по данному хронологическому отрезку и обра-

тки его с помощью объективных статистико-математических методов. Что же касается абсолютных тировок, то они и в будущем могут изменяться в язи с совершенствованием методов и хронологических систем Восточной Европы.

В заключение следует отметить неточную характеристику комплексов погребений, приводимую В. Гришаковым (Гришаков, 2000. С. 13. Рис. 2). Так, погребении 5 было не две, а три бляхи. Выпал тип одной зоной концентрического орнамента и рифной обоймой. Не упомянуты две круглодротовые

гравны с обрубленными концами, очень важные для датировки данного комплекса. Браслетов здесь насчитывалось пять, а не четыре. Остался неизвестным В.В. Гришакову круглодротовый тип со слегка заходящими друг за друга концами. У прочерченной звезды на корпусе одной из блях не девять лучей, а семь (Фонды ПГОМК. Инв. № 8842/3, 4; Полесских, 1956). Для любого археолога является аксиомой необходимость привлекать к решению вопросов хронологии памятников полный комплекс, а не выборочный материал.

Литература

- Агеев Б.Б., 1992. Пьяноборская культура. Уфа.
- Амброз А.К., 1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. 2 // СА. № 3.
- Вихляев В.И., 1977. Древняя мордва Посурья и Приюкшанья. Саранск.
- Вихляев В.И., 1998. Андреевская культура и ее роль в этнической истории Западного Поволжья // Исследования П.Д. Степанова и этнокультурные процессы древности и современности: Материалы международной науч. конф. Саранск.
- Вихляев В.И., 2000. Происхождение древнемордовской культуры. Саранск.
- Вихляев В.И., Петербургский И.М., 1999. Мордва // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск.
- Генинг В.Ф., 1962. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры // ВАУ. Свердловск. Вып. 4.
- Генинг В.Ф., 1963. Азелинская культура // ВАУ. Ижевск; Свердловск. Вып. 5.
- Гришаков В.В., 1993. Керамика финно-угорских племен правобережья Волги в эпоху раннего средневековья. Йошкар-Ола.
- Гришаков В.В., 2000. О ранней стадии пензенских могильников // Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья: проблемы хронологии и этнической истории. Тез. докл. Всероссийской науч. конф. Саранск.
- Полесских М.Р., 1956. Отчет об археологических исследованиях в Пензенской области в 1956 году. — Архив ИА РАН. Р.1. № 1244.
- Полесских М.Р., 1991. Ражкинский могильник // Археология восточноевропейской степи: Межвузовский сборник научных трудов. Саратов. Вып. 2.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1987. Статистические методы в археологии. М.

И.В.Волков

МЕСТНЫЕ АМФОРЫ АЗАКА

Амфоры местного производства составляют одну из самых своеобразных черт керамического комплекса золотоордынского города Азака. Они интересны своим происхождением, местом в культуре города, а также тем, что более или менее близкие аналогии им мы находим в других городах Золотой Орды. Эти сосуды имеют форму перевернутой груши, что является явным подражанием трапезундским амфорам. Сходство бывает настолько велико, что единственный экземпляр, опубликованный прежде, был помещен в одном ряду с трапезундскими амфорами, и исследователь не смог увидеть различий между ними (Яковсон, 1951. С.341. Рис.11, 39). Азовские амфоры бывают и круглодонными и плоскодонными, в то время как плоскодонные образцы трапезундских в это время являются редчайшим исключением (Волков, 1989. С.96.

Рис.13, 6). В силу того, что сохранилось небольшое количество целых образцов (рис.1), невозможно использовать количественные методы для морфологической классификации. В целом их можно предварительно разделить на две разновидности (рис.1–3), хотя, судя по фрагментам (рис. 3, 4) (Ларенок, 1986. Рис. 42), возможны и более «приземистые» варианты формы. Поскольку исследуемая категория сосудов является подражанием, в дальнейшем описании везде будут приводиться сравнения с «оригиналом», так как это необходимо для отличения азовской керамики от трапезундской в практической работе.

Горло азовских амфор низкое, до 5 см, внешний его диаметр — 5–6 см. В подавляющем большинстве случаев венчик оформлен простым скруглением и слегка отогнут наружу, край его заметно более мас-

сивен, чем у трапезундских. Реже встречаются образцы, у которых венчик выделен валиком на внешнем крае, как у большинства кувшинов, изготовленных в Азаке (рис.3,4). Ручки верхним концом прилеплены на венчик, нижним — на плечико, несколько ниже его середины. В целом подъем ручек у азовских амфор несколько более крутой, чем у трапезундских. Сечение ручек овальное, также характерное для местной керамики (более уплощенное, чем у трапезундских). Можно говорить о двух основных вариантах сечения: простом уплощенном овале (рис.2,4; 3,2) и уплощенном овале с продольной выемкой на середине внешней стороны (рис.1, 3—4; 2, 1—3). Второй вариант часто встречается на ручках больших двуручных тарных кувшинов местного производства в Азове.

Круглые донья не всегда имеют правильную форму, как у трапезундских, часто они бывают «подмятыми». На нижней части сосудов обычно сохраняются следы ножа, образовавшиеся от срезания излишков глины в процессе придания дну круглой формы (рис.1, 1—2, 4; 3, 1). На плоских доньях бывает виден невыразительный бортик и сеяная зольная подсыпка, в то время как на единственном экземпляре плоского трапезундского дна — след от срезания с круга ниткой (Волков, 1989. С. 96). Верхняя часть снаружи покрыта горизонтальными бороздками (подражанием рифлению трапезундских амфор), которые опускаются несколько ниже середины высоты тулова. Но

на трапезундских амфорах рифление образовалось в результате вытягивания сосуда на круге и поэтому получалось относительно плавным. В Азаке рифление наносили при помощи притупленного острия деревянного или металлического инструмента, поэтому рифление получалось более крутым и «угловатым». Из-за того, что применявшаяся в Азаке техника работы на круге была менее совершенна, линии рифления не всегда получались параллельными друг другу, что облегчает отличие их от трапезундских. На нижней половине тулова трапезундских амфор также есть рифление, но значительно плавнее — его азовские мастера не воспринимали как объект для подражания.

Формовочная масса однородная и достаточно тонкая. Все видимые примеси содержатся в концентрациях ниже, чем 1:10. К ним относятся поры органических включений, небольшое количество мелкого песка, зерна, напоминающие глиняный концентрат, иногда — округлые включения красного цвета, образовавшиеся, видимо, в процессе обжига (магнетитохромит?).

Одним из самых специфических признаков азовского производства является обжиг, в подавляющем большинстве случаев трехслойный. Внешняя сторона получает светло-коричневый цвет, а средняя часть излома — темно-серый, почти черный, с синеватым оттенком. В тонких местах средняя темная прослойка может быть «вытеснена» внешними слоями, и тог-

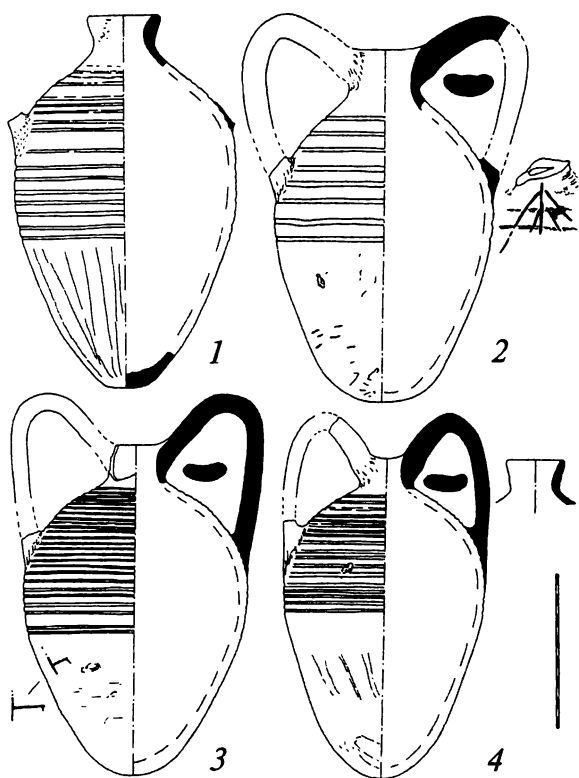

Рис.1. Круглодонные местные амфоры из Азова

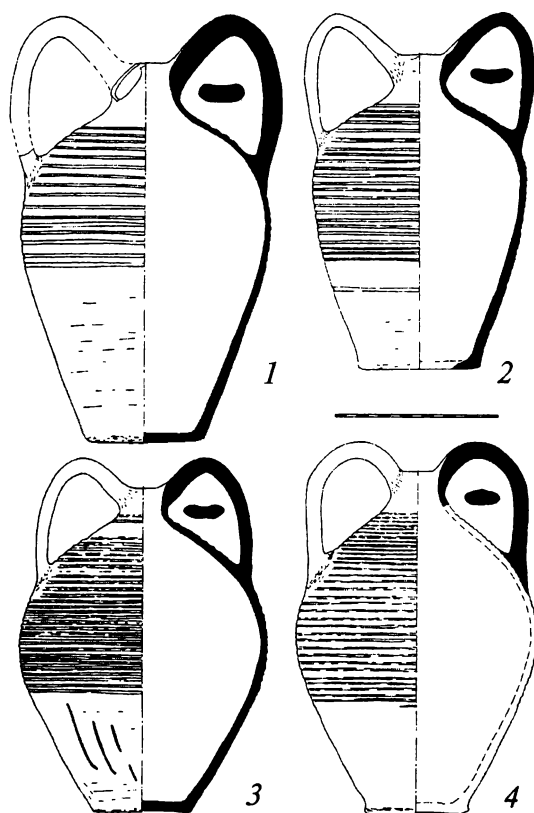

Рис.2. Плоскодонные местные амфоры из Азова

а отдельный участок стенки получает сплошной обжиг. Незначительный процент составляют амфоры той группы, хорошо прокаленные насквозь до красно-коричневого цвета. Количество их настолько мало, что в настоящее время нельзя сказать однозначно — технологический просчет ли это, или продукция небольшой мастерской с отличающейся технологией обжига, или отличие хронологического порядка, или импорт из родственного пункта.

Главным технологическим отличием азовских амфор от трапезундских является донно-емкостная программа конструирования полого тела, в то время как нижнюю часть трапезундских амфор формировали от стенок ко дну в перевернутом состоянии (Бобринский, 1978. С. 130—135). В результате донная часть азовских амфор обычно бывает уплощенной, в центре круглого дна бывают видны следы установки сырого изделия на плоскость. Способ конструирования полого тела бывает различным, однако спирально-жгутовой налеп присутствует всегда. Наиболее часто все полое тело конструируется при помощи спирального налепа (РФК-3, по А. Бобринскому) (Бобринский, 1978. С. 49—51), встречаются сосуды, при формовке верхней части которых круг использовали для профилирования и вытягивания (РФК-4-5). Подавляющее же количество образцов изготовлено без вытягивания на круг (РФК-3-4). Трудно сказать, с чем связаны отличия способа формовки — с хронологической их

последовательностью или с работой мастерских с разными технологическими традициями. В случае формовки при помощи спирального налепа на внутренней стороне получались характерные вмятины и углубления в тех местах, где гончар надавливал пальцем на наклеиваемый жгут глины (рис. 4, А, Б). После окончания формовки внутреннюю сторону заглаживали мокрой рукой или деревянным ножом-резцом. Обычный результат налепной техники — значительные колебания толщины стенок. Встречены экземпляры, у которых горло вылеплено при помощи спирально-жгутового налепа с грубой стыковкой швов изнутри после тщательного заглаживания внутренней поверхности большей части тулова, что может быть свидетельством использования двухэлементного неполного начина (рис. 4 — заглаженная внутренняя поверхность тулова). Однако связь этого признака с типом начина не обязательна: при переходе к узкому горлу тщательное заглаживание внутренней поверхности было просто невозможно. В отличие от азовских, трапезундские амфоры всегда изготавливались на пограничном этапе РФК-6-7 и отличить их от азовских с технологической точки зрения не составляет труда.

При раскопках многочисленных гончарных печей и ям с керамическим браком в Азове только один раз было обнаружено свидетельство их производства — обломок верхней части необожженной амфоры (Фо-

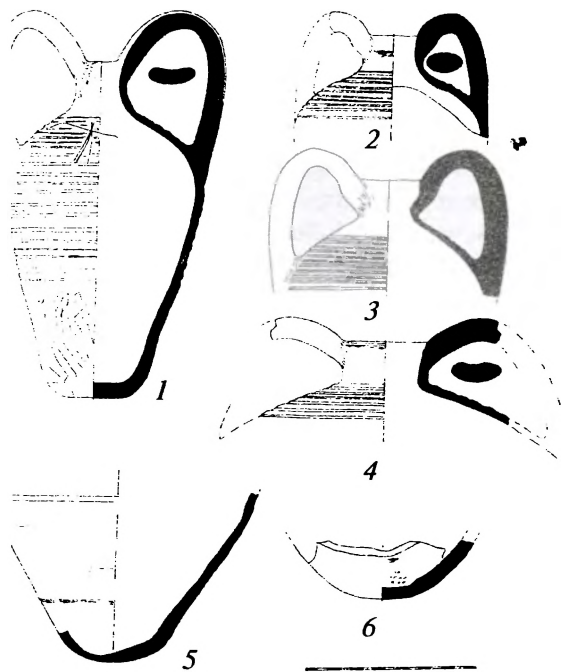

Рис. 3. Амфоры азовского производства:
1-4 — из Азова;
5-6 — с Селитренного городища

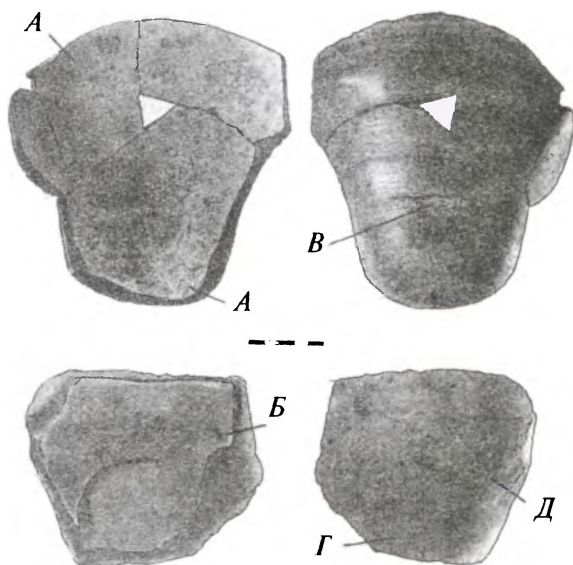

Рис. 4. Фрагменты азовских круглодонных амфор, найденные на Селитренном городище (в изломах виден трехслойный обжиг):

- А — заглаженные вмятины в местах стыковки жгутов;
- Б — рельефное углубление в месте стыковки жгутов;
- В — следы кольцевой подставки, использовавшейся при сушке;
- Г — следы установки сырого изделия на плоскость;
- Д — следы срезания излишков глины

мичев, 1981. С.6). Такая редкость брака, видимо, связана с тем, что в большинстве случаев исследовали остатки мастерских с более высокой технологией, в которых производили и поливную, и неполивную посуду.

Выше была упомянута азовская амфора (рис.5), опубликованная дважды (Якобсон, 1951. С.341. Рис.11, 39; Музей истории донского казачества, 1979. С.90. № 373. Табл.29, 4). В каталоге коллекций Новочеркасского музея дан грубый рисунок ее контура, причем в описании она названа сероглиняной. Цвет амфоры на самом деле совершенно обычный — коричневый, на ней есть обычное азовское рифление и графито*. Сосуд имеет трехслойный обжиг.

Естественно возникает вопрос — для чего делали эти круглодонные амфоры? Учитывая трудности, с которыми мастера сталкивались при изготовлении круглодонных сосудов по донно-емкостной программе, трудно объяснить появление их производства только стремлением варваров к копированию привозных образцов. Скорее всего, эти сосуды, как и все круглодонные амфоры, делали для морских перевозок каких-то жидких товаров. Однако производства вина или масла на экспорт в окрестностях Азака не было.

От XIV—XV вв. сохранилось значительное количество источников, касающихся торговли в Причерноморье. Многократно засвидетельствовано, что одним из важнейших местных экспортных товаров Таны (и вместе с тем единственным относительно жидким) была икра осетровых рыб (Скржинская, 1971. С.50—51; Карпов, 1990. С.148—149; Pegolotti, 1936. С.24; Шитиков, 1972. С.124; Барбаро, 1971. С.144). Однажды упоминается «икряная вода», вывозимая из Таны, — вполне возможно, что это продукт отгонки жидкости при приготовлении паюсной икры.

Другие жидкости в ощутимых количествах на рынках из Таны не поступали. Вполне допуская иное назначение рассматриваемых сосудов, думаю все же, что они были сосудами для икры.

Для исследования распространения амфор Азака на других памятниках необходимы надежные отличительные признаки для выделения их среди подобных по форме сосудов, изготовленных в других золотоордынских городах. В определенном смысле приведенного описания амфор Азака для этого достаточно, так как только они имеют изложенный набор признаков. Если сосуд обладает такими признаками, как трехслойный обжиг, специфическое рифление на верхней половине тулова, характерный цвет и состав формовочной массы, а целый сосуд — соответствующими пропорциями, его можно признавать азовским.

* Такая ошибка вполне естественна, так как издатель каталога просто воспользовался имеющимися в музее карточками описания, составленными, вероятно, не профессионалами.

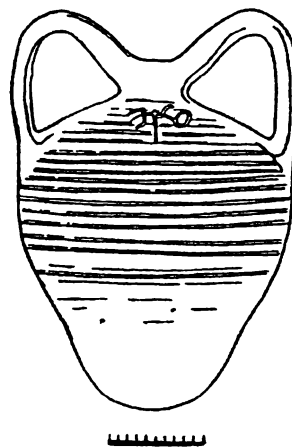

Рис.5. Местная амфора из Азова из экспозиции Новочеркасского музея (Якобсон, 1951)

Для упрощения задачи хотелось бы упомянуть признаки, характерные для аналогичных сосудов из других городов. В настоящее время можно с уверенностью говорить о производстве амфоровидных сосудов в Маджаре и Сарае. Однако их производство должно было существовать и в других городах, но их определение — дело будущего.

Свидетельство местного производства таких амфор в Маджаре было обнаружено при сборе подъемного материала на месте керамической мастерской в восточной части городища (сборы 1990 г.). Среди остальной массы керамического брака было найдено круглое дно и обломки горловин и ручек амфор. Сосуды были сделаны из характерного для Маджары рыхлого легкого сильнопористого теста желтого или розоватого цвета, сплошного обжига. Формовка выполнена по донно-емкостной программе с помощью спирально-жгутового налепа.

Характерное рифление нанесено при помощи пригупленного острия и на нижнюю половину тулова, в отличие от азовских амфор — почти до дна (рис.6, 8; 7). Общие пропорции должны были быть более «приземистыми», чем в Азове. Профиль венчика — заостренный, очень точно повторяющий трапезундские образцы, хотя горло в целом имело несколько большую высоту. Сечение ручек овальное (рис.6, 6—7). В целом маджарские образцы являются более близкими копиями трапезундских эталонов, чем азовские.

Примечательно, что в Маджаре амфоры, изготовленные на месте, были найдены только при сборе подъемного материала в районе мастерской; в слое же во время раскопок 1990 г. они вообще не встречены. При сборе подъемного материала в 1989 г. был найден обломок придонной части амфоры из глины, характерной для другой группы маджарской керамики — с примесью слюды и мелкого песка, с невыразительным трехслойным обжигом. Рифление также опускается почти до дна (рис.8).

Однако нельзя однозначно утверждать, что этот сосуд изготовлен на месте: он мог поступить из род-

стенных очагов гончарства на Дону и Северном Кавказе.

Фотография целой амфоры такой формы из Убинского могильника опубликована В.А.Тарабаным (Тарабанов, 1989. Табл.35). Рифление на ней также опускается почти до дна, причем не может быть трапезундским (рис.9). По составу формовочной массы и технологии она также не может быть отнесена к маджарской керамике. При ее формовке, видимо, был использован емкостный начин, а округлое дно вставлено в него отдельно*. Состав формовочной массы и техника спирально-жгутовой лепки этого сосуда обнаруживают наибольшее сходство с прикубанской керамикой домонгольского времени. Поэтому вполне реально умозрительное заключение, что в районе Кубани должен был существовать ещё один центр производства «варварских» амфор, так как эта область также была одним из основных экспортеров икры на рынки Причерноморья и далее на запад (города Матрега, Копа) (Скржинская, 1971. С.50–51; Карпов, 1990. С.148–149). В пользу этого свидетельствует находка очень близкой по пропорциям и технологии плоскодонной амфоры на могильнике Южная Озерейка (Дмитриев, 1974. Рис.20 (погребение 14)).

Что касается амфоровидных кувшинов поволжских городищ, то они были только плоскодонными (Fedorov-Davidov, 1984. S.108. III.47,2; Федоров-Давыдов, 1969, л.343.) (рис.6, 1–3; 10). Они изготовлены на этапах РФК-3-4 с помощью спирально-жгутового налёпа по донно-емкостной программе. По форме они значительно более стройные, чем в Азаке и Маджаре, горло более высокое. Обжиг сплошной, тесто, как и на основной массе поволжской неполивной керамики, плотное, со значительной примесью мелкого песка, придающего поверхности характерную шероховатость. Рифление нанесено только на верхнюю половину тулова, обычно более частое, чем на продукции Азака и Маджара. Отклонения от параллельности рифления не встречены. (Судя по фрагментам, здесь также бытовали

сосуды вытянутые целиком или с невыразительными рудиментами налепной технологии). На уровне нижнего прилепа ручек всегда остается гладкий пояс без рифления.

Высокое горло позволяло нанести на его середину 1–3 валика, образуемые узкими горизонтальными бороздками. Сечение ручек уплощенно-овальное. На дне — следы зольной подсыпки, часто несеейной. Иногда встречается невыразительный бортик или псевдобортик. Это один из самых распространенных типов сосудов в культурном слое Селитренного городища.

Надо думать, что производство амфор, по крайней мере плоскодонных, существовало и в других городах Золотой Орды, а может быть, и за пределами этого государства в Причерноморье. Вполне вероятно, что такое производство существовало в Старом Орхее, неполивная керамика которого опубликована Е.Н.Абы-

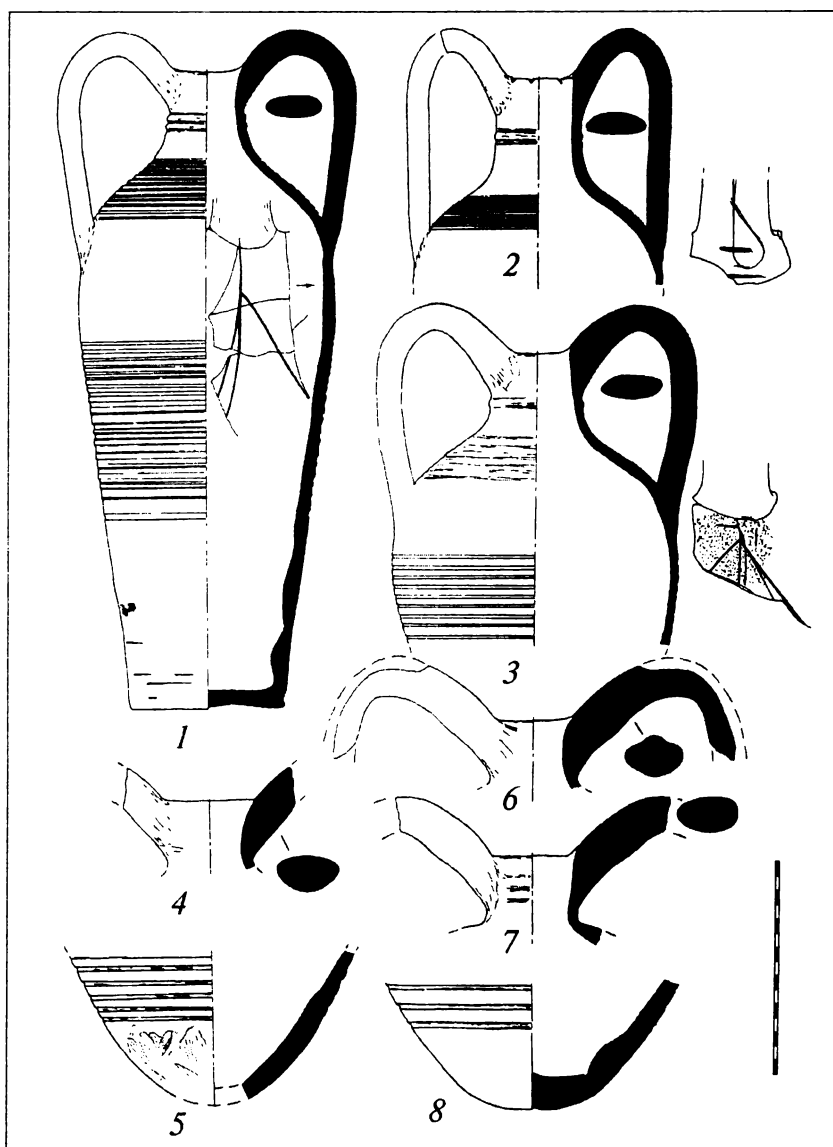

Рис.6. Местные амфоры других золотоордынских городов:
1–3 — амфоровидные кувшины с Селитренного городища;
4–8 — фрагменты амфор с городища Маджары

* Пользуюсь случаем выразить благодарность И.В.Каминской, ознакомившей меня с этой находкой. Полевой шифр: Уб. мог., №1, пл. 63, погр. 88. Хранение КМ 2807, А 1735.

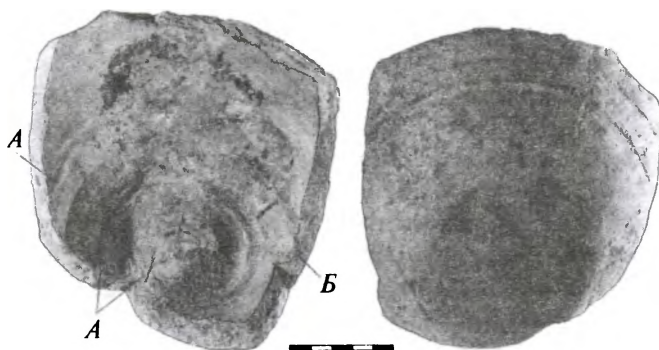

Рис. 7. Фрагмент маджарской круглодонной амфоры, найденный на городище Маджары, на месте керамической мастерской (на поверхностях видно множество пор, в изломах, сплошной обжиг):

А — следы стыковки жгутов на внутренней поверхности; Б — диагональное течение формовочной массы в вертикальном изломе

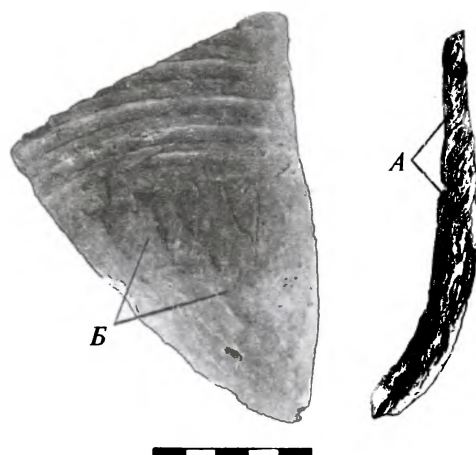

Рис. 8. Фрагмент амфоры неопределенного происхождения с городища Маджары:

А — диагональное течение формовочной массы в вертикальном изломе;

Б — разнонаправленные следы срезания излишков глины в придонной части

зовой, хотя качество иллюстраций и описаний в ее статье не позволяет сделать более или менее определенные выводы (Абызова, 1985. С.54–55. Рис.5). Такие определения, как «округлые ручки», «венчик толстый, грубый, невыделанный», без рисунка, затрудняют пользование публикацией.

Приведенные Е.Н.Абызовой размеры плоскодонной амфоры являются единственной характеристикой, позволяющей говорить об отличии амфор из Старого Орхья от трапезундских.

Не исключено аналогичное производство на поселении Костешты (Полевой, 1969. С.124–126). Присутствие плоскодонных амфор с «подмятым» дном в культурном слое Херсона (Антонова и др., 1971. С.95. Рис.30) расширяет количество предполагае-

мых центров. Находка плоскодонной амфоры подобной формы (впрочем, отличающейся по характеру обработки поверхности и морфологически) в слое пожара 1475 г. в донжоне крепости Фуна (т. е. того времени, когда золотоордынские города уже исчезли) позволяет говорить о существовании аналогичного производства по крайней мере в какой-то одной точке Крыма (Антонова, Даниленко, Ивашута, Кадеев, Романчук, 1971. С.106–108).

Достаточно близкое дублирование формы в разных золотоордынских городах говорит о том, что на территории государства существовали более или менее единые эталоны моды, что мастер из одного города имел представление о том, какую продукцию производили его коллеги в других городах. При этом местной продукции присущи признаки, отражающие развитие местного производства, местные традиции отбора и подготовки сырья, техническое оснащение обжига.

Морфологические особенности связаны с тем, насколько привычными были трапезундские эталоны, и с тем, насколько эти эталоны вписывались в местные представления о форме сосудов.

Кроме того, процесс заимствования формы мог идти более сложным путем. Если «приземистые» амфоры довольно точно копируют форму трапезундских, то «стройные» скорее приближаются к другому типу амфор, широко распространенному в XII–XIII вв., — амфорам «с желобчатым туловом и высоко поднятыми ручками». Создается впечатление, что такое сравнение бессмысленно, так как между азовскими и «желобчатыми» существует значительный хронологический разрыв, однако какие-то заимствования формы здесь возможны, поскольку упоминаемый тип амфор не исчез вовсе в XIII в., а, видимо, лишь сократился вывоз вина из города, его производящего. Во всяком случае в XIV в. в городах Золотой Орды еще встречаются амфоры, являющиеся явным эволюционным продолжением упомянутых желобчатых (Волков, 1989. С.96–97)*.

Заслуживает внимания еще одно наблюдение. Рифление амфор и амфоровидных кувшинов на территории Золотой Орды отличается от обработки поверхности всех остальных типов сосудов. Можно говорить о полном соответствии незначительного набора форм сосудов со способом обработки их поверхности. Но если именно такие подражания трапезундским амфорам с точки зрения формы родились на территории Золотой Орды, то способ обработки поверхности существовал и ранее. В домонгольское время он регулярно встречается на амфоровидных кувшинах в Болгарии, которые, в свою очередь, могут быть расценены как подражания самым распространенным из синхронных амфор (Дончева-Петкова, 1977; Манчева, 1986).

* Такая амфора была найдена на Селитренном городище во время раскопок 1990 г. (№2 по описи).

Это соответствие может быть объяснено и совсем просто: варваризованные мастера-керамисты подражали продукции крупных городских центров простым и самым доступным способом. Не исключено и другое объяснение: в Золотую Орду могли попасть гончары из Болгарии — эмигранты или пленники.

Назначение подобных амфор в других городах — это вопрос, который следует решать в каждом случае отдельно, но, учитывая общее единство формы, можно допустить, что на всей территории государства они воспринимались как сосуды для икры. Естественно, что связь формы с содержимым не была абсолютной. Существование же связи формы с содержимым тем более вероятно, что Сарай, в слое которого амфоровидные кувшины встречаются весьма широко, тоже был одним из основных поставщиков икры лучшего качества на рынки Причерноморья (Скржинская, 1971. С.50—51).

В связи с этим представляется необходимым определение мер объема азовских амфор. Франческо Бальдуччи Пеголотти упоминает специальную меру в Тане для икры — фуск (Pegolotti, 1936. P.24). К сожалению, этот автор дает очень расплывчатую характеристику этой мере объема: «Caviale si vendono a fusco, e ogni fusco e uno mezzo cuoio di pesce e da mezzo in qui verso la coda pieno d'uova di pesce». (Икру продают фусками, и один фуск — это одна половина [выделанной] кожи рыбы, до половины, противоположной хвосту, наполненная яйцами рыбы). Не исключено, что азовские амфоры соотносятся именно с этой мерой, по крайней мере, как-то кратны ей, учитывая то, что сами они не едины по объему. Кроме того, амфоры не могли быть единственной или даже господствующей тарой для этого продукта. Иосафат Барбаро писал, что на его пескьерах на берегу Дона наемные рыбаки заготавливали икру в бочках (Барбаро, 1971. С.144). В бочках же заготавливали икру в Коле поблизости от устья Кубани (Карнов, 1990. С.50). Но надо полагать, что бочки в Азаке были дефицитом. Отсутствие леса в окрестностях города вынуждало торговцев икрой использовать вторично бочки из-под трапезундского вина (такая практика была широко распространена в начале турецкого владычества). Вероятно, в XIV в. недостаток бочек ощущался сильнее, так как значительную часть трапезундского вина привозили в амфорах, вторичное использование которых для икры было затруднено тем, что после вина вымыть пористую амфору практически невозможно. Для измерения икры, перевозимой в бочках, должны были использовать весовые единицы, что и имело место в большинстве случаев — икру продавали в кантарах (Шитиков, 1972. С.24). Кантар равен приблизительно 47,5 кг (Карнов, 1990. С.384; Schilbach, 1970. P.193—195; ср.: Хинц, 1970).

Выявление соответствия объемов амфор какой-либо системе мер затруднено тем, что производство их не было предельно стандартным, делали их в разных мастерских, не всегда была возможность точно

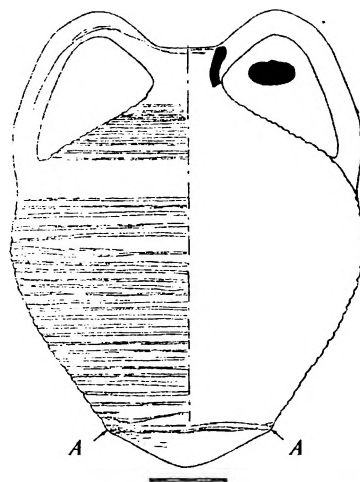

Рис.9. Амфора прикубанского происхождения (предположительно) с Убинского могильника:

А — место стыковки дна и тулова, которая прослеживается даже по внешней поверхности

Рис.10. Амфоровидный кувшин с Селитренного городища (Федоров-Давыдов, 1969. Л.343)

учитывать усадку глины при сушке, кроме того, при изготовлении сосудов, должно быть, стремились получить объемы, кратные сразу нескольким мерам, и не всегда с целой кратностью. Даже у античных амфор с одним клеймом из одной партии колебания объемов были весьма значительны. Например, объемы амфор с корабля, затонувшего в Сердже Лимани (Турция) с одним клеймом составляли $38,05 \pm 3,25$ л (Koehler, Wallace, 1987. P.154—156). Резонно предположить, что при изготовлении амфор в Азаке стремились достичь соответствия фуску (по объему),

затем — кантару (по весу). Кроме того, предполагается какое-то соответствие с господствующей в Тане мерой объема жидкостей — метрой (10,25 л). Измеренные объемы амфор Азака: 4,2; 4,4; 5,1; 5,8; 6,0; 6,2; 7,4; 7,8 л. Это не позволяет говорить что-либо определенное о стандартах объема, к тому же вместимость большей части сосудов была определена по чертежам. К сожалению, метрология Золотой Орды не разработана настолько, чтобы можно было сделать более определенные выводы.

В дальнейших исследованиях было бы интересно установить, как распространены азовские амфоры на других памятниках. При работе с коллекциями Селитренного городища мне удалось обнаружить единичные фрагменты амфор из Азова. Можно предположить, что на памятниках, расположенных западнее Азова, эти находки будут встречены в большем количестве.

За десятилетие, прошедшее с момента написания этой статьи, накопилось значительное количество материалов XIII в., которые проливают свет на появление амфор таких форм в золотоордынских городах. На поселениях Приазовья 1240—1260-х годов широко представлены амфоры группы клейма SSS, очень похожие на азовскую плоскодонную продукцию XIV в. (Волков, 1994; 1991. С.23). При всей сложности определения источника их поступления, это явно очень дальние импорты. Вероятно, они также были образцом для золотоордынских гончаров, но круглодонными: в это время они не бывают. Следовательно, столь важный признак был заимствован с причерноморских прототипов. Это очень яркая иллюстрация синкретизма золотоордынской культуры.

Литература

- Абызова Е.Н., 1985. Неполированная керамика XIV в. из Старого Орхеля // Археологические исследования средневековых памятников в Днестровско-Прутском междуречье. Кишинев.
- Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И., 1971. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ.
- Барбаро Иосафат, 1971. Путешествие в Тану // Барбаро и Канторини о России / Сост. Е.Ч.Скржинская. Л.
- Бобринский А.А., 1978. Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М.
- Волков И.В., 1989. Импортная амфорная тара золотоордынского города Азака // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII—XVI вв. Ростов-на-Дону.
- Волков И.В., 1994. Импорт из Святой Земли? (Амфоры группы клейма SSS в Причерноморье и города Древней Руси) // Проблемы истории. Ростов-на-Дону.
- Волков И.В. 2001. Золотая Орда и христианский мир (археологические свидетельства исторических явлений) // Вестник РГНФ. № 4.
- Дмитриев А.В., 1974. Отчет о исследовании разрушенного средневекового могильника в пос. Южная Озерейка близ Новороссийска // Архив ИА АН СССР. Р-1.
- Дончева-Петкова Л. 1977. Българска битва керамика през ранното средновековие (втората половина на VI — края на X в.). София.
- Казакова Л.М., 1961. Отчет об археологических наблюдениях на строительстве в г. Азове в 1961 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. №2869 а.
- Карнов С.П., 1990. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII—XV вв.: проблемы торговли. М.
- Ларенок П.А., 1985. Отчет о работах 1-го Азовского отряда Азовского краеведческого музея в 1985 году // Архив ИА АН СССР. Р-1. №10791 а.
- Манчева О., 1986. Средновековни керамични съдове от фонда на Окръжния исторически музей — Силиетра // Добруджа. Варна. Т.3.
- Музей истории донского казачества: Каталог археологических коллекций, 1979. / Сост. Б.А.Раев. Новочеркасск.
- Мыц В.Л., 1988. Некоторые итоги изучения средневековой крепости Фуна // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев.
- Полевой Л.Л., 1969. Городское гончарство Пруто-Днестровья в XIV в. Кишинев.
- Скржинская Е.Ч., 1971. История Таны // Барбаро и Канторини о России / Сост. Е.Ч.Скржинская. Л.
- Тарабанов В.А., 1989. На перекрестке истории // Глина в руках человека. Краснодар.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1968. Научный отчет о раскопках Царевского, Водянского и Селитренного городищ в 1968 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. №3688 а. (2 части на 367 л.).
- Фомичев Н.М., 1981. Новые данные по исторической топографии золотоордынского г. Азака // Материалы к семинару «Итоги исследований объединенной Азово-Донецкой археологической экспедиции АКМ, РГУ и РГПИ в 1976—1981 гг.». Азов.
- Хинц В., 1970. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. М.
- Шитиков М.М., 1972. Торговля продовольствием в Константинополе и его окрестностях в первой половине XV в. (по данным книги счетов Джакомо Бадоера) // АДСВ.
- Якобсон А.Л., 1951. Средневековые амфоры Северного Причерноморья (Опыт хронологической классификации) // СА. Т.XV.
- Koehler K.G., Wallace M.B., 1987. The Transport amphoras: description and capacities (appendix) // AJA. V.91. №1.
- Pegolotti P. B., 1936. La pratica della mercatura / Ed. by Allan Evans. Cambridge (Mass.).
- Schilbach E., 1970. Byzantinische Metrologie. Munchen.
- Fedorov-Davidov G.A., 1984. The Culture of the Golden Hord Cities. Oxford. BAR IS.

ПРИЛОЖЕНИЕ К РИСУНКАМ

Рисунок	Полевой шифр	Шифр хранения	Диаметр см	Высота см
1.1		АКМ, КП 21006 / ОА 265 / 6	21,1	36,8
1.2	Аз-85, Толстовская, яма 1		20,6	37,8
1.3	Аз-88, Парк, яма 2		21,2	38
1.4		АКМ, КП 3201 / ОА 54 19	36	
2.1	Аз-90, Чех-3, яма 26		23,3	41,4
2.2	Аз-85, К.Л., яма 23, шт.12—14	АКМ, КП 24180 / ОА 376/122	20	34,2
2.3	Аз-85, Л-21, яма 1,			
	шт.8—14		22,2	34,2
2.4		АКМ, ИК 1000 / ОА 20 22,2	35,7	
3.1	Аз-84, Л-2, яма 37, №107		19	37,5
3.2	Аз-79, Соц.1, яма 25	16201/954		
3.3	Ул. Кал.	А/399, №19/1		
3.4	Аз-85, К.Л.:			
3.5	СГ-89, Р.ХVIII, яма 20			
3.6	СГ-89, Р.ХVIII, яма 20			
4	СГ-89, Р.ХVIII, яма 20	То же, что на рис.3, 5—6		
6.1	СГ-90, Р.ХVIII, уч.15в, шт.1, уч.15г. шт.1, уч.20в, шт.1			
6.2	СГ-89, Р.ХVIII, яма 43			
6.3	СГ-89, Р.ХVIII, яма 20			
6.4—5	Мадж.-89, п.м.			
6.6—8	Мадж.-90, п.м., керамическая мастерская			
7	Мадж.-90, п.м., керамическая мастерская	То же, что на рис.6, 8		
8	Мадж.-89, п.м.	То же, что на рис.6, 5		
9	Уб.мог., №1, пл.63, погр.38	АКМ 2807, А 1735		
10	СГ-68, Р.П, кв.17, рыбозасолочная яма, №1006			

В.В.Гришаков

НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ АНДРЕЕВСКОГО КУРГАНА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПАМЯТНИКА

Разработка и применение методов математической статистики в археологических исследованиях являлись одним из направлений научной работы Г.А.Федорова-Давыдова (Федоров-Давыдов, 1970; 1981; 1987). Он был глубоко убежден, что именно статистические методы «...позволяют вы-

явить тенденции, которые в многочисленном материале обычными способами не выявляются, т.е. получить «скрытую» информацию» (Федоров-Давыдов, 1987. С.5). Многочисленные материалы поволжско-финских могильников стали благодатным полигоном для их применения учениками Г.А.Фе-

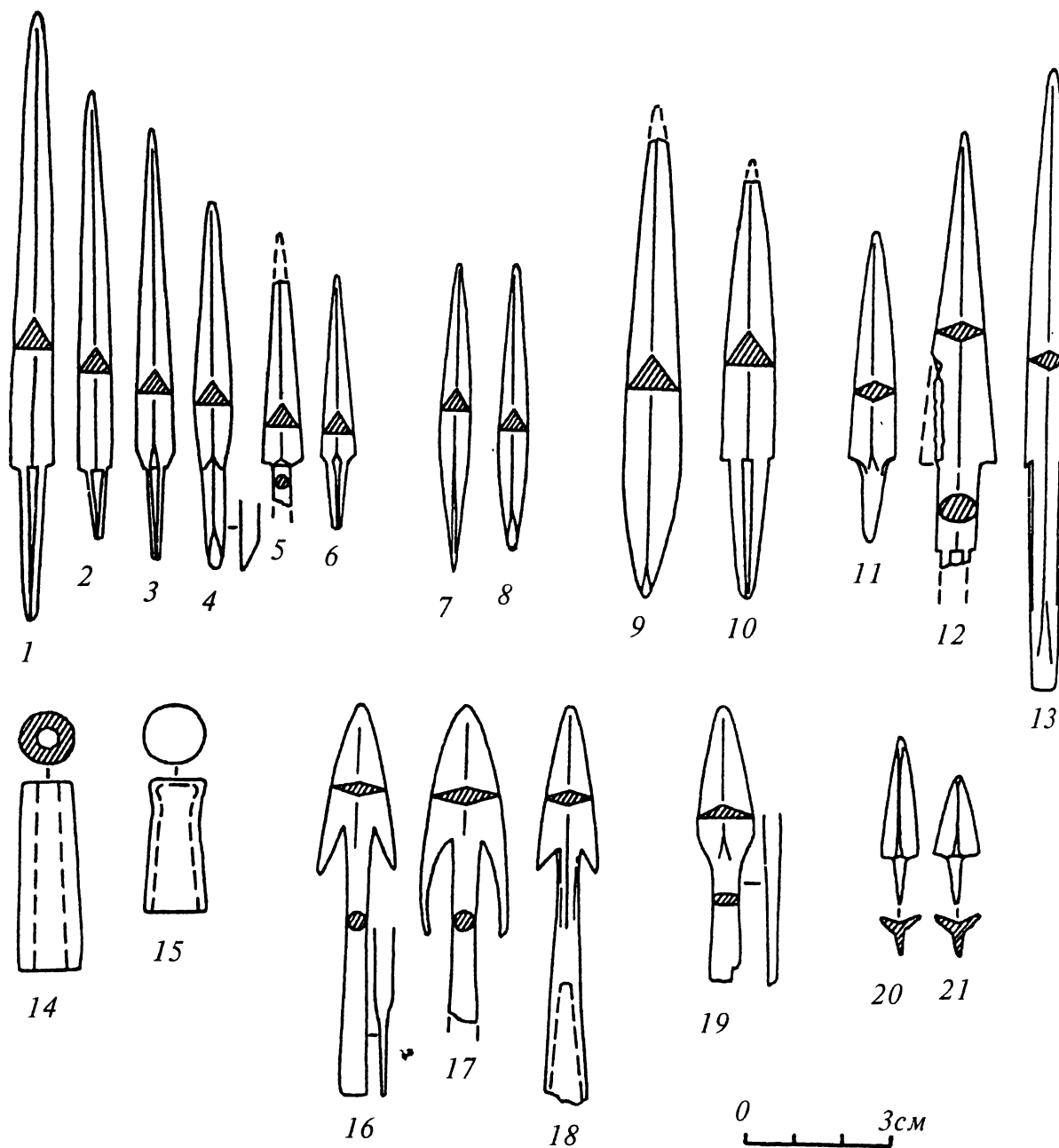

Рис.1. Наконечники стрел Андреевского кургана:
1–14 – кость; 15 – бронза; 16–21 – железо

дорова-Давыдова (Вихляев, 1977; Зеленева, 1990; Гришаков, 1993).

К настоящему времени большинство исследователей связывают появление грунтовых могильников в бассейнах Оки и Суры с распространением памятников андреевско-писеральского горизонта, хронология и этническая принадлежность которых вызывает оживленную дискуссию практически с момента их раскопок. Такая ситуация, на мой взгляд, связана с тем, что анализ андреевско-писеральских древностей проводился фактически без привлечения

статистических методов, несмотря на массовость целого ряда категорий вещей и их встречаемость в комплексах.

К такой категории можно отнести наконечники стрел, в первую очередь, Андреевского кургана, который по праву считается опорным среди памятников этого круга. Они представлены 302 экземплярами из 17 захоронений (Степанов, 1964, 1980). Среди них 16 – мужские, что составляет 53,3 % от всех погребенных мужчин в кургане, соответственно – 61,5 % от захоронений с оружием, и 1 – женское, причем

последнем наконечник находился в области груди и, возможно, стал причиной смерти. Следует отметить неравномерное распределение абсолютного количества наконечников в погребениях (от 1–5 экземпляров – 7 случаев, 11–23 – 5 случаев, до 30–66 – 4 случая). Произведем их группировку.

ГРУППА 1. Костяные, трехгранные

Представлена 140 экземплярами, что составляет 94,0 % от костяных наконечников и 46,4 % от всех наконечников кургана. Разделена на типы по наличию или отсутствию упора для древка, на варианты – по размерам и массивности.

Тип 1.1: с упором для древка, образованным подрезом граней под прямым углом к черешку (рис. 1, 1, 2, 5, 10), очень редко – под тупым (рис. 1, 3) или плавно скошенным (рис. 1, 4, 6). Черешки, составляющие обычно не более трети длины наконечника, как правило, шестигранные, равномерно утонченные к концу (рис. 1, 1–3, 6, 10). В отдельных случаях они – круглые в сечении (рис. 1, 5) или трехгранные, конец которых заострен путем среза одной из граней (рис. 1, 4):

вариант а (3 экз.) – крупные, удлиненно-пропорциональные (рис. 1, 1). Длина – 14,0–15,0 см, в том числе головки – 10,5–11,0 см при ширине 0,9–1,0 см (погребение 54);

вариант б (80 экз.) – миниатюрные, удлиненно-пропорциональные (рис. 1, 2–6). Длина – 6,0–10,0 см, в том числе головки – 4,0–8,5 см при ширине 0,6–0,8 см (погребения 21, 25-1 (23), 25-2 (27), 25-3 (2), 25-4 (7), 50 (13), 56 (7));

вариант в (3 экз.) – массивные, утолщенные (рис. 1, 10). Длина – 9,5–10,0 см, в том числе головки – 6,3–6,5 см при ширине 1,2 см (погребения 19+27, 28, 32)*.

Массивный трехгранный костяной наконечник стрелы, близкий к типу 1.1в, происходит из Сергачского I могильника, хотя, судя по рисунку А.А. Спицына, его черешок образован подрезом не трех, как у андреевских образцов, а двух боковых граней (Спицын, 1901. Табл. VI, 30).

Тип 1.2: без упора для древка**. Конец черешка, как правило, заострен путем среза одной из граней (рис. 1, 8, 9) или, реже, подрезом трех граней с высоты наибольшего расширения (рис. 1, 7):

вариант б (48 экз.) – миниатюрные удлиненно-пропорциональные (рис. 1, 7, 8). Длина – 5,2–7,3 см при ширине 0,6–0,7 см (погребения 25-1 (21), 25-2 (4), 25-4 (4), 50 (13), 54 (1), 56 (5));

вариант в (6 экз.) – массивные, утолщенные (рис. 1, 9). Длина наконечников – 11,0–12,0 см

при ширине 1,2–1,4 см (погребения 19+27(5), 28(1)).

Касаясь аналогий трехгранным удлиненно-пропорциональным наконечникам с упором для древка и без него, следует отметить их широкое бытование в лесной зоне Восточной Европы к финалу раннего железа. В данном случае речь идет прежде всего о миниатюрных наконечниках, так как массивные утолщенные экземпляры являются, бесспорно, грубыми подражаниями первым. Наконечники, аналогичные андреевским трехгранным удлиненно-пропорциональным, на Троицком городище помещены Х.И. Крис на сводной стратиграфической таблице в IV слое (Крис, 1970. Табл. 10, 4), который А.Ф. Дубынин датирует III–V вв. (Дубынин, 1970. С. 54–60). Известны они по материалам Городецкого, Троице-Пеленицкого городищ (Смирнов, Трубинова, 1965. Табл. 11, 1, 2; 12, 23, 25), в составах колчаных наборов из пьяноборских (чегандинских) и карабызских погребений (Иванов, 1984. С. 14. Рис. 4, 22–24, 27–31, 34), где в последних приходятся, как правило, на II–III вв. (Пшеничный, 1993. С. 49–53). По сведениям В.Ф. Генинга, трехгранные наконечники стрел на Гляденовском и Юго-Камском костыщах составляли 30–33 % костяных наконечников (Генинг, 1988. С. 144. Рис. 33, 15–16).

ГРУППА 2. Костяные, ромбовидные в сечении

Представлена 7 экземплярами, что составляет 4,7 % от костяных наконечников и 2,3 % от всех наконечников кургана. Разделена на типы по форме пера и характеру перехода к черешку.

Тип 2.1 (4 экз.): крупные, удлиненно-пропорциональные, с остроугольным подрезом шипов. Черешок ромбовидный, заострен путем среза обеих широких граней (рис. 1, 13) и составляет около трети общей длины. Длина – около 14,0–15,0 см, в том числе пера – 9,0–9,5 см при ширине 1,0–1,1 см (погребения 25–1, 54 (3)).

Аналогичный наконечник с Пекуновского городища опубликован О.Н. Бадером, но, к сожалению, без стратиграфической привязки (Бадер, 1950. Рис. 37, 3). На Троицком городище близкий по форме экземпляр происходит из верхнего горизонта нижнего слоя (Крис, 1970. Табл. 4, 9, 10, 21), время отложения которого А.Ф. Дубынин определяет I–II вв. (Дубынин, 1970. С. 54–60).

Тип 2.2 (2 экз.): крупные, с удлиненно-треугольным пером и прямоугольным подрезом шипов при переходе в массивную предупорную муфту округлого сечения. Черешок образован подрезом граней на муфте под прямым углом. Конец черешков не сохранился (рис. 1, 12). Длина пера с муфтой – около 10,0 см, в том числе пера – 7,5 см при ширине у основания муфты около 1,7–1,8 см (погребение 54).

Аналогичный по форме наконечник с округлой массивной частью черешка у основания пера, но

* Тип 1.2а в данном комплексе отсутствует.

** Погребения со знаком + означает, что позднее эти комплексы были объединены.

более миниатюрный (Крис, 1970. Табл.4, 9), обнаружен в верхнем горизонте нижнего слоя Троицкого городища, датированном А.Ф.Дубыниным I–II вв. (1970. С. 54–60).

Тип 2.3 (1 экз.): с удлинённо-треугольным пером и плавно срезанными плечиками. Заостренный черешок округлого сечения составляет около трети длины наконечника (рис.1, 11). Длина – 7,3 см, в том числе пера – 5,1 см при ширине 1,0 см (погребение 25–1).

Такие наконечники происходят из нижнего горизонта второго слоя Троицкого городища (Крис, 1970. Табл.4, 6, 10, 20), время отложения которого, по А.Ф.Дубынину, приходится на II–III вв. (Дубынин, 1970. С.54–60). Укажем также на находку из погребения I Сергачского могильника «Кожи́на Слобода» совместно с железными двушипными черешковыми и костяным массивным трехгранным типа 1.1в наконечниками (Снежневский, 1894).

ГРУППА 3. Костяные, втульчатые, цилиндрические

Представлена 2 экземплярами, что составляет 1,3 % от костяных наконечников и 0,7 % от всех наконечников кургана. Оба образца находились среди наконечников обычных форм в составе колчанов и, по-видимому, употреблялись в качестве утяжелителя стрелы при охоте на пушного зверя.

Тип 3.1 (2 экз.): цилиндрической формы и зауженным с одной стороны сквозным конусовидным отверстием (рис.1, 14). Длина цилиндров составляет 3,5–4,5 см при диаметре 1,5–1,7 см и диаметре отверстия 0,7–1,0 см (погребения 19+27, 32).

Значительная серия таких наконечников известна с дьяковских городищ (Смирнов, 1974. С.29). На Щербинском городище А.Ф.Дубынин отмечает их употребление на протяжении первого и второго периодов использования памятника (VII–VI вв. до н.э. – I–II вв.н.э.) (Дубынин, 1974. С.218–219, 250).

ГРУППА 4. Железные, двушипные

Представлена 80 экземплярами, что составляет 53,3 % от железных наконечников и 26,8 % от всех наконечников кургана. Разделены на типы по способу крепления к древку.

Тип 4.1 (68 экз.): черешковые, с округлым поперечным сечением черешка. Его конец расплюснут для более удобного крепления к древку стрелы. Перо с ромбическим поперечным сечением имеет хорошо выраженные опущенные вниз шипы, иногда удлиненные (рис.1, 16, 17). Длина пера с шипами – 3,5–5,5 см при ширине у основания 1,5–2,0 см (погребения 2 (2), 3 (1), 4 (1), 16+48 (2), 21 (9), 19+27 (8), 28 (3), 29, 32 (4), 36 (4), 50 (25), 54 (8)).

Рассматривая железные двушипные черешковые наконечники стрел дьяковских древностей, К.А.Смир-

нов выделил две разновидности – плоские, вырубленные из пластины, и выкованные, с линзовидным сечением пера. Последние аналогичны андреевским. По его наблюдениям, уплощенные образцы наконечников приходится на напластования I–IV вв. н.э. дьяковских городищ, а кованые экземпляры относятся к «несколько более раннему времени» (Смирнов, 1974. С.33–34). Х.И.Крис связывала двушипные наконечники Троицкого городища с верхним и нижним горизонтами верхнего слоя (Крис, 1970. Табл.9, 19–21. С.163), которые, по А.Ф.Дубынину, приходится на II–V вв. (Дубынин, 1970. С.54–60). В то же время он соотносил их находки на Щербинском городище со вторым периодом использования памятника – IV–III вв. до н.э. – I в. н.э. (Дубынин, 1974. С.228–229, 249–250). Рассматривая пекуновские экземпляры, О.Н.Бадер определял бытование двушипных наконечников повсеместно I–III вв., подчеркивая, что более крупные образцы датируются скорее всего I в. н.э. (Бадер, 1950. С.117).

В могильниках Окско-Сурского междуречья они известны в ранних погребениях Кошибеева (Спицын, 1901. Табл. VI, 27), Писеральских курганах (Халиков, 1962. Табл. XXIV, 1–5. С.135), погребении I Сергачского могильника «Кожи́на Слобода» (Снежневский, 1894) и погребении 18 Шемышейского могильника (раскопки М.Р.Полесских 1971 г.). Можно отметить также небольшую серию наконечников с городища Пичке-Сорче I–III вв. (Смирнов, Трубникова, 1965. Табл. 15, 10, 11, 14, 16).

Идентичный андреевским наконечник опубликован В.Ф.Генингом с Гляденовского костища, которое он считал эталонным для одноименной культуры III в. до н.э. – II в.н.э. (Генинг, 1988. С.132–134, рис.33, 8).

Из других аналогий можно назвать наконечники с Почепского селища, верхняя хронологическая граница которого? по А.М.Обломскому? определяется в рамках II в.н.э. (Обломский, 1993. С.47, табл. XVII, 10).

Тип 4.2 (12 экз.): втульчатые, с короткими (0,7–1,0 см) опущенными вниз шипами (рис.1, 18). Перо имеет ромбическое поперечное сечение. Длина пера с шипами составляет 3,8–4,0 см при ширине у основания 1,3–1,5 см (погребения 50 (6), 54 (6)).

Небольшая серия втульчатых двушипных наконечников известна с дьяковских городищ (Смирнов, 1974. С.33. Табл. II, 1). На Троицком городище они обнаружены в верхнем горизонте нижнего слоя и нижнем горизонте верхнего слоя (Крис, 1970. Табл. 9, 14, 15. С.162), время накопления которых А.Ф.Дубынин относит к I–III вв. (Дубынин, 1970. С.54–60). Втульчатый двушипный наконечник происходит с городища Пичке-Сорче I–III вв. (Смирнов А.П., Трубникова Н.В., 1965. Табл. 15, 15).

Из западных аналогий можно указать на экземпляры из культурного слоя пшеворского поселения второй половины I в. до н.э. – первой половине IV в.

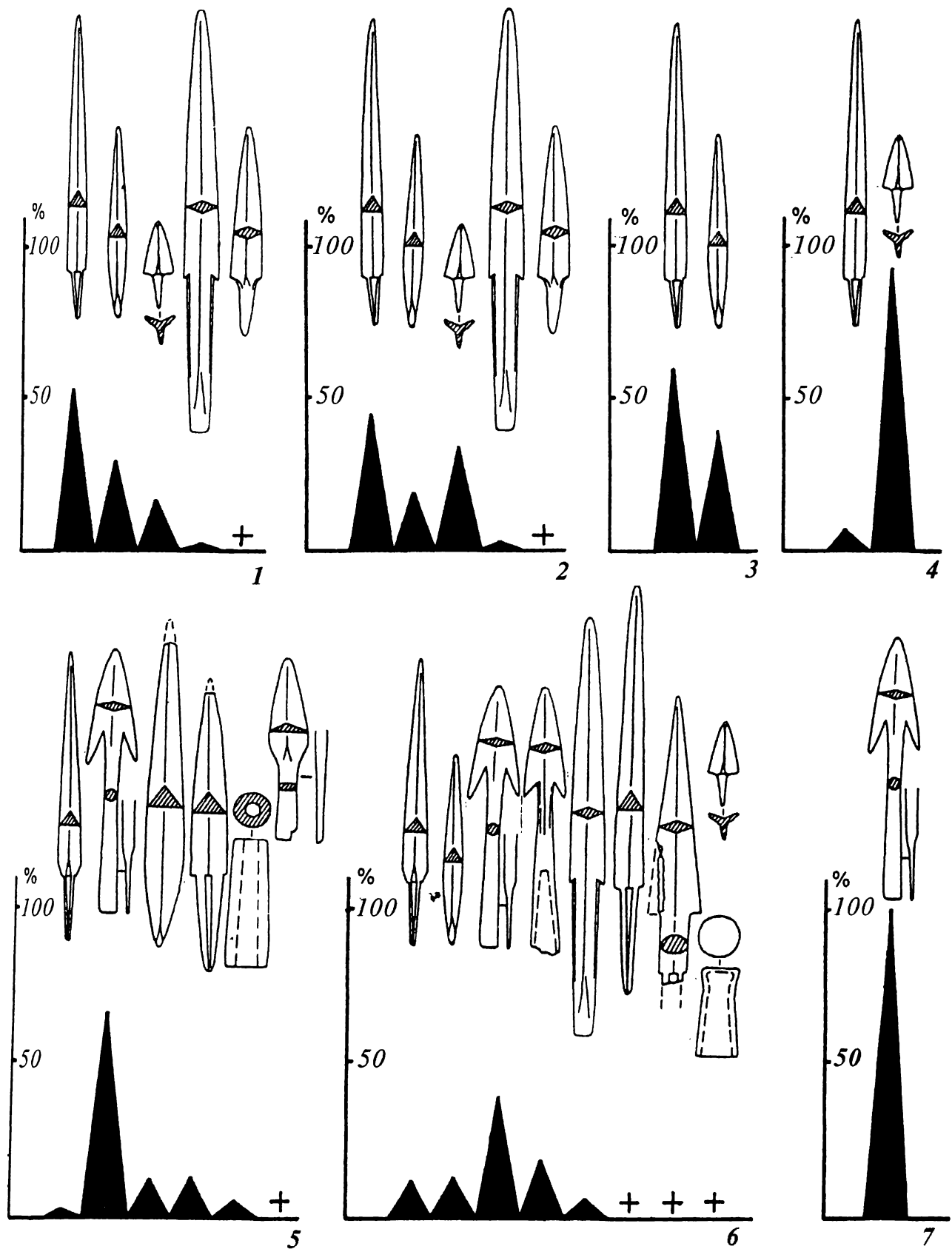

Рис.2. Полигоны распределения наконечников стрел в колчаных наборах Андреевского кургана:
 1 – модель 2; 2 – модель 2а; 3 – модель 2б; 4 – модель 3; 5 – модель 1; 6 – модель 4; 7 – модель 5

н.э. у с. Подберезцы в Львовской области (Козак, 1985. С.85–85, рис.9, 17) и поселения Галиш-Ловачка в Закарпатье (Бидзиля, Шукин, 1993. С.73. Табл. XXV, 6, 8).

ГРУППА 5. Железные, трехлопастные

Представлена 70 экземплярами, что составляет 46,0 % от железных наконечников и 23,2 % от всех наконечников кургана.

Т и п 5. 1 (70 экз.): черешковые, с треугольной головкой и лопастями, срезанными под прямым углом к черешку (рис. 1, 20, 21). Длина – в пределах 3,0–4,0 см, в том числе головки – 2,0–2,8 см при ширине 0,9–1,0 см. Черешки короткие, длиной 1,2–1,5 см (погребения 25–1 (20), 25–2 (19), 25–3 (28), 50 (3)).

Мелкие наконечники стрел с подобным соотношением длины головки и черешка (тип 4, по А.М.Хазанову), встречаясь в сарматских погребениях с прохоровского времени, бытуют и в позднесарматских комплексах вплоть до рубежа III–IV вв. н.э., после которого они неизвестны (Хазанов, 1971. С.37–40).

ГРУППА 6. Железные, с листовидным пером

Представлена 1 экземпляром, что составляет 0,7 % от железных наконечников и 0,3 % от всех наконечников кургана.

Т и п 6. 1 (1 экз.): листовидное перо с низко опущенными плечиками, без упора для древка. Сечение пера – уплощенно-треугольное. Черешок прямоугольного сечения слегка расширен и утончен к концу (рис. 1, 19). Длина – 6,5 см, в том числе пера – 3,8 см при ширине 1,3 см (погребение 21).

Аналогии неизвестны. Производит впечатление наконечника без устойчивых типологических признаков.

ГРУППА 7. Бронзовые, втульчатые, цилиндрические

Представлена 1 экземпляром, что составляет 0,3 % от всех наконечников кургана. По функциональному назначению, по-видимому, аналогична наконечникам группы 3.

Т и п 7. 1 (1 экз.): литой, подцилиндрической формы с зауженной предторцовой частью (рис. 1, 15). Длина цилиндрика – 3,1 см при диаметре 1,3 см и диаметре конусовидной втулки 1,0–1,7 см (погребение 50). Аналогии мне неизвестны.

Наборы наконечников стрел

Расположение наборов наконечников стрел (в дальнейшем – колчанных наборов) при костяках зафиксировано следующим образом: вдоль левого бедра – 8 случаев, вдоль правого бедра – 1, в области изголовья – 2, вдоль левой голени – 1, вдоль правой голени – 2 случая, в 1 случае (захоронение 50) набо-

ры располагались в изголовье и между голенью погребенного.

Массовость наконечников стрел различных разновидностей в захоронениях Андреевки позволяет выделить их устойчивые сочетания в колчанных наборах. При этом необходимо отметить, что само по себе абсолютное количество наконечников определенной разновидности далеко не всегда выражает адекватный критерий их содержания в колчане. На ошибки такого рода указывал Г.А.Федоров-Давыдов (Федоров-Давыдов, 1981. С.301). Это учитывалось мной, например, при выделении моделей ожерелий бус Андреевского кургана, построенном на основе их относительной доли в ожерелье, и дало положительные результаты (Гришаков, 1999). Соответственно, колчанный набор можно представить совокупностью однозначных количественных признаков, любой из которых определяет долю присутствующих в нем разновидностей наконечников. В таком виде они могут быть сопоставлены методом кластер-анализа.

При отборе признаков были исключены разновидности, представленные: 1) только одним экземпляром; 2) лишь в одном колчанном наборе; 3) колчанные наборы, содержащие только наконечники одной разновидности. В результате кластеризации, учитывающей 9 признаков (наконечники разновидностей 1.1б, 1.1в, 1.2б, 1.2в, 2.1, 3.1, 4.1, 4.2, 5.1), из 11 колчанных наборов, при пороговом расстоянии 0,459, исследуемый массив разбился на 4 кластера (моделей колчанных наборов).

Модель 1 (4 экз.; рис. 2, 5) выделяется прежде всего высоким содержанием железных двушипных черешковых наконечников 4.1 (65,5 %), а также специфическими для них костяными массивными трехгранными с упором для древка – 1.1в (11,0 %) и без упора для древка – 1.2в (13,3 %), костяными цилиндрическими – 3.1 (6,0 %). Иногда в их состав входили миниатюрные костяные трехгранные стрелы с упором для древка – 1.1б (2,3 %) и нестатистический железный наконечник с листовидным пером – 6.1 (погребения 21, 19+27, 28, 32).

Модель 2 (4 экз.; рис. 2, 1) статистически характеризуется высоким содержанием костяных трехгранных миниатюрных наконечников с упором для древка – 1.1б (52,8 %) и без упора для древка – 1.2б (29,5 %), а также железных трехлопастных наконечников 5.1 (17,0 %). Иногда употреблялись также костяные крупные удлиненно-пропорциональные наконечники с шипами – 2.1 (0,5 %) и нестатистический костяной наконечник с удлиненно-треугольным пером 2.3 (погребения 25-1, 25-2, 25-4, 56).

Исходя из того, что лишь два набора модели 2 содержат значительную долю железных трехлопастных наконечников 5.1, считаю объективным выделить две ее разновидности:

вариант а (2 экз.; рис. 2, 2) характеризуется уравниванием долей костяных трехгранных миниатюрных наконечников с упором для древка – 1.1б

(44,5 %) и без упора для древка — 1.26 (20,0 %), железных трехлопастных наконечников 5.1 (34,0 %). В состав набора входили также костяные крупные удлиненно-пропорциональные наконечники с шипами — 2.1 (10,0 %) и нестатистический костяной наконечник с удлиненно-треугольным пером 2.3 (погребения 25—1 и 25—2);

вариант б (2 экз.; рис. 2,3) представлен только костяными трехгранными миниатюрными наконечниками с упором для древка 1.16 (61,0 %) и без упора для древка — 1.26 (39,0 %) (погребения 25—4 и 56).

Модель 3 (1 экз.; рис. 2,4) определяет очень высокое содержание железных трехлопастных наконечников — 5.1 (93,3 %) при незначительной доли миниатюрных костяных трехгранных наконечников с упором для древка 1.16 (7,0 %) (*погребение* 25-3).

Модель 4 (2 экз., рис. 2,6) выделяет значительная доля железных двушипных черешковых наконечников — 4.1 (38,0 %) наряду с миниатюрными костяными трехгранными наконечниками с упором для древка — 1.16 (10,5 %) и без упора для древка — 1.26 (12,5 %). Характерными следует считать железные двушипные втульчатые наконечники 4.2 (18,0 %). Иногда в их состав входили костяные крупные удлиненно-пропорциональные наконечники с шипами — 2.1 (6,5 %), железные трехлопастные наконечники — 5.1 (2,5 %), нестатистические крупные костяные удлиненно-пропорциональные трехгранные черешковые наконечники с упором для древка 1.1а, крупные костяные наконечники с удлиненно-треугольным пером и предупорной муфтой — 2.2, а также бронзовый цилиндрический наконечник — 7.1 (погребения 50 и 54).

К статистической обработке не привлекались наборы, состоящие только из железных двушипных черешковых наконечников 4.1 (от 1 до 4 экз.) (погребения 2, 3, 16+48, 29, 36). Они образуют *модель 5* (5 экз., рис. 2, 7).

Анализ состава выделенных моделей колчанных наборов и их взаимовстречаемость с другими категориями вещей в погребальных комплексах Андреевского кургана позволяет проследить определенные тенденции в формировании памятника.

Общепринято, что начало функционирования кургана связано с сооружением центрального погребения 25, которое содержало три основных богатых захоронения воинов — 25—1, 25—2, 25—3 и захоронение 25—4 «слуги-раба» со связанными руками. Все они сопровождалось различными наборами стрел. Так, захоронения 25—1 и 25—2 содержали идентичные комплекты моделей 2а, состоящие в основном из костяных трехгранных миниатюрных и железных трехлопастных наконечников. Эти же разновидности составляли модель 3, обнаруженную при костяке 25—3, но с преобладанием железных трехлопастных образцов. Заметим, что последние встречены еще только в одном из остальных грунтовых погребений — №50 в составе модели 4, где они представлены только 3 экземплярами (2,5 %), а во впускных —

неизвестны вообще. Таким образом, железные трехлопастные наконечники нужно признать наиболее архаичной формой для Андреевского кургана и специфичными для начального этапа функционирования памятника. Кстати, они не встречаются в писеральских комплексах, что свидетельствует об их несколько более позднем формировании.

Эти наблюдения касаются и миниатюрных костяных трехгранных наконечников, которые составляют основу модели 2. Но если трехлопастные наконечники связаны, безусловно, со степным миром, то их изготовление, как показывают аналогии, — с лесной полосой. Причем, они скорее всего не употреблялись населением, оставившим впускные погребения Андреевского и Писеральские курганы, так как лишь единственный миниатюрный наконечник этого типа происходит из впускного погребения 21 (модель 1). Их массовое использование создателями Андреевского кургана, которые были чужеродными в местной среде, на мой взгляд, подтверждает высказанное рядом исследователей направление поиска их родины — в пьяноборской культуре, где подобные наконечники имели широкое применение. Уточнение этнокультурной принадлежности пришельцев на основании имеющегося материала памятников андреевско-писеральского типа вряд ли возможно, так как наиболее перспективной следует признать гипотезу С.Э.Зубова «... не о миграции какой-то определенной части народа, а рассматривать эти памятники как военный “выплеск”» (Зубов, 1999. С.49).

Интересно, что модель 2б, включающая только трехгранные миниатюрные наконечники, содержала, помимо грунтового погребения 56, захоронение 25—4 «слуги-раба». Позволю напомнить, что подобные захоронения обнаружены также в грунтовых погребениях 37—1 и 50—1, однако они сопровождалось невыразительным инвентарем и в одном случае (погребение 41) — глиняным сосудом, характерным для местных традиций. Последнее обстоятельство, на мой взгляд, очень показательно, так как ни одно из основных захоронений самой ранней могилы 25 глиняную посуду не содержало, что является одним из важных подтверждений гипотезы С.Э.Зубова (Зубов, 1999. С.46). Кстати, керамика отсутствовала и в староардатовском погребении, которое синхронно центральной могиле Андреевки и содержало набор только трехлопастных черешковых наконечников стрел (Гришаков, 2000). Она всегда ставилась в захоронение местного населения, если оно совершалось, как в данном случае, вместе с основным погребением пришельца. находка же с захоронением 25—4 трехгранных миниатюрных наконечников, специфичных для грунтовых погребений, может свидетельствовать о принадлежности «слуги-раба» к представителям пришлого населения, которое привнесло свои социальные отношения в местную среду уже в сложившемся виде.

В контексте взаимоотношений местного и пришлого населения интересен анализ моделей 4 и 1.

Колчаные наборы модели 4 были обнаружены в грунтовых погребениях 50 и 54. Примечательно, что их основу, наряду с костяными трехгранными миниатюрными наконечниками, составляли железные образцы с двуперным пером, причем, как втульчатые, так и черешковые. Но если первые являются специфическими для колчаных наборов этой модели, то последние являются ведущим типом для моделей 1 и 5, встреченным исключительно во впускных погребениях. Использование пришельцами местных форм наконечников, в том числе и их переработка на свой лад, свидетельствует, бесспорно, не только об их проникновении, но и восприятии ими некоторых черт материальной культуры местного населения. Подтверждением этому является и тот факт, что они стали широко использовать местную керамику, обнаруженную в погребениях именно вместе с колчанами модели 4.

С другой стороны, только в колчаных наборах модели 1, характерной для впускных погребений, встречены массивные костяные трехгранные наконечники. Они, без сомнения, изготовлены в подражание костяным трехгранным миниатюрным образцам, которые, как рассматривалось выше, характерны для грунтовых погребений. Кстати, тенденция к увеличению массивности трехгранных костяных стрел намечается еще в наборах модели 4, где они представлены тремя крупными удлиненно-пропорциональными

образцами типа 1.1a в погребении 54. В целом же, массивные экземпляры редки, а употребление в колчаных наборах большинства впускных погребений модели 5, включающей только местные черешковые наконечники с двуперным пером, говорит о достаточно быстрой потере традиций их изготовления.

Вышеизложенные наблюдения не позволяют, на мой взгляд, считать возможным хронологический разрыв между грунтовыми и впускными погребениями (Смирнов, 1992. С.6; Вихляев, 2000. С.45–6). Они накапливались на памятнике в довольно короткий хронологический период. Об этом свидетельствует также тот факт, что костяк впускного женского погребения 53 с фибулами типа «Aucissa» оказался «завалившимся» в засыпку грунтового мужского погребения 54, имевшего деревянное перекрытие (Степанов, 1964. С.244). Анализ ожерелий античных бус из комплексов Андреевки позволяет уточнить время сооружения центральной могилы 25 — около середины I в. н.э. (Гришаков, 1999. С.36). Учитывая условия появления пришельцев в результате «военного выплеска», можно предположить, что их захоронения продолжали совершаться в кургане не более, чем на протяжении жизни уже взрослого поколения, т. е. около 25 лет, чему как раз соответствует небольшое число грунтовых погребений в кургане. Соответственно, время накопления впускных погребений приходится на последнюю четверть I — начало (может быть, первую четверть) II в. н.э.

Литература

- Бадер О.Н., 1950. Древние городища на Верхней Волге // МИА. № 13.
- Бидзля В.И., Шукин М.Б., 1993. Памятники латенской культуры на территории Закарпатья и к востоку от Карпат // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. — первой половине I тысячелетия н.э. М.
- Вихляев В.И., 1977. Древняя мордва Посурья и Примокшанья. Саранск.
- Вихляев В.И., 2000. Происхождение древнемордовской культуры. Саранск.
- Генинг В.Ф., 1988. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры (пьяноборская эпоха III в. до н.э. — I в. н.э.). М.
- Гришаков В.В., 1993. Керамика финно-угорских племен правобережья Волги в эпоху раннего средневековья. Йошкар-Ола.
- Гришаков В.В., 1999. Некоторые аспекты датирования Андреевского кургана в Нижнем Посурье (на примере бус) // Исследования П.Д.Степанова и этнокультурные процессы древности и современности. Саранск.
- Гришаков В.В., 2000. Староардатовский I курган и его место в системе памятников андреевско-писеральского горизонта // ДОСМ. Саранск. Вып.2.
- Дубинин А.Ф., 1970. Троицкое городище // МИА. № 156.
- Дубинин А.Ф., 1974. Щербинское городище // Дьяковская культура. М.
- Зеленева Ю.А., 1990. Основные модели погребально-обрядов мордвы V–XI вв. // Новые источники по этнической и социальной истории финно-угров Поволжья I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. Йошкар-Ола.
- Зубов С.Э., 1999. К проблеме этнокультурной интерпретации памятников андреевско-писеральского типа // Исследования П.Д.Степанова и этнокультурные процессы древности и современности. Саранск.
- Иванов В.А., 1984. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа (I тыс. до н.э. — первая половина I тыс. н.э.). М.
- Козак Д.Н., 1985. Поселение пшеворской культуры у с.Подберезцы Львовской области // СА. № 1.
- Крис Х.И., 1970. Костяные и железные наконечники стрел Троицкого городища // МИА. № 156.
- Обломский А.М., 1993. Позднезарубинецкие памятники // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. — первой половине I тысячелетия н.э. М.
- Пшеничный А.Х., 1993. Хронология и периодизация погребальных комплексов Охлебнинского могильника // Хронология памятников Южного Урала. Уфа.
- Смирнов А.П., Трубинова Н.В., 1965. Городецкая культура // САИ. Вып. Д1-14.
- Смирнов К.А., 1974. Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура. М.
- Смирнов К.А., 1992. О времени Андреевского кургана // Вопросы этнической истории Волго-Донья. Пенза.

Снежневский В.И., 1894. Отчет о раскопках могилы в Кожинной слободе близ г.Сергач // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Ювгород. Вып.12.

Спицын А.А., 1901. Древности бассейнов рек Оки и Мокши // МАР. Т.25. Вып.1.

Степанов П.Д., 1964. Андреевский курган (предварительное сообщение) // Труды МНИИЯЛИЭ. Саранск. п.ХХVII.

Степанов П.Д., 1980. Андреевский курган (К истории племени на рубеже нашей эры). Саранск.

Федоров-Давыдов Г.А., 1970. О статистическом исследовании взаимовстречаемости признаков и типов пред-

метов в археологических комплексах // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.

Федоров-Давыдов Г.А., 1981. Археологическая типология и процесс типобразования (на примере средневековых бус) // Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях. М.

Федоров-Давыдов Г.А., 1987. Статистические методы в археологии. М.

Хазанов А.М., 1971. Очерки военного дела сарматов. М.

Халиков А.Х., 1962. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Железный век Марийского края. Йошкар-Ола. Т.II.

В.В.Дворниченко, В.Л.Егоров, Ю.А.Зеленеев

ПОВОЛЖСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ, ОРГАНИЗАЦИЯ И ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

История населения, проживавшего на берегах великой реки Волги, всегда привлекала внимание ученых. Особенно интересным является период средневековья, так как именно в это время складываются народы и сейчас проживающие в этом регионе, причем часть из них и в настоящее время занимает территории, которые начали осваиваться ими еще в средние века.

В средние века волжский путь приобрел характер евро-азиатской экономической и культурной коммуникации. Разнообразные природные зоны порождали многообразие хозяйственных и социальных укладов на берегах этой реки, что, в свою очередь, при наличии водной магистрали способствовало культурному и этническому обмену. Соединение промыслового охотничьего хозяйства лесных районов Верхнего Поволжья и Прикамья, пашенного земледелия лесостепного Среднего Поволжья и развитого кочевого животноводства в Нижнем Поволжье вместе с наличием выходов на рынки Северной и Южной Европы и Востока создавало условия формирования неповторимой многокомпонентной Поволжской историко-культурной области. В политическом плане это влияло на создание крупных государственных объединений, какими в Поволжье являлись Волжская Болгария, Золотая Орда, Россия и некоторые другие государства.

К изучению истории Поволжья обращались ученые различных разделов исторической науки. Немаловажную роль в этом процессе с XIX в. играла археология. Но до 30-х годов XX в. археологическое изучение Поволжья не было целенаправленным, очень неравномерно распределялось по территории

региона и в значительной степени уступало в объемах Центральному и Южному районам России.

Развитие археологических исследований в Поволжье во многом связано с деятельностью А.П.Смирнова. Экспедиции, которые организовывались им, как правило, были комплексными, имели четкие цели и планы. А.П.Смирнов всегда ставил перед собой и своими сотрудниками большие задачи, что не могло не сказаться на результатах. Работа больших экспедиций, имеющих в своем составе несколько отрядов, эти результаты обеспечивала.

Им последовательно создавались Суварская, Болгарская, Куйбышевская и Чувашская археологические экспедиции, имевшие свои цели и источники финансирования. Иногда эти экспедиции работали параллельно, как, например, Куйбышевская (1950—1957) и Чувашская археологические экспедиции (1956—1960).

Особое значение имели работы Куйбышевской археологической экспедиции. Созданная в качестве новостроечной, она имела грандиозный по тем временам размах работ, охватывала фактически все Среднее Поволжье и обеспечила источниками решение многих спорных проблем в истории региона. Опыт работ Куйбышевской археологической экспедиции показал А.П.Смирнову преимущества большой, многолетней и комплексной экспедиции. Поэтому он приступает к организации новой широкомасштабной экспедиции. Такой экспедицией стала Поволжская археологическая экспедиция, созданная в 1958 г., которая распространила свои работы и на Среднее, и на Нижнее Поволжье. Уже в 1958 г. в ее составе появля-

ся Золотоордынский отряд под руководством Г.А.Федорова-Давыдова, который ведет разведочные исследования золотоордынских памятников Нижнего Поволжья (*Федоров-Давыдов*, 1958).

Экспедиция была организована Институтом археологии АН СССР. Но, учитывая опыт своих предшествующих экспедиций, А.П.Смирнов сразу же начинает привлекать к работе новой экспедиции другие научные учреждения, в том числе и провинциальные. В исследованиях отрядов, дислоцированных в Среднем Поволжье непосредственно под руководством самого А.П.Смирнова, традиционно принимали участие Государственный Исторический музей, Государственный объединенный музей Татарстана, Чувашский НИИ языка, литературы, истории и экономики.

В Нижнем Поволжье первоначально организатором исследований Поволжской археологической экспедиции был Институт археологии с привлечением провинциальных вузов. В 1959 г., когда были начаты раскопки Царевского городища, Г.А.Федоровым-Давыдовым был приглашен к участию в них Мордовский государственный университет, которым был сформирован с этой целью отряд студентов во главе с одним из крупнейших специалистов в области золотоордынской истории М.Г.Сафаргалиевым. В начале 60-х годов к этим работам присоединяется Казанский государственный университет, отрядами которого руководили И.С.Вайнер, а затем А.Г.Мухаммадиев.

С 1960 г., после перехода Г.А.Федорова-Давыдова на работу в Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, одним из главных организаторов Поволжской археологической экспедиции стал этот вуз. При этом в начале 60-х годов формально создавались отдельно Поволжская археологическая экспедиция Института археологии и Поволжская археологическая экспедиция Московского университета. Связано это было со сложностями организации объединенной экспедиции в связи с определенными межведомственными, зачастую субъективными, противоречиями. Но и в этот период фактически экспедиция оставалась единой: отряды, организованные различными учреждениями, работали под общим руководством А.П.Смирнова. Впоследствии данное организационное несоответствие было преодолено, и экспедиция длительный период являлась именно такой, какой она и создавалась основателями, а именно: совместной экспедицией Института археологии и Московского государственного университета, к которым на разных этапах деятельности присоединялись другие научные и учебные учреждения. При этом создатели экспедиции никогда даже не упоминали о формальном первоначальном отсутствии единства в принципах ее формирования (*Федоров-Давыдов*, 1984. С.83–84).

В 1958–1972 гг. начальником экспедиции был А.П.Смирнов, Г.А.Федоров-Давыдов руководил

нижневолжскими отрядами экспедиции, а затем в 1973–1981 гг. являлся начальником экспедиции. С 1982 г. и по настоящее время начальником экспедиции является В.В.Дворниченко. Г.А.Федоров-Давыдов до 1990 г. был руководителем университетской части ПАЭ, а затем вплоть до своей кончины был научным консультантом экспедиции. Сейчас научным консультантом Поволжской археологической экспедиции является В.Л.Егоров.

В конце 50 – начале 60-х годов в Нижнем Поволжье основным объектом работ Поволжской археологической экспедиции стало Царевское городище (*Федоров-Давыдов*, 1959, 1960, 1961, 1962, 1963, 1964, 1965). В начале 60-х годов эти исследования становятся весьма значительными. Работы ПАЭ в Нижнем Поволжье ведутся уже несколькими отрядами, которые имеют цифровую нумерацию: например, 3-й отряд ПАЭ (*Вайнер*, 1962) или чаще в отчетах и литературе фигурирует Ахтубинский отряд ПАЭ (*Вайнер*, *Мухаммадиев*, *Федоров-Давыдов*, 1966). В этот период в организации работ ПАЭ в Нижнем Поволжье довольно значительную роль играл Казанский государственный университет и его сотрудники И.С.Вайнер и А.Г.Мухаммадиев.

В Среднем Поволжье в начале 60-х годов работы ведутся на различных объектах в Чувашии, Мордовии и других регионах. В 1964 г. А.П.Смирнов вновь возвращается к широкомасштабным раскопкам Болгарского городища и делает этот объект главным в исследованиях ПАЭ в данном регионе (*Хлебникова*, 1987. С. 42–43). Руководителями отрядов и начальниками раскопок здесь работают А.С.Воскресенский, С.В.Морозова, Т.А.Хлебникова, В.Л.Егоров, Н.Д.Аксенова, Н.В.Трубникова (*Хлебникова*, 1987. С. 85). Кроме Болгарского городища стационарные раскопки проводятся на городище Хулаш IX–XII вв., а также ведутся разведочные работы в Ульяновской обл. (*Смирнов*, 1966. С. 189–193). Кроме того, Г.А.Федоровым-Давыдовым раскапывалось золотоордынское Итяковское городище в Мордовии (*Федоров-Давыдов*, 1965). Большие исследования ПАЭ на Болгарском городище продолжались и во второй половине 60-х годов (*Смирнов*, 1967. С. 120–122; *Аксенова*, *Смирнов*, *Хлебникова*, 1970. С. 171–173; *Аксенова*, *Смирнов*, *Хлебникова*, 1971. С. 173–174).

На территории Нижнего Поволжья ПАЭ во второй половине 60-х годов значительно расширила круг исследований. Основным объектом работ по-прежнему оставалось Царевское городище, на котором велись широкомасштабные раскопки (*Федоров-Давыдов*, 1966, 1967а). Но уже с середины 60-х гг. начались сначала разведочные (*Федоров-Давыдов*, 1965а; *Вайнер*, *Мухаммадиев*, *Федоров-Давыдов*, 1966), а затем стационарные исследования на Селитренном городище (*Галкин*, 1967; *Федоров-Давыдов*, 1969). С 1967 г. начались раскопки Водянского городища (*Егоров*, 1967). Кроме этого, велись разве-

дочные работы на различных золотоордынских объектах региона — у Zubовки и Бахтияровки Волгоградской области (Федоров-Давыдов, 1967б. С. 123). Можно говорить, что центр работ ПАЭ к концу 60-х годов стал смещаться в бассейн Нижнего Поволжья. Одновременно раскапывались три крупных средневековых городища, что требовало напряжения всех сил экспедиции (Булатов, 1970; Егоров, Мухаммадиев, Федоров-Давыдов, 1970. С. 174—175; Федоров-Давыдов, 1970; Федоров-Давыдов, Егоров, Галкин, 1968). Достигнуть такого большого объема работ при их высоком качестве стало возможным при постоянном труде самого Г.А.Федорова-Давыдова и сотрудников экспедиции, московских археологов Н.М.Булатова, Л.Л.Галкина, В.Л.Егорова, казанских археологов И.С.Вайнера и А.Г.Мухаммадиева, саранских археологов В.И.Вихляева и В.И.Шитова. Большим испытанием на прочность для экспедиции стали работы 1970 года, во время эпидемии холеры и карантина в Астраханской области. Несмотря на сложную обстановку, руководству экспедиции удалось провести полевые исследования без случаев заболеваний в личном составе экспедиции и в то же время выполнить всю научную программу (Булатов, Вихляев, Егоров, Мухаммадиев, Федоров-Давыдов, Шитов, 1971. С. 175—177).

Результаты полевых работ легли в основу диссертаций, защищенных сотрудниками ПАЭ. В 1969 г. кандидатскую диссертацию по золотоордынской керамике на материалах, полученных в ходе работ ПАЭ, защитил Н.М.Булатов.

С начала 70-х годов Поволжская археологическая экспедиция продолжала свои работы на территории Среднего и Нижнего Поволжья. В Нижнем Поволжье раскапывались Селитренное городище (Булатов, 1971) и Царевское городище (Федоров-Давыдов, Мухаммадиев, 1971). Основные работы ПАЭ в этот период были сосредоточены на Водянском городище, где раскапывался комплекс мечети XIV в. (Гусева, Мухаммадиев, Носкова, Федоров-Давыдов, 1973. С. 171—172; Гусева, Егоров, Носкова, Федоров-Давыдов, 1975. С. 152). В Среднем Поволжье продолжались исследования Булгарского городища (Аксенова, Хлебникова, 1973. С. 151—152; Аксенова, Полякова, Хлебникова, 1975. С. 135—136; Аксенова, Хлебникова, 1976. С. 154—155). В это же время начинаются масштабные работы экспедиции по изучению курганов кочевников в Черноярском районе Астраханской области, которые проводились в зонах строительных работ (Федоров-Давыдов, Дворниченко, Малиновская, 1971; Бусятская, Дворниченко, Корневский, Федоров-Давыдов, Шнайдштейн, 1973; Булатов, Дворниченко, Корневский, Малиновская, Федоров-Давыдов, 1975; Дворниченко, Куйбышев, Малиновская, Федоров-Давыдов, 1975; Дворниченко, Куйбышев, Малиновская, Федоров-Давыдов, 1976. С. 174).

С 1975 г. основным объектом исследований Поволжской археологической экспедиции становится

Селитренное городище — средневековый город Сарай (Федоров-Давыдов, Булатов, Егоров, 1975; Булатов, Гусева, Егоров, Мухаммадиев, Федоров-Давыдов, 1976. С. 159—160). С этого времени и до конца 80-х годов здесь проводятся гигантские по размаху исследования (Федоров-Давыдов, Егоров, Яблонский, Булатов, 1976; Федоров-Давыдов, Булатов, Гусева, 1977; Федоров-Давыдов, Булатов, Егоров, 1978; Федоров-Давыдов, Булатов, Егоров, Яблонский, Паромов, 1979; Федоров-Давыдов, Булатов, Егоров, Яблонский, 1980). Здесь исследуются гончарный квартал и усадьбы в черте города (Булатов, Гусева, Егоров, Федоров-Давыдов, Яблонский, 1977. С. 132; Булатов, Гусева, Егоров, Федоров-Давыдов, Яблонский, 1978. С. 158). Среди построек выделяется богатый дом, раскопки которого были начаты в 1978 г. (Булатов, Егоров, Федоров-Давыдов, Яблонский, 1980. С. 135—136; Богословский, Булатов, Егоров, Паромов, Федоров-Давыдов, 1981. С. 124). Производилось также обследование памятников XIII—XIV в. у села Лапас Астраханской области (Булатов, Егоров, Федоров-Давыдов, Яблонский, 1979. С. 160).

Новый импульс получили исследования Поволжской археологической экспедиции в Болгарах (Аксенова, Полубояринова, Полякова, Хлебникова, 1977. С. 83; Аксенова, Крамаровский, Полубояринова, Полякова, Хлебникова, 1978. С. 152—153; Аксенова, Крамаровский, Полубояринова, Полякова, Хлебникова, 1979. С. 153; Полякова, Полубояринова, Старостин, Хлебникова, 1980. С. 169—170; Аксенова, Полубояринова, Полякова, Хлебникова, Шарифуллин, 1981. С. 122—123).

Продолжаются охранные работы ПАЭ на курганах в Астраханской области (Федоров-Давыдов, Дворниченко, 1977; Федоров-Давыдов, Дворниченко, Смирнов, 1977; Федоров-Давыдов, Дворниченко, Малиновская, Паромов, 1978; Федоров-Давыдов, Дворниченко, Паромов, 1979; Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1980). Изучаются погребальные памятники разной культурной принадлежности: от ямной культуры и до кочевников золотоордынского времени (Дворниченко, Паромов, Смирнов, Федоров-Давыдов, Чернов, 1977. С. 143—144; Дворниченко, Малиновская, Смирнов, Федоров-Давыдов, 1978. С. 169—170; Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1980. С. 144; Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1981. С. 130—131). Были раскопаны практически все курганы на протяжении 45-километрового участка сухого русла одного из протоков древней волжской дельты — Кривой Луки. Кроме охранного значения, это принесло и существенные научные результаты, особенно в изучении палеодемографии, которая связана с циклическими колебаниями климата (Дворниченко, Малиновская, Паромов, Федоров-Давыдов, 1979. С. 167—168).

В 80-х годах основным объектом исследований ПАЭ продолжало оставаться Селитренное городище (Федоров-Давыдов, Егоров, Булатов, 1981; Булатов, Федоров-Давыдов, 1982; Федоров-Давыдов, Двор-

ниченко, Егоров, Булатов, 1983; Федоров-Давыдов, Булатов, Егоров, Зиливинская, 1984; Федоров-Давыдов., Егоров, Зиливинская, Булатов, 1985). Одновременно продолжались раскопки курганов в Астраханской области (Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1981б; Дворниченко, Плахов, Федоров-Давыдов, 1984; Плахов, 1984; Дворниченко, 1985).

В 90-х годах XX в. Поволжская археологическая экспедиция продолжала исследования золотоордынских городищ. В это время произошло сокращение объемов раскопок по сравнению с предшествующим периодом, тем не менее работы экспедиции проводились на Селитренном (г. Сарай), Царевском (г. Сарай ал-Джедид) и Наровчатском (г. Мохши) городищах.

Организаторами экспедиции в последнее десятилетие продолжали оставаться Институт археологии Российской академии наук (начальником ПАЭ является старший научный сотрудник Института археологии Российской академии наук В.В.Дворниченко) и Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Как всегда, в работах Поволжской археологической экспедиции очень активно участвовали провинциальные научные учреждения и вузы. В 90-е годы значительную нагрузку в организации работ экспедиции несли Марийский государственный университет, Волгоградский государственный университет, Пензенский государственный педагогический университет. Раскопками на указанных городищах руководили Р.М.Булатов, А.А.Голод, Ю.А.Зеленеев, Э.Д.Зиливинская, Г.Г.Румянцев.

Селитренное городище. В 1991–1992 гг. здесь под руководством Р.М.Булатова проводилось исследование большого мавзолея над семейной усыпальницей, оставленной представителями социальной верхушки. Мавзолей сильно разрушен, но наличие богатого архитектурного декора позволяет говорить о том, что он являлся незаурядным сооружением (Булатов, Зеленеев, 1994. С. 17).

Ю.А.Зеленеевым исследовался участок городища, который находился между гончарным кварталом и усадьбой крупного феодала в прибрежной части города (раскоп № 19). Здесь находился перекресток двух улиц, вдоль которых были проложены арыки. К улице примыкали дворы жилых домов. Выявлены остатки полуземлянки, в которой расчищены тандыр (печь для выпечки лепешек) и два умывальника-ташнау. Рядом с полуземлянкой находились бадраб (туалет), открытый очаг, сложенный из обожженных кирпичей, и многочисленные ямы. В составе находок — красноглиняная и поливная керамика, обломки бронзовой чаши, бусы, монеты, обломок железного крестика. Эти находки дают основание датировать большую часть раскопанных сооружений третьей четвертью XIV в. (Зеленеев, 1994. С. 65).

Э.Д.Зиливинская в 1994 г. продолжила исследование усадьбы зажиточного горожанина, часть ко-

торой была раскопана в 1987–1989 гг. (Булатов, Зиливинская, Зеленеев, 1995. С. 189).

В 1995 г. ею проводились раскопки большого усадебного дома на «Красном» холме, который был сложен из большеформатного сырцового кирпича. Выявлены парадное помещение и ряд пристроек (Зиливинская, 1996. С. 219–220).

Царевское городище (г. Сарай ал-Джедид). В центральной части городища изучалось двумя примыкающими друг к другу раскопами — 1/1994–1998 и 1/1998.

Наиболее ранними сооружениями на данном участке городища, который относился к торгово-ремесленной части, являлись землянки. Их в этих раскопах изучено несколько. Самой крупной из них является землянка, которая зафиксирована как сооружение 6 (яма 26). Она была выкопана, когда на этом участке городища уже имелся культурный слой, который она прорезает. Землянка имеет подпрямоугольную форму и вытянута по линии север–юг. Размеры ее составляют около 9х5,2 м. Глубина землянки от уровня материка составляет 150–160 см. Вход в землянку находился с севера. Он выступал за ее пределы на 2,6 м. Ширина входа — 2,2 м. Возможно, здесь были ступени, но при раскопках их проследить не удалось. Западная и восточная стенки входа были выложены обожженными кирпичами, но сама кладка высотой в один–два кирпича сохранилась только вдоль восточной стенки раскопа. Вдоль западной стенки прослежены только отпечатки кирпичной кладки на материковой глине. Северная стенка землянки, к западу от входа, была полностью выложена жженым кирпичом. Возможно, что такая же выкладка существовала и вдоль западной стенки. Вдоль восточной стенки фиксируется кладка из сырцового кирпича.

Землянка отапливалась очагом с двумя каналами дымоходами каналами. К нему примыкала лежанка-суфа. Отопительная система была сделана на глиняном цоколе, ширина которого около 110 см. Ширина дымохода-кана по верхнему уровню — 90 см. К востоку от него находилась топка округлой в плане формы. Размеры топки — 59х40 см, глубина — 20 см. От топки шли два отопительных канала шириной 10–20 см и глубиной 7–20 см. (Зеленеев, Архипов, 1999. С. 169–171).

Часть аналогичной землянки (яма № 42) была изучена на участках, расположенных южнее от сооружения № 6. Определить формы и размеры этой землянки невозможно, так как большая ее часть оказалась за пределами раскопа. Исходя из наблюдений за стратиграфией, она или одновременна с сооружением № 6, или очень близка ему по времени существования. Здесь также имелся двухканальный дымоход-кан, который был устроен вдоль северной стены землянки. При раскопках этой землянки были выявлены остатки кровли, которая сохранилась к северу от котлована землянки и состояла из камыша.

Еще одна землянка исследована на раскопе 1/1998. Она значительно меньше сооружения № 6 из раскопа № 1/1994—1998. Ее размеры составляют 370х250 см. Форма землянки в плане подпрямоугольная. Длинными сторонами она вытянута по линии запад—восток. Вход в землянку находится с восточной стороны. Вдоль северной стенки проходил дымоход-кан с двумя каналами и очагом, находящимся рядом с входом. Вертикальный дымоход был вырублен в противоположном от очага, северо-западном, углу землянки. Западную часть землянки занимала лежанка-суфа.

После того, как землянки прекратили существование и были засыпаны, на освободившемся участке были построены однокамерные дома на цоколе из сырцового кирпича. Они, по-видимому, составляли часть ремесленного квартала, ограниченного с запада арыком.

Правда, возможно, что до сооружения наземных домов на сырцовом цоколе на данном участке городища какое-то время существовало углубленное жилище (сооружение № 5), к которому, вполне возможно, относится плохо сохранившийся двухканальный кан с топкой (Зеленеев, Порох, 1997. С. 246—248).

Два дома были жилыми (сооружения № 1, 3).

Сооружение № 1 имело одноканальный кан и было ориентировано длинными стенками по линии восток — запад. Любопытно, что южная стена сооружения была составлена из жженных кирпичей, поставленных на ребро.

Сооружение № 3 — остатки прямоугольного в плане дома с каном, который имел два канала, проходивших вдоль восточной стенки. Дом имел следующие размеры: 3,4 м по линии север — юг и 4,1 м по линии восток — запад. Стенки дома были сложены из сырцовых кирпичей, положенных плашмя, в один ряд. Кладка была прослежена на высоту 30 см (Зеленеев, 1996. С. 217—218).

Сооружение № 2 отличается тем, что не имело отопительной системы. В то же время наличие ямы со следами плавки, льячки и другого инструмента позволяет отнести данное сооружение к типу производственных помещений (Байрамова, Зеленеев, 2000. С. 19—22).

Оно имело в плане четырехугольную форму со стенами, ориентированными по странам света. Следов восточной стенки не прослеживается, и трудно сказать, была ли она вообще. Основание южной стенки было сложено из сырцового кирпича и прослеживается в направлении запад—восток на протяжении 234 см. К западной стене сооружения, изнутри, примыкает конструкция, которая представляет собой сложенный из сырцовых кирпичей прямоугольник. В пространстве, ограниченном с четырех сторон сырцовой кладкой, в период существования сооружения была выкопана округлая в плане яма № 4.

В раскопе, рядом с сооружением № 2, найдено большое количество следов деятельности мастера, изготовлявшего изделия из бронзы, а также его ин-

струменты. К ним относятся льячка и обломок ювелирного молоточка.

Здесь же нередкими находками были и сами изделия из меди и бронзы, например, бронзовая муфта и бронзовый стержень с закругленными концами. Очень интересна находка округлого в сечении бронзового прута, который походит на обломок браслета, но не имеет крутого изгиба и поэтому может соответствовать заготовке какого-либо предмета (того же браслета) или представляет своеобразный способ хранения металла.

В сооружении № 2 и в соответствующих слоях рядом с ним найдено 16 монет. У десяти из них определена дата чеканки. Самая ранняя монета датируется 40-ми годами XIV в. 7 монет относятся к 50-м годам XIV в., 1 монета датируется 1360—1361 гг. и 1 монета — 1364—1365 гг. Скорее всего, данное сооружение функционировало в 50-х годах XIV в., а погибло в 60-х годах XIV в. (Зеленеев, 1995)

Среди находок, сделанных на раскопе № 1/1994—1998, имеются вещи уникального характера. Например, крышечка от цилиндрической шкатулки. Она имеет округлую железную основу, диаметром около 6,5 см и толщиной 2 мм. В центре был прикреплен бронзовый умбон с петелькой, вокруг которого прикреплялись 7 бронзовых медальонов, на которых были изображены человеческие лица. Диаметр медальонов — около 1,6 см. На сохранившихся медальонах видно, что лица обращены в центр крышки, к умбону.

Во время раскопок сооружения № 6 и ямы № 42 (землянки) были найдены фрагменты сосуда, имеющего непонятное назначение. Удалось собрать почти все его детали, кроме слива и некоторых фрагментов тулова. В ходе реставрации была практически восстановлена полная форма сосуда.

Он изготовлен из хорошо отмученной глины с помощью гончарного круга. Сохранились горизонтальные полосы на глине, подтверждающие вращение сосуда в ходе обработки его поверхности. Обжиг неравномерный, поэтому сосуд имеет оттенки от серого цвета до кирпично-красного. Тем не менее, стенки прочные, «звонкие». Примесь — песок. Толщина стенок — 4—7 мм. В верхней части сосуда они тоньше, в придонной — толще. Толщина дна — около 9 мм.

Высота сосуда — 32,8 см, диаметр дна — 9,6 см. Тулово — выпуклое, наибольший диаметр его — 17,5 см, находится на высоте 12 см от дна. Диаметр наиболее узкой части горловины составляет 5 см и находится на высоте 24 см от дна. В этой части горловины крепится ручка, другой конец которой прикреплен на наиболее широкой части тулова. Ширина ручки — 3,3 см, толщина достигает 1 см.

Горло сосуда от наиболее узкой части расширяется, достигая 7,3 см в диаметре, но не образует венчика, а имеет конусовидное навершие, полностью закрывающее горло сосуда. Судя по всему, такое «запаянное» горло было предусмотрено и выполнено при формовке сосуда.

В верхней части тулова, в стенке, противоположной от ручки, имеется отверстие диаметром 1,5 см, которое осталось от слива. Носик слива не найден.

Любопытен тот факт, что заполнялся сосуд через дно, в котором имеется отверстие диаметром около 4,6 см. От отверстия вверх сосуда шла керамическая трубка высотой 19,7 см. В верхней части она сужалась до 3,5 см в диаметре, т.е. представляла собой усеченный конус. Толщина стенок этого внутреннего конуса — 0,4–0,6 см.

Обломки сосуда попали в землянки (сооружение № 6 и яма № 42), по-видимому, во время их засыпки. Произошло это не позднее 1365 г., так как именно 1364–1365 гг. датируется самая поздняя монета из сооружения № 6. Надо отметить, что большинство определимых монет из сооружения № 6, а именно — 13, датируются 50-ми годами XIV в. И лишь одна — 1364–1365 гг. Причем, все монеты чеканены в Сарай ал-Джедиде и только самая поздняя — в Гюлистане. Так что наиболее вероятная дата прекращения существования сооружения № 6 и рассматриваемого сосуда — середина XIV в.

Наровчатское городище (г. Мохши). В 1989 г. были возобновлены исследования Наровчатского городища. Раскопки 1989 г. проводились в центральной части городища. В 50–60-х годах А.Е.Алиховой в этом районе были изучены гончарные горны. В раскопе 1989–1991 гг. также зафиксирован гончарный горн, который представлял собой сооружение, типичное для провинциальных городов Золотой Орды и для сельских мастерских. Он был округлой в плане формы и состоял из двух камер: нижней — топочной, с двумя устьями, и верхней — для обжига гончарной продукции. Верхняя камера отделялась от нижней глиняной перегородкой. В ней имелись округлые отверстия, пропускавшие горячие газы. Горн был вырезан в материковой глине, свод не сохранился.

Непосредственно в конструкции горна и под нее были найдены предметы, относящиеся к гончарному производству. К ним относится каменная деталь гончарного круга, которая первоначально была принята за нижний мельничный камень (Алексеев, Данилов, Зеленева, Румянцев, Тойшев, Шакиров, 1991. С. 89). Здесь же была найден треножник, который мог использоваться в качестве подставки для обжигаемой в горне посуды. Рядом с горном обнаружено

большое количество красноглиняной керамики среди которой нередко попадались бракованные фрагменты. Из нескольких монет, найденных при раскопках этого объекта, определена дата только одной — 60-е годы XIV в. (определение Г.А.Федорова-Давыдова). Видимо, к этому времени относится прекращение существования данного сооружения, гибель которого, возможно, связана с событиями «великой замятии».

В напластованиях возле горна собрано большое количество керамики. В ее составе много обломков бракованной посуды. Среди них — фрагменты амфорообразных кувшинов, кувшинов-афтоба, крышек, пиал и других сосудов. Вся керамика — красноглиняная и имеет аналогии в керамических комплексах золотоордынских городов Нижней и Средней Волги. Кроме красноглиняной керамики, здесь же в небольших количествах встречалась сероглиняная лепная керамика с примесью шамота, скорее всего мордовская. О наличии в составе населения город Мохши мордовского населения говорят находки сюлгам и других мордовских вещей (Зеленева, Румянцев, 1994. С. 45–46).

В 1997 г. Г.Г.Румянцевым была раскопана часть усадебного дома на так называемом «Мелюковском поле», который, скорее всего, был построен из жженого кирпича с полом из сырцового кирпича. Эти исследования подтвердили данные А.Е.Алиховой о нахождении в этом районе загородных усадеб для городского населения города Мохши.

Таким образом, исследования Поволжской археологической экспедиции на золотоордынских городищах в 1989–1999 гг. дали новые материалы по истории и культуре средневекового населения Поволжья. Продолжено изучение жилых построек различных социальных групп горожан. Большое значение для рассмотрения различных аспектов средневекового ремесла имеют раскопки мастерской медника на Царевском городище. Некоторые из найденных предметов являются уникальными и нуждаются в дальнейшем специальном изучении. Исследованиями экспедиции последних лет получены дополнительные материалы о полиэтническом составе населения джучидского города. Особенно отчетливо это видно на примере Мохши, хотя во многом данное явление характерно и для нижеволжских столичных городов.

Литература

Аксенова Н.Д., Крамаровский М.Г., Полубояринова М.Д., Полякова Г.Ф., Хлебникова Т.А., 1978. Работы в Болгарах // АО—1977. М.

Аксенова Н.Д., Крамаровский М.Г., Полубояринова М.Д., Полякова Г.Ф., Хлебникова Т.А., 1979. Работа в Болгарах // АО—1978. М.

Аксенова Н.Д., Полякова Г.Ф., Хлебникова Т.А., 1975. Город Болгары // АО—1974. М.

Аксенова Н.Д., Полубояринова М.Д., Полякова Г.Ф., Хлебникова Т.А., 1977. Работы в Болгарах // АО—1976. М.

Аксенова Н.Д., Полубояринова М.Д., Полякова Г.Ф., Хлебникова Т.А., Шарифуллин Р.Ф., 1981. Исследования города Болгара // АО—1980. М.

Аксенова Н.Д., Смирнов А.П., Хлебникова Т.А., 1970. Раскопки городища Болгары // АО—1969. М.

- ксенова Н.Д., Смирнов А.П., Хлебникова Т.А., 1971. Болгары // АО-1970. М.
- ксенова Н.Д., Хлебникова Т.А., 1973. Исследование ра // АО-1972. М.
- ксенова Н.А., Хлебникова Т.А., 1976. Исследование ир // АО-1975. М.
- лексеев С.И., Данилов О.В., Зеленева Ю.А., Румянцев Г.Г., ев В.В., Шакиров А.Г., 1991. Средневековая археоло- жкая экспедиция Марийского государственного уни- тета // Археологические открытия Урала и Повол- Ижевск.
- айрамова Г.С., Зеленева Ю.А., 2000. Мастерская мед- и города Сарай ал-Джедид // Этнокультурные фак- в становлении и развитии металлургии и обработ- ивных металлов у народов Поволжья в средние и. Тезисы Российской научной конференции. Йош- Ола.
- Богословский О.В., Булатов Н.М., Егоров В.Л., Паро- Я.М., Федоров-Давыдов Г.А., 1981. Раскопки на Селит- ном городище // АО-1980. М.
- Булатов Н.М., 1970. Отчет о раскопках на Селитрен- и городище за 1970 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4165.
- Булатов Н.М., 1971. Отчет о раскопках Селитренно- ородища за 1971 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4572.
- Булатов Н.М., Вихляев В.И., Егоров В.Л., Мухаммади- 4.Г., Федоров-Давыдов Г.А., Шитов В.Н., 1971. Раскоп- золотоордынских городов на Нижней Волге // АО- 10. М.
- Булатов Н.М., Гусева Т.В., Егоров В.Л., Мухаммадиев Г., Федоров-Давыдов Г.А., 1976. Раскопки Поволжской геологической экспедиции на Селитренном городище АО-1975. М.
- Булатов Н.М., Гусева Т.В., Егоров В.Л., Федоров-Да- ыдов Г.А., Яблонский Л.Т., 1977. Раскопки на Селитрен- м городище (Сарай-Бату) в Астраханской области // 3-1976. М.
- Булатов Н.М., Гусева Т.В., Егоров В.Л., Федоров-Да- ыдов Г.А., Яблонский Л.Т., 1978. Раскопки на Селитрен- ом городище // АО-1977. М.
- Булатов Н.М., Дворниченко В.В., Корневский С.Н., малиновская Н.М., Федоров-Давыдов Г.А., 1975. Раскопки урбанов в Черноярском районе Астраханской области // 10-1974. М.
- Булатов Н.М., Егоров В.Л., Федоров-Давыдов Г.А., Яб- онский Л.Т., 1979. Раскопки на Селитренном городище / АО-1978. М.
- Булатов Н.М., Егоров В.Л., Федоров-Давыдов Г.А., Яблонский Л.Т., 1980. Раскопки на Селитренном городи- ше // АО-1979. М.
- Булатов Р.М., Зеленева Ю.А., 1994. Раскопки Селит- женного городища (Сарай-Бату) в 1991-1992 гг. // Ар- хеологические открытия Урала и Поволжья. Йошкар- Ола.
- Булатов Н.М., Зиливинская Э.Д., Зеленева Ю.А., 1995. Раскопки на Селитренном городище // АО-1995. М.
- Булатов Н.М., Федоров-Давыдов Г.А., 1982. Отчет о раскопках на Селитренном городище за 1982 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9792, 9792 а, б.
- Бусятская Н.Н., Дворниченко В.В., Корневский С.И., Федоров-Давыдов Г.А., Шнайдин Е.В., 1973. Раскопки курганов у с. Барановка // АО-1972. М.
- Вайнер И.С., 1962. Отчет 3-го отряда Поволжской ар- хеологической экспедиции о раскопках Сарай-Берке (Царевское городище и 2 Царевский могильник) за 1962 год // Архив ИА РАН. Р-1. № 2541, 2541 а.
- Вайнер И.С., Мухаммадиев А.Г., Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Раскопки на Царевском городище // АО-1965. М.
- Галкин Л.Л., 1967. Отчет о раскопках золотоордын- ских городов на реке Ахтубе за 1967 год. Ч. 2 // Архив ИА РАН. Р-1. № 3533.
- Гусева Т.В., Егоров В.Л., Носкова Л.М., Федоров-Да- выдов Г.А., 1975. Раскопки на Водянском городище в Вол- гоградской области // АО-1974. М.
- Гусева Т.В., Мухаммадиев А.Г., Носкова Л.М., Федоров- Давыдов Г.А., 1973. Раскопки мечети XIV в. на Водянском городище // АО-1972. М.
- Дворниченко В.В., 1985. Отчет о раскопках бескур- ганного могильника у с. Косика Енотаевского р-на за 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10886, 10886 а.
- Дворниченко В.В., Куйбышев А.В., Малиновская Н.В., Фе- доров-Давыдов Г.А., 1975. Отчет о раскопках курганов в Чер- ноярском р-не Астраханской обл. в зоне 1 очереди стро- ительства Астраханско-Калмыцкой рисовой системы за 1975 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5250, 5250 а, 5250 б, 5250 в.
- Дворниченко В.В., Куйбышев А.В., Малиновская Н.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1976. Раскопки курганов в Астра- ханской области // АО-1975. М.
- Дворниченко В.В., Малиновская Н.В., Смирнов А.С., Федоров-Давыдов Г.А., 1978. Раскопки курганов близ с. Никольского в астраханской области // АО-1977. М.
- Дворниченко В.В., Малиновская Н.В., Паромов Я.М., Федоров-Давыдов Г.А., 1979. Раскопки в зонах строитель- ства Калмыцко-Астраханской и Никольской рисовых оросительных систем // АО-1978. М.
- Дворниченко В.В., Паромов Я.М., Смирнов А.С., Федо- ров-Давыдов Г.А., Чернов Ю.В., 1977. Раскопки курганов на Нижней Волге // АО-1976. М.
- Дворниченко В.В., Плахов В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1984. Отчет о работе Енотаевского отряда Поволжской экспедиции у с. Косика за 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10879, 10879 а.
- Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1980. Раскоп- ки курганов на нижней Волге // АО-1979. М.
- Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1981 а. Рас- копки курганов на Кривой Луке // АО-1980. М.
- Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1981 б. Отчет о раскопках курганов в зоне строительства 1 очереди Кал- мыцко-Астраханской оросительной системы за 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9905, 9905 а-в.
- Егоров В.Л., 1967. Отчет о раскопках золотоордынских го- родищ на Ахтубе за 1967 год. Ч. 1 // Архив ИА РАН. Р-1. № 3533.
- Егоров В.Л., Мухаммадиев А.Г., Федоров-Давыдов Г.А., 1970. Раскопки золотоордынских городов на Нижней Волге // АО-1969. М.
- Зеленева Ю.А., 1994. Исследование средневековых памят- ников в Пензенской и Астраханской областях // АО-1993. М.

Зеленев Ю.А., 1995. Отчет о раскопках Царевского городища в Ленинском районе Волгоградской области за 1995 год // Архив ИА РАН. Р-1. № 19213.

Зеленев Ю.А., 1996. Исследования Царевского городища // АО—1995. М.

Зеленев Ю.А., Архипов С.А., 1999. Исследования Царевского городища // АО—1997. М.

Зеленев Ю.А., Порох В.Н., 1997. Царевское городище // АО—1996. М.

Зеленев Ю.А., Румянцев Г.Г., 1994. Исследования Наровчатского городища // Археологические исследования Урала и Поволжья. Йошкар-Ола.

Зиливинская Э.Д., 1996. Работы на Селитренном городище // АО—1995. М.

Плахов В.В., 1984. Отчет о работах Енотаевского отряда Поволжской экспедиции в 1984 г. Т.2 // Архив ИА РАН. Р-1. № 10880, 10880 а.

Полякова Г.Ф., Полубояринова М.Д., Старостин П.Н., Хлебникова Т.А., 1980. Раскопки в Болгаре // АО—1979. М.

Смирнов А.П., 1966. Археологические работы в Поволжье // АО—1965. М.

Смирнов А.П., 1967. Работы в Болгарах // АО—1966. М.

Федоров-Давыдов Г.А., 1958. Отчет об археологической разведке Золотоордынского отряда на Царевском городище за 1958 год // Архив ИА РАН. Р-1. № 1715, 1715 а.

Федоров-Давыдов Г.А., 1959. Отчет о раскопках Царевского городища в 1959 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 1934.

Федоров-Давыдов Г.А., 1960. Отчет об арх. раскопках на Царевском городище (Сарай-Берке) за 1960 год // Архив ИА РАН. Р-1. № 2123, 2123 а, 2123 б.

Федоров-Давыдов Г.А., 1961. Отчет о раскопках на Царевском городище за 1961 год // Архив ИА РАН. Р-1. № 2331, 2331 а, 2332 — ч. 2.

Федоров-Давыдов Г.А., 1962. Отчет Поволжской археологической экспедиции о раскопках Царевского городища (Сарай-Берке) за 1962 год // Архив ИА РАН, Р-1, № 2540, 2540 а, 2540 б, 2540 в.

Федоров-Давыдов Г.А., 1963. Отчет об археологических работах на городище Сарай-Берке за 1963 // Архив ИА РАН. Р-1. № 2699, 2699 а.

Федоров-Давыдов Г.А., 1964. Отчет о раскопках на Царевском городище за 1964 год // Архив ИА РАН. Р-1. № 2885.

Федоров-Давыдов Г.А., 1965. Отчет о раскопках на Итязовском и Царевском городищах за 1965 год // Архив ИА РАН. Р-1. № 3130.

Федоров-Давыдов Г.А., 1965 а. Дополнение к отчету о раскопках на Селитренном городище в 1965 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3131.

Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Отчет о раскопках золотоордынских городищ за 1966 год // Архив ИА РАН. Р-1. № 3289.

Федоров-Давыдов Г.А., 1967 а. Отчет о раскопках золотоордынских городищ на реке Ахтубе за 1967 год // Архив ИА РАН. Р-1. № 3533.

Федоров-Давыдов Г.А., 1967 б. Раскопки золотоордынских городов на Ахтубе // АО—1966. М.

Федоров-Давыдов Г.А., 1969. Отчет о раскопках золотоордынского городища у с. Селитренное (Сарай-Бату) в 1969 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3909, 3909 а.

Федоров-Давыдов Г.А., 1970. Отчет об арх. раскопках на Селитренном и Водянском городищах в 1970 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4153.

Федоров-Давыдов Г.А., 1984. Четверть века изучения средневековых городов Нижнего Поволжья // СА. № 3.

Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М., Гусева Т.В., 1977. Отчет о раскопках Селитренного городища Поволжской экспедицией в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6687, 6687 а, 6687 б, 6687 в.

Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М., Егоров В.Л., 1975. Отчет Поволжской археологической экспедиции за 1975 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5846, 5846 а, 5846 б.

Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М., Егоров В.Л., 1978. Отчет о раскопках Селитренного городища в 1978 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8263, 8263 а, 8263 б.

Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М., Егоров В.Л., Зиливинская Э.Д., 1984. Научный отчет о раскопках на Селитренном городище в 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10845, 10845 а.

Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М., Егоров В.Л., Ялонский Л.Т., 1980. Отчет о раскопках на Селитренном городище в 1980 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 8269, 8269 а.

Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М., Егоров В.Л., Ялонский Л.Т., Паромов Я.М., 1979. Отчет о раскопках Селитренного городища в 1979 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8266, 8266а, 8266б.

Федоров-Давыдов Г.А., Дворниченко В.В., 1977. Отчет о раскопках курганов в зоне строительства Никольской оросительной системы в Астраханской области в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6686.

Федоров-Давыдов Г.А., Дворниченко В.В., Егоров В.Л., Булатов Н.М., 1983. Отчет о раскопках Селитренного городища в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9275, 9275 а.

Федоров-Давыдов Г.А., Егоров В.Л., Булатов Н.М., 1981. Научный отчет о раскопках на Селитренном городище в 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9677, 9677 а, б.

Федоров-Давыдов Г.А., Егоров В.Л., Галкин Л.Л., 1968. Отчет о раскопках Царевского, Водянского и Селитренного городищ за 1968 г. // Архив ИА Р-1. № 3687—3688.

Федоров-Давыдов Г.А., Егоров В.Л., Зиливинская Э.Д., Булатов Н.М., 1985. Отчет о раскопках на Селитренном городище в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10766, 10766 а.

Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1980. Отчет о раскопках курганов в зоне строительства 1 очереди Калмыцко-Астраханской рисово-оросительной системы в Черноморском р-не в 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8254, 8255, 8256.

Федоров-Давыдов Г.А., Дворниченко В.В., Малиновская Н.В., 1971. Отчет о раскопках курганов «Кривой лука» в Черноморском районе Астраханской области в 1971 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5415, 5315а, 5315б, 5315в.

Федоров-Давыдов Г.А., Дворниченко В.В., Малиновская Н.В., Паромов Я.М., 1978. Отчет о раскопках курганов в Черноморском и Енотаевском районах в 1978 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8538, 8538 а, 8538 б.

Федоров-Давыдов Г.А., Дворниченко В.В., Паромов Я.М., 1979. Отчет о раскопках курганов в зоне строительства 1 очереди Калмыцко-Астраханской рисово-оросительной

системы в Черноморском р-не в 1979 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8397, 8397 а, 8397 б.

Федоров-Давыдов Г.А., Дворниченко В.В., Смирнов А.С., 1977. Отчет о раскопках курганов в Черноморском р-не Астраханской области в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6719, 6719 а, 6719 б, 6719 в, 6719 г.

Федоров-Давыдов Г.А., Егоров В.Л., Галкин Л.Л., 1968. Отчет о раскопках Царевского, Водянского и Селитренного городищ за 1968 год // Архив ИА РАН. Р-1. № 3687 — ч. 1, 3688 — ч. 2.

Федоров-Давыдов Г.А., Егоров В.Л., Яблонский Л.Т., Булатов Н.М., 1976. Отчет Поволжской археологической экспедиции о раскопках на Селитренном городище Астраханской обл. в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6168, 6168 а.

Федоров-Давыдов Г.А., Мухаммадиев А.Г., 1971. Отчет о раскопках на Царевском городище за 1971 год // Архив ИА РАН. Р-1. № 4452.

Хлебникова Т.А. История археологического изучения Болгарского городища: Стратиграфия. Топография // Город Болгар: Очерки истории и культуры. М., 1987.

В.Л. Егоров

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

За последнее время в изучении политической, культурной и этнической истории Золотой Орды появились самые различные точки зрения, направления и даже теории. Если совсем недавно созданное Джучидами огромное государство рассматривалось в российской историографии исключительно со знаком минус, то сейчас его трактуют только с самой положительной стороны. Всего несколько лет назад казанские историки единодушно отрицали какие-либо связи с Золотой Ордой, по всем линиям развития признавая за современными татарами лишь болгарские корни. Теперь они с еще большей энергией утверждают золотоордынское наследие в фундаменте культуры современной Татарии.

Не нужно обладать особой прозорливостью, чтобы понять, что за подобными резкими поворотами и категоричными суждениями скрыта самая обычная политическая конъюнктура, не имеющая ничего общего с наукой. Однако даже такие максималистские претензии во взглядах на соотношение древней истории с современными развивающимися народами имеют определенные положительные стороны. Главнейшая из них состоит в том, что на историю Золотой Орды стали обращать действительно серьезное внимание, не ограничиваясь привычным набором затертых штампов. Можно без преувеличения сказать, что именно сейчас наступает то время, когда из многочисленных декларативных утверждений, прямых подтасовок, рассчитанных умолчаний и явных искажений исторических фактов, наконец, можно будет спокойно и аргументированно создать беспристрастную историю Золотой Орды. Материала для такой работы накоплено предостаточно (хотя определенные лакуны еще есть), научные силы также имеются — дело лишь за добросовестностью исследователей и за временем, которое необходимо для

разработки столь сложной и многоплановой проблемы.

В комплексе проблем, связанных с изучением Золотой Орды, особое место занимают вопросы культуры этого государства. Не является секретом, что изучение золотоордынской культуры, в самом широком понимании этого явления, подчас ограничивалось несколькими фразами о бедности кочевнических культурных традиций и невозможности их сравнения с культурными достижениями оседлых соседей. В других случаях вопрос подменялся рассуждениями о прерывании монгольским завоеванием культурных традиций многочисленных покоренных народов. Постановка последнего вопроса имеет полное право на существование, но к культуре монголов и Золотой Орды это отношения не имеет, составляя часть политической истории, связанной с военными действиями. Действительно, завоевания Чингизидов нанесли ощутимый ущерб культуре не только Руси, но и Средней Азии, Волжской Болгарии, Кавказа, половецкой степи, енисейских кыргызов и др. Больше того, в конечном итоге пострадала и культура самой Монголии, которая после кратковременного всплеска в XIII в. резко пришла в упадок, длившийся не одно столетие.

И все же, несмотря на явную недооценку культуры Золотой Орды, российская историография никогда не опускалась до таких крайностей, как полное отрицание каких-либо культурных достижений у основателей этого государства. Б.Д. Греков и А.Ю. Якубовский в известной монографии «Золотая Орда и ее падение», вышедшей в 1950 г., еще тогда писали, «что широко распространенное представление о монголах (татарах) как о варварах, стоявших на чрезвычайно низком уровне цивилизации, не соответствует действительности. Уже самый факт

военно-феодалного государства, осуществленный организаторским дарованием Чингизхана, является прекрасным опровержением представления о полной дикости монголов начала XIII в.» (*Греков, Якубовский*, 1950. С.160–161).

Этот тезис двух известнейших российских ученых поставил вопрос о рассмотрении культуры монголов и Золотой Орды в самом широком плане, охватывая все сферы духовной и материальной жизни монголов и населения, проживающего во владении Джучидов.

Традиции монгольской кочевнической культуры, несомненно, были чрезвычайно сильны в золотоордынском обществе. Наиболее ярким свидетельством этому являются два факта. Первый из них связан с попыткой хана Берке ввести в Золотой Орде ислам. При его жизни монгольская часть населения государства хотя и чрезвычайно неохотно, но подчинялась воле и авторитету внука Чингизхана. Однако после смерти Берке все его нововведения были мгновенно забыты и население вновь вернулось к издревле привычному язычеству. Лишь самые жесткие и кровавые меры позволили в дальнейшем хану Узбеку в какой-то степени сломать привычные древние традиции шаманизма и язычества в пользу мусульманства. Второй факт — сохранение древней традиции, которая так и прошла через всю историю Золотой Орды, — состоял в приверженности ханского двора и крупнейших степных аристократов к ежегодным летним кочевкам. В отдельных случаях дело доходило до того, что верховный властитель вынужден был давать заверения в постоянном соблюдении этого древнего обычая предков.

Что же касается оценки золотоордынской культуры в целом, то в современной научной, и особенно учебной, литературе преобладающее мнение занимает ее характеристика в качестве синкретической. В определенной степени и для определенного периода такая точка зрения может быть признана справедливой и обоснованной. Но эту оценку ни в коем случае нельзя распространять на весь длительный период существования Золотой Орды.

Нет никакого сомнения в том, что культура Золотой Орды, как и любого другого государства, не представляла собой застывшего явления. Она развивалась и изменялась вместе с самим государством, во многом отражая политические и экономические зигзаги общественной жизни. В наибольшей степени это заметно на оседлой городской культуре в то время, как степная культура нуждалась в постоянной политической поддержке центральной власти.

Вполне очевидно, что существует особая проблема развития и становления золотоордынской культуры. Это длительный и многогранный процесс, в котором можно выделить стадию накопления, затем — осмысления и, наконец, — синтезирования порой самых разнородных и многочисленных культурных достижений всех тех народов, которые составили население Золотой Орды. Первое, что лежит на по-

верхности при изучении культуры Золотой Орды, это то, что она отчетливо делится на кочевую и оседлую. Причем факты совершенно однозначно свидетельствуют, что в начальный период истории государства в нем преобладала почти исключительно кочевая культура. Осознание необходимости дополнения ее оседлым компонентом приходило медленно, причем диктовалось жизненной и государственной потребностью при самом непосредственном протекционизме ханской власти. Симбиоз кочевого и оседлого укладов в хозяйстве, тесный союз двух, казалось бы, столь противоположных культур — кочевника и земледельца — и обеспечил мощь и процветание золотоордынскому государству на столь длительный период. Ведь Золотая Орда намного пережила все остальные улусы, на которые разделилась империя Чингизхана.

Нельзя забывать и о том, что повсеместный и довольно мощный толчок укреплению и развитию культуры в степях дал ислам, утвердившийся с приходом к власти хана Узбека. Здесь, пожалуй, уместно было бы провести параллель с принятием христианства на Руси, что так же вызвало бурное развитие самых различных сторон культурной жизни. Никак нельзя обойти молчанием и такой важный вопрос, как экономическая основа развития культуры. Сосредоточение огромных материальных ресурсов, накопленных в длительных войнах и получаемых в виде постоянной и обильной дани, и составило фундамент, на котором происходило развитие культурной жизни государства.

В тезисном выражении основные направления изучения культуры Золотой Орды можно сформулировать следующим образом:

- 1) степень участия в создании культуры государства самих кочевников,
- 2) вклад в культуру Золотой Орды завоеванных монголами народов,
- 3) выяснение возможности и путей эволюционного развития культуры Золотой Орды и появления в результате этого новых, собственно золотоордынских черт.

Несмотря на относительную малочисленность собственно монголов, оставшихся после завоевательных походов в причерноморских и прикаспийских степях, они все же оказали заметное влияние на культуру созданного ими нового государства. Именно соотношение числа монголов и местного дешт-и-кипчакского населения — половцев служит наглядным объяснением тому, что в Золотой Орде государственным языком стал не монгольский, а половецкий, хотя монгольский язык до конца XIV в. сохранился в правящей и аристократической верхушке основателей империи. Это достаточно хорошо известно по находкам монет и памятников бытовой письменности.

Несомненно, что видную роль в общем развитии культуры Золотой Орды на раннем этапе ее истории

сыграл сам основатель государства — хан Бату. Источники раскрывают этого человека, с одной стороны, как жестокого воина и удачливого полководца, а с другой — подчеркивают его государственную мудрость и справедливость в мирное время, за что он получил прозвище Саин-хан, т. е. справедливый. Такую оценку подтверждает и тот факт, что Золотая Орда только во время правления хана Бату находилась в состоянии мира, весь же остальной период ее существования прошел в непрерывных войнах.

Именно при Бату развилась международная торговля и были заложены основные маршруты дальних караванных, морских и речных путей. Именно при этом хане, выступавшим хранителем кочевнических традиций, в жизни и культуре Золотой Орды стали появляться новые, в недалеком прошлом не характерные для кочевников черты. В первую очередь это относится к возникновению в степях собственных монгольских городов. Идея строительства городов не была заимствована монголами от оседлых соседей, она родилась в недрах самого кочевого общества, будучи продуктом его развития. Поэтому появление городов в Золотой Орде можно считать крупным вкладом монголов в культуру государства. Больше того — новые города застраивались оригинальными по планировке, конструкции и интерьеру жилыми домами, созданными монголами еще в центральноазиатских степях. Это был специфический тип оседлого жилища, исходной базой которого прослужила юрта.

Интерьер таких построек на редкость прост и одновременно идеально приспособлен к степным условиям жизни. Вдоль трех стен здания располагалась оригинальная отопительная система, называвшаяся кан, имевшая в плане П-образную форму. Кан представлял собой невысокую печку-лежанку с проходящими внутри 2—3 дымоходными каналами, которые обогревали ее. Именно этот тип жилого дома монголы принесли в европейские степи, и он распространился на огромной территории от Дуная до Керулена.

Чрезвычайно специфичной и характерной для Золотой Орды была еще одна особенность местного градостроительства. Города этого государства не имели оборонительных стен, что было совершенно неслыханным и немыслимым в средневековой феодальной Европе и Азии. Отсутствие ограничивавших городское пространство стен позволяло городам правильно развиваться. Внутригородскую планировочную единицу составляли обширные по площади усадьбы-кварталы с большими хозяйственными дворами и садами. Кроме того, огромные средства, сэкономленные на строительстве фортификационных сооружений, употреблялись для городского благоустройства.

Интереснейшая черта золотоордынского домостроительства, восходящая к древним кочевническим традициям, состояла в отсутствии фундамента

у всех построек. Даже огромные по площади мечети, дворцы и мавзолеи возводились без фундамента, на ровных, хорошо сnivelированных площадках. Подобных крупных и более мелких деталей, характеризующих вклад самих монголов в культуру Золотой Орды, можно насчитать достаточно большое количество.

Что же касается выявления вклада завоеванных народов в развитие культуры Золотой Орды, то здесь, в первую очередь на огромной территории государства выделяются зоны конкретного влияния самых различных традиций. Верхнее и Среднее Поволжье отличают традиции архитектуры, существовавшей здесь до прихода монголов Волжской Болгарии. В Нижнем Поволжье на первый план выступают конструктивные особенности и строительные приемы пригнанных сюда хорезмских мастеров. Северокавказские города несут на себе отчетливый отпечаток местной школы с ее древними каменотесными приемами. То же самое можно сказать о Крыме и Пруто-Днестровском междуречье. Все это создает достаточно пеструю картину действительно синкретической культуры. Так оно и было на самом деле, но лишь до определенного этапа.

На протяжении всей истории Золотой Орды культура ее не находилась в состоянии застоя, довольствуясь лишь готовыми формами, созданными другими народами. В XIV в. культурная жизнь государства начинает обогащаться новыми элементами на основе сплава различных достижений многих народов. В результате первоначальный синкретизм перерастает в синтез, т. е. в органическое переплетение и соединение разнообразных духовных и материальных черт культуры многочисленных народов. Появляется целый ряд оригинальных предметов ремесленного производства. Развивается по собственному пути монументальная архитектура, приводя к возникновению нового типа мавзолеев с более сложной планировкой и иными декоративными принципами. Происходят определенные сдвиги в духовных, религиозных и общественных представлениях. Одним из результатов этого можно считать появление захоронений в церквах. Развивается и особый литературный язык, отражающий существование местных золотоордынских диалектов. Культура золотоордынского общества резко отличается от культуры других исламских стран своим отношением к женщине. Она принимает активное участие в управлении государством, наравне с мужчиной действует в общественной жизни, и, наконец, она не обезличена таким унижительным атрибутом, как паранджа.

Происходит переосмысление даже собственно монгольских черт культуры, изначально существовавших в золотоордынском быту. Например, совершается превращение узкого П-образного кана в широкую глинобитную суфу, приспособленную для нужд больших семей. Уделяется внимание городскому благоустройству, о чем свидетельствует появ-

ление общественных туалетов, что было неслыханным для европейских городов XIV в. Нужно особо подчеркнуть, что все эти новые ростки и веяния в золотоордынской культуре происходят на основе трудов нового поколения ремесленников, выросших и обученных в самой Золотой Орде, а не пригнанных сюда извне.

Свидетельством возросшего уровня золотоордынской культуры конца XIV в. является такой яркий факт: Тимур после похода 1395—1396 гг. увел отсюда в качестве пленных в Самарканд огромное число ремесленников, среди которых было множество строителей. Если раньше золотоордынские ханы для возведения своих столиц собирали ремесленников со всех покоренных стран, то теперь происходит обратный процесс. Результаты этого можно видеть на примере знаменитой самаркандской мечети Биби-Ханым, в которой явственно проступают черты золотоордынской архитектурной школы.

Интереснейший и необычный для средневековья в целом факт культурной жизни Золотой Орды состоял в том, что это государство было терпимо к любым вероисповеданиям. Возможно, это национальная черта монголов, возможно, безразличие кочевников вообще к конфессиональной односторонней приверженности. Но отсюда вытекает важнейшая политическая и культурная линия, ставшая общегосударственной. В связи с этим нужно подчеркнуть, что убийства русских князей в Золотой Орде происходили не на религиозной, а на политической основе. Больше того — золотоордынцы ни в малейшей степени не считали для себя зазорным переходить из ислама в православие, причем часто это были люди из известных аристократических семей. Хорошо известен факт, что сам основатель государства хан Бату был язычником, его сын Сартак — христианином несторианского толка, а брат Берке — мусульманином. Характерно и то, что мордовское население так и осталось в язычестве, несмотря на самый тесный союз с Золотой Ордой. Интересно также отметить и тот факт, что после раздела Золотой Орды в государствах, образовавшихся на ее бывшей территории, ислам резко принял наиболее фанатичные формы.

Существует еще один интереснейший аспект в истории золотоордынской культуры, на который совершенно не обращается внимание. Он состоит в том, что ни государство в целом, ни какие-либо отдельные категории его населения не навязывали собственной культуры окружающим народам. Насильственное культуртрегерство абсолютно не характерно для Золотой Орды. Но определенные черты ее культуры перенимались соседями, благодаря довольно тесному и длительному соприкосновению.

Нужно остановиться еще на одной проблеме, представляющей особый раздел изучения культуры Золотой Орды. Она состоит в выяснении определенного комплекса причин, которые так и не позволи-

ли золотоордынской культуре XIV в. достичь высокого уровня и в тех государствах, которые возникли на развалинах империи Джучидов. Резкий упадок фактическая гибель большей части культурных достижений Золотой Орды связаны с причинами чисто военного характера. После похода Тимура 1395—1396 гг. почти все города Золотой Орды были полностью уничтожены. Сохранились лишь два крупных центра — первая столица Сарай на Ахтубе и Сарайчик на Яике. Следствием такой тотальной разрухи явилась резкая деградация ремесла, причем большая часть ремесел никогда уже не возродилась. Но существует и более глубокая и локальная сторона этой проблемы, которая состоит в следующем.

После распада Золотой Орды в середине XV в. образовалось несколько самостоятельных государств-осколков огромной степной империи — Большая Орда, Ногайская Орда, Крымское ханство, Казанское ханство, Сибирское ханство, Астраханское ханство. Последнее было самым поздним по времени возникновения и имело наиболее короткий период существования. Общий культурный уровень всех этих новых государственных образований так и не смог подняться даже вровень с культурой Золотой Орды, не говоря уже о том, чтобы превзойти ее. Каждое из этих государств в отдельности продолжало развивать определенные аспекты культуры бывшей единой империи Джучидов. Например, все они сохранили арабскую письменность, полностью забыв монгольский алфавит, уцелели и литературные традиции, а также многие культурно-бытовые навыки, связанные с домашним хозяйством, семьей и религией. Однако такая важнейшая часть государственной культуры, как градостроительство, находилась в стадии не только упадка, но и явной деградации. Свидетельство этому оставили современники, да и общий подсчет населенных пунктов всех последующих государств, вместе взятых, оставляет жалкое впечатление по сравнению с числом городов Золотой Орды.

Характерно в этом отношении свидетельство Контарини, посетившего Хаджитархан (Астрахань) в 1476 г. Он описывал этот населенный пункт следующим образом: «Город невелик и расположен на реке Волге; домов там мало, и они глинобитные, но город защищен низкой каменной стеной; видно, что совсем недавно в нем еще были хорошие каменные здания» (Барбаро и Контарини..., 1971. С.220). Кроме свидетельства угасания жизни города, в этом отрывке обращает на себя внимание еще одна немаловажная деталь, — наличие фортификационных сооружений. Появление стен вокруг городов — с одной стороны, мера явно вынужденная и необходимая, но с другой — несомненно, деградация золотоордынских градостроительных принципов. Это шаг назад в градостроительной культуре, сделанный под давлением чисто политических обстоятельств. Развитие города вновь ограничивалось тесным про-

странством, а огромные средства и материалы тратились на трудоемкие фортификационные сооружения, что в конечном итоге сказывалось на общем уровне культуры. Замирание городской жизни привело и к исчезновению ряда ремесел, связанных с архитектурой и декоративно-прикладным искусством.

Если к настоящему времени на территории Золотой Орды известно 110 городов, существовавших в XIII–XIV вв., то в наследовавших ей ханствах они исчислялись единицами. В Казанском ханстве известны лишь два города — Казань и Арск; в астраханских и ногайских владениях по одному — Хаджитархан и Сарайчик; в Крымском ханстве два города — Солхат и Бахчисарай; в Сибирском также два — Тюмень и Искер. Вокруг бывших золотоордынских городов исчезла разветвленная ирригационная система; никогда не возобновлялись больше протяженные водопроводы; засорились и пришли в негодность канализационные стоки. В степях стояли медленно разрушающиеся великолепные здания, разукрашенные блистающими изразцами, пока их кирпичи в конце XVI в. не пошли на строительство стен нового Астраханского кремля.

Серьезный упадок испытало керамическое производство, достигшее в Золотой Орде значительных высот как в технологии, так и в изяществе изображительных средств, орнаментальных мотивов и композиций. В некоторых ханствах, возникших после распада Золотой Орды, керамическое производство практически перестало существовать и его вновь заменили кожаные и деревянные сосуды. Совершенно прекратилось производство поливной полихромной посуды и архитектурных изразцов. Но самое главное состояло в том, что изменилось само направление развития бытовой культуры новых государств. После неудачного для Ахмада похода на Россию в 1480 г. Большая Орда была окончательно разгромлена Крымским ханством и перестала существовать не только как политическая единица, но и как территория с единой культурой. Что же касается остальных государств-наследников Золотой Орды, то они резко разделились на две категории: кочевые и оседлые. К кочевым относились: Астраханское ханство, Сибирское ханство и Ногайская орда, к оседлым — Крымское и Казанское ханства. Естественно, что обе эти категории имели свою специфику в развитии культуры, которую во многом диктовал хозяйственный уклад.

И дело не только в развитии традиционных направлений культуры. После распада Золотой Орды произошло завершение тех этнических процессов, которые действовали в этом государстве на протяжении с XIII до середины XV в. В результате создались определенные этнические группы вокруг различных политических центров. Основу каждой из этих групп представляла часть единого целого бывшей Золотой Орды с добавлением местных субстратов, разных по количеству и массовости. Конечным

итогом этого длительного и сложного процесса, завершившегося в XVI в., стали не только окончательная территориальная и этническая консолидация постзолотоордынских ханств, но и зарождение новых черт и направлений их культурного развития.

В качестве примера можно отметить то, что новый толчок получило народное эпическое творчество, питавшееся героико-трагическими событиями недавней истории. Достаточно вспомнить яркий эпос об Эдиге. Основой его послужили древние народные традиции, а содержание подсказала сама жизнь ногайского народа, выделившегося из состава нивелировавшей национальные особенности золотоордынской империи.

В ситуации, сложившейся к началу XVI в., культуру существовавших после Золотой Орды государств никак нельзя рассматривать как единую. Каждое из них пошло собственным путем не только по причине разобщенности и отдаленности территорий, различных природных и климатических условий, воздействия окружающих соседей и т. п. Естественно, что специфика культурной жизни этих государств вырабатывалась далеко не сразу, а в длительном процессе развития каждого из них.

И, наконец, есть еще одна грань изучения культуры Золотой Орды — выявление того круга заимствований, которые были сделаны соседями, общавшимися с государством Джучидов. Сам факт заимствований, а не навязанных грубой силой нововведений имеет очень широкое распространение во всем мире. Подобная форма обмена достижениями в различных отраслях человеческой деятельности нисколько не унижает участвующие в нем стороны, а наоборот, развивает и расширяет их культурные горизонты. Естественно, что наиболее богатый и обширный материал при освещении этой проблемы можно найти на русской почве. Комплексного исследования всех русских заимствований из культуры Золотой Орды до сих пор не проводилось, хотя отдельные плоды длительного тесного общения двух государств, особенно в области лингвистической, давно уже стали общеизвестными. Сам по себе интересен уже и тот круг народов и государств, в культуре которых имеются какие-либо заимствования из Золотой Орды. Конкретизация его может принести неожиданные и важные дополнения в изучение средневековой культуры Евразии.

В заключение нужно подчеркнуть, что в Золотой Орде, как и в любой империи, не было длительной политической стабильности; она менялась в зависимости от внутренних и внешних факторов. Отсутствие стабильности серьезно отражалось на состоянии и развитии культуры. Начало гибели государства, как это ни покажется странным, совпало с вершиной развития его культуры, ее расцветом, появлением новых веяний в культурной жизни Джучидов. Именно в середине XIV в. произошел резкий

и необратимый перелом в политической жизни Золотой Орды. Ослабление центральной власти немедленно отразилось на развитии золотоордынской культуры.

И все же Золотая Орда в культурном отношении находилась в совершенно особом положении по сравнению с другими монгольскими государствами. Хулагуидский Иран и Юаньский Китай без труда переварили собственно монгольскую культуру, не оставив от нее и следа, поскольку местные традиции завоеванных народов имели глубокие и мощные корни. Собственно Монголия была доведена бесконечными войнами Чингизидов до полного духовного и материального обнищания, что

привело к длительному политическому и культурному упадку страны. В противовес этому в Золотой Орде монголы оказались не в противостоящей культурной среде, отторгавшей или поглощавшей их многовековой кочевой уклад, а в родственной половецкой. В итоге две самостоятельные, но близкие по духу культуры объединились в мощный поток, вобравший достижения покоренных народов. На этой основе в XIV в. золотоордынская культура получила новый толчок к развитию. Однако этому процессу не суждено было пройти все стадии эволюции, в первую очередь — из-за резко выраженной агрессивности государства, традиционно поддерживаемой кочевой аристократией.

Литература

Барбаро и Контарини о России, 1971. К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. ст., подг. текста, пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. Л.

Греков Б. Д., Якубовский А. Ю., 1950. Золотая Орда и ее падение. М.; Л.

М.-Ш. Кдырниязов

МИЗДАХКАН — ПАМЯТНИК ЗОЛОТООРДЫНСКОЙ ЭПОХИ

Среди средневековых памятников Хорезма особый интерес представляет историко-культурный комплекс Миздахкан, расположенный в Ходжейлинском районе Республики Узбекистан. На территории комплекса расположены крепость Гяур-кала (IV в. до н.э), бугор Мазлумхан Сулу (IV в. до н.э — XX в. н.э) с архитектурными памятниками, некролем и городские поселения золотоордынского времени. В источниках памятник упоминается у ал-Макдиси (947—ок. 1000) (Материалы..., 1939. С. 185, 187), вакуфной грамоте эмира Хорезма Кутлук-Тимура 1349 г. (Гулямов, 1957б. С. 169, 171) и в историческом труде Абул Гази хана Хивинского (1603—1663) (Абул Гази, 1768. С. 203—207). В них о топографии города ничего не сообщается.

Начало археологического изучения Миздахкана связано с именем А. Ю. Якубовского. Ученый впервые подробно описал сохранившиеся историко-культурные памятники города, проанализировал источник, но многие вопросы остались неразрешенными (Якубовский, 1930. С. 551—591). В 1962, 1964—1965 гг. на комплексе работал археологический отряд ККОАНРУз. Тогда В. Н. Ягодиным были проведены аэрофотосъемки, получены предварительные материалы по топографии, раскопан городской некрополь, охватывающий хронологический период с IV в. до н.э по XIV в. н.э (Ягодин, 1968.

С. 5—8). В разные годы на памятнике работали М. Мамбетуллаев (Мамбетуллаев, 1990. С. 8—10; Ходжаниязов, Юсупов, Кдырниязов, Торебеков, Авизова, Сайпанов, Багдасарова, 1989. С. 65—70). Однако в их исследованиях топография золотоордынских неукрепленных поселений Миздахкана не затрагивалась. Археолого-топографические исследования позволяют сделать ряд предположений о динамике развития города и его материальной культуры эпохи Золотой Орды. В настоящее время часть Миздахкана разрушена и занята современными могильниками, грунтовой дорогой, открытыми дренажами, распашкой и городской свалкой, через него проложена автомагистраль Ходжейли (Каракалпакия)—Куля Ургенч (Туркмения). Тем не менее сохранились 2/3 золотоордынского города.

В период 1985—2000 гг. на территории золотоордынских поселений вскрыты жилые и торгово-ремесленные кварталы. За это время исследованы условно названные нами Восточный квартал I—II, Юго-западный квартал, Северный квартал и Южное поселение, относящиеся к XIII—XIV вв. Эти исследования позволили получить более четкие представления об уличной сети, местоположении производственно-жилых комплексов. Кварталы разделяются магистральной и рядовой улицами широтного и меридионального направлений. Магистральная часть следует

в направлении с севера на юг. В XIII–XIV вв. город выходил за границы домонгольских стен и занимал около 100 га, тогда как стены древней крепости Гяуркала ограничивались площадью около 4 га (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973. С. 175). Новый город на северо-западе и на юге бугра Мазлумхан Сулу застраивается жилыми и торгово-ремесленными кварталами горожан.

Центром города XIII–XIV вв. было Северное поселение площадью 80 га с постройками жилого и производственного характера. Здесь располагались кварталы № 1 (1300 кв. м) и № 2 (1222 кв. м). В квартале № 2 вскрыта большая керамическая мастерская (574 кв. м) с семью гончарными печами, семью колодцами и девятью помещениями (Кдырнязов, Торебеков, 1994. С. 19). На восточной стороне «центральной» части изучен Восточный квартал I–II. Восточный квартал I площадью 1270,15 кв. м застроен богатыми однотипными домами с характерными признаками жилищ ремесленников. В доме № 3 (помещение № 11) открыт горн цилиндрической формы высотой 1,20 м, диаметром 1 м, толстые стенки сложены из сырцового и жженого кирпича. На полу около горна лежат толстый спрессованный слой золы и древесного угля, железные полуфабрикаты и крицы. В доме маслособойщика № 10 имеются девять помещений с большим производственным двором (6,40x15,30 м) и коридором на улицу. Производственная мастерская имеет суфу-лавку, очаги-печи, резервуары для жидкости, каменную давяльню, мельничный постав, верхнюю часть жернова и подквадратное основание базы из жженого кирпича.

ча. Здесь находились остатки маслособойного или винодельческого производства (Кдырнязов, 1999а. С. 101). Восточный квартал II (1530 кв. м) также имел производственный характер. Здесь в домах-секциях обнаружены мукомольни и пекарни (Кдырнязов, 1999б. С. 83).

В юго-западной части Северного поселения расположен торгово-ремесленный комплекс. Здесь раскопаны производственные дворы с мастерскими винодельнями, маслособойными приспособлениями и двумя гончарными печами. Западный двор (11,35x7,75 м) связан с винодавяльной № 1. Во дворе находились парные закрома, платформы с тандыром-очагом, три жернова, каменные базы усеченно-пирамидальной и четырехугольной формы, прямоугольное основание колонны из жженого кирпича.

Винодельня № 1 квадратной формы (2,50x2,50 м) соединяется с двором проходом шириной 0,85 м. Стены мастерской хорошо сохранились, они сложены из жженого кирпича (22x22x3,5; 24x24x3,5 см). Кроме того, на основаниях стены местами и по периметру лежат остатки полубогоревшего бруса (12x12 см в сечении). Ближе к северному углу находилась каменная давяльня округлой формы с носиком-стволом (диаметр 1,05 м, толщина 0,16 м). Поверхность давяльни тщательно обработана, на расстоянии 20 см от края – кольцо-канавка глубиной 4 см, шириной 6 см. Она, смыкаясь, соединяется с выемкой носика. С южной стороны к носику давяльни плотно примыкала вкопанная в землю сероглиняная хумча вместимостью 46 л. Пол мастерской гладко утоптан, частично сохранилась кирпичная облицовка. С севера

к двору примыкает помещение № 4 (6,10x3,75 м) с парным маслособойным приспособлением и двумя закромами. Восточный двор (8,75x14,35 м) также связан с мастерской-винодавяльной № 2 и соседним помещением – хранилищем. Стены помещений сложены из жженого кирпича. Ближе к северному углу находилась каменная давяльня диаметром 0,85 м, толщиной 0,25 м. Поверхность ее ровно обработана, края имели кольцеобразную канавку, с южной стороны она переходит в расширяющийся желоб. В южном углу винодельни находится проход к соседнему хранилищу. Пол его ниже пола мастерской на 0,45 м. На восточном углу хранилища врыт в землю большой хум, диаметр его придонной части 0,42 м. Здесь же собраны фрагменты большого стеклянного графина мутно-зеленова-

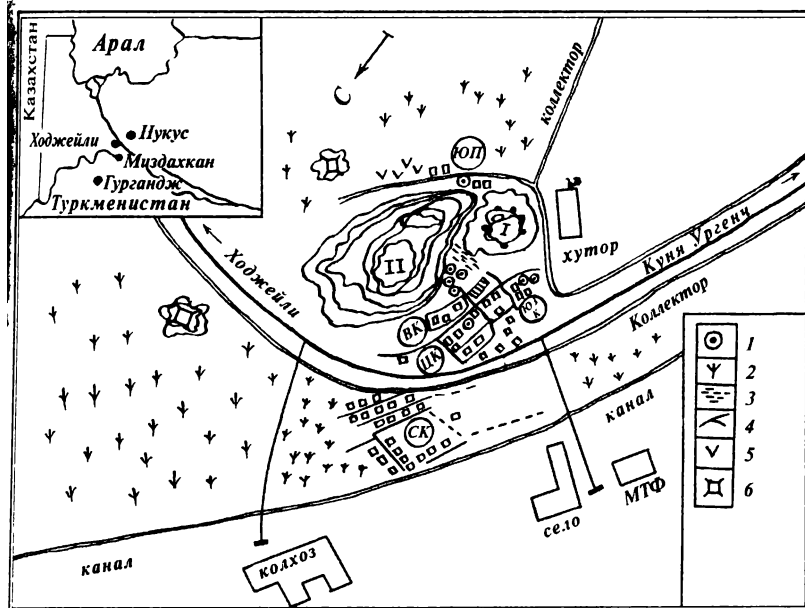

Рис. 1. Схематический план расположения памятников Миздахкана: I – Гяур-кала, II – Бугор Мазлумхан Сулу, ВК – Восточный квартал I–II, ЮЗК – Юго-западный квартал, ЮП – Южное поселение, СК – Северный квартал, ЦК – Центральный квартал; 1 – гончарные печи, 2 – распахка, 3 – озеро, 4 – улицы, 5 – мусорная свалка, 6 – средневековые усадьбы

того цвета. Кроме того, в Восточном квартале II, в мастерской обнаружена третья винодави́льня. В 1997 г. в Северном квартале Миздахкана раскопана половина винодави́льни каплеобразной формы. Аналогичные по форме винодави́льни ранее были обнаружены в Кяте (Манилов, 1966. С. 55; Кдырнязов, 1989. С. 110. Рис. 1, 8) и Алма-Атышкане-II, где они датированы XIII–XIV вв. (Мамбетуллаев, 1982. С. 67).

В восточном дворе обнаружено основание емкости-резервуара, возведенное из специально обработанных жженных лекальных кирпичей (3x7 и 8x2 см) на алебастровом растворе. Диаметр резервуара 0,95 м, высота сохранилась на уровне 0,65 м. Ближе к восточной стене двора, в толщу специальной платформы вмazyвались парные тандыры (диаметр 0,52 и 0,4 м). Рядом, на восточной стороне двора обнаружено помещение с нижней частью плавильной печи, которая под воздействием высокой температуры превратилась в ошлакованную зеленоватую массу. Здесь найдены железные шлаки, ладошкообразные крицы, возможно, связанные со вторичной обработкой железа. Там же найден бронзовый тигель с носиком и тремя шишкообразными ножками. Аналогичный тигель найден в 1952 г. в Куня-Ургенче (Кдырнязов, 1981. С. 126. Рис. 2, 13; С. 126. Рис. 1, 2). В южной части Юго-западного квартала (печь № 1–2) и Южного поселения (печь № 3) выявлены гончарные печи со схожими конструкциями, они двухъярусные. Сводчатый потолок нижней, углубленной в землю обжигательной камеры сложен из сырцовых кирпичей, поставленных постелистыми рядами и опирающихся на боковые стенки. К ним приделаны сквозные жаровыводящие отверстия овально-округлой формы. Стены обжигательной камеры сохранились на высоту от 1,40 м (печь № 1) до 2,10 м (печи № 2, 3). Диаметр соответственно от 1,60 до 2,10–2,55 м. Перекрытие верхней камеры также было сводчато-куполообразной формы и возвышалось над уровнем дневной поверхности. В ходе раскопок собраны печные припасы: сепаи-треножки, штыри, штапки с глубоким рельефом, калыпы и галечные лошила для нанесения орнамента. На керамических крышках встречаются тамги и оттиски личных печатей мастеров. Гончарные печи золотоордынского поселения ясно говорят о значительном развитии специализированного керамического производства Миздахкана.

В Хорезме, как и в других регионах Средней Азии и в Поволжье, в эпоху Золотой Орды керамисты жили отдельными кварталами на краю города. Такое положение наблюдается на памятнике Шемаха-кала (Вактурская, 1952. С. 174), Шехрлик (Вактурская, 1963. С. 47). И в Миздахкане кварталы керамистов расположены на окраине неукрепленного города.

На юге Восточного квартала I–II нами обнаружено более двадцати больших оплывших бугров, образованных керамическим боем, шлаком, брако-

ванными сосудами и золой. Во вскрытых печах основном собрана чернолощенная, сероглиняная, красноглиняная лошенная неполивная керамика. Она же массовыми находками представлена в оплывших буграх производственного отвала. В мае 2000 г. один из бугров был полностью раскопан. Под ним оказалось помещение (4,50x3,40 м) с керамическим отвалом. В ходе расчистки помещения собрано 8553 фрагмента керамики и 28 экземпляра бракованных сероглиняных сосудов, сильно пержженных и деформированных, из них сероглиняных – 8492 (98,83 %), красноглиняных – 61 (0,71 %). В специализированных мастерских Миздахкана выпускался отдельный вид сероглиняных чаш, чернолощенных, с орнаментом в виде плодов осоки вертикально-радиальными полосами. Часть этих изделий находила сбыт на территории Хорезма и Золотой Орды. Образцы посуды найдены в радиусе 160 км от Миздахкана – в Джампык-кале, и в 1500 км в Сарайчике (Кдырнязов, 2000. С. 36). На основании этих данных можно утверждать, что керамисты Миздахкана специализировались на производстве сероглиняной и красноглиняной лошенной неполивной керамики.

В Северном квартале зафиксированы жилищный комплекс с застройкой и изолированные дома, отдельные рассредоточенные дома примыкающие к четырехугольной глиняной ограде, являющаяся, как правило, остатком агрокультурного угодья. Такой агроучасток (21,50x25 м) примыкает к дому № 7, который имел кладовую с закромами, гостиную, баню и другие комнаты, связанные с общим айваном. Большинство домов Северного квартала принадлежало зажиточному сословию горожан – торговцам зерном. Здесь, в комплексе городских жилищ чаще встречаются кладовые амбары с закромами. В Северном квартале вскрыто 49 помещений, из которых 18 (36,79 %) обнаружены кладовые с закромами, 8 (16,32 %) – большие тандыры. В 9 помещениях не обнаружен культурный слой, в 4 найдены каменные жернова домашней мельницы. В них, возможно, хранились запасы продуктов или фуража. Аграрное направление земледельческо-ремесленного уклада жизни населения Миздахкана отразилось и в характере построек в других жилых кварталах города. В них кладовые амбары с клетками-закромами занимали 41 % (Восточный квартал I), 19 % (Восточный квартал II) и 35,29 % (Юго-западный квартал) – площади домов (Кдырнязов, 1999. С. 84).

Основания стен кладовых и закромов сооружались или обкладывались камнем-плитняком, жженым кирпичом и обмазывались алебастром. В этом плане интересна кладовая-амбар с клетками-закромами в доме № 10 Восточного квартала II. Дом восьмикомнатный, с коридором, открытым в сторону магистральной улицы, общая площадь дома 147,26 м. В кладовой-амбаре площадью 29,25 м (6,5x4,5 м) вдоль трех стен были закрома различных размеров

перегородками толщиной 0,25 м, высотой 1,10 м. Полы закомов выстланы жженым кирпичом и покрыты алебастром. В центре на специальной платформе было вмазано парное приспособление, примыкающее к северной стене. Закома раскрыты и в другом конце дома, в помещении № 10. Здесь полы закомов также тщательно выложены камнем и жжеными кирпичами.

Хорезм в XIII—XIV вв. — один из центров зернопроизводства. Так, арабский историк Шахабдин ал-Омари (1297—1349) отмечает, что «средствами пропитания Хорезма являются пшеница, ячмень, просо, чечевица и джаверс» (Тизенгаузен, 1884. С. 242). Это подтверждается и данными вакуфа эмира Хорезма — Кутлук-Тимура 1349 г. В нем сообщается, что потомок Сеидов — шейх Сулейман Мусеви Хадад обладал землями, расположенными между Миздахканом и хорезмийским Багдадом. Та часть, которая находится близ Миздахкана, принадлежит ему и может дать 8000 хорезмских манов пшеницы (Гулямов, 1957. С. 169). По сообщению Ф.Б. Пеголотти (1342 г.), вес хорезмского мана был равен 1187,85 г (Pegolotti, 1936. Р. 23; Федоров-Давыдов, 1965. С. 201). Если его данные учесть применительно к информации вакуфа Кутлук-Тимура, то получим: 1187,85 x 8000 ман = 9502,8 кг (9,5 т). Кроме того, владелец вакуфа мог получить с прилегающих к Багдаду земель еще 15 000 манов (17,82 т), а всего 27,32 т зерна. Багдад в XIII—XIV вв. не мог играть в Хорезме значительную экономическую роль, ибо этот известный город в связи с монгольским нашествием, упадком Правобережного Хорезма «эпизодически жил в Золотоордынскую эпоху» (Гулямов, 1957. С. 171). В таких условиях в аграрном производстве Правобережного Хорезма преимущественное положение мог занять Миздахкан. Видимо, часть производимого зерна продавали прямо в домах без переработки, а часть шла на помол для повседневных нужд. Ал-Омари пишет, что и зерно в Хорезме продавалось по ратлям: «...ратль Хорезмийский весом в 330 дирхемов» (Тизенгаузен, 1884. С. 243—244). По расчетам Г.А. Федорова-Давыдова, хорезмийский ратль весил 455,4 г (330 x 1,38 г — вес египетского дирхема) (Федоров-Давыдов, 1965. С. 200). В целом семья шейха Хадада могла получить с земель из окрестностей Миздахкана и близлежащих земель доход в сумме 14,8 тыс. динаров (86361 дирхем).

Местом производства индивидуального пекаря-торговца был тандыр. Из 35 раскопанных домов Миздахкана у 23 (65,7 %) был тандыр. Они имеют вид большого выпуклого хума с диаметром венчика 0,52—0,56 м, тулова — 0,80—0,82 м, поддона — 0,34—0,36 м. Внешняя поверхность тандыра покрыта черным ангобом, обшита фрагментами керамики, каменной плитки и обмазана саманно-глиняным раствором. Тандыры наклонно вмазывались в толщу специальной платформы, сооруженной из фрагментов сырцового и жженого кирпича со стороны входа в помеще-

ние и отгораживались тонкой стенкой. Тщательная отделка позволяла использовать их ежедневно в течение длительного времени. Тандыры, как правило, сооружались во дворе или в специально выделенной комнате. Для многосекционных домов характерны парные тандыры. Производительность больших (парных) тандыров явно превышала потребность одной семьи, а потому возможно, что они служили для выпечки хлеба на продажу. Это подтверждается и результатами ранее исследованных Г.А. Федоровым-Давыдовым памятников Куны-Ургенча. Исследователь отмечает, что «огромный размер тандыров указывает на большое количество выпекавшихся в них хлебных изделий, а последнее говорит о том, что они предназначались для продажи» (Федоров-Давыдов, 1958. С. 509—510).

В раскопанных домах Миздахкана найдены каменные жернова различного размера. Три экземпляра хараза найдены на производственном дворе (Западный двор) дома ремесленника-винодела в Юго-западном квартале. Первый хараз (верхний) имеет диаметр 1,04 м, толщину 0,10 м. Другая, нижняя половина имеет диаметр 0,95 м, толщину 0,10 м. В середине сквозное раструбообразное отверстие (4—8 см). Рабочая поверхность хараза вырезана зубилообразным предметом в виде пересекающихся канав радиального направления. Они способствовали поступлению зерна и усиливали коэффициент трения во время помола. Третий хараз диаметром 0,90 м, толщиной 0,09 м, с отверстием в середине найден в помещении № 3. В домах Восточного квартала I—II и хозяйственного комплекса соборной мечети Миздахкана, в специальных помещениях раскопана подставка для жернова полой цилиндрической формы диаметром 0,45—0,60 м. Основания домашних мельниц ранее отмечены исследователем сельских поселений Хорезма Е.Е. Неразик (Неразик, 1976. С. 128, 149).

Таким образом, выявленные в Миздахкане мукомольни, пекарни, маслособойни, винодельческие мастерские, кладовые-амбары вкупе с данными письменных источников свидетельствуют об аграрном характере производственной деятельности части населения золотоордынского Миздахкана. При этом город был одним из торгово-ремесленных и религиозных центров Хорезма XIII—XIV вв. Это хорошо выявляется в планировочной структуре кварталов. Они застроены поэтапно, по единому плану. Дома располагались торцом к улице и состояли из двух, часто трех, пяти и более помещений, лежавших на одной оси; реже представлен образец простейшей анфиладной планировки. В общей сложности в кварталах Миздахкана раскопано 35 домов (219 помещений). Из них 17 (47 %) домов имели площадь, не превышающую 100 кв. м, 13 (36 %) — 100—200 кв. м, и 1 (27 %) — больше 300 кв. м. Для жилищ характерно разнообразие интерьера (форма суфы, устройство очагов-канов). Большие дома (46,57 %) имели изо-

лированные или смежные секции с суфами в виде букв «П» и «Г», ниши, тандыр, очаг с каном, ташнау, локальные кирпичные вымостки, тамбур и архитектурный декор в виде лепки, резьбы по алебастру и глине.

В раскопанных золотоордынских жилищах Миздахкана наряду с традиционными чертами присутствуют и новые элементы интерьера — каны. Они впервые были обнаружены в Ургенче в слоях XV—XVII вв. (Федоров-Давыдов, 1965. С. 5083) и связывались с присырдарьинским населением, пришедшим с Шейбани-ханом в Среднюю Азию (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1982. С. 133). По новым данным, из Миздахкана обогревательные устройства типа канов распространились в жилища городов Хорезма с XIII—XIV вв. (Кдырниязов, 1989. С. 28, 29, 32). Этим же временем датируются каны в жилищах Поволжья (Баллод, 1923а. С. 23; 1923б. С. 52—53, 57—58; Егоров, 1970. С. 186; Федоров-Давыдов, 1964. С. 234, 245), Северного Кавказа (Маджар (Городцов, 1911. С. 185. Рис. 119), Казахстана (Отрар (Ахинжанов, Ерзакович, 1972. С. 64—69) и Дальнего Востока (Древнемонгольские города, 1966. С. 23). Отметим эволюционную особенность канов Миздахкана: канал дымохода от очага подведен к ближайшему углу помещения и, следовательно, он обогревал небольшой участок суфы. Иную форму имеет дальневосточный центральноазиатский кан, он подогревает всю площадь П-образной суфы (Кыласов, 1996. С. 67).

В Миздахкане золотоордынской эпохи в качестве строительного материала применяли в основном сырцовый кирпич. Наряду с ним в строительстве нижних рядов кладки использовались каменные плиты, жженный кирпич, случайно подобранные камни, крупные фрагменты керамики. В технике сооружения выявляются три способа: постелистый, на ребро с наклоном и «в елочку». Кладка «в елочку» известна в Хорезме на средневековых комплексах начиная с XIII—XIV вв. (Вактурская, 1958. С. 474).

Раскопки золотоордынской части Миздахкана дали разнообразные керамические изделия, аналогичные керамике из синхронных памятников Хорезма и Нижнего Поволжья. Ранее устанавливалась общность местной кашинной керамики с куны-ургенческой, а также связи ее с сарайской на Волге (Якубовский, 1930. С. 566). Монеты и другие привозные изделия свидетельствуют о развитии внутренней и внешней торговли в городе. С 1985 г. по 2000 г. здесь найдено более ста монет, включая подъемный материал. Кроме единичных находок, найден клад из 32 монет. По определению Г.А. Федорова-Давыдова, чеканка монет относится ко времени ханов Тохты (1299—1312), Узбека (1313—1342), Хызра (1360—1361), но большинство монет местного чекана анонимные (1363—1374) (Федоров-Давыдов, 1998. С. 225—227). Привозная поливная керамика из Миздахкана относится к двум типам — люстровая керамика и селадон. Среди них интерес представляет люстровый кувшин, найденный в Южном поселе-

нии. Кувшин имеет шаровидное тулово, подшилическое широкое горло и вертикальную пластичатую ручку с выступом в верхней части. Богат орнаментальная композиция состоит из изображения людей, растительного и эпиграфического орнаментов. Интересны пятилопастные медальоны изображением женщины, играющей на струнном инструменте. Края медальонов и рисунков охвачены золотисто-коричневой люстровидной линией на белом фоне. Подобные кувшины есть в коллекции Государственного музея Востока (Москва) (Веймар, 1974. С. 111. Рис. 123), Вашингтонской галереи искусств (Grube, 1973. Р. 30) и г. Рея (Pope, 1939. Р. 632, 633, 649).

В археологическом материале средневековых памятников Хорезма встречается и селадон. В Миздахкане фрагменты китайской посуды типа селадонов встречаются изредка. В основном это чаши: из черепка в изломе серого цвета, плотный и покрытый слоем салатно-зеленой и темно-зеленоватой поливы. Часть фрагментов имеет отогнутый наружу венчик и фестончатый край. К привозным изделиям относятся и раковины каури (Кдырниязов, 1989. С. 38. Рис. 32), бронзовые зеркала с изображением сфинксов (Торбеков, Кдырниязов, 1989. С. 464) и драконов (Кдырниязов, 2000. С. 70—71). Рассмотренный материал показывает, что Миздахкан в XIII—XIV вв. имел экономические связи с внешним миром. Одним из главных партнеров в торговле Миздахкана, как и всего Хорезма, вероятно, были кочевники прилегающих к северной части Хорезма степей. В слоях XIII—XIV вв. Миздахкана появились бронзовые серьги в форме знака вопроса с подвеской из бусин (Кдырниязов, 1989. С. 98). Аналогии подобным серьгам хорошо известны по материалам из кыпчакских погребений Средней Азии, Сибири и Поволжья (Федоров-Давыдов, Вайнер, Гусева, 1974. С. 115. Табл. 11, 7; Могильников, 1981. С. 245. Рис. 72, 96—99). В Восточном квартале II, в доме № 1 найдена узкогорлая плоскодонная фляга с двумя ручками на плечиках. Прочерченный и выдавленные зашпаклевкой орнамент напоминает местные сосуды, а форма и функциональное назначение связываются с веяниями степного мира.

Связи материальной культуры Миздахкана с памятниками Золотой Орды особенно прослеживаются в кашинной керамике. На сосуде с прозрачной бесцветной поливой изображена крупная утка в окружении стилизованных листьев и многократно повторяющегося элемента орнамента «павлиний глаз». Чаши с подобным изображением найдены в Самарканде (Пугаченкова, Ремпель, 1965. С. 120. Рис. 124), Казахстане (Байпаков, Ерзакович, 1971. Рис. 36), Маджаре (Гражданкина, Ртвеладзе, 1971. Рис. 12), Белореченских курганах (ОАК, 1889. Рис. 85, а, б), Новгороде Великом (Монгайт, 1948. С. 70), Московском Кремле (Ланова, 1986. С. 223), Старом Орхее (Абызова, Бырня, Нидельман, 1981. С. 75) и золотоордынских

городах Поволжья (Федоров-Давыдов. Рис. 110). С учетом широкого ареала такой керамики Г.А. Федоров-Давыдов приходит к выводу «об одновременном сложении золотоордынского стиля в поливной кашинной керамике, общего и для Хорезма, и для Поволжья» (Федоров-Давыдов, 1984. С. 90).

Результаты исследования в Миздахкане существенно дополняют сведения о городах Хорезма эпохи Золотой Орды. В отличие от городов Золотой Орды города Хорезма XIII–XIV вв., связанные с местными домонгольскими традициями оседло-земледельческой культуры, продолжали свое дальнейшее развитие. В XV–XVI вв. городская жизнь

здесь продолжалась. На это указывают находки «тимуридской» керамики и неполивной керамики Хорезма XV–XVI вв. Как показали раскопки, в это время действовала и Соборная мечеть Миздахкана. Ослабление городской жизни в Миздахкане мы связывали с экономической обстановкой, очередным прорывом вод Амударьи на запад. Скорее всего, это произошло не позже XVI в., когда по словам Абул Гази, «Амударья текла на юго-запад до восточного склона Балканских гор, откуда поворачивала на запад и впадала в Каспий». Не исключено, что это повлияло и на Миздахкан: изменилась экономическая ситуация и начался отток населения.

Литература

- Абул Гази, 1768. Родословная история о татарах, переведенная на французский язык с рукописной татарской книги сочинения Абул Гази Багадур-хана и дополненная великим числом примечаний, достоверных и любопытственных о прямом нынешнем состоянии Средней Азии с потребными географическими ландкартами. СПб. Т.2.
- Абызова Е.Н., Бырня П.П., Нудельман А.А., 1981. Древности Старого Орхеза. Золотоордынский период. Кишинев.
- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б., 1982. Жилище позднесредневекового Отрара (XVI–XVIII вв.) // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М.
- Ахинжанов С., Ерзакович Л., 1972. К вопросу о происхождении канов на Сырдарье // ИАН Казахстана. Серия обществ. наук. Алма-Ата. Вып.2.
- Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б., 1971. Древние города Казахстана. Алма-Ата.
- Баллод В.В., 1923а. Старый и Новый Сарай – столица Золотой Орды. Казань.
- Баллод В.В., 1923б. Приволжские «Помпеи». М.; Пг.
- Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г., 1973. Средневековый город Средней Азии. Л.
- Вактурская Н.Н., 1952. О раскопках на средневековом городище Шемаха-Кала // ТХАЭЭ. М. Т.1.
- Вактурская Н.Н., 1958. Раскопки городища Ургенч в 1952 г. // ТХАЭЭ. М. Т.2.
- Вактурская Н.Н., 1963. О средневековых городах Хорезма // МХЭ. М. Вып.7.
- Веймарн В.В., 1974. Искусство арабских стран и Ирана VII–XVII вв. М.
- Городцов В.В., 1911. Результаты археологических исследований на месте развалин Маджара в 1907 г. // Труды XIV АС. Т.2.
- Гражданкина Н.С., Ртвеладзе Э.В., 1971. Влияние Хорезма на керамическое производство золотоордынского города Маджара // СА. № 1.
- Гулямов Я.Г., 1957. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент.
- Древнемонгольские города, 1966. М.
- Егоров В.Л., 1970. Жилища Нового Сарая // Поволжье в средние века. М.
- Кдырниязов М.-Ш., 1981. Ремесло Хорезма в XIII–XIV вв. // Археологические исследования в Каракалпакии. Ташкент.
- Кдырниязов М.-Ш., 1989. Материальная культура городов Хорезма XIII–XIV вв. Нукус.
- Кдырниязов М.-Ш., 1999а. Мастерские винодельни золотоордынского Миздахкана // Вестн. ККОАНРУз. Нукус. № 4–5.
- Кдырниязов М.-Ш., 1999б. Об аграрном характере производственной деятельности населения Миздахкана // ОНУз. Ташкент. № 5–6.
- Кдырниязов М.-Ш., 2000а. О роли Хорезма в евразийской торговле // ОНУз. Ташкент. № 1.
- Кдырниязов М.-Ш., 2000б. Зеркала с изображением драконов из Миздахкана // Вестн. ККОАНРУз. Нукус. №3.
- Кдырниязов М.-Ш., Торебеков М., 1994. Миздахкан – город золотоордынского времени // ТНПК. Ходжейли – древнейший город Республики Каракалпакстан. Ходжейли.
- Кызласов Л.Р., 1966. Городище Ден-Терек // Древнемонгольские города. М.
- Мамбетуллаев М., 1982. Городища Алма-Атышкан I–II // Вестн. ККФАНРУз. Нукус. №4.
- Мамбетуллаев М., 1990. Отчет о раскопе в крепости Гяур-кала в историко-культурном комплексе Миздахкан. Архив отдела археологии ККОАНРУз.
- Манылов Ю.П., 1966. К изучению городища Кят // Вестн. ККФАНРУз. Нукус. №2.
- Материалы по истории туркмен и Туркмении, 1939. М.; Л. Т.1: Арабские и персидские источники (VII–XV вв.).
- Могильников В.А., 1981. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
- Монгайт А.Л., 1948. Золотоордынская чаша из Новгорода Великого // КСИИМК. Вып. XIX.
- Неразник Е.Е., 1976. Сельское жилище Хорезма (I–XIV вв.). М.
- Отчет Археологической комиссии, 1889. СПб.
- Панова Т.Д., 1986. Восточная поливная керамика из раскопок в Московском Кремле // СА. №1.
- Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И., 1965. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. Ташкент.
- Тизенгаузен В.Г., 1884. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб. Т.1.
- Торебеков М., Кдырниязов М.-Ш., 1989. Археологические исследования в Миздахкане в 1987 г. // АО 1987. М.

Федоров-Давыдов Г.А., 1958. Раскопки квартала XV–XVII вв. на городище Таш-кала в Ургенче // ТХАЭЭ. М. Т.2.

Федоров-Давыдов Г.А., 1964. Раскопки Нового Сарая в 1959–1962 гг. // СА. №1.

Федоров-Давыдов Г.А., 1965. Нумизматика Хорезма. золотоордынского периода // ЭВ. СПб. Т.V.

Федоров-Давыдов Г.А., 1976. Искусство кочевников Золотой Орды.

Федоров-Давыдов Г.А., 1984. Четверть века изучения средневековых городов Нижнего Поволжья // СА. №3.

Федоров-Давыдов Г.А., 1998. Из истории денежного обращения средневекового Хорезма // Приаралье в древности и средневековье. М.

Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Гусева Т.В., 1974. Исследование трех усадеб в Восточном пригороде Нового

Сарая (Царевского городища) // Города Поволжья в средневековье. М.

Ходтаниязов Г., Юсупов Н., Кдырнязов М.-Ш., Топабеков М., Авизова А., Сайпанов Б., Багдарсарова Н., 1991. Археологические исследования в некрополе Миздахкана // Вестн. ККФАНРУз. Нукус. №3.

Ягодин В.Н., 1968. К изучению топографии и хронологии Миздахкана // История, археология и этнограф Средней Азии. М.

Якубовский А.Ю., 1930. Городище Миздахкан // ЗКВ. Л.1

Grube J.E., 1973. Umenie sveta. Bratislava.

Pegolotti F.B., 1936. La Pratica della Mercatura. Cambridge; Massachusetts.

Pope A.U., 1939. The ceramic art in Islamic times // survey of Persian art. London; New-York. Vol.VI.

С.А. Курочкина

КЛАССИФИКАЦИЯ КЕРАМИКИ САРАЙ АЛ-ДЖЕДИДА

За последние десятилетия раскопок Сарай ал-Джедида получен значительный керамический материал, но большая его часть находится во фрагментарном состоянии. Археологически целые формы встречаются редко. Хотя найденный материал реконструируется, многие виды керамических изделий представлены единичными экземплярами. Материалы сборов 1959–1973, 1994–2000 гг. хранятся в Волгоградском краеведческом музее.

Часть коллекции из сборов А.В. Терещенко в 1843–1851 гг. сохранилась в фондах Государственного Эрмитажа (поливная керамика). Небольшая часть коллекции из сборов Ф.В. Баллода в 1922 г. хранится в Государственном музее Республики Татарстан.

В работе систематизируется 97 археологически целых форм.

На сегодняшний день основная часть керамических материалов получена в центральной и северной частях города и восточном пригороде.

В работе сделана попытка систематизировать полученные материалы.

В предыдущие годы Г.А. Федоровым-Давыдовым (Дорохова, Шапова, Федоров-Давыдов, 1962. С. 81–112), а затем Н.М. Булатовым (Булатов, 1969), была сделана классификация поливной керамики на материалах нижеволжских и северокавказских городищ. Эта классификация технологическая. Она основана на анализе состава теста (красноглиняная и кашинная), полив, их цвета и прозрачности, способа нанесения росписи и подбора цветов. Одновременно поливная керамика делится на группы по формам.

Существует классификационная схема, предложенная С.Е. Михальченко для красноглиняной керамики золотоордынских городищ (Михальченко, 1973). В ее основе – деление материала на категории по формам сосудов: столовая, кухонная, тарная, специального назначения.

В основу данной классификации положены группы. В группу объединяется продукция мастеров или родственных мастерских на основании четко фиксируемых особенностей технологии.

Затем материал группируется по отделам (вид технологий): поливная и неполивная керамика.

Следующий уровень – виды изделий. Это соотносится с определенным набором морфологических признаков, связанных с назначением сосудов.

Нижний уровень – тип изделий. Это устойчивые разновидности технологических, морфологических признаков и размеров.

Можно использовать понятие «категория сосудов»: кухонная, столовая, тарная, специального назначения. Но это не всегда удобно.

При изучении большого количества материала удобнее использовать методы, которые не требуют специальных лабораторных исследований, и признаки, которые определяются визуально. При классификации используются методика технологического анализа А.А. Бобринского и следующие признаки: РФ состав формовочной массы, виды начинов, программы и способы конструирования полого тела, обработка поверхности (Бобринский, 1978).

Основные задачи:

1) выделить местные группы керамики,

2) определить происхождение технологических традиций местных групп,

3) дать характеристику ассортимента керамики каждой группы,

4) выделить импорты.

К местному производству относятся две группы керамики. Они составляют 84,5 % от всей керамики.

I местная группа керамики.

Мастерские стоят на низком уровне организации производства. Изготавливают только неполивную керамику.

Для нее характерны следующие признаки.

Обжиг чаще всего неравномерный. Цвет черепка колеблется от кирпично-красного до малинового и коричневого.

Практически вся керамика I группы изготовлена при помощи спирально-жгутового налепа без

вытягивания. Это РФК 3–4 (скульптурная лепка основной части сосуда). Но некоторые изделия (кувшины, горшки) имеют вытянутое горло и профилированы на круге.

После формовки внутреннюю поверхность могли заглаживать деревянным ножом.

Внешняя поверхность имеет следы заглаживания рукой. В придонной части излишки глины могли быть обструганы деревянным ножом. На доньях сохраняются следы зольной подсыпки и от оси диска, невыразительный бортик.

На данном этапе по характеру обработки поверхности выделяется только один отдел — без ангоба и без лошения.

Орнамент довольно бедный: рифление, горизонтальные врезные линии, фестоны.

Скорее всего ассортимент мастерских был стандартным и однообразным. Видовой ассортимент

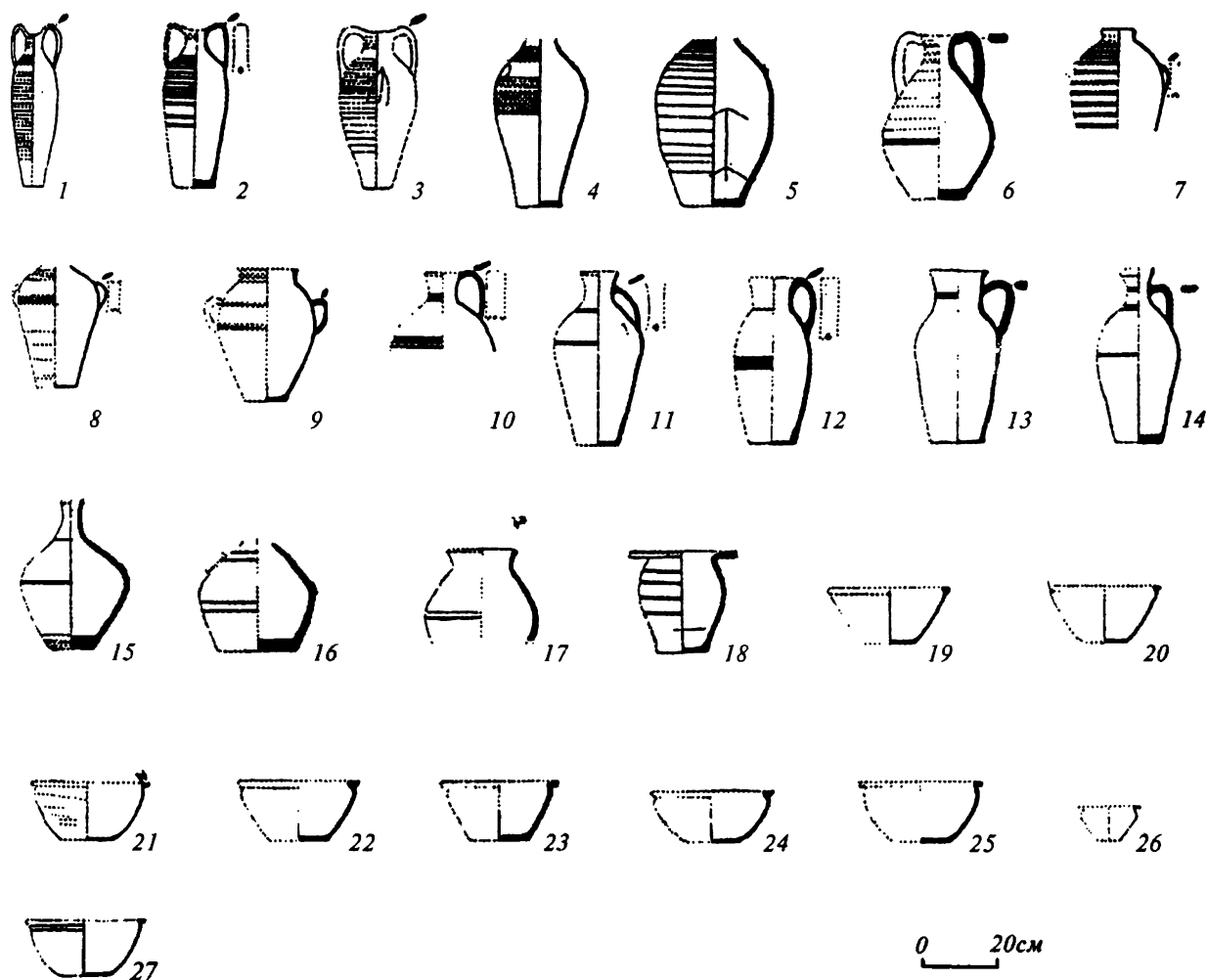

Рис. 1. Красноглиняная неполированная керамика. I местная группа

1–6 – амфоровидная кувшина; 7, 8 – двуручные кувшины; 9 – корчага; 10, 11 – одноручные тарные кувшины; 12–15 – кувшины; 16 – афтоба; 17 – горшки; 18 – туваки; 19–27 – тагора

включает в себя амфоровидные кувшины, двуручные сосуды, корчаги, одноручные тарные кувшины, кувшины, афтоба, горшки, тагора, туваки.

1. Амфоровидные кувшины (рис. 1, 1–6).

Этот вид изделий используется как тарные сосуды. Плоскодонные кувшины (днища могут быть «подмятыми») по пропорциям тулова бывают «стройными» и «приземистыми». Полое тело конструируется при помощи спирально-жгутового налёпа. На уровне плечика прикреплялась лента, и из нее тянули горло. Ручки, уплощенно-овальные в сечении, крепились у венчика и на плечико. На тулово наносилось рифление, которое часто опускалось почти до дна. На уровне нижнего прилепа ручек может проходить гладкая полоса без рифления. Горло невысокое, со слегка отогнутым, скругленным венчиком. По нему проходят 1–3 валика. Выделяются 5 типов (по особенностям формы тулова, размерам). Особо в тип 6 вынесен амфоровидный кувшинчик. Обладает признаками I группы, но существенно отличается по форме (максимальный диаметр смещен ниже середины высоты тулова). Не имеет точных аналогий.

Их называют еще «татарскими амфорами». Производство существовало и в других золотоордынских городах. Скорее всего был определен мерный стандарт этого вида изделий в Золотой Орде. Использовались в качестве мелкой тары для жидких товаров (вода, масло, вино, икра). Ведут свое происхождение от амфор.

2. Двуручные сосуды (рис. 1, 7–8).

Размеры стандартны. Максимальный диаметр — в верхней трети тулова. Ручки уплощенно-овальные в сечении, крепятся на плечике. Различия — в форме сосудов. Выделяются два типа.

3. Корчаги (рис. 1, 9).

Плоскодонный сосуд с яйцевидным туловом, резко сужающимся к низу. Горло короткое, цилиндрическое, с горизонтальным профилированным венчиком. Ручки, овальные в сечении, верхним концом крепятся в верхней трети тулова, нижним — чуть ниже его середины. Декорированы углубленными параллельными бороздами.

4. Одноручные тарные кувшины (рис. 1, 10–11).

Сосуды со стройным яйцевидным туловом. Максимальный диаметр тулова приходится на 2/3 его высоты. Горло раструбное. Венчик отогнут наружу и косо срезан с внешней стороны. Сечение ручки уплощенно-овальное. На ее внешней стороне — продольный желобок. Верхняя часть тулова декорирована. Выделяются два типа. Различаются по месту прилепа ручек, высоте горла, декоре.

5. Кувшины (рис. 1, 12–15).

Плоскодонные сосуды со стройным яйцевидным туловом. Максимальный диаметр находится на середине высоты тулова либо чуть выше. Нижний конец ручки наклеплен на плечико. Декор бедный: неширокие врезные полосы в верхней части тулова.

Выделяются 4 типа. Различаются формой горла и венчика.

Особо можно выделить тип 4. Полных аналогов этому типу на близлежащих землях нет. Можно предположить, что где-то в низовьях Волги существовал центр производства кувшинов подобных формы.

Кувшины таких форм встречаются во всех золотоордынских городах.

6. Афтоба (рис. 1, 16).

Форма сосудов довольно стандартная: плоскодонные, с туловом шаровидной формы. По форме близки к кувшинам, по назначению — водолеи, предназначенные для омовения перед молитвой.

Ареал распространения широк (везде, где есть мусульманское население).

7. Горшки (рис. 1, 17).

Этот вид кухонной керамики немногочислен. РФК не выше 4. Сосуд с яйцевидным туловом. Горла фактически нет. Плечико переходит в отогнут под углом 30° венчик, косо срезанный по внешнему краю.

8. Тагора (рис. 1, 19–27).

Различаются деталями профилировки венчика и плечика. Плоскодонные сосуды с туловом усеченно-конической формы, с углом наклона стенок 45–60°. Высота тулова равна 1/2 максимального его диаметра и почти равна диаметру дна. Широкий венчик отогнут наружу. По объему и размерам выделяются два типа.

Их происхождение связывают с Монголией. Предназначались для сливания воды при омовениях.

9. Туваки (рис. 1, 18).

Сосуд с туловом усеченно-конической формы. Максимальный диаметр приходится на верхнюю треть сосуда. Широкий венчик отогнут наружу под углом 30–35°.

Служили детскими горшками.

На протяжении 30–90-х годов XIV в. комплекс I группы керамики меняется мало. Близкие традиции в домонгольское время существовали в керамике Волжской Болгарии, Северного Кавказа, на Дону. Аналогичные формы встречаются на многих золотоордынских городищах.

II местная группа керамики.

Мастерские изготовляли неполивную и поливную керамику.

Характерны следующие признаки.

Обжиг сплошной, ровный. Цвет черепка кирпично-красный или коричневый.

Вся керамика тянута на круге. Большие сосуды изготовлены на этапе РФК 5–6 с помощью спирально-жгутового налёпа. Небольшие вытягивались из куски глины (РФК 6–7). Внешняя поверхность заглаживалась рукой. На доньях — следы среза нитью.

В этой группе выделяем два отдела: неполивная и поливная керамика.

Неполивная керамика не покрывалась ангобом и не лошилась.

Видовой ассортимент включает корчаги, кувшины, афтоба, чаши, чаши-пиалы, тарелки, тагора, светильники, туваки, копилки, крышки.

Могут быть орнаментированы налепными валиками, рифлением, горизонтальными и волнистыми врезными линиями.

1. Корчаги (рис. 2, 1).

По форме и размерам не отличаются от изделий I группы. Отличия в форме венчика и декоре.

2. Кувшины (более точно — небольшие горшкообразные кувшинчики) (рис. 2, 2–7).

Размеры и форма тулова стандартны. Это плоскодонные невысокие сосуды с шаровидным туловом. Максимальный диаметр приходится на середину высоты тулова. Горло раструбное или цилиндрическое,

с разными вариантами венчика. Ручка уплощенно-овальная в сечении, крепится одним концом на горле, другим — на плечико, выше места максимального диаметра тулова. Украшены рифлением. Выделяются 4 типа.

Возможно, они использовались как игрушки или у них было какое-то специальное назначение.

3. Афтоба (рис. 2, 8).

С шаровидным, зауженным к дну туловом. Максимальный диаметр тулова находится чуть выше середины высоты тулова. На середину плечика налеплен носик-слив. На противоположной стороне крепится нижний конец ручки (уплощенно-овальной в сечении).

4. Чаши (рис. 2, 9–11).

РФК 6–7; составной донно-емкостный начин. Тулово и кольцевой поддон изготавливаются отдель-

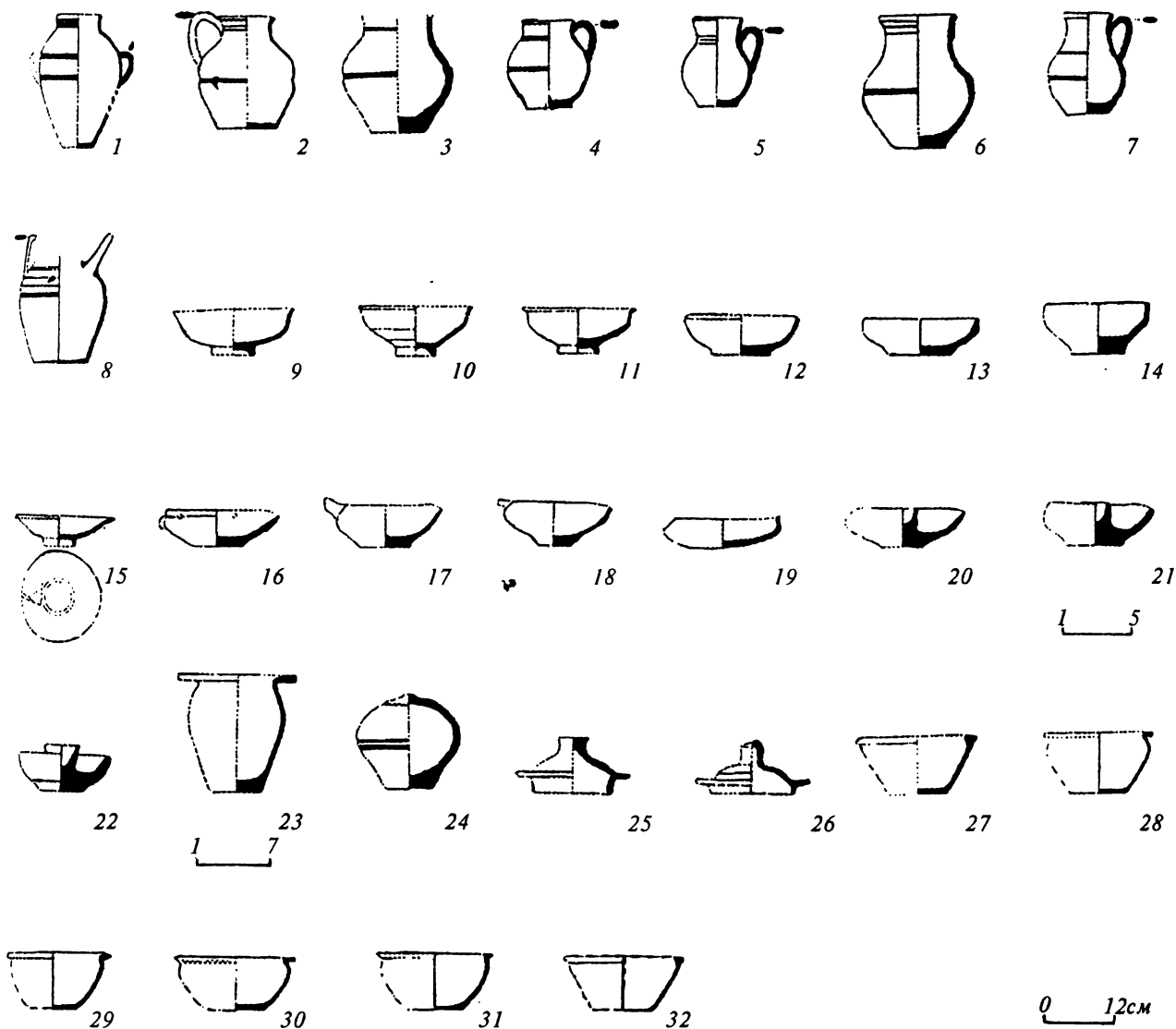

Рис. 2. Красноглиняная неполивная керамика. II местная группа

1 — корчага; 2–7 — кувшины; 8 — афтоба; 9–11 — чаши; 12–14 — чаши-пиалы; 15 — тарелки; 16–22 — светильники; 23 — туваки; 24 — копилки; 25–26 — крышки; 27–32 — тагора

но и соединяются в одно целое. По форме тулова делятся на 3 типа.

5. Чаши-пиалы (рис. 2, 12–14).

РФК-6. Небольшие пиалообразные чаши с выделенным плоским поддоном. Тулово усеченно-конической формы. Выделяются 3 типа по форме венчика.

Возможно, эта форма была заимствована из поливной керамики Закавказья либо Средней Азии.

6. Тарелки (рис. 2, 15).

Из-за единичности находок говорить об устойчивых разновидностях трудно. Подобные изделия чаще встречаются в поливном комплексе золотоордынских городов. Изготовлена, как и чаши, на кольцевых поддонах. Возможно, это продукция одной мастерской.

7. Тагора (рис. 2, 27–32).

По форме и размерам не отличаются от сосудов I группы.

8. Светильники (рис. 2, 16–22).

РФК 6 с использованием донно-емкостного начиня. По морфологическим особенностям и размерам делятся на 4 типа: в форме простой чашечки с носиком-сливом и ручкой и чашечки с выступом для свечи.

Они встречаются на многих средневековых поселениях, но имеют свои локальные особенности. О точных источниках заимствования говорить трудно.

9. Туваки (рис. 2, 23).

По форме практически ничем не отличаются от изделий I группы.

10. Копилки (рис. 2, 24).

С туловом яйцевидной формы, чуть уплощенным сверху, с небольшим выступом. Функциональных требований к этой форме было немного. Возможны несколько вариантов тулова. Стандартные формы и размеры объясняются тем, что они предназначались для хранения мелкой медной монеты.

11. Крышки (рис. 2, 25–26).

Выделяются 2 типа по форме ручки, тулово полусферическое.

Судя по размерам, они использовались для покрытия кувшинов.

Основную часть ассортимента II группы составляет *поливная керамика*. Это кувшины, кувшины с петельчатыми ручками, афтоба, альбарелло, чаши, миски, светильники. Полива могла быть зеленой и желтой.

Выделяются несколько отделов:

- 1) с зеленой поливой без ангоба,
- 2) с зеленой поливой по ангобной подгрунтовке,
- 3) с зеленой поливой сграффито,
- 4) с зеленой поливой с росписью ангобом,
- 5) с желтой поливой по ангобной подгрунтовке,
- 6) с желтой поливой сграффито.

1. Кувшины (рис. 3, 2).

РФК 5–6. Тулово шаровидное; горло высокое, цилиндрическое. Ручка – овальная в сечении, кре-

пится верхним концом на середину горла, нижним на середину плечика.

Подобные формы встречаются в поливной керамике Закавказья, Крыма и некоторых золотоордынских городов.

2. Кувшины с петельчатыми ручками (рис. 3, 3).

Яйцевидное тулово; максимальный диаметр приходится на середину его высоты. Горло растружное, с горизонтальным, отогнутым наружу венчиком. Диаметр по венчику равен диаметру дна. По горлом проходит валик. Петельчатые ручки прикреплены на плечике.

Подобный вид кувшинов был широко распространен в средние века на Ближнем Востоке, в Иране, в Золотой Орде. Везде эта форма довольно стандартна и однообразна. Внутри сосуды всегда покрыты поливой. Возможно, они (как и альбарелло) предназначались для хранения лекарственных ценных жидкостей.

3. Афтоба (рис. 3, 3–5).

По особенностям формы и объема делятся на 2 типа: с яйцевидным и шаровидным туловом.

Аналогии – в поливных комплексах других золотоордынских городов.

4. Альбарелло (рис. 3, 6–12).

Часть находок обладает признаками II группы местной керамики. Поэтому можно говорить об их местном происхождении. В общих чертах все сосуды повторяют одну форму. Тулово стройное, цилиндрическое, с небольшим прогибом на середине своей высоты. Горло может быть цилиндрическим или растружным, с разными вариантами венчиков. Тулово может быть просто заужено к дну или расширяться, образуя высокую ножку. Декор простой. Поливой покрывали всю внешнюю поверхность и частично внутреннюю. Горло может быть срезано. По морфологическим особенностям и размерам выделяются 5 типов.

Можно предположить их специальное назначение. Их называют «аптекарскими сосудами».

5. Чаши (рис. 3, 13–21).

По способу изготовления кольцевых поддонов выделяются 2 подгруппы: с вырезанными поддонами и с налепленными поддонами. Сочетание таких признаков, как форма тулова, размеры сосуда, способ изготовления поддона, дают 11 типов. Типы орнаментации не рассматриваются.

6. Миски (рис. 3, 24).

Повторяет особенности выше рассмотренного вида изделий. Вероятно, могли производиться в тех же мастерских, где изготавливались поливные чаши.

7. Светильники (рис. 3, 22–23).

По формам, технологии, размерам практически не отличаются от неполивных изделий этого вида.

Керамика II группы является результатом смешения местных домонгольских традиций и традиций, привнесенных с более отдаленных территорий

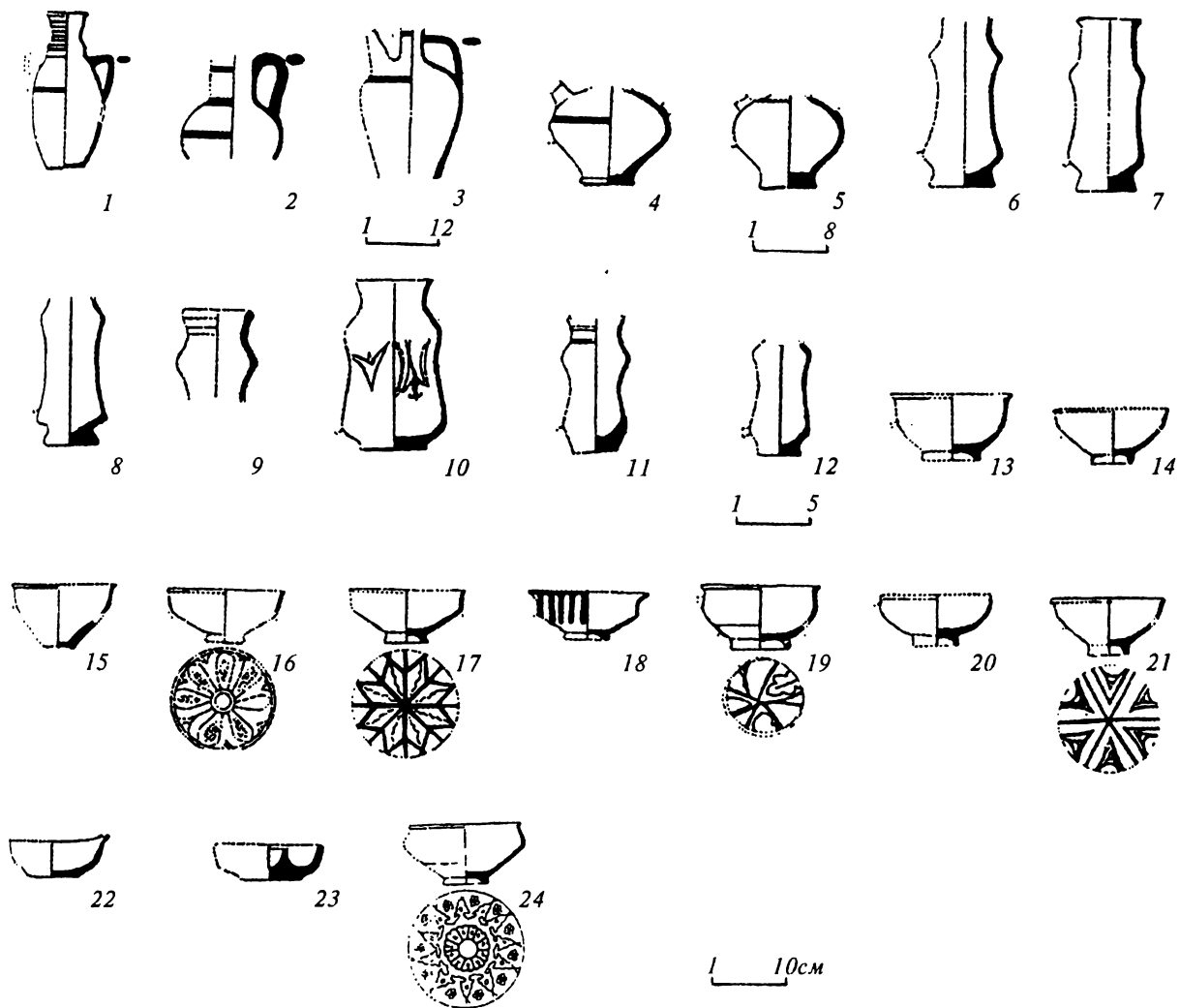

Рис. 3. Красноглиняная поливная керамика. II местная группа

1 – кувшин с петельчатыми ручками; 2 – кувшин; 3–5 – афтоба; 6–12 – альбарелло; 13–21 – чаши; 22–23 – светильники; 24 – миска

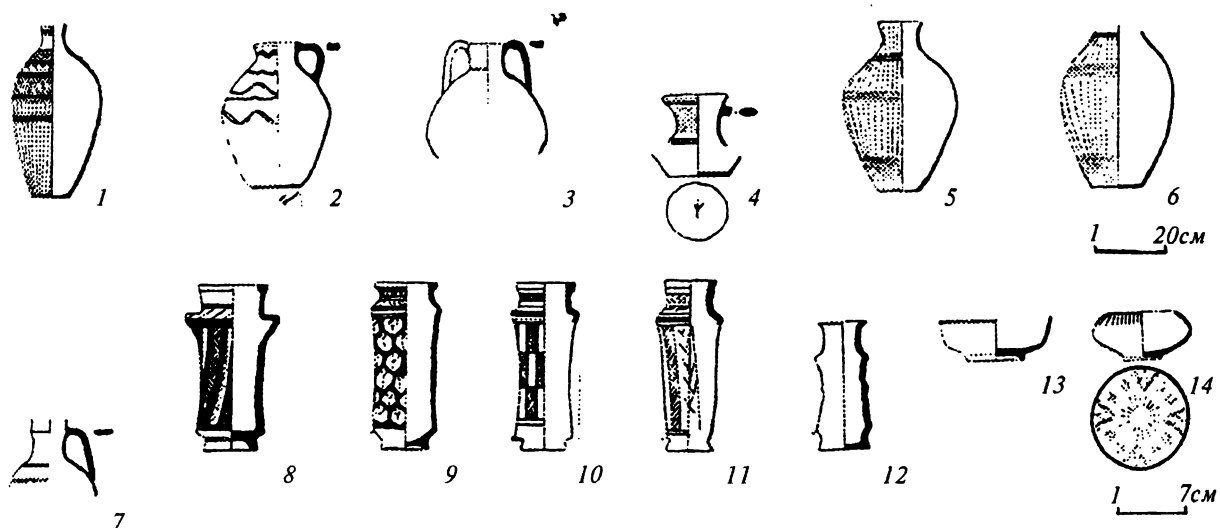

Рис. 4. Импорты

1 – трехручный полуфифос-полукувшин (Северный Кавказ); 2 – кувшин со сливом (Русь); 3–6 – кувшины (Маджар); 7–11 – кувшины, поливные альбарелло (Отрар); 13–14 – лощеные сероглиняные миски (Хорезм)

(вошедших в состав Золотой Орды). Набор форм этой группы характерен для любого золотоордынского города.

Импорты.

В керамическом комплексе Сарай ал-Джедиды встречается и привозная керамика. Причем ввозилась как поливная, так и неполивная посуда. Импорты чаще всего представлены единичными находками — 15,5 % от общего числа сосудов.

Трехручный полупифос-полукувшин имеет северо-кавказское происхождение (рис. 4, 1).

Поливные альбарелло на кольцевых поддонах (рис. 4, 8—11) и кувшин характерной формы и с бурым ангобом (рис. 4, 7) являются импортами из Восточного Крыма.

Одноручные тарные кувшины с полосчатым лошением (рис. 4, 5—6), двухручный кувшин с ангобом

(рис. 4, 3) и кувшин со сливом (рис. 4, 4) происходят из Маджар.

Белоглиняный кувшин со сливом (рис. 4, 2) — русский импорт.

Миски сероглиняные, с лошением (рис. 4, 14) относятся к хорезмской керамике.

Небольшое поливное альбарелло (рис. 4, 12) происходит из Отрара.

Здесь представлены не все возможные импорты.

Итак, истоки первой группы уходят в степные традиции, распространенные на пространствах Волжской Болгарии до низовьев Волги. Вторая группа была привнесена вместе с притоком беженцев мусульманских и христианских стран. Смешение групп заметно прослеживается по ассортименту изделий.

Литература

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы: источники и методы изучения. М., 1978.

Булатов Н.М. Классификация поливной золотоордынской керамики. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1969.

Дорохова О.Л., Шапова Ю.Л., Федоров-Давыдов Г.А. Классификация поливной керамики Нового Сарая //

Федоров-Давыдов Г.А. Научный отчет о раскопках 1966 г. на городище Сарай-Берке — столице Золотой Орды. Архив ИА РАН. Р-1. Ф-1. № 2540.

Михальченко С.Е. Систематизация массовой неполивной керамики золотоордынских городов Поволжья // Сб. «Археология» 1973. № 3.

В.А. Кучкин

О ДРЕВНЕЙШЕМ СПИСКЕ ЖИТИЯ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО*

Рукописный сборник из библиотеки Троице-Сергиевой лавры № 746¹, содержащий самый ранний список Жития основателя монастыря Сергия Радонежского в редакции Пахомия Логофета, был введен в научный оборот в 1842 г. В «Историческом описании Святотроицкой Сергиевой лавры», в разделе IX «Библиотека» под № 16 указывался «Список сокращенного Пахомиева жизнеописания пр. Сергия, в рукописи, содержащей в себе жития разных святых числом до 25; древнейший по означению времени. Указание времени заключается в следующей подписи: “Въ лѣто 6939 списа ся книга сия въ святой горѣ Афонсцѣ въ обители царствѣ въ лаврѣ великаго Афанасия, подъ крылиемъ святого Григория Паламы и преподобнаго отца нашего Петра Афонскаго, въ куши святаго и славнаго пророка Илии. Преписа ся многорѣчнаго и

смирненнаго инока Афанасия Русина, послѣди повелениемъ господина Зиновия игумена Сергиева монастыря съписа ся грѣшнымъ Иконоу игуменомъ Угрѣшскимъ”². Таким образом, рукопись была принесена к 1431 г. и признана самым ранним списком Жития Сергия Радонежского. Сжатая характеристика списка, данная составителем «Исторического описания» А.В. Горским, свидетельствует о том, что будущий маститый исследователь приписывая рассматриваемую редакцию известному русскому писателю XV в. Пахомию Логофету сербу по происхождению, переселившемуся на Русь с Афона, исходил не из заголовка Жития Сергия рукописи № 746, где автором значился ученик Сергия священноинок Епифаний, а из текста 1-х листов 260 об.—261 списка, в котором говорилось о написании Жития Пахомием. Указывая, что рукопись № 746 содержит «список сокращенного Пахомиева жизнеописания», А.В. Горский обнаруживал и явное знакомство с обширным жизнеописанием

* Церковные термины и имена даны в редакции автора. — *Ред.*

санием Сергия, составленным предшественником Пахомия Епифанием Премудрым, но сохранившимся в неполном объеме и в копиях значительно более позднего времени.

Самым старшим списком Жития Сергия Радонежского в редакции Пахомия Логофета считал лаврский список и архиепископ Филарет (Гумилевский)³.

Заметный вклад в датировку списка Жития и характеристику его текста внес В.О.Ключевский. Остановившись на приписке, сделанной на листе 336 об. угрешским игуменом Ионой, ученый пояснил, что дату 6939 (1431) г. ни в коем случае нельзя относить ко всей рукописи № 746, поскольку находящееся в ней Житие Сергия «Пахомий, по его собственным словам, писал в Сергиевом монастыре и писал после чуда 1438 г.» Приписка, по словам В.О.Ключевского, указывает на то, что часть сборника № 746 была скопирована по повелению троицкого настоятеля Зиновия с рукописи, написанной в 1431 г. на Афоне, а другая часть и в ее составе Житие Сергия — в России⁴. Тем не менее этот список В.О.Ключевский называл «древнейшим списком Пахомиевской редакции первого пересмотра»⁵. Сам список В.О.Ключевский датировал на основании приведенной записи, но, естественно, не 1431 г., а временем игуменства Зиновия (1432—1443), когда трудился Иона Угрешский. Переписывая созданную на Афоне рукопись 1431 г., Иона, по мнению В.О.Ключевского, «внес в сборник и житие русского святого, в то время только что составленное Пахомием. Переписка происходила в последние годы игуменства Зиновия, и потому в сборник могло попасть житие, написанное при том же игумене и рассказывающее чудеса 1438 и следующих лет»⁶.

Что касается особенностей текста рассматриваемого списка, то по этим особенностям В.О.Ключевский относил его, как указывалось выше, к «первому пересмотру» Пахомием Логофетом текста Жития Сергия, написанного Епифанием Премудрым. Сочинение же Епифания Премудрого, посвященное его учителю Сергию Радонежскому, В.О.Ключевский усматривал в так называемой Пространной редакции Жития этого святого, представленной списками не ранее 20-х годов XVI в. В.О.Ключевский указывал, что первый пересмотр ученого серба, или первая переделка Жития Сергия, написанного Епифанием Премудрым, сохранился в малом количестве списков (кроме № 746, В.О.Ключевский сумел указать еще только один: из того же собрания № 771⁷) и что первый пересмотр Пахомия отличается от второго, представленного целым рядом списков даже XV в. Между двумя редакциями Пахомия «разница преимущественно стилистическая, — подчеркивал В.О.Ключевский, — один из пересмотров стоит в этом отношении ближе к тексту Епифания, другой представляет дальнейшее сокращение его, более

изменяет изложение подлинника и при этом опускает местами некоторые фактические черты, удержанные в первом пересмотре»⁸. Правда, иллюстрация сказанного была подобрана В.О.Ключевским крайне неудачно. При сравнении приведенных им цитат из первого и второго пересмотров обнаруживается, что в первом пересмотре нет указания на Ростов, где жили родители Сергия, и нет имени его отца — Кирилл, читающихся во втором пересмотре⁹. Но слова «именем Кирилл» в рукописи № 746 оказались просто недопечатанными в приведенной В.О.Ключевским цитате из нее¹⁰.

С появлением издания «Древнерусские жития святых как исторический источник» список памятника в троицкой рукописи № 746 навсегда остался в центре внимания исследователей. В 1882 г. его указал в перечне списков Жития Сергия Радонежского в своем обобщающем труде Н.П.Барсуков¹¹.

Еще через десять лет текст Жития Сергия Радонежского по этому списку был подготовлен к печати Н.С.Тихонравовым, и только болезнь и кончина известного исследователя древнерусской литературы помешали своевременному выходу его труда. Публикация увидела свет только в 1916 г. Поэтому издание Н.С.Тихонравова не оказало влияния на исследования начала XX в., хотя содержало совершенно новые наблюдения над списком № 746. Публикатор подметил, что Житие Сергия Радонежского написано в этой рукописи двумя разными почерками. Листы с 209 по 246 об. включительно были написаны одной рукой, а листы с 247 по 261 об. включительно — другой. Видимо, на этом основании Н.С.Тихонравов посчитал (строгих доказательств исследователь привести не успел), что только текст на листах 209—246 об. представляет особую редакцию Жития Сергия Радонежского, причем редакцию не Пахомия Логофета, заметка об участии которого в составлении Жития была помещена на листах 260 об.—261 и, следовательно, к тексту на листах 209—246 об. отношения не имела, а Епифания Премудрого, имя которого читалось в заголовке произведения на листе 209. Эту редакцию Жития Сергия Радонежского Н.С.Тихонравов называл краткой Епифаниевской редакцией и признавал ее старшей по сравнению с переделками Пахомия Логофета¹². Поскольку текст на листе 246 об. обрывался на словах «святые же рече», Н.С.Тихонравов вынужден был искать окончание восстанавливаемой им редакции памятника. Такое окончание он нашел в указанном В.О.Ключевским списке Троицком № 771. И публикуя данную редакцию Сергиева Жития, он полностью использовал сначала древнейший ее список (№ 746, листы 209—246 об.), а затем напечатал окончание по списку № 771 до статьи «Похвала святому Сергею» включительно¹³.

О представлениях Н.С.Тихонравова ничего не знал В.М.Яблонский. Он, как и А.В.Горский,

архиепископ Филарет (Гумилевский) и В.О.Ключевский, продолжал считать список № 746 особой редакцией Жития Сергия Радонежского на всем его протяжении — до листа 261 об. включительно, причем редакцией, принадлежащей перу Пахомия Логофета. Но в отличие от В.О.Ключевского В.М.Яблонский находил, что эта редакция, определяемая им как редакция Б, является не первичной, а вторичной, более поздней по сравнению с той, которую В.О.Ключевский называл «вторым пересмотром» Пахомия, а сам В.М.Яблонский — редакцией А. О вторичности редакции, представленной списком № 746, по мнению В.М.Яблонского, говорили: 1) отсутствие в ней указаний на свет, огонь и благоухание на месте основания Сергием церкви Троицы; такие указания, сохраненные редакцией А, В.М.Яблонский считал идущими «из древности»¹⁴; 2) в статье о Симоновом монастыре редакция Б не упоминает о путешествии основателя монастыря Федора в Константинополь, тогда как редакция А об этом говорит весьма подробно и сообщает об особой грамоте, данной Симонову монастырю константинопольским патриархом Нилом¹⁵; 3) в статье об Андрониковом монастыре редакция Б приписывает инициативу создания монастыря троицкому монаху Андронику, а редакция А — митрополиту Алексею, что исторически верно¹⁶; 4) в рассказе о последней встрече митрополита Алексея с Сергием Радонежским в редакции А говорится, что «митрополит повелѣ силою сняти съ старца крестъ и своею рукою положи на немъ свои крестъ», тогда как в редакции Б текст несколько сглажен¹⁷; 5) в рассказе о явлении богородицы Сергию только в редакции А указывается «повод к чуду — это отсутствие достаточного количества потребных и тревога об этом пр. Сергия», тогда как в редакции Б о таком поводе ничего не говорится¹⁸; 6) в рассказе об уходе Сергия Радонежского на Кирил в редакции А приведены слова возмущенного старшего брата Сергия Стефана: «не азъ ли преже сѣдохъ на мѣстѣхъ семь и церковь воздвигохъ», которых нет в редакции Б¹⁹. Все эти данные и заставляли В.М.Яблонского считать, что список № 746 содержит текст не первого, а второго «пересмотра» Пахомием Логофетом сочинения о Сергии Радонежском Епифания Премудрого.

В последнее время к списку № 746 обратился Б.М.Клосс. По его мнению, в споре между В.О.Ключевским и В.М.Яблонским, с одной стороны (работ А.В.Горского и Филарета автор не знает), и Н.С.Тихонравовым, с другой, относительно текста Жития Сергия Радонежского в списке № 746, прав был Н.С.Тихонравов. Б.М.Клосс нашел, что весь сборник № 746 — «сложного состава», его основа, как показывает уже приводившаяся запись на листе 336 об. Ионы Угрешского, «сформировалась при игумене Зиновии», по уточненным данным бывшем настоятелем Троице-

Сергиева монастыря не до 1443 г., а до 1445 г.²⁰ Кодекс-сборник было включено Житие Сергия Радонежского. Б.М.Клосс не определил, но написал, что та часть Жития, что занимает листы 209—246 об., была переписана в 1438 г., потому что имеет филигрань «с горы под крестом», причем в двух вариантах, отождествляемых с № 968 и № 970 справочника Н.П.Лихачева, — 1438 г., а на листах 243—244 — филигрань «с головой единорога — типа Брике, № 15809 (1423 г.)». Листы же 247—261 об. имеют филигрань «голова быка под стержнем с перекрестием — Брике, № 15809 (1467 г.), № 15082 (1469 г.)»²².

Б.М.Клосс постарался также определить писца обеих по-разному датированных им частей Жития Сергия в списке № 746. Листы 209—246 об. были написаны, по его мнению, троицким писцом Ионой, который в 1429 г. переписал церковный устав²³. Листы же 247—261 об. были переписаны другим троицким писцом, принявшим участие в написании троицкой рукописи № 136, содержащей целый цикл произведений о Сергии Радонежском, в том числе Четвертую (по определению Б.М.Клосса) редакцию его Жития. Именно из данного списка Четвертой редакции был переписан текст сборника № 746²⁴. Мало того — писец сборника № 136 по словам Б.М.Клосса, «вмешался и в основной текст (списка № 746. — В.К.): на листах 218, 223, 228, 230, 234, 235 об., 239, 241, 242 об., 243, 245 об. им вписаны на полях новые заголовки (факт, существенный для истории данной редакции)»²⁵.

Определив филигранные и писцовые пометы в списке Жития Сергия Радонежского в сборнике № 746, Б.М.Клосс перешел к особенностям текста на листах 209—246 об., написанных рукой Ионы. Он отметил, что на листе 211 об. рукописи фраза «отроче и растяше и крѣпляшеся духом» написана частью строке, а частью на поле. На листе 221 оказалась вычеркнутой фраза «бѣше бо заповѣдь не достати хлѣба во всемъ монастыри»²⁶, что привело к ошибке ниже в тексте сказано «случи бо ся, яко же выпрѣхомъ, оскудѣние хлѣба», а слова о недостатке хлеба были вычеркнуты и ссылка на вышесказанное появилась в воздухе. На листе 246 текст кончался словами «Сергие же», а на листе 246 об. продолжался словами «святѣи же въставъ». «Поскольку отмеченные переделки текста и возникшие в связи с этим неуверенности отразились во всех остальных списках редакции, подводил итог Б.М.Клосс, — то список Троицы № 746 можно считать беловым оригиналом редакции». Отметив далее наличие в тексте на листах 209—246 об. южнославянизмов, Б.М.Клосс заключил, что они принадлежат не писцу списка Ионе, а автору редакции Пахомию Сербу, что «троицкий писец Иоакопировал текст непосредственно с черновым оригиналом Пахомия. Естественно также предположить, что все исправления, которые Иона вносил в рукопись в процессе переписки, делались по указанию сербского агиографа»²⁸.

По логике вещей далее должен был следовать пассаж уже не о месте списка № 746 среди других подобных ему списков, а о месте отраженной в нем на листах 209–246 об. редакции Жития Сергия Радонежского среди других редакций памятника. Однако в «Избранных трудах» Б.М.Клосса этот вопрос общего порядка не включает изучение списков памятника, а почему-то предваряет его. Традиционно считая, вслед за В.О.Ключевским и В.М.Яблонским, но вопреки Н.С.Тихонравову, что полностью, а не в отрывках, как первоначальная редакция Епифания Премудрого, сохранились две старшие редакции Жития Сергия Радонежского, принадлежащие перу Пахомия Логофета и представленные исследуемым списком Троиц. № 746, содной стороны, и списком Соф. № 1358, с другой, Б.М.Клосс решительно высказался за старшинство редакции в списке № 746, воспроизведя тем самым точку зрения В.О.Ключевского и полностью разойдясь с заключениями В.М.Яблонского. Напомнив, что редакцию, представленную списком № 746, В.М.Яблонский обозначил литерой Б, а редакцию в списке Соф. № 1358 — литерой А, Б.М.Клосс пришел к весьма категоричному выводу: «Текстологически вопрос решается в пользу первичности редакции Б: 1) в редакции Б возраст Сергия при пострижении сохранен в Епифаниевской трактовке — 20 лет (ср.: Похвальное слово Сергию), а в редакции А переделан на 23; 2) в редакции Б упоминается младший брат Сергия — Петр, в других Пахомиевых переработках это имя отсутствует; 3) характеристика Сергия, помещенная в редакции А вслед за известием о смерти его родителей (далее приводится соответствующая выдержка из редакции А Жития Сергия. — В.К.), представляет по сравнению с текстом редакции Б вставку из Жития Федора Едесского... Таким образом, можно считать редакцию Б первой Пахомиевской редакцией Жития Сергия Радонежского, а редакцию А — второй»²⁹.

Казалось бы, изложенные наблюдения Б.М.Клосса подводят черту под изучением списка № 746: указан сложный состав всего сборника № 746, определены филигранные и почерки двух частей помещенного в сборнике Жития Сергия Радонежского, выявлено происхождение второй части из конкретного списка поздней Пахомиевской редакции Жития троцкого игумена, установлено, что текст Жития на листах 209–246 об. представляет собою счастливо сохранившийся оригинал всех других списков данной редакции, а сама редакция — самую раннюю переработку написанного Епифанием Жития Сергия Радонежского, предпринятую Пахомием Сербом. Однако нарисованная Б.М.Клоссом картина убеждает далеко не во всем. Остаются вопросы, на которые нет ответов. Так, непонятно, почему при наличии двух филигранных на листах 209–246 об. рукописи № 746 — «три горы» и «голова

единорога», датированных соответственно 1438 и 1423 гг., написание текста отнесено именно к 1438 г., а не к 20–30-м годам XV в., что является нормой при таких датировках водяных знаков. Если текст на листах 209–246 об. рукописи № 746 представляет собой переписанный троцким писцом труд серба Пахомия, составившего свою редакцию Жития Сергия Радонежского, то это означает, что в 1438 г. или даже раньше Пахомий Логофет находился в Троице-Сергиевом монастыре. Между тем после разысканий Н.С.Тихонравова и В.М.Яблонского признано, что в 1438 г. Пахомий Логофет пребывал в Новгороде Великом³⁰. Б.М.Клосс этот факт даже не упоминает. Если список № 746 является оригиналом всех существующих списков данной редакции Жития, которые рабски копируют все его ошибки, то почему же в списке Троиц. № 771 читается «Сергие же святыи», а не ошибочно «Сергие же святыи же», как в рукописи № 746?³¹ Если В.М.Яблонский совершенно неправ в определении соотношений редакций А и Б (списков Соф. № 1358 и Троиц. № 746), то почему остались не разобранными Б.М.Клоссом те 6 конкретных примеров, которые привел В.М.Яблонский для доказательства правоты своих заключений? Эти и другие недоуменные вопросы заставляют еще раз обратиться к списку Жития Сергия Радонежского в сборнике Троиц. № 746, тем более, что после работы Б.М.Клосса этот список становится не только самым старшим списком содержащейся в нем редакции памятника, но и вообще всех редакций Жития Сергия Радонежского.

Начать следует с характеристики сборника № 746 в целом. Оценка его Б.М.Клоссом как сложного по составу весьма банальна по своей сути и мало о чем говорит. В действительности же это сборник-конвульт, в котором механически соединены написанные в разное время разные произведения. Судя по подклеечной бумаге, имеющей водяной знак «перчатка», сборник был составлен не ранее XVI в.³² Поэтому запись на листе 366 об. игумена Ионы Угрешского о написании им текста во времена троцкого настоятеля Зиновия не может быть распространена на весь сборник в целом и, в частности, отнесена к списку Жития Сергия Радонежского³³. Характеристика списка Жития, в том числе его датировка, должна производиться не по записи времени троцкого настоятеля Зиновия, а по другим признакам.

Вполне справедливо бытующее со времен Н.С.Тихонравова мнение, что по почеркам список Жития Сергия Радонежского в сборнике № 746 четко делится на две части: листы 209–246 об. и листы 247–261 об. Эти части написаны не только разными писцами, но и разными чернилами и на разной бумаге. Рассмотрим подробнее сначала первую часть.

Определенная затертость листа 209, на котором помещены заглавие и начало текста Жития Сергия, указывает на то, что когда-то он был первым, на-

чальным листом в рукописи или тетради. Об этом же свидетельствует номер тетради на листе 216 об. — а, т. е. 1. В данном случае цифра означает конец тетради. Поскольку тетрадь, как в этом можно будет убедиться ниже, состояла из 8 листов, первым в такой тетради был лист 209. Таким образом, не только внешний вид, но и старый счет тетрадей свидетельствует о том, что лист 209 в свое время был начальным. Тетрадный счет обнаруживается также на листах 217 (видно только титло, цифра срезана), 225 (цифра ̄ — 3), 233 (греческая буква «дельта», написанная другим почерком и другими чернилами, обозначающая цифру 4) и 240 (осталось только титло, цифра срезана). Цифры на четырех названных листах обозначали уже не конец, а начало тетрадей³⁴. Судя по приведенному счету, в первых трех тетрадях было по 8 листов, в четвертой — 7, также 7 листов сохранились в последней, пятой по счету, тетради. Подавляющее большинство листов имеет водяной знак «три горы» с мачтой, заканчивающейся прямым крестом. Чередование филиграней указывает на то, что тетради состояли из 8 листов. Так, на листе 209 видна мачта с крестом, а парный ему лист 216 имеет знак собственно «три горы». Мачта на листе 210 соответствует «трем горам» листа 215, пустой (без филигрانی) лист 211 соответствует такому же пустому листу 214, наконец, срединные листы первой тетради 212 и 213 имеют соответственно мачту и «три горы». Вторая тетрадь состоит из следующих пар листов: 217 — 224, 218 — 223, 219 — 222, 220 — 221. Листы 217, 218, 219, 220 имеют водяной знак собственно «три горы», а парные им листы 224, 223, 222 и 221 — мачту с крестом, что лишний раз свидетельствует о связанности этих листов и восьмилистности самой тетради. Аналогичное чередование филиграней обнаруживается и на листах третьей тетради. Пустому листу 225 соответствует пустой же лист 232. На листе 226 видна мачта, а на парном ему листе 231 — «три горы». Листы 227 и 230 — пустые. На листе 231 видна мачта, а на листе 232 — «три горы». В четвертой тетради, как говорилось, сохранилось не 8, а 7 листов. Судя по тому, что среди всех листов тетради реставрирован корешок только одного листа — 235, надо полагать, что был вырезан лист, парный ему. В таком случае первоначальное распределение по парам листов в четвертой тетради должно было быть таким: 233 — 239 (240, если бы четвертая тетрадь сохранилась полностью), 234 — 238 (239), 235 — (238), 236 — 237. Листы четвертой тетради не содержат водяных знаков, что косвенно подтверждает предложенную реконструкцию (пустой лист соответствует пустому же, но не листу с филигранью). Поскольку текст листа 235 об. продолжается на листе 236 без всякого перерыва (здесь читается слово «могии», причем буквы «мо» на листе 235 об., а буквы «гии» на листе 236), делается очевидным, что лист, парный листу 235, был вырезан самим писцом списка № 746, видимо, по

причине какой-то крупной ошибки при переписывании текста. В пятой тетради листы 240 и 241 имеют водяной знак «три горы». Далее следуют 4 листа явно другой бумаги, вержеры которой грубее тех, что просматриваются на бумаге с филигранью «три горы». Лист 242 образует пару с листом 245, оба они не имеют водяных знаков. Листы 243 и 244 также образуют пару, причем на каждом листе водяной знак есть. Фиксируется он очень плохо. На листе 243 видны две сходящиеся кривые, на листе 244 — некие волнистые и прямые линии. Б.М.Клосс, как было указано выше, посчитал, что это изображение головы единорога, но калька кривых линий на листе 243 не совпала ни с одним элементом указанного им знака. Очевидно, что в будущем с помощью технических средств можно будет точно определить и датировать эту филигрань. Лист 246 оказывается парным листу 241, лист же 240 пары не имеет. Очевидно, что в пятой тетради нет последнего, восьмого листа. Таким образом, первая часть Жития Сергия Радонежского в сборнике № 746 состоит из 5 тетрадей, из которых первые три — обычные восьмилистные, а последние две — семилистные, причем в четвертой тетради был вырезан шестой лист, а в пятой утрачен или вырезан восьмой лист.

Поскольку во всех пяти тетрадях, за исключением листов 242—245, в 90% случаев была использована бумага с филигранью «три горы» (считая и утраченные 2 листа), датировка этой филигрانی позволит определить время написания первой части Жития Сергия Радонежского. Указание Б.М.Клосса, что данная филигрань идентична № 968 и № 970 справочника Н.П.Лихачева и относится к 1438 г., не соответствует действительности. Во-первых, автор «Избранных трудов» не принял во внимание параметров самого водяного знака и размеров между понтюзо. Во-вторых, он не увидел принципиального различия знаков в рукописи и в названных им номерах альбома Н.П.Лихачева. У Н.П.Лихачева знак показан расположенным между двумя понтюзо, т. е. его изображение крепилось только на горизонталях проволочной сетки для отливки бумаги. В рукописи же № 746 знак расположен между тремя понтюзо, одно из которых проходит через середину изображения, т. е. рисунок крепился на горизонталях и одной из вертикалей проволочной сетки. Основание знака «три горы» в рукописи № 746 составляет 21—22 мм, высота боковых гор — 22—25 мм, высота средней горы — 28—29 мм, ее ширина — 10—11 мм, высоту мачты установить трудно, но очевидно, что она превышала 30 мм. Обычное расстояние между понтюзо — 37 мм, но там, где размещено изображение филигрانی, расстояние между тремя понтюзо сужается до 45 мм (вместо ожидаемых 74 мм). На листах 217 и 231 виден дефект водяного знака — утрачена часть основания. Указанное расположение филигрانی и ее параметры, расстояние между понтюзо более всего со-

ответствуют № 470 и № 471 новейшего справочника Г. Пикара — 1455 г.³⁵ Таким образом, первая часть Жития Сергия Радонежского была написана не в конце 30-х годов XV в., а примерно в середине 50-х годов указанного столетия.

Эта часть почти вся написана одним почерком. Вкрапления других почерков в основной текст незначительны. Но основной писец часто ошибался, пропускал слова, не дописывал их, писал лишнее, иногда исправляя погрешности сам, а иногда за него это делали другие. Это отметил в 1892 г. Н.С.Тихонравов³⁶. Б.М.Клосс повторил большинство наблюдений своего предшественника, но сделал и ряд своих³⁷.

Уже после написания текста на листах 209—246 об. сборника № 746 в него были внесены киноварные заголовки. Они указаны Б.М.Клоссом, однако не все. Заголовки есть также на листах 216 и 221. Как можно было убедиться выше, Б.М.Клосс считает их принадлежащими одному писцу, но не приводит никаких свидетельств идентичности почерков. Между тем заголовки на листах 226 и 230 написаны не только иным почерком, но иной киноварью и даже иным пером, чем остальные заголовки. Все эти наблюдения ставят под сомнение заключение автора «Избранных трудов», что рассматриваемая часть Жития Сергия Радонежского является «беловым оригиналом» остальных списков данной редакции Жития, изготовленным в один прием.

Окончательную ясность в данный вопрос вносит сопоставление текста на листах 209—246 об. рукописи № 746 с более поздними текстами той же редакции Жития Сергия Радонежского. Б.М.Клосс привел три примера, доказывающие, по его мнению, что текст списка № 746 был «беловым оригиналом». Произведенное выше сопоставление слов списка № 746 «Сергие же святыи же» с аналогичной фразой рукописи № 771 показало, что в последней нет ошибочного удвоения усилительной частицы «же». Уже по одному этому уверения Б.М.Клосса, будто «отмеченные переделки текста и возникшие в связи с этим неувязки отразились во всех остальных списках редакции», оказываются ложными. Не соответствуют его выводам и два других приводимых им примера. Первый пример (фраза на листе 211 об. «отроче³⁸ же растяше и крѣпляшеся духом», начатая в строке и оконченная на поле листа) никаких неувязок в текст не вносит. Это обычная корректировка текста писцом списка № 746. Она могла быть произведена на основании текста того списка, который переписывал, но не особенно внимательно, основной писец рукописи № 746, или какого-то другого, дополнительного. Если же последующий копиист списка № 746 имел дело с уже откорректированным текстом, то он такую правку вносил в собственную копию, никак не отмечая ее. Поэтому судить о том, имел ли позднейший переписчик

дело с правленным списком № 746, с его ли более поздней копией или самим оригиналом, по данной особенности написания текста невозможно. Б.М.Клосс же предусматривает только одну вероятность — использование именно списка № 746, а потому объявляет его оригиналом, к тому же беловым.

Более любопытен второй пример, приведенный Б.М.Клоссом. В рукописи № 746 на листе 221 оказалась зачеркнутой фраза «Бяше бо заповѣдь не достало хлѣбы въ всем монастыри». Алогичность предложения бросается в глаза: сначала упоминается некая заповедь, а далее без всякой связи с нею говорится о недостатке в монастыре хлеба, причем слово «хлѣбы» вместо родительного стоит в именительном или винительном падеже. Исключение такой фразы из текста представляется совершенно правомерным. Не отрицая ошибки в начале фразы, Б.М.Клосс тем не менее считает, что слова «не достало хлѣбы въ всем монастыри» должны относиться к основному тексту Жития. Грамматические тонкости его не интересуют, форму «хлѣбы» он не разбирает, но указывает, что именно на эту фразу рассказчик ссылается ниже, повторяя, что «случи бо ся, яко же выше рѣхом, оскудѣние хлѣба». А поскольку слова «не достало хлѣбы» оказались вычеркнутыми, ссылка стала ложной и в тексте возникла неувязка. Но на самом деле редактор сослался не на фразу о хлебе, а на фразу «случи же ся и таково в тои обитѣли, о неи же намъ слово, оскудѣние потребнымъ». В ссылке совпадает не единственное дополнение «хлѣб», как получается по Б.М.Клоссу, а сказуемое «случися» и подлежащее «оскудѣние», дополнение же «потребнымъ» для улучшения литературного стиля заменено на синонимичное «хлѣба». Никакой несогласованности текста здесь нет, и потому повторение данного места (естественно, без зачеркнутой фразы) в других списках редакции не может служить доказательством положения, будто список № 746 — «беловой оригинал редакции».

Останавливаясь на доводах Б.М.Клосса и подчеркивая их неосновательность, нельзя не видеть того, что само утверждение о «беловом оригинале» понадобилось ему для подведения логического основания под отказ от сложной, трудоемкой, но обязательной работы — тщательного сличения всех разночтений списков данной редакции Жития Сергия Радонежского. Традиционное, со времен В.О.Ключевского, сопоставление со списком Троиц. № 771 показывает, что если в списке № 746 написано «нынѣ же в топлѣ сем лии сѣгрѣвся» (л. 227 об.), то в списке № 771 бессмысленные буквы «лии» исправлены на «келии» (л. 222 об.); в № 746 читается «еще далече су» (л. 231 об.), а в № 771 — «еще далече сушу» (л. 227 об.); в № 746 — «видеша лице и» (л. 233 об.), а в № 771 — «видеша лице ихъ» (л. 230); в № 746 — «въпроси канонарха сию» (л. 236), а в

№ 771 — «впроси канонарха кто ти дасть книгу сию» (л. 233); в № 746 — «сребро доволно на строение» (л. 237 об.), а в № 771 — «сребро доволно подааху на строение» (л. 235). Уже эти примеры, особенно два последние, ясно свидетельствуют о том, что список № 771 не мог быть скопирован со списка № 746, где были невосполненные пропуски букв и слов. Тем самым окончательно снимается утверждение о списке № 746 как беловом оригинале всех списков данной редакции Жития Сергия Радонежского.

К области домыслов должно быть отнесено и «естественное» предположение Б.М.Клосса о внесении правок в текст списка № 746 «по указанию сербского агиографа». Во-первых, как можно было убедиться выше, даже простые слова не были дописаны писцом списка № 746, систематическая правка не проводилась. Во-вторых, такое предположение возможно, если некоторые из правок были бы сделаны рукою Пахомия или другой рукой, но с сохранением явно сербских написаний. Но в рукописи нет ни того, ни другого.

Рассмотрим теперь вторую часть Жития Сергия Радонежского, написанную на листах 247–261 об. сборника № 746. Поскольку корешки всех указанных листов нарощены бумагой с филигранью «перчатка», сложно судить о том, как они распределялись по парам и из скольких листов состояли тетради, тем более, что потетрадный счет на этих листах отсутствует. Если исходить из того, что тетради были обычные, восьмистрочные, то листы 247–254 должны были составлять одну тетрадь, а листы 255–261 — другую, но в этой последней не было одного листа.

Что касается почерка листов 247–261 об., то он принадлежит одному писцу. Лишь киноварные заголовки статей, сделанные, как и на листах 209–246 об., на полях, относятся, по-видимому, к другой руке. Основной почерк листов 247–261 об. Б.М.Клосс, как уже отмечалось, отождествил с почерком писца Жития Сергия Радонежского и других произведений, посвященных ему, в троичской рукописи № 136. К сожалению, вновь никаких доказательств идентичности почерков приведено не было. Между тем, сравнение почерков на листах 247–261 об. рукописи № 746 с почерком на листах 541–588 об. рукописи № 136³⁹ показывает, что эти почерки различны. В рукописи № 746 почерк имеет наклон вправо, писец рукописи № 136 писал прямо. В первой рукописи буквы *е*, *и*, *н* в ряде случаев опускаются ниже строки, во второй рукописи они стоят строго в строке. В рукописи № 746 буква *р* опускается ниже строки, ее «хвост» направляется к следующей строке под углом в 45°. В рукописи № 136 «хвост» буквы *р* также опускается ниже строки, но идет к следующей строке под углом в 90°. Писец рукописи № 746 позволял себе писать букву *в* как вытянутый вверх прямоугольник, писец же рукописи № 136 всегда писал эту букву с петлями, а

петли воспроизводил в виде двух треугольников. Наконец, писец рукописи № 746 писал букву *ж* без верхней левой ножки, а писец рукописи № 136 не только тщательно выписывал эту ножку, но и соединял ее с нижней левой ножкой буквы. Поэтому та увлекательная картинка, которую изобразил Б.М.Клосс и согласно которой писец рукописи № 136 не только переписал цикл произведений о Сергии Радонежском, но и сделал специальную копию части Жития для дополнения написанного на листах 209–246 об. рукописи № 746, оказывается иллюзорной⁴⁰. Необходимы другие данные для определения хотя бы не того, кто написал, а когда был написан текст на листах 247–261 об. указанной рукописи.

Такие данные извлекаются из анализа филигранны на этих листах. Б.М.Клосс правильно отметил, что это «голова быка» под стержнем с перекрестием. Он только, как обычно, не указал параметров водяного знака и размеров между понтюзо. Хотя их указать непросто из-за дефектности листов бумаги (корешки оторваны), некоторые размеры определить можно. Расстояние между ушами быка равно 28 мм, расстояние между рогами — 33 мм, расстояние между ноздрями — 9 мм, расстояние между концами глаз — 17 мм. Расстояния между понтюзо равны 42–43 мм. Тип водяного знака «голова быка» с названными размерами более всего соответствует не № 15077 или № 15082 (соответственно 1467 и 1469 гг.) справочника Брике, как указано в работе Б.М.Клосса⁴¹, а № 423 справочника Г. Пикара — 1452–1456 гг.⁴²

Таким образом, делается очевидным, что если первая часть Жития Сергия Радонежского в сборнике № 746 была написана в 1455 г., а вторая — между 1452 и 1456 гг., то они были написаны в одно время. Сказанное заставляет совершенно по-старому смотреть на соотношение текстов Жития Сергия Радонежского на листах 209–246 об. и 247–261 об. рукописи № 746. Правы, очевидно, А.В.Горский, В.О.Ключевский и В.М.Яблонский, считавшие, что они имеют дело с единой редакцией Жития Сергия, а не с механически соединенными в позднее время текстами разных редакций его жизнеописания. В то же время задание по копированию текста Жития Сергия, сохранившегося в сборнике № 746, получили два писца, каждый из которых переписал свою часть.

Впрочем, не надо забывать, что последняя, пятая, тетрадь первой части Жития имеет механическую утрату. Б.М.Клосс пишет, что «последние листы (конечной тетради), по-видимому, оторвались и были переписаны на другой бумаге и другим почерком»⁴³. Переписаны они были уже во вторую часть Жития. Из дальнейшего изложения Б.М.Клосса выясняется, что переписанный фрагмент содержится на листах 247–251 этой второй части, поскольку текст на последующих листах 251 об.—261

об. скопирован «со списка Троиц. № 136»⁴⁴, в котором нет текста, аналогичного тексту на листах 247–251 рукописи № 746. Н.С.Тихонравов писал о наличии предпоследнего листа «последней тетради рукописи № 746»⁴⁵, т.е. признавал отсутствие не последних листов конечной тетради первой части Жития в списке № 746, а только одного последнего листа. Как показало проведенное выше потетрадное обследование первой части Жития Сергия в рукописи № 746 (листы 209–246 об.), прав был Н.С.Тихонравов. В последней тетради этой части нет одного конечного листа. Н.С.Тихонравов считал, что на утраченном листе помещалось окончание всей редакции. Он, как уже говорилось, восстановил это окончание по рукописи Троиц. № 771 (листы 251 об. – 254). Однако предложенная им реконструкция утраченного текста оказывается некорректной.

В самом деле, если попытаться выяснить, какого объема текст помещался на утраченном листе, то картина получается следующей. Следует оговориться, что объем лучше устанавливать не по новейшей публикации Б.М.Клосса, а по старой публикации того же Н.С.Тихонравова, поскольку последняя точнее передает текст источника, сохраняя титла, выносные буквы, и не расширяет текст введением современных знаков препинания. Текст на листе 240–240 об. (первом листе последней, пятой, тетради первой части Жития Сергия в списке № 746) равен примерно $40\frac{1}{2}$ строкам издания Н.С.Тихонравова, текст на листе 241–241 об. занимает $37\frac{1}{2}$ строки, текст на листе 242–242 об. – 42 строки, текст на листе 243–243 об. – 43 строки, текст на листе 244–244 об. – 44 строки, текст на листе 245–245 об. – 44 строки и текст на листе 246–246 об. – $44\frac{1}{2}$ строки. Текст же окончания данной редакции, заимствованный Н.С.Тихонравовым из рукописи № 771, занимает в его издании $53\frac{1}{2}$ строки. Такой текст не мог разместиться на одном утраченном листе, он заполнял бы половину страницы другого листа, но исчез-то один лист. Кроме того, текст Жития Сергия Радонежского в рукописи Троиц. № 771 вовсе не кончается «Похвалой святому Сергию», чем закончил содержание рассматриваемой редакции памятника в своем издании Н.С.Тихонравов. После «Похвалы» в рукописи № 771 следуют еще 13 листов текста, где повторяются статьи о чудесах троцкого настоятеля, содержащиеся во второй части рукописи № 746⁴⁶. Следовательно, реконструкция Н.С.Тихонравова не отвечает тем показаниям, которые содержат источники. Б.М.Клосс повторил публикацию Н.С.Тихонравова, не заметив ошибок своего предшественника⁴⁷. Алогично поступил он и по отношению к самому себе. Посчитав, что листы 247–251 рукописи № 746 (напомним, что это уже вторая часть Жития Сергия) представляют собой копию утраченных листов первой части, он без всяких объяснений отказался их печатать. Впрочем, при реализации такого варианта ошибка Н.С.Тихо-

нравова была бы только усугублена: текст подобного размера совершенно точно не мог уместиться на последнем утраченном листе первой части. Очевидно, что продолжение текста на листе 246 об. надо искать в ином месте.

Такое место – начало листа 247 той же рукописи. Определение объемов текста на листах 240–246 об. показало, что писец первой части Жития Сергия на последних листах тетради текст уплотнял, видимо, соразмеряясь с тем, что должен был написать писец второй части. И ему это удалось. Текст между листами 246 об. и 247 не имеет никаких утрат. Последняя фраза на листе 246 об. – «Святыи же рече», а лист 247 начинается с прямой речи: «Да никому же възвѣстиши, яже видѣ...». Это обращение Сергия к Симеону, сохраненное и более поздними редакциями Жития⁴⁸. Какие-либо следы поздней механической пригонки текстов двух частей Жития Сергия Радонежского в рукописи № 746 в виде, например, зачеркиваний, повторений текстов, правок и т. п., бывающих в случаях соединения разнородных текстов, здесь отсутствуют. Все это лишний раз свидетельствует о том, что речь идет о переписывании двумя писцами одной редакции Сергиева Жития.

Какое же место занимает редакция Жития Сергия Радонежского, представленная списком Троиц. № 746, среди других редакций памятника? В сопоставимых частях она явно сокращена по сравнению с написанной Епифанием Премудрым пространной редакцией Жития Сергия. Н.С.Тихонравов имел веские основания называть ее краткой редакцией, правда, того же Епифания. С другой стороны, как убедительно показал В.М.Яблонский, эта редакция очень близка к редакции, определяемой им как редакция А (по В.О.Ключевскому и Б.М.Клоссу – вторая Пахомиевская редакция). Многочисленные совпадения текстов доказывают их тесное родство⁴⁹.

Однако родство это интерпретируется по-разному. Если В.М.Яблонский на основании шести приведенных выше различий считал более ранней редакцию А, то Б.М.Клосс – редакцию Б. Следует напомнить, что обоснование последнего автора зиждется на трех примерах: в редакции Б возраст Сергия при пострижении указан в 20 лет, а в редакции А – в 23 года, что ошибочно; в редакции Б назван младший брат Сергия – Петр, имя которого отсутствует в редакции А; в редакции Б нет вставки из Жития Федора Едесского, наличествующей в А. По сути – это не отличия редакций, а так называемые «текстологические приметы», когда исследователь, приступая к изучению средневекового литературного произведения, делит в рабочем порядке списки такого произведения на группы по некоторым характерным признакам, чтобы затем облегчить себе более сложное и более детальное сопоставление списков. Неслучайно поэтому все приведенные

Б.М.Клоссом примеры относятся к рассказу о Сергии до его пострижения, т. е. к начальному этапу повествования, по которому, не вникая в особенности последующего изложения и без лишних затрат времени можно отнести список к той или иной группе. Но более 80% текста остались им не проанализированы, а потому все наблюдения над текстом Жития В.М.Яблонского, основанные на повествовании о Сергии уже после его пострижения, остались без какого-либо конкретного разбора и даже без упоминания об их существовании. Между тем признаки, указанные самим Б.М.Клоссом, вызывают сомнения в своей показательности. Так, ошибка в определении лет пострижения Сергия не может быть отнесена к числу редакторских. Это ошибка переписчика, а не редактора. Например, в изданном Н.С.Тихонравовым списке редакции А число лет Сергия показано как «ѿг»⁵⁰. Титло напечатано только над «к» (что дает чтение «20-го»), и, если судить по данной публикации, никакой разницы в таком случае между редакциями Б и А нет. Следуя общепринятым текстологическим правилам, Б.М.Клосс справедливо полагает, что текст с интерполяцией (вставкой из Жития Федора Едесского) является более поздним, чем текст без интерполяции. Действительно, позднему редактору очень трудно полностью убрать вставку, сделанную его предшественником (в противном случае текст с интерполяцией оказался бы более ранним, чем без нее). Но речь идет о двух редакциях Жития Сергия Радонежского одного автора — Пахомия Логофета. А один автор мог как вносить в разное время в написанные им тексты различные дополнения, так и полностью устранять их. Поэтому аргумент с цитатой из Жития Федора Едесского не может считаться убедительным⁵¹. Остается единственный довод — упоминание в тексте редакции Б младшего брата Сергия Петра и отсутствие его имени в редакции А. Это вполне серьезный аргумент, но он должен быть подкреплён и другими примерами, иначе не может быть отведено соображение, что более поздняя редакция правилась по другим источникам.

Именно такой случай имел место в рассказе Жития Сергия о московском Симонове монастыре. В.М.Яблонский, как известно, отметил наличие в этом рассказе редакции А целого ряда исторических реалий, отсутствующих в аналогичном повествовании редакции Б, а потому признал редакцию А ранней. Но более детальное изучение текстов показало, что в редакции А были использованы дополнительные источники — патриаршая грамота настоятелю Симонова монастыря Федору и рассказы о нем. Сведения из них и придали повествованию редакции А большую историческую точность и полноту. Однако первоначальный текст читается все-таки в редакции Б, а не в А⁵².

Чтобы судить о соотношении двух рассматриваемых редакций, необходимо их детальное и

всестороннее сопоставление. Опуская здесь разнообразные результаты такого сличения, приведем материал, красноречиво говорящий об особенностях каждой из редакций. Речь идет о мелких, но тем не менее весьма показательных отличиях текста редакции Б, представленной списком Троиц. № 746, и редакции А. Сравнение сделано по публикации Н.С.Тихонравова, ссылки на которую даются в тексте после каждого примера. Для удобства проверки на первом месте в скобках указывается страница издания Н.С.Тихонравова (отдел I), а на втором — номер строки при счете сверху вниз. Первой цитируется редакция Б, второй — редакция А: «жити же хотящих» (16, 21) — «жити же хотящих у святого» (87, 17), «приидоша к нему» (18, 1-2) — «пришедша къ святому Сергию» (88, 18), «прѣподобный отецъ нашъ игумень Сергие» (19, 20) — «божественный Сергие» (91, 5), «пришед же» (20, 11) — «освященныи же Сергие прииде» (91, 20-21), «он же» (21, 1) — «святыйи же» (92, 11), «въ четвертыйи же день» (22, 14-15) — «въ четвертыйи же день святыйи Сергие» (94, 17-18), «он же рече» (23, 4) — «святыйи рече» (95, 3), «Сергие же видѣвъ» (25, 8) — «видѣвъ святыйи» (97, 10), «поропташа» (26, 19) — «поропташа на святого» (98, 17), «он же рече» (32, 5) — «святыйи же рече» (103, 20-21), «преподобныи же изыде» (35, 9) — «святыйи же изыде» (106, 20), «видѣвъ его» (36, 21) — «видѣ святого» (108, 8), «и рече» (39, 2) — «святыйи же, учредивъ его доволно, рече» (109, 17), «не вѣси» (39, 16) — «не вѣси святого» (110, 11), «тъ» (42, 2) — «святыйи самъ» (113, 13), «отче честныи» (43, 8) — «отче святыйи» (114, 21), «Сергие» (44, 7) — «святыйи же по сем умолюху» (115, 18), «от монастыра» (49, 8) — «от монастыря же святого предреченнаго» (120, 23), «архимандрити» (50, 20) — «архимандрити слышавше сиа от святого» (122, 17-18), «благословяше его» (51, 16) — «благословяше его святыйи» (123, 16), «монастыру» (52, 18) — «монастырь по благословению святого старца Сергия» (124, 22), «и Сергие» (53, 23) — «святыйи Сергие» (125, 19), «и тако» (66, 20) — «и тако святыйи» (142, 9).

Такие примеры можно умножить, хотя они встречаются не на всем протяжении текста, что заставляет ставить вопрос о переработке как редакций Жития Сергия Радонежского в целом, от начала до конца, так и отдельных их глав. Но совершенно очевидно, что такая «преимущественно стилистическая», говоря словами В.О.Ключевского, разница между двумя редакциями не может быть объяснена старшинством редакции А, как полагал В.М.Яблонский. При принятии его предположения о первичности редакции А получалось бы, что составитель редакции Б, представленной, в частности, списком Троиц. № 746, систематически устранял указания на святость Сергия, опуская слово «святыйи» или заменяя его синонимами, — работа, крайне странная для агиографа. Наоборот, постоянное введение этого слова в позднюю редакцию с целями еще

большого прославления радонежского игумена кажется вполне естественным. Именно такие цели вызвали появление в редакции А, вопреки мнению В.М.Яблонского, указанных им эпизодов 1, 4 и 5, которые этот исследователь считал первоначальными. На самом деле они вторичны. Отсюда вытекает, что список № 746 представляет собой более ранний вариант Жития Сергия Радонежского.

Но можно ли вывести из этого первого «пересмотра» Пахомия его второй «пересмотр», как считал В.О.Ключевский и как по сути дела считает Б.М.Клосс? Оказывается, нет. Уже В.М.Яблонский, доказывая первичность редакции А, отметил наличие в ней более подробного, чем в редакции Б, рассказа об Андрониковом монастыре. Действительно, в списке № 746 этот рассказ завершается словами: «Зде же о Андроницѣ да скратим и паки на прѣдлежащая да възвратимся»⁵³, ясно показывающими, что существовал более полный рассказ об Андронике и монастыре, где он стал настоятелем, чем в данном списке (редакции Б). Текст в редакции А сохранил по меньшей мере ряд черт этого полного рассказа. В рассказе Жития редакции А об уходе Сергия на Киржач В.М.Яблонский обратил внимание на слова, сказанные старшим братом Сергия Стефаном: «Не азъ ли преже сѣдохъ на мѣстѣ семь и церковь воздвигохъ?» Таких слов нет в редакции Б. Между тем они верны и восходят к свидетельству первоначальной редакции Жития Сергия Радонежского Епифания Премудрого⁵⁴. Приведем другие примеры, указывающие на первичность некоторых сообщений и чтений в редакции А. Так, в этой редакции в рассказе об обучении Сергия грамоте говорится, что старец, раскрывший ему такую премудрость, «причастився пиши и благословивъ ихъ»⁵⁵. В редакции же Б вместо этого читается «причастився и благословивъ ихъ» и нет упоминания о пище⁵⁶. Если считать, что редакция А есть переделка непосредственно редакции Б, то откуда же в А взялось упоминание о еде, которое в Б отсутствует? Но в полной Епифаниевской редакции подробно рассказано о трапезе, на которую незнакомаго учителя сына пригласили родители Варфоломея⁵⁷. В том же рассказе в редакции А

сохранились слова о Сергии: «младъ убо сый възрастомъ, сѣд же и заматеривъ умомъ»⁵⁸. В редакции Б их нет⁵⁹, однако в полной Епифаниевской редакции читается фраза о Сергии-ребенке, «еже въ младѣ телесе старъ смыслъ показа»⁶⁰, отталкиваясь от которой Пахомий и написал о младом возрасте, но зрелом уме Сергия. Таким образом, редакция А не восходит непосредственно к редакции Б, она имеет с нею общий источник. Установление данного факта не снижает значимости редакции Б, хотя и корректирует ее.

Подводя итоги рассмотрению Жития Сергия Радонежского в списке Троиц. № 746, следует заключить, что этот список должен датироваться не 1431 г., не концом настоятельства в Троице-Сергиевом монастыре Зиновия (первая половина 40-х годов XV в.), не 1438 г., а примерно серединой 50-х годов XV в. Поскольку к этому или примерно к этому времени относятся самые ранние списки и других переделок Пахомием Логофетом Жития Сергия Радонежского, делается очевидным, что наиболее интенсивная работа по созданию и переписыванию Жития Сергия велась в то время, когда Троице-Сергиев монастырь из удельнокняжеского становился великокняжеским. Список № 746 представляет собой не позднее механическое соединение частей двух различных редакций Жития Сергия Радонежского, а единую редакцию, одновременно переписанную двумя писцами. Первая часть (до рассказа о сошествии огня включительно) не может считаться беловым оригиналом других списков памятника. Поэтому исследование данной редакции требует привлечения всех ее списков. Редакция, представленная списком № 746, не служила источником редакции А, а имела с ней общий протограф, написанный, видимо, Пахомием Логофетом. Однако редакция списка № 746 была наиболее близка к этому протографу. Признание давнего взгляда на то, что список № 746 представляет собой единую и самую раннюю из сохранившихся редакций Жития Сергия Радонежского, составленных Пахомием Логофетом, меняет схему соотношений редакций этого Жития, предложенную Б.М.Клоссом.

¹ Современный шифр рукописи: РГБ. Ф. 304/1. № 746. Житие Сергия Радонежского занимает листы 209–261 об.

² [Горский А.В.] Историческое описание Святотроицкой Сергиевой лавры. М., 1842. С. 138–139. Текст записи Ионы Угрешского заново сверен по рукописи.

³ Филарет (Гумилевский). Русские святые, чтимые всею церковью или местно. Сентябрь. Чернигов, 1865. С. 150. Примеч. 238.

⁴ Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 118. Примеч. 1.

⁵ Там же. С. 118.

⁶ Там же. С. 118–119.

⁷ Там же. С. 115 и примеч. 1.

⁸ Там же. С. 115.

⁹ Там же. С. 115. Примеч. 1.

¹⁰ Ср.: Тихонравов Н.С. Древние Жития преподобного Сергия Радонежского. М., 1892. Отд. I. С. 5; Клосс Б.М. Избранные труды. М., 1998. Том I. Житие Сергия Радонежского. С. 344.

¹¹ Барсуков Н.П. Источники русской агиографии // Памятники древней письменности и искусства. Издание Общества любителей древнерусской письменности. СПб., 1882. Вып. LXXXI. Стб. 517.

¹² Тихонравов Н.С. Древние Жития... Отд. II. С. 191, 192.

¹³ Там же. Отд. I. С. 3 – 69; см. также: С. 67. Примеч. 2.

¹⁴ Яблонский В.М. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908. С. 54.

¹⁵ Там же. С. 55.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 56.

¹⁸ Там же. С. 57.

¹⁹ Там же. С. 61.

²⁰ Клосс Б.М. Избранные труды. Том I. С. 161. Время настоятельства Зиновия уточнил П.М.Строев. См.: Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 138.

²¹ Клосс Б.М. Избранные труды. Том I. С. 161.

²² Там же. С. 178.

²³ Там же. С. 161.

²⁴ Там же. С. 161, 177.

²⁵ Там же. С. 161.

²⁶ Там же. С. 352. Примеч. 14.

²⁷ Там же. С. 162.

²⁸ Там же. С. 162–163.

²⁹ Там же. С. 160–161.

³⁰ Тихонравов Н.С. Древние Жития... Отд. II. С. 184, 191, 192; Яблонский В.М. Пахомий Серб... С. 12–15.

³¹ Описка в № 746 и правильное чтение в № 771 были отмечены еще Н.С.Тихонравовым. — Тихонравов Н.С. Древние Жития... Отд. I. С. 65. Примеч. 1.

³² Филигрань (точнее, ее небольшие фрагменты) видна на узких подклеях корешков листов 248 (?), 249, 255, 258 и на таких же подклеях боковых сторон листов 253 (?), 255, 257 сборника № 746. Из-за того, что сохранились небольшие части водяного знака, его датировка затруднена. Но судя по растрепе перчатки, это бумага XVI в. Ср.: Briques C.M. Les filigranes. Leipzig, 1923. Vol. I–IV. № 10661 – 1523 г.

³³ В настоящее время обнаружен оригинал рукописи, с которой делал свою копию Иона Угрешский – РГБ. Ф. 98 (собр. Е.Е.Егорова). № 543. Состав этой рукописи позволяет определить в сборнике № 746 объем того текста, который был скопирован при троицком игумене Зиновии.

³⁴ Представляется загадочным, почему Б.М.Клосс, претендующий на тщательное обследование сборника № 746, не обратил на тетрадный счет Жития Сергия Радонежского никакого внимания.

³⁵ Piccard G. Wasserzeichen Dreieberg. Stuttgart, 1996. T. I. Abt. II. № 470, 471.

³⁶ Тихонравов Н.С. Древние Жития... Отд. I. С. 4. Примеч. 1,2; С. 9. Примеч. 1,3; С. 11. Примеч. 1; С. 14. Примеч. 2,3; С. 19. Примеч. 1; С. 22. Примеч. 2; С. 24. Примеч. 1; С. 25. Примеч. 2; С. 27. Примеч. 1; С. 30. Примеч. 1; С. 31. Примеч. 1; С. 32. Примеч. 1,2; С. 33. Примеч. 1; С. 35. Примеч. 1–5; С. 37. Примеч. 1,3; С. 38. Примеч. 1,2; С. 40. Примеч. 3–5; С. 42. Примеч. 1–4; С. 44. Примеч. 1; С. 47. Примеч. 1–3; С. 48. Примеч. 1; С. 49. Примеч. 1–2; С. 51. Примеч. 1; С. 52. Примеч. 2; С. 60. Примеч. 1–4; С. 61. Примеч. 2; С. 65. Примеч. 1–3; С. 61. Примеч. 1; С. 67. Примеч. 1.

³⁷ Клосс Б.М. Избранные труды. Том I. С. 343. Примеч. 2; С. 345. Примеч. 4; С. 347. Примеч. 7; С. 348. Примеч. 8; С. 349. Примеч. 10; С. 351. Примеч. 12; С. 352. Примеч. 14; С. 353. Примеч. 16; С. 355. Примеч. 20; С. 356. Примеч. 21. 23; С. 358. Примеч. 28, 29; С. 360. Примеч. 35; С. 362. Примеч. 38, 39; С. 363. Примеч. 40, 41, 43; С. 365. Примеч. 49, 50; С. 366. Примеч. 51; С. 367. Примеч. 55, 56; С. 370. Примеч. 60; С. 371. Примеч. 66, 67; С. 372. Примеч. 68, 70–72; С. 373. Примеч. 73, 75, 76, 79.

³⁸ Такая форма присутствует в цитате Б.М.Клосса на с. 162 его работы, но в издании текста он печатает

«отроча». См.: Клосс Б.М. Избранные труды. Том I. С. 345 и примеч. 4.

³⁹ РГБ. Ф. 304/I. № 136.

⁴⁰ Следует отметить, что в работах Б.М.Клосса весьма часто и весьма уверенно говорится о том, что такой-то текст в различных рукописях написан совершенно определенным историческим лицом, что тот же человек делал большие и малые поправки-вставки в иной текст и т. п. В этом отношении Б.М.Клосс оставил далеко за собой всех прежних и нынешних исследователей. Однако в подавляющем большинстве случаев Б.М.Клосс не приводил фактов, подтверждающих его идентификации почерков. Верить приходилось на слово. Между тем сравнение между собой различных утверждений Б.М.Клосса серьезно подрывает такую веру. Так, в работе 1990 г. при описании списков Проложной редакции Жития Сергия Радонежского под № 38 им был указан список «ГПБ. ОЛДП. Ф. 217 (л. 239–243) – I пол. XVI в., а под № 50 – список «ГПБ; Кир.-Бел. 22/1099 (л. 163–166 об.) – XVI в.» (Клосс Б.М. Жития Сергия и Никона Радонежских в русской письменности XV–XVII вв. // Методические рекомендации по описанию русских рукописных книг. М., 1990. Вып. III, ч. 2. С. 283). Через 8 лет в томе I «Избранных трудов» этим спискам была дана совсем другая характеристика. В описании списков той же Проложной редакции Жития Сергия Радонежского под № 9 значится список «РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 22/1099 (л. 164–167 об.; со стихом) – 1476 г.», а под № 75 – список «РНБ, собр. Общества любителей древней письменности, Ф. 217 (л. 239–243; б.с.) – начало XVII в. (далее указаны филигранные 1606 и 1607 гг. – В.К.)» (Клосс Б.М. Избранные труды. Т. I. С. 191, 197). Не будем обсуждать вопросов, когда и где надо было отмечать наличие или отсутствие стихов в списках, в 1990 г. или в 1998 г. правильно указаны листы рукописи Кирилло-Белозерского собр. № 22/1099. Обратим внимание на даты. В 1990 г. последняя рукопись была отнесена к XVI в., а в 1998 г. – к 1476 г. Другая рукопись в 1990 г. была отнесена к первой половине XVI в., а в 1998 г. по филиграммам – к началу XVII в. По каким же признакам в 1990 г. Б.М.Клосс датировал обе рукописи XVI веком? Очевидно, что не по филиграммам, поскольку те указывали на совсем иное время написания рукописей. Ясно, что водяных знаков обоих сборников Б.М.Клосс тогда не изучил, но счел нецелесообразным прямо предупредить об этом читателей. Почему же все-таки появился XVI в.? Есть единственный ответ на поставленный вопрос – в 1990 г. датировки были произведены по почерку. В 1998 г. выяснилось, что датировка ни той, ни другой рукописи неверна. Одна рукопись относится к 70-м годам XV в., другая – к первому десятилетию XVII в. Ошибки 1990 г. ясно показывают, что Б.М.Клосс не отличает полууставных почерков последней четверти XV в. от полууставных почерков начала XVII в. Но если не различаются почерки, разделенные почти полутора столетиями, то как же различаются индивидуальные почерки людей XV–XVI вв.?

⁴¹ Клосс Б.М. Избранные труды. Том I. С. 178.

⁴² Piccard G. Die Ochsenkopfwasserzeichen. Stuttgart, 1966. Teil I, VII. № 423. S. 118; Teil II, VII. № 423. S. 429.

⁴³ Клосс Б.М. Избранные труды. Том I. С. 161.

⁴⁴ Там же. С. 178.

⁴⁵ Тихонравов Н.С. Древние Жития... Отд. I. С. 67. Примеч. 2.

⁴⁶ В частности, статьи «О проявлении святого мощемъ» (лист 254), «О исцѣлѣвшемъ Димитрии, иже есть Каисса» (лист 258), «О нѣкоемъ вельможи тферьскомъ» (лист 258 об.), «О прозрѣнии слѣпомъ» (лист 262), «О отроковицѣ нѣкоеи» (лист 262 об.), «О бѣснующемся челоуѣке нѣкоемъ» (лист 262), «О имущемъ суху руку» (лист 264) — РГБ. Ф. 304/1. № 771.

⁴⁷ Клосс Б.М. Избранные труды. Том I. С. 373. Примеч. 80; С. 374–375.

⁴⁸ Тихонравов Н.С. Древние Жития... Отд. I. С. 142; Клосс Б.М. Избранные труды. Том I. С. 410.

⁴⁹ Яблонский В.М. Пахомий Серб... С. 40, 41, 54, 60, 61.

⁵⁰ Тихонравов Н.С. Древние Жития... Отд. I. С. 86.

⁵¹ Кстати говоря, упрек Б.М.Клосса в адрес В.М.Яблонского, что тот «ошибочно трактовал» вставку из Жития Федора Едесского как «свидетельство первичности редакции А» (Клосс Б.М. Избранные труды. Том I. С. 160), совершенно несправедлив. В.М.Яблонский писал об

этой вставке не в главе о Житии Сергия Радонежского, а в главе о литературных источниках всех произведений Пахомия Логофета, и не на с. 277–279, как указано у Б.М.Клосса, а на с. 279. Заимствование из Жития Федора Едесского он никак не связывал со временем появления той или иной редакции Жития Сергия Пахомия Логофета.

⁵² Кучкин В.А. Начало московского Симонова монастыря // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. М., 1995. С. 117.

⁵³ Тихонравов Н.С. Древние Жития... Отд. I. С. 62; Клосс Б.М. Избранные труды. Том I. С. 371 (текст перепечатан не вполне точно).

⁵⁴ Клосс Б.М. Избранные труды. Том I. С. 306–307.

⁵⁵ Тихонравов Н.С. Древние Жития... Отд. I. С. 78.

⁵⁶ Там же. С. 10.

⁵⁷ Клосс Б.М. Избранные труды. Том I. С. 300.

⁵⁸ Тихонравов Н.С. Древние Жития... Отд. I. С. 78.

⁵⁹ Там же. С. 10.

⁶⁰ Клосс Б.М. Избранные труды. Том I. С. 301.

Т.И. Макарова, С.А. Плетнева

К ВОПРОСУ О РАСТИТЕЛЬНОМ ОРНАМЕНТЕ В МЕТАЛЛОПЛАСТИКЕ ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА

Более ста лет назад Н.П. Кондаков высказал мысль, не потерявшую актуальности и в наши дни. Она заключалась в необходимости изучения того пласта художественной культуры степных народов, который сложился на обширных просторах Сибири и Европы. Эта «юго-восточная культура, достигшая Великих Болгар и Перми», писал он, тесно связана «с древностями кочевых орд, господствовавших после переселения народов от Каспийского моря до Карпат. Начало этого стиля — в древностях Сибири, а конечные формы — в древностях Венгрии» (Кондаков, 1896. С. 13). Применительно к Восточной Европе речь идет о художественной культуре, созданной степными народами в период, предшествующий образованию Древнерусского государства. Именно этот период имел в виду В.В. Стасов, когда писал о проникновении «персидских мотивов» в орнамент Восточной Европы ранее «нашего знакомства с Византией» (Стасов, 1872. С. XVI). Очевидно, это было время образования и расцвета Хазарского каганата.

Произведениями прикладного искусства, в которых с наибольшей выразительностью прослеживаются рождение и распространение по всей территории Хазарии единого художественного стиля, являются детали металлической гарнитуры воинских поясов. Каждый полностью сохранившийся, дошедший до нас поясной набор состоит из трех ча-

стей: пряжки (или нескольких пряжек), бляшек и наконечников. Все они очень разнообразны, отличаются способом изготовления, формой и орнаментикой. Выделение характерного для собственно Хазарии стиля, исходя только из формы бляшек, было весьма убедительно сделано Н.А. Фонаковой (Фонакова, 1998. С. 636–640).

Мы попытаемся выявить особенности этого стиля по богатой орнаментике, покрывающей подавляющее большинство поясной гарнитуры: пряжек, бляшек и наконечников.

Ведущий мотив орнамента представлен различными модификациями растительного узора. Богатый растительный орнамент, характерный для всего степного мира VIII–X вв., стал предметом исследования многих ученых. О нем писали Т. Арне (Arne, 1914), А. Захаров и В.А. Арндт (Zakharov, Arendt, 1935), Г.А. Федоров-Давыдов (Федоров-Давыдов, 1976), В.П. Даркевич (Даркевич, 1976), Б.И. Маршак (Маршак, 1971), Н.А. Фонакова (Фонакова, 1986; 1998), отмечавшие участие в его формировании восточных прототипов.

За орнаментом этого стиля закрепился даже термин «постсасанидский». Б.А. Рыбаков напрямую связывал постсасанидский стиль в прикладном искусстве VIII–X вв. с салтово-маяцкой культурой (Рыбаков, 1948. С. 102).

Отыскивая истоки орнаментального стиля, ученые опираются на сходные мотивы в орнаменте разных народов. Это вполне естественно: всякое искусство, по мнению Н.П. Кондакова, начинается с заимствования (Кондаков, 1899. С. 6). Однако он при этом подчеркивал, что «под влиянием должно разуметь то двоякое, но цельное влияние идеи и формы, которое одно и подвигает вперед художественную среду» (Кондаков, 1884. С. 11).

Что же за идея может объяснить главенствующую роль растительного орнамента в искусстве степных народов начиная с VII–VIII вв. (Федоров-Давыдов, 1976. С. 69)? Эта идея была подобна революционному открытию в сознании средневекового обитателя степей Евразии. Она заключалась в осознании общности судеб всего живого на земле, от малого ростка до человека: рождение, рост, размножение, умирание и снова рождение. Растительный орнамент стал иллюстрацией этого открытия, отражением в искусстве важного этапа в осмыслении жизни. Разные народы на определенной стадии своего развития открыли этот круговорот жизни с его ключевыми моментами — рождением и смертью, — связанными переходом одного в другое, ибо, как сказал поэт, «мудрость нам единая дана: всему живущему идти путем зерна» (Ходасевич, 1996. С. 13). Орнаментальные мотивы, послужившие для иллюстрации этого открытия, у каждого народа оказывались своими. Сама природа подсказывала их: на Ближнем Востоке это была финиковая пальма, в Египте — лотос, в Китае — водяная лилия, у народов Евразии — трилистник (крин). Заимствования мотивов оказываются следами исторической жизни определенной орнаментальной системы, постоянно впитывавшей соки соседних культур.

Причем появление сходных мотивов в орнаменте разных народов оказывается не механическим заимствованием, а результатом близких по смыслу идей. Возникает вопрос: свидетельствует ли гарнитура воинских поясов Хазарии о сложении в ее недрах самостоятельного художественного стиля или она — повторение стиля, общего для разных степных народов определенного периода?

Мы рассмотрим растительный орнамент поясной гарнитуры на материалах одного памятника — Дмитриевского могильника, поскольку он обработан и полностью опубликован (Плетнева, 1989).

В могильнике обнаружено 37 катакомб с воинскими поясами, украшенными накладками с растительным орнаментом, что составляет 68% всех катакомб с погребениями опоясанных воинов. В абсолютном большинстве пояса относятся к двум хронологическим периодам функционирования могильника: раннему, датированному концом VIII — первой третью IX в. и «среднему», относящемуся к середине IX в., т.е. ко второй трети этого века. В конце IX в. растительный орнамент исчезает полнос-

тью. Только в одной катакомбе (79) этого времени были обнаружены поясные пряжка и наконечник, покрытые богатым растительным узором (рис. 1, 30, 36; табл. 1).

В двух более ранних периодах гарнитура представлена 360 предметами: простыми бляшками (рис. 1, 1–11, 39–43), бляшками с подвижным кольцом (рис. 1, 14–24, 58–60), бляшками с прорезью (рис. 1, 47–57), пряжками (рис. 1, 25–30, 63–65) и наконечниками (рис. 1, 32–37, 68–73). Все они выполнены из бронзы техникой литья с последующей гравировкой.

Между двумя хронологическими группами наборы этих поясов распределены неравномерно: в первой (ранней) группе их 227 (62 %), во второй — 135 (38 %). Причем следует учитывать, что во второй группе гарнитура с растительным узором обнаружена в 17 катакомбах, а в первой — всего в 9. Очевидно, в ранний период пояса были значительно полнее (фактически исключительно) укомплектованы гарнитурой с нарядным растительным узором. Во второй период в гарнитуру постоянно включались накладки совсем без орнамента или (реже) с геометризированным узором.

Эти особенности стали преобладающими на поясах конца IX в. (рис. 1, 12–13, 31, 44–46; рис. 2, 7–11). Помимо орнамента (или его отсутствия), изменился и способ их изготовления: широко распространилась техника штамповки из тонкого, обычно серебряного листа. Изредка в гарнитуру поясов и конской сбруи включались бляшки, отлитые с массивных литых византийских блях с пышным орнаментом (рис. 2, 1–6).

Так, выполненная менее трудоемким способом штамповки гарнитура практически полностью вытеснила сложные растительные узоры, украшавшие более ранние пояса (Плетнева, 1989. Рис. 85–88). Тем не менее, фактически почти весь IX в. поясная гарнитура, орнаментированная различными комбинациями растительных узоров, была модой, общепринятой на всей территории Хазарского каганата.

Обратимся далее к формальному анализу растительного орнамента, основным элементом которого была модификация главного мотива сасанидской торевтики — плода лотоса (рис. 3, 18). Это округлых очертаний подтреугольная фигура с ростком внутри и как бы проросшим вниз, в «землю» корнем. Идея ростка, выглянувшего из лопнувшего зерна, здесь выражена лаконично и ясно.

На хазарских поясах этот мотив воспроизведен на бляшках, представляющих собой округлых очертаний розетки, сохранившие, несмотря на разнообразие форм, подтреугольные очертания. Все они имеют углубление в нижней части, иногда хорошо выраженное, округлое или треугольное, иногда чуть заметное (рис. 1, 1–13). В одном случае оно заменено продолжением ростка, находящегося в цент-

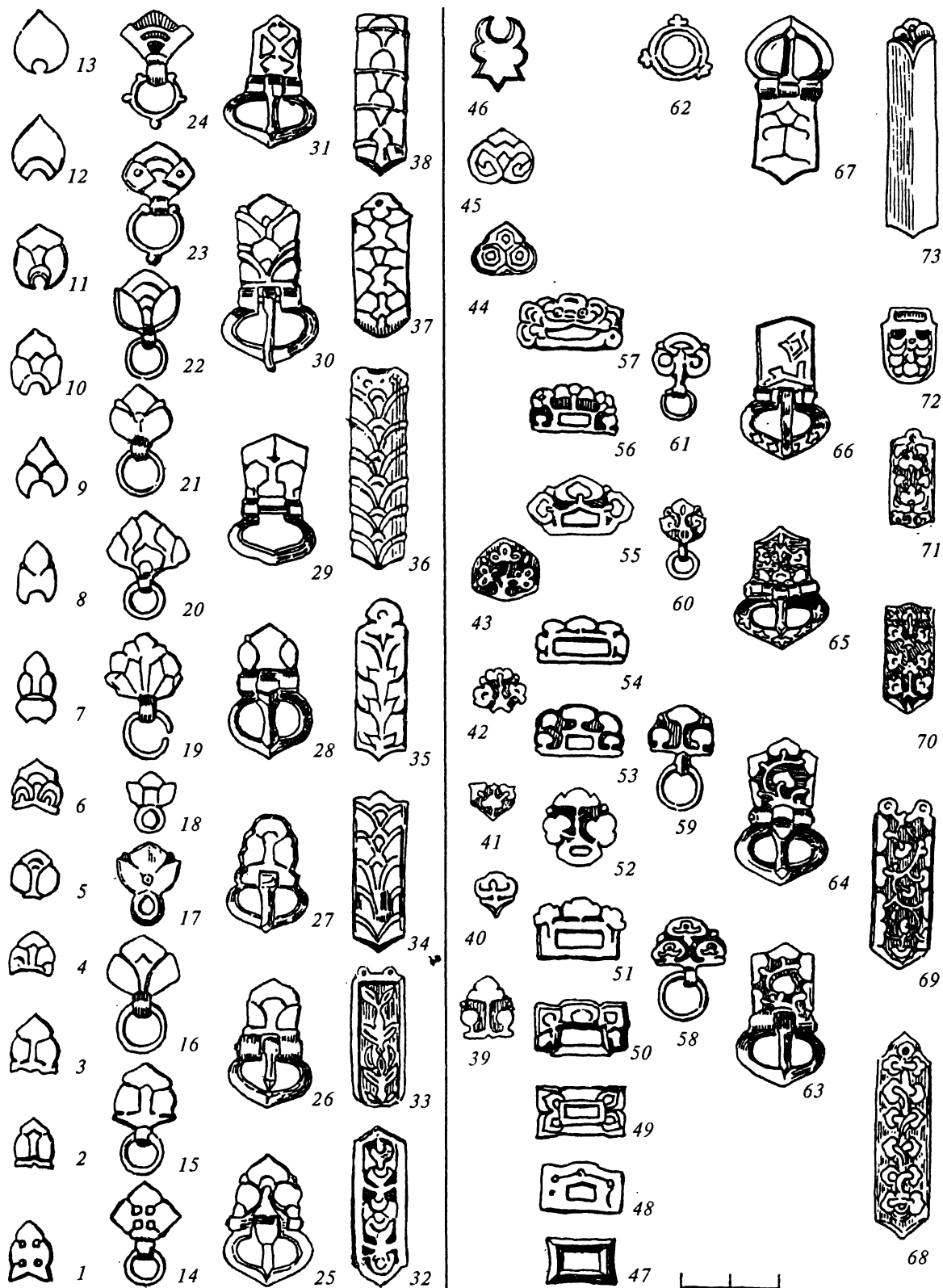

Рис. 1. Гарнитура с растительным орнаментом на воинских поясах из катакомб Дмитриевского могильника (1–73)

ре розетки (рис. 1, 5) и объясняющего связь растительного мотива с «землей», из которой он произрастает. Еще одна общая для всех бляшек черта — трехчастное ее членение, иногда очень ясно выраженное (рис. 1, 2–11), иногда геометризованное (рис. 1, 1). Смысл этого членения становится ясным при рассмотрении бляшек с четко показанным ростком, почти «древом», как бы произрастающим из тела розетки (рис. 1, 2–7, 10–11). На некоторых предельно упрощенных экземплярах розетка образует росток копьевидных очертаний, сохраняющих от более сложных прототипов только округлую выемку в основании (рис. 1, 12, 13).

Растительный мотив на бляшках с кольцом тот же, иногда он повторяется буквально (рис. 1, 14–16, 21). Преобразуясь в сторону усложнения (рис. 1, 19, 20) или большей геометризации (рис. 1, 22–24), он сохраняет свои главные черты: подтреугольный, сглаженный контур, сердцевину, как бы прорастающую из растительного мотива (рис. 1, 15–17, 20–22). Семантика сюжета читается при сравнении с бляшками-розетками без труда.

На пряжках мы видим тот же сюжет, иногда буквально повторенный (рис. 1, 25, 26), иногда несколько измененный подчинением рисунка контуру шитка пряжки (рис. 1, 27, 29). В одном случае сюжет повторен дважды, превратившись в два раппорта бордюра (рис. 1, 30). На наконечниках мотив проросшего плода лотоса образует, подчиняясь форме предмета, бордюр, в котором каждый раппорт повторяет основной мотив (рис. 1, 32). На ряде экземпляров бордюр заметно «усыхает», геометризуясь (рис. 1, 34–38), но идею «прорастания» центрального ростка не утрачивает.

Модификацию рассмотренного сюжета представляют предметы гарнитуры другого вида. В основе их орнаментации лежит элемент, типологически связанный с предыдущим, лотосовидным, но явно преобразованный, «процветший». В простейшем варианте это трехлепестковый росток и композиции из него: усложненные пятилепестковые розетки и бордюры. В отдельных случаях бляшки, в сущности, повторяют узор бляшек первой группы (рис. 1, 3, 39), только в первом случае три ее части составляют единую композицию, во втором они ясно разделены на три мотива: в центре — трехлепестковый росток (дерево), а по сторонам — однолепестковые ростки, на одних бляшках росток принимает

Рис. 2. Геометрический и геометризованный орнамент на гарнитуре воинских поясов позднего периода функционирования Дмитриевского могильника (1–11)

«цветочные» очертания (рис. 1, 41–43), на других он сильно геометризован (рис. 1, 44, 45). Прямоугольные бляшки с прорезью, как и бляшки с кольцом, сохраняют композицию из трех или пяти ростков, иногда напоминающих лотосовидный мотив (рис. 1, 55). Бляшки с кольцом не избегают предельной геометризации, не мешающей, однако, пониманию семантики узора (рис. 1, 61).

Шитки пряжек украшены выющимся побегом с лепестками копьевидной формы, в которых угадывается ее прообраз — плод лотоса (рис. 1, 63, 64). На некоторых экземплярах подчеркнутая сердцевина делает похожими их на цветок (рис. 1, 65). Наконец, наконечники демонстрируют бордюры или выющийся побег с основным элементом, представляющим модификацию лотосовидной фигуры в трехлепестковый цветок (рис. 1, 68–71). Даже в случае предельного упрощения наконечник, совсем лишенный орнамента на основной плоскости, все же завершается трехлепестковым ростком или цветком с подчеркнутой сердцевиной (рис. 1, 73).

Анализ орнаментации гарнитуры воинских поясов из Дмитриевского могильника позволяет заключить, что орнаментация всех его частей построена на вариации двух основных элементов, один из которых восходит к сасанидскому плоду лотоса, а второй — на его преобразовании в «цветочный» мотив из трех-пяти лепестков. Возможно, сама эта трансформация основного мотива орнамента в дан-

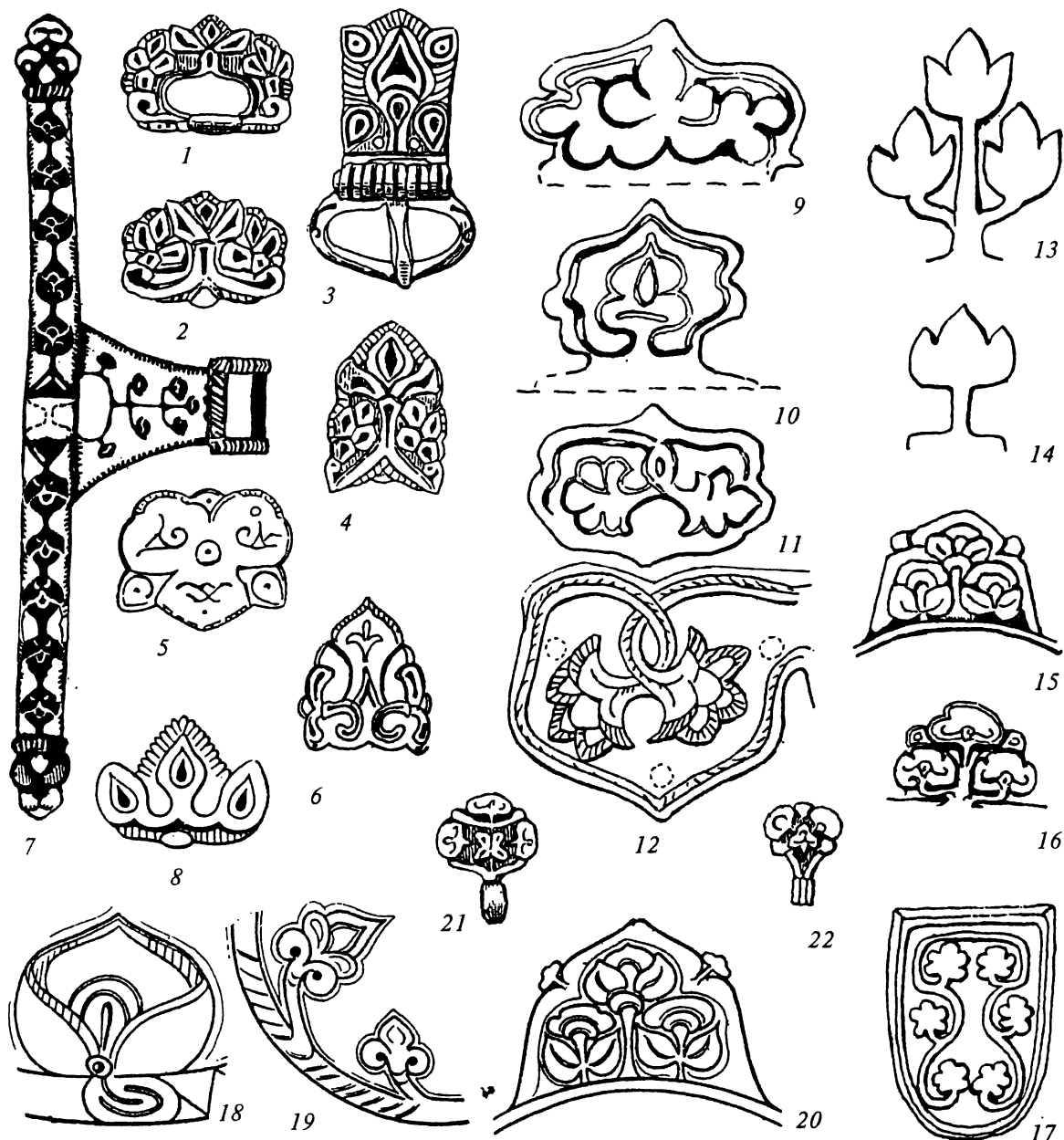

Рис. 3. Аналогии растительной орнаментации воинским поясам Дмитриевского могильника

1-4 – детали богатого пояса из клада, обнаруженного в Саркеле; 5-6 – бляшки из культурного слоя Саркела; 7 – псалия от удила из разрушенного погребения у г. Алексеевка Белгородской обл.; 8 – бляшка из погребения Дардонского могильника (Северный Кавказ); 9-11 – накладные бляшки на оковке малого турьего рога из Черной могилы (Чернигов); 12 – деталь оковки малого турьего рога; 13-14 – деревья, изображенные на бронзовом ковше, обнаруженном у д. Кипы в Омской обл.; 15 – лотосовидная композиция на ручке серебряной кружки из Томынского клада; 16 – лотосовидная композиция, изображающая деревья на ободке серебряного ковша из Коцкого городка (низовья Оби); 17 – наконечник пояса с «цветочным» орнаментом из Пенджикента; 18-20 – детали орнаментации согдийских сосудов; 21-22 – поясные бляшки из погребений скандинавских воинов (Бирка)

ном случае отражает растительный цикл, разные его фазы.

С формальной точки зрения, растительная орнаментация хазарских поясов свидетельствует о сложении единого стиля, если понимать под стилем орнамента построение его из единого исходного элемента, присутствующего в различных вариациях во всех его композициях.

Материалы Дмитриевского могильника позволяют говорить о существовании этого стиля, наиболее полно и выразительно характеризовавшего прикладное искусство каганата. Оба мотива (варианта) стиля (лотосовидный и «цветочный») представлены в могильнике в двух периодах почти в равной степени: в первом лотосовидных накладок — 57 %, а «цветочных» — 43 %, во втором — лотосовидный мотив украшает 66 % накладок, а «цветочный» — 34 %. При сравнении этих данных следует учитывать, что, как говорилось выше, в первом периоде гарнитура в целом была значительно богаче и разнообразнее, что явилось, видимо, причиной некоторого различия соотношений разновариантных накладок в первом и втором периодах.

Как бы там ни было, но очевидно, что накладки обоих вариантов сосуществовали на протяжении всего IX в. Однако отметим, что некоторые наиболее архаичные типы накладок с лотосовидным орнаментом (рис. 1, 1–5, 14, 15; табл. 1) встречаются почти исключительно в катакомбах раннего времени, а пряжки и наконечники, украшенные пышным «цветочным» узором (рис. 1, 63–65, 68–71), наконечники без орнамента, но с окончанием в виде ростка или цветка попадались только на поясах второго периода. Эти факты дают нам основание предположить, что производство накладок с растительным орнаментом началось с лотосовидных бляшек простейших очертаний, а закончилось сложным декором из цветов, листьев и плодов, связанных друг с другом одним выходящим ростком или стеблем.

Это наблюдение, сделанное на конкретных материалах одного памятника, по-видимому, можно распространить на все известные в настоящее время изделия массового производства, известные на территории Хазарского каганата.

В этом отношении представляют интерес немногочисленные предметы прикладного искусства, сделанные мастерами высокого класса. К ним можно отнести не только произведения торовтики, но и некоторые предметы конской упряжи и воинских поясов, обнаруживающих несомненное сходство основных мотивов растительной орнаментации. Так, на псалии из погребения IX в. у г. Алексеевка изображены бордюры из плода лотоса и дерево с тем же мотивом, находящим близкую аналогию на согдийской посуде (рис. 3, 7, 18) (Макарова, Плетнева, 1983. С. 74–75). Трехчастную композицию из того же лотосовидного мотива, проросшего в «землю», находим на Котском блюде (рис. 3, 16) и в несколько

«процветшем» варианте — на ручке ковши из Томыза (рис. 3, 15) (Даркевич, 1976. С. 167–169. Табл. 54). Близкую аналогию этим сюжетам также находим на согдийском серебре (рис. 3, 20) (Маршак, 1971. Табл. 40), причем во всех трех случаях элемент «цветения» подчеркнут одинаково: двумя ростками, симметрично дополняющими композицию справа и слева. Интересно, что на двух бляшках с кольцом, попавшим какими-то путями в Скандинавию, лотосовидные композиции тоже дополнены в одном случае — трехлепестковым ростком (рис. 3, 22), в другом — четырехлепестковой розеткой (рис. 3, 21) (Jansson, 1986. Taf. 96, 8, 9).

Идея прорастания цветка (ростка) из семени, в композициях с лотосовидным мотивом только намеченная, четче выражена на частях воинских поясов из Саркела и Дардонского могильника (рис. 3, 1–6, 8). Последняя представляет собой лаконичную, но выразительную композицию из трех зерен с центральным, как бы «прорастающим» ростком и подстилающей их полоской «земли» с каплей влаги. Та же идея выражена на саркельских бляшках с выразительной демонстрацией следующей фазы роста: пышным «цветением» трехлепестковых растений и, как на щитке пряжки и наконечнике, — мощных «древ» (рис. 3, 1, 2 и 3, 4) (Макарова, Плетнева, 1983. С. 62–76).

Еще дальше ушел от способа выражения идеи роста от лотосовидных композиций мастер, сделавший бляшки оковки турьего рога (рис. 3, 9–11) (Рыбаков, 1971. С. 10–14. Рис. 2–4). На них в технике инкрустации (не черни!) изображены розетки из трех- и пятилепестковых растений. Их связывает с выше рассмотренными сюжетами зерно, показанное в одном из них (рис. 3, 10), и уводит от строгой симметрии этих сюжетов элемент переплетения, присутствующий на одной из бляшек (рис. 3, 11). Интересно, что в данном случае мастер явно подражал более совершенно исполненному сюжету на том же турьем роге (рис. 3, 12).

Наконец, композиции, содержащие идею развития, заменяются изображением последней его фазы: мощным трехлепестковым ростком, скорее — деревом (рис. 3, 13, 14).

Создается впечатление, что все рассмотренные изображения на поясных наборах и произведениях торовтики семантически едины, разнятся они способом выражения идеи разных фаз роста. Изображения этого сюжета эволюционируют от лотосовидного мотива или плода лотоса, как он представлен на произведениях восточного искусства от Ирана до Средней Азии, до трехлепесткового ростка-крин, пышного цветка или дерева, похожего по очертаниям на лиственное дерево средних широт.

При этом заимствуется сначала идея в той форме, в которой она была первоначально воспринята (плод лотоса), а со временем она находит другие формы выражения (крин, дерево и т.п.). Уверенность

Таблица 1
Распределение поясной гарнитуры с растительным орнаментом в катакомбах трех хронологических групп Дмитриевского могильника.

Група	№ кат.	1	2/4	5	6	7/9	10/11	14	15	16	17/18	19/20	21/24	25/27	28/29	30	32/37	39	40	41/43	47	48/50	51	52	53/54	55/56	57	58/59	60	61	63/64	65/66	68	69/71	73		
III	179															1	1																				
II	169																			4									3				1				
	162										2																									1	
	157					5				6							1					1															
	155												2																								
	148																			11		1													1		
	142												3																								
	126																			4												1					
	124																						1	1												1	
	119										5																										
	118										2			1			1																			1	
	115						1							1																						1	
	108		1		1								1																								
	106																																1				
	101	5																																			
	92		1		20							3						1																		1	
	72						4			16		10	1																								
	70																																				
I	165	8											4					1							2												
	164	12					7							1							3																
	121		9						11																												
	111			16				12						1				1			1	2															
	87																	8				2															
	81		4					13													1																
	80	9						6					1								3																
	51	1						8																													
	21		1	1		2														1	21	1	4					1	22		2						

№ 1–37 – с лотосовидным мотивом, № 39–73 – с трех-, пятилепестковым и цветочным узором (см. рис. 1).

в справедливости такого вывода придают наблюдения, сделанные исследователями на другом материале. Так, Л.И. Ремпель, анализируя средневековый архитектурный орнамент Средней Азии VI–VIII вв., отмечал, что одним из исходных его элементов был лотос, но со временем «место лотоса окончательно заняли тюльпан и трилистник» (Ремпель, 1961. С. 87). К аналогичному выводу пришел и Б.И. Маршак на примере торевтики VII–VIII вв. Средней Азии. Лотос, являвшийся ведущим элементом близкой сасанидской традиции школы А, позже, на втором этапе школы В, когда влияние сасанидского искусства ослабевает, заменяется трилистником (Маршак, 1971. С. 46). Так, частный пример салтовского растительного орнамента хорошо иллюстрирует мысль Д.Д. Фрезера об отражении разными народами в культе растительности всеобщей идеи непрерывного возрождения жизни (Фрезер, 1980. С. 129–141, 376 и др.). А запечатленные в орнаменте разные фазы растительного цикла подтверждают догадку о том, что в его «узорах человек прозревал след мирового закона» (Лелеков, 1975. С. 64, 75).

Итак, закономерность, уловленная на ограниченном материале одного могильника, оказывается

всеобщей. Она заставляет еще раз обратиться к толпасту растительной орнаментации, которая представлена металлопластикой Хазарского каганата по достоинству оценить ее вклад в декоративное искусство средневековья. При этом надо вспомнить, что, по мнению таких знатоков византийского искусства, как В.Н. Лазарев и А.В. Банк, в самой Византии растительный орнамент получил развитие только в X–XI вв. На степных просторах от Дальнего Востока до Дуная растительная орнаментация сложилась намного раньше, в VIII–IX вв. (Мерперт, 1951. С. 138). Анализ металлопластики большого числа салтовских памятников убеждает в деятельности ремесленных центров при ставках каганов и военачальников, производивших высокохудожественные изделия с богатым растительным орнаментом уже в конце VIII в. (Макарова, Плетнева, 1983. С. 62–76; Фоякова, 1986. С. 45–46).

Учитывая это, приходится признать, что важнейшее достижение декоративного искусства Древней Руси – растительный орнамент – явился наследием не только Византии, но и тех народов, которые создали первое государство Восточной Европы – Хазарский каганат.

Литература

- Банк А.В., 1971. Опыт классификации византийских серебряных изделий X–XII вв. // ВВ. № 32.
- Даркевич В.П., 1976. Художественный металл Востока VII–XIV вв. М.
- Кондаков Н.П., 1884. Какая возможна в современной науке археологии постановка вопроса о влиянии в области искусства вообще и византийского искусства, в частности // Бюллетени VI АС в Одессе. Одесса. № 4.
- Кондаков Н.П., 1896. Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода. СПб.
- Кондаков Н.П., 1899. О научных задачах истории изучения древнерусского искусства. СПб.
- Лазарев В.Н., 1966. Михайловские мозаики. М.
- Лелеков Л.А., 1975. Искусство Древней Руси в его связи с Востоком // Древнерусское искусство. М.
- Макарова Т.И., Плетнева С.А., 1983. Пояс знатного воина из Саркела // СА. № 2.
- Маршак Б.И., 1971. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике // Культура народов Востока: Материалы и исследования. М.
- Мерперт Н.Я., 1951. О генезисе салтовской культуры // КСИИМК. Вып. 36.
- Плетнева С.А., 1989. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.
- Рыбаков Б.А., 1948. Ремесло Древней Руси. М.
- Рыбаков Б.А., 1971. Русское прикладное искусство до Л.
- Ремпель Л.И., 1961. Архитектурный орнамент Узбекистана. Ташкент.
- Стасов В.В., 1872. Русский народный орнамент (шитье, ткани, кружево). СПб. Вып. I.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1976. Искусство кочевников Золотой Орды // Очерки культуры и искусства народов евразийских степей и золотоордынских городов. М.
- Фоякова Н.А., 1986. Лотос в растительном орнаменте металлических изделий салтово-маяцкой культуры VIII–IX вв. // СА. № 3.
- Фоякова Н.А., 1998. Художественный стиль украшения поясов в Хазарии второй половины VIII – начала X в. // МАИЭТ. Симферополь. VI.
- Фрезер Д.Д., 1980. Золотая ветвь. М.
- Ходасевич В.Ф., 1996. Перед зеркалом. М.
- Arne T., 1914. La Suede et l'Orient. Upsal.
- Jansson I., 1986. Gurtel und Gurtelzubehor vom orientalischen Typ // Birka II. Systematischen der Graberfunde. Stockholm. 2.
- Zakharow A., Arendt W., 1935. Beitrage zur Frage der Turkischen Kultur der Volker wanderungszeit // Archaeologia Hungarica. Budapest. T. XVI.

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ПРИГОРОД ЦАРЕВСКОГО ГОРОДИЩА*

В 1999 г. Волго-Ахтубинская археологическая экспедиция Волгоградского государственного педагогического университета проводила исследования северо-западного пригорода Царевского городища. Памятник расположен в 700 м к ЗСЗ от северо-западного охранного знака Царевского городища, за пределами охранной зоны. Он занимает ровный степной участок, ограниченный с севера и востока поймой р. Кальгуты, а с юга — глубоким котлованом недостроенного оросительного (?) канала. Центральную часть памятника с запада на восток пересекает шоссе Волгоград — Астрахань.

Судя по внешнему виду большинства объектов, северная часть пригорода никогда не распаивалась, а южная несколько десятилетий назад была пропахана при посадке лесополосы, от которой в настоящее время сохранились лишь отдельные кусты и деревья. Крайние западные объекты комплекса почти вплотную примыкают к заброшенной овощной плантации. Сейчас трудно сказать, насколько серьезно пострадал памятник в результате распашки, строительства канала, шоссе и посадки лесополосы. Очевидно, некоторые объекты в результате этого были полностью уничтожены. Тем не менее можно констатировать, что в целом этот интересный комплекс сохранился вполне удовлетворительно. В настоящее время большая часть объектов памятника задернована и покрыта жухлой полупустынной растительностью. Общая площадь его чуть более 20 га (рис. 1).

Всего на площади памятника визуально выявлено 332 объекта. Из них: 99 курганообразных всхолмлений, 219 ям и 14 оград — дувалов. Курганообразные всхолмления — округлой или овальной формы, несколько десятков из них имеют неправильные очертания. Вершины большинства всхолмлений уплощены, некоторые из них относительно недавно повреждены глубокими ямами и траншеями. Размеры всхолмлений различны — от 3х3 до 65х42 м; высота от 0,12 до 2 м.

Большинство ям — округлой или овальной формы, хотя встречаются углубления неправильных очертаний и аморфные западины, образовавшиеся в результате слияния нескольких расположенных рядом ям. Размеры их от 3х3 до 65х42 м, глубины от 0,1 до 2,3 м. Очевидно, большинство ям образовалось в процессе добычи глины для изготовления сырцовых и жженных кирпичей.

Кроме ям и курганообразных всхолмлений, на площади памятника выявлены своеобразные ограды — дувалы. Некоторые из них сохранились плохо и в настоящее время едва выделяются на поверхности. Остальные имеют довольно четкие подквадратные или прямоугольные очертания. Все они представляют собой оплывшие уплощенные валы высотой 0,18–0,28 м и шириной 3–5,5 м. Большинство оград ориентировано по линии север–юг, хотя есть сооружения, ориентированные с ССВ на ЮЮЗ и с ССЗ на ЮЮВ. Размеры оград от 25х30 до 90х90 м. Протяженность одного из валов в южной части памятника более 100 м. Две ограды в северо-восточной части памятника имеют неширокие перемычки — входы, обращенные к ЮЮЗ, т. е. ориентированные точно на Мекку. Большинство дувалов ограждают остатки больших сооружений, образуя обширные «дворы», другие расположены на ровных участках с небольшими западинами и слабо заметными всхолмлениями.

Четкой планировки в расположении большинства объектов не наблюдается, хотя отдельные группы всхолмлений образуют обособленные комплексы. Визуально выделяются северная, восточная, южная, западная и центральная группы. В центральной и северной группах часть всхолмлений расположена довольно правильными рядами, ориентированными с запада на восток и с ССЗ на ЮЮВ. Правильная планировка хорошо прослеживается в расположении четырех больших овальных холмов в южной части памятника. Все они ориентированы с запада на восток и вытянуты цепочкой по линии запад–восток. Некоторые из них были окружены дувалами, которые имели квадратную или прямоугольную (?) в плане форму. Все дувалы в южной части памятника были ориентированы почти точно по сторонам света, максимальное отклонение от правильной ориентировки составляет 3° (см. рис. 1).

В процессе съемки инструментального плана на площади памятника было найдено всего несколько десятков фрагментов стенок красноглиняных гончарных сосудов и отдельные обломки костей животных. Пропаханные поверхности четырех больших холмов в южной части памятника сплошь усеяны обломками жженных кирпичей, бесформенными кусочками ганча и обломками кашинных плиток с бирюзовой, ультрамариновой, желтой и белой поливой. Кусочки ганча, мелкая кирпичная крошка и фрагменты красноглиняной керамики найдены и на некоторых других объектах, особенно там, где целостность их была нарушена поздними перекопами

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 00-01-00068 а/в).

и норами землероек. Все эти находки не оставляют сомнений в том, что памятник следует датировать в пределах XIV в.

Он всегда интерпретировался как средневековый курганный могильник и именно поэтому не вошел в территорию охранной зоны Царевского городища. В процессе инструментальной съемки плана стало ясно, что только отдельные его объекты могут представлять собой остатки средневековых погребальных сооружений.

Как уже отмечалось, несколько десятков курганобразных всхолмлений здесь имеют овальные или неправильные очертания, в то время как почти все известные к настоящему времени средневековые надмогильные сооружения в окрестностях Царевского городища представляют собой округлые в плане, ровные полусферические холмы, иногда с упло-

щенными вершинами. Подавляющее большинство золотоордынских погребальных комплексов имеют либо достаточно четкие кольцевые ровики, либо округлые чашевидные выемки, вплотную примыкающие к северной поле насыпи. На площади рассматриваемого памятника такие сооружения единичны. Здесь ямы разбросаны бессистемно и в большинстве случаев никак не связаны с тем или иным объектом. Не менее своеобразной особенностью памятника является наличие в нем дувалов, совершенно не характерных для золотоордынских могильников.

Для решения вопроса типологической принадлежности памятника, выявленного на северо-западной окраине Царевского городища, были проведены раскопки одного из объектов комплекса, который располагался в северо-восточной части памятника. До начала раскопок он представлял собой

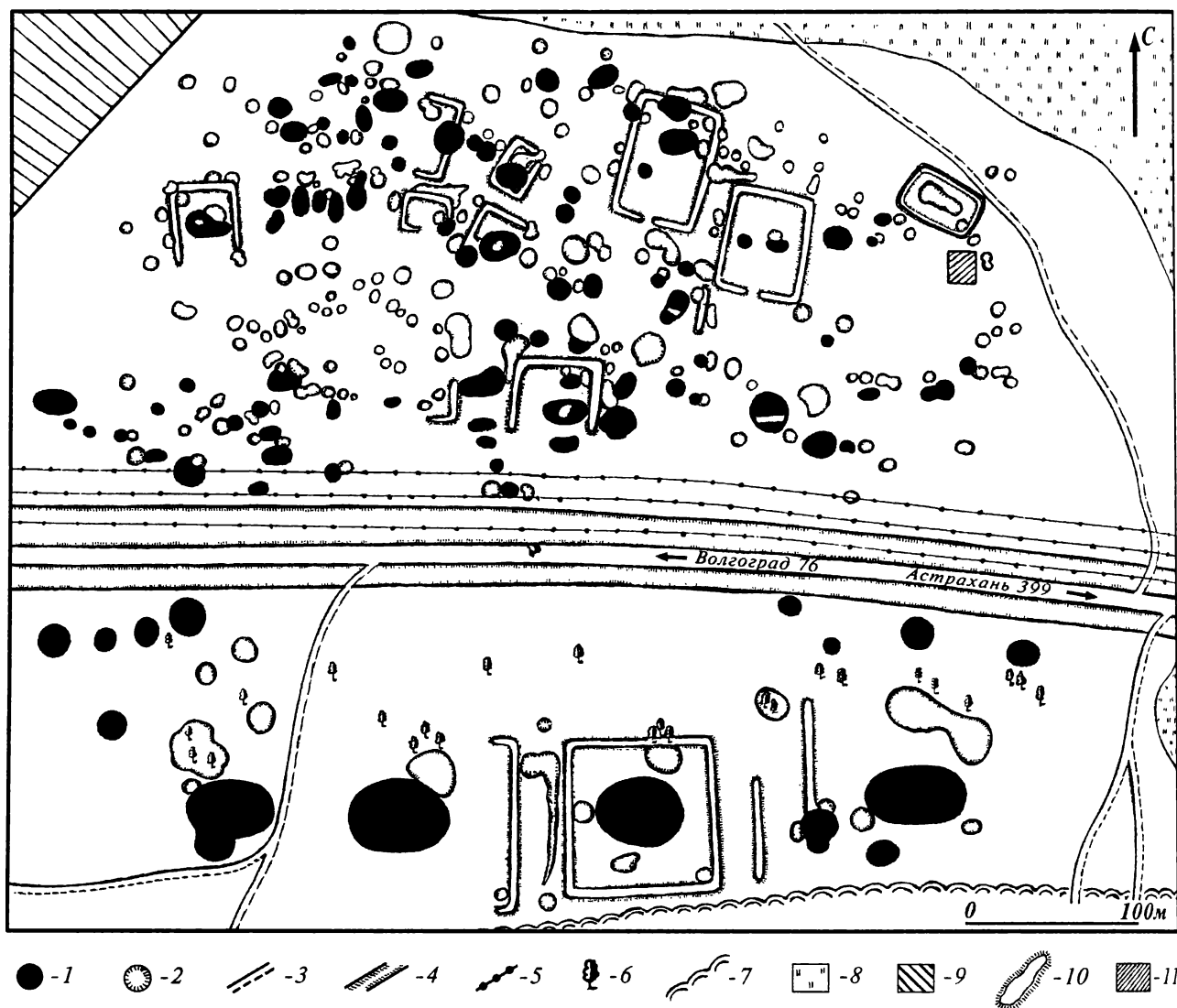

Рис. 1. Общий план северо-западного пригорода Царевского городища
1 — холмы, 2 — ямы, 3 — грунтовая дорога, 4 — шоссе, 5 — ЛЭП, 6 — дерево, 7 — отвал канала, 8 — пойма р. Кальгута, 9 — пашня, 10 — валы, 11 — раскоп I-99

округлый в плане холм диаметром 16 м и высотой 0,9 м. В 7–10 м к востоку и северо-востоку от него отчетливо прослеживались три округлые ямы — западины диаметром от 5 до 8 м и глубиной до 0,45 м (см. рис. 1).

Как выяснилось в процессе раскопок, холм скрывал под собой остатки большого дома середины XIV в. Расположенные рядом ямы не раскапывались. Очевидно, они образовались в процессе добычи глины для изготовления сырцовых кирпичей, хотя это не более чем предположение. Объект исследован квадратным раскопом размером 14х14 м, ориентированным стенками по сторонам света (рис. 2).

На раскопе прослежена следующая последовательность залегания слоев. Под гумусным слоем толщиной 0,05–0,07 м залегал слой коричнево-бурого среднего суглинка мощностью 0,2–0,6 м с большим количеством обломков сырцовых кирпичей и отдельными находками. Ниже залегал слой серой супеси с обильными включениями золы, углей и относительно большим количеством находок, но почти без обломков кирпичей. Внутри дома этот слой залегал на земляном полу, причем его толщина здесь не превышала 0,1 м, в то время как за пределами постройки, у стен он достигал 0,3 м. На периферийных участках раскопа слой серой супеси становился все более и более тонким и постепенно

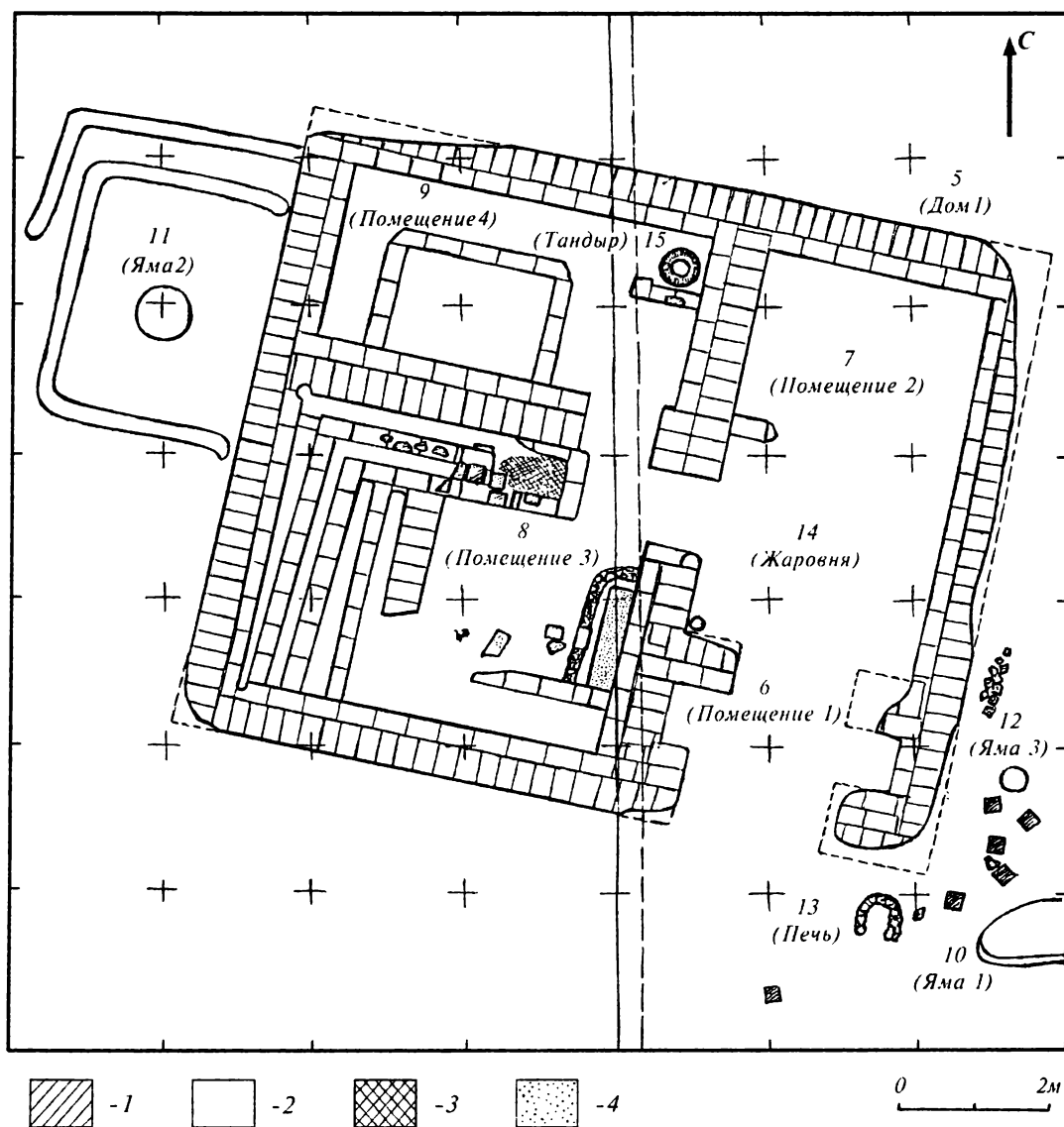

Рис. 2. План раскопа 1–94

1 — кирпичи жженные, 2 — кирпичи сырцовые, 3 — угли, 4 — ганчевая штукатурка, 5 — дом 1, 6 — помещение 1, 7 — помещение 2, 8 — помещение 3, 9 — помещение 4, 10 — яма 1, 11 — яма 2, 12 — яма 3, 13 — печь, 14 — жаровня, 15 — тандыр

сходил на нет. Ниже залегал слой погребенной почвы — пепельно-серой супеси плитчато-пылевой структуры толщиной до 0,07 м практически без находок, который подстилался тяжелым материковым суглинком красно-бурого цвета.

Слой серой супеси, залегавший непосредственно на погребенной почве, представлял собой культурные отложения, сформировавшиеся в период функционирования дома. Именно в слое серой супеси обнаружена большая часть фрагментов керамики, костей животных и почти все индивидуальные находки. Весьма важно, что этот слой распределялся на площади раскопа неравномерно и имел максимальную мощность всего 0,3 м. Это дает основание предполагать, что дом существовал весьма непродолжительное время, и наводит на мысль о практически полном отсутствии культурных остатков между отдельными сооружениями пригорода. Об этом же свидетельствует и то, что на площади пригорода почти не встречаются не только индивидуальные находки, но даже фрагменты керамики и кости животных.

Слой коричнево-бурого среднего суглинка, перекрывавший слой серой супеси, содержал относительно небольшое количество находок. Он был насыщен обломками сырцовых кирпичей и представлял собой завал, образовавшийся в результате разрушения сырцовых стен дома.

В процессе раскопок было установлено, что основания всех капитальных стен дома стояли непосредственно на погребенной почве. Это значит, что дом был построен на целинном участке степи в том месте, где до этого никто и никогда не жил.

Дом представлял собой прямоугольную в плане постройку, ориентированную по линии ВЮВ—ЗСЗ. Размеры его по внешнему контуру стен 10,2х8,6 м. Наружные стены дома и внутренние стены — перегородки, делящие его на четыре помещения, были сложены из сырцовых кирпичей форматом 42—45х22—25х5—7 см, уложенных плашмя и скрепленных глиняным раствором. Кирпичи укладывались по системе тычок—ложок с перевязкой швов. Снаружи стены дома во многих местах оплыли, осыпались или раскрошились, внутри — почти везде сохранились очень хорошо. Толщина стен дома 0,65—0,7 м (см. рис. 2).

Вход в дом был устроен в южной стене и обращен к ЮЮЗ, т. е. ориентирован точно на Мекку. За входным проемом располагалось удлиненно-прямоугольное помещение 1 размером 3,2х0,8 м, ориентированное по линии ВЮВ—ЗСЗ, в северной стене которого находился дверной проем, соединяющий его с прямоугольным помещением 2.

Помещение 2 размером 5,3х3,1 м было ориентировано по линии ССВ—ЮЮЗ. Стены помещений 1 и 2 были аккуратно оштукатурены глиной и побелены (?). Никаких следов отопительных систем в помещениях 1 и 2 не обнаружено, только к запад-

ной стене помещения 2 была пристроена небольшая стенка из сырцовых кирпичей, назначение которой неясно. По-видимому, эта часть дома отапливалась жаровней из придонной части большого красноглиняного сосуда, которая стояла в юго-западном углу помещения 2 (см. рис. 2; 3, 4).

В западной стене помещения 2 находился проход, ведущий в помещение 3, которое имело прямоугоную форму, размером 4,85х4,15 м и было ориентировано по линии ВЮВ—ЗСЗ. Вдоль стены помещения 3 была устроена П-образная суфа с двумя канальным Г-образным каном и большой прямоугольной печью. В северной и южной частях канальные каналы выходили в вертикальные дымоходы. Они первоначально были изготовлены из стандартных керамических труб, вмонтированных в специальные цилиндрические каналы, вырезанные в углах сырцовых стен. Горизонтальные каналы кана сверху были перекрыты жжеными кирпичами, уложенными плашмя на края дымоходов. От этого перекрытия сохранилось всего несколько жженных кирпичей и их обломков.

К восточной стене помещения 3 и южной стенке суфы была пристроена полка в виде ступени размером 1,3х0,3 м, сложенная из сырцовых кирпичей, которая впоследствии была расширена и ооконтурена дополнительной стенкой, небрежно сложенной из обломков жженных кирпичей на глинистом растворе. Суфа также была значительно расширена. Для этого к ее северной части и к южной стене помещения 3 пристроили две сырцовые стенки, пространство между которыми было забито суглинком. Стены помещения 3, а также поверхности полки, суфы, печи были обмазаны глиной и аккуратно покрыты тонким слоем белой ганчевой штукатурки.

В северо-западном углу помещения 3 имелся дверной проем, ведущий в помещение 4. Оно имело прямоугольную форму, размер 4,85х2,45 м и было ориентировано по линии ВЮВ—ЗСЗ. В северо-западном углу помещения 4 находился тандыр, встроенный в Г-образную суфу, расположенную вдоль северной и западной стен помещения. Позднее эту суфу значительно расширили, пристроив к ней дополнительную стенку из сырцовых кирпичей (см. рис. 2).

Во всех помещениях пол представлял собой плотно утрамбованный грунт (погребенную почву), на котором за время функционирования дома успел отложиться тонкий (до 0,1 м) слой серой супеси с примесью мелких угольков и с отдельными находками.

У входа в дом расчищены остатки подковообразной печи размером 0,62х0,58 м, небрежно сложенной из обломков жженных кирпичей на глиняном растворе. Основание печи лежало на тонком слое серой супеси с отдельными находками. Это значит, что она была построена через некоторое время после того, как в доме поселились люди.

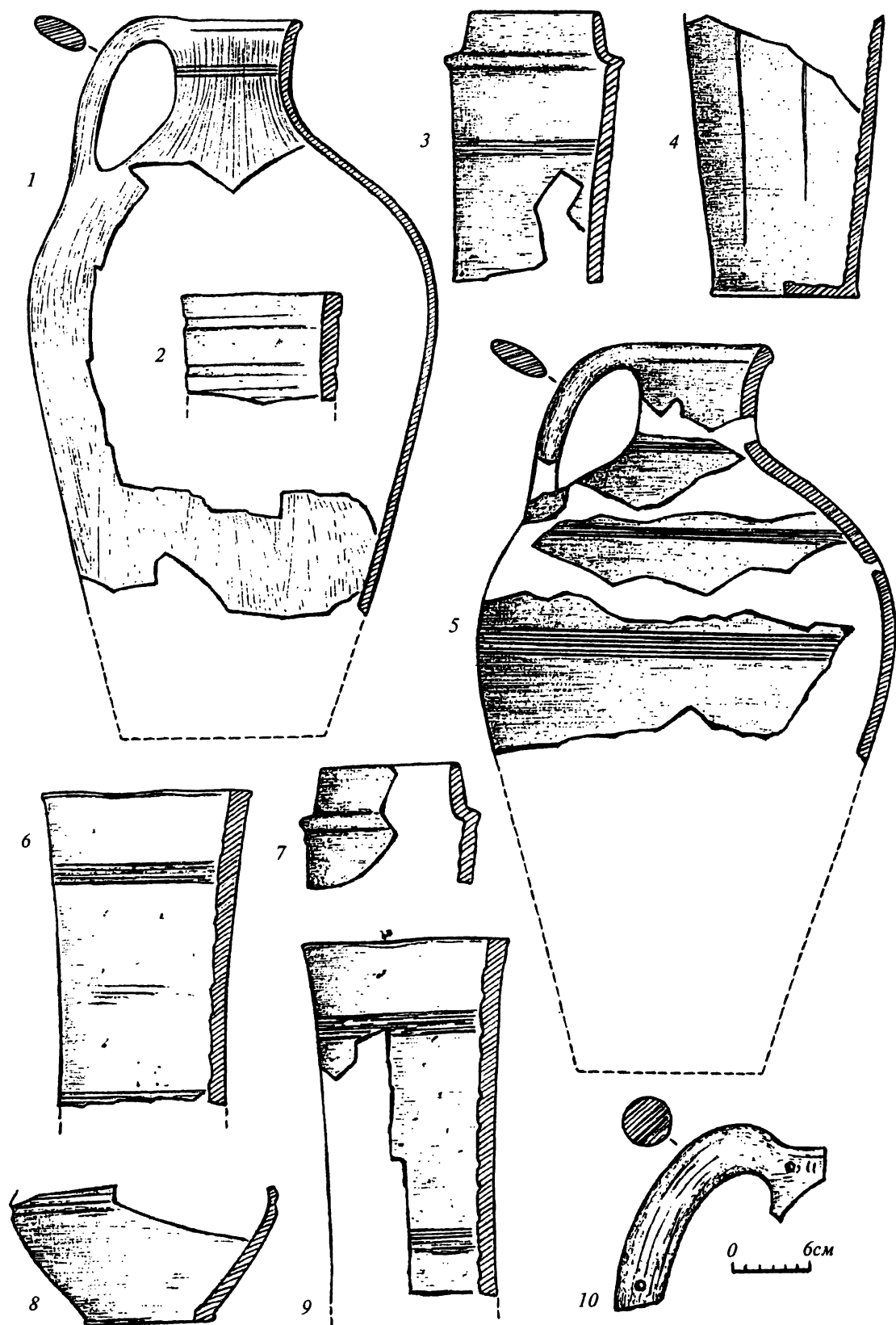

Рис. 3. Красноглиняная (1–9) и сероглиняная (10) керамика из раскопа I–99

Здесь же, рядом с остатками кирпичной печи было обнаружено около десятка целых и в обломках жженных кирпичей, которые лежали на слое серой супеси и сверху были перекрыты завалом, образовавшимся в результате разрушения сырцовых стен.

К востоку от кирпичной печи располагалась небольшая овальная яма 1, углубленная в материк на 0,32 м, исследованная частично. Ее заполнение состояло из рыхлой золистей темно-серой супеси с небольшим количеством костей животных и фрагментов керамики. К северу от ямы 1 находилась яма 3 диаметром 0,46 м, углубленная в материк на 0,2 м, которая была заполнена серой супесью с единичными обломками жженных кирпичей.

К западу от дома располагались два узких неглубоких ровика шириной 0,02–0,25 м, углубленных в материк на 0,09–0,18 м, которые вплотную примыкали к основанию кирпичной кладки стены. Один из них – Г-образной формы, второй – П-образной, размером по внутреннему контуру 2,5х3,15 м. В центре участка, ограниченного ровиками, находилась яма 2 диаметром 0,68 м, углубленная в материк на 0,38 м (см. рис. 2). Она была заполнена рыхлой серой супесью с фрагментами керамики и обломками костей животных. По-видимому, эта конструкция представляет собой остатки небольшой наземной постройки хозяйственного назначения, хотя никаких следов стен здесь не обнаружено, если не считать нескольких мелких обломков слабо обожженной глиняной обмазки с отпечатками прутьев.

На раскопе найдено 609 фрагментов керамики и 1232 обломка костей животных, птиц и рыб. Среди определимых остеологических остатков преобладают кости мелкого (155) и крупного (66) рогатого скота. Несколько меньше костей лошади (44) и птиц (41). Кости рыб единичны (6).

Из керамических находок наибольший интерес представляют фрагменты двух больших красноглиняных кувшинов, собранных в помещении 2 и в заполнении ямы 2. Один из них в верхней части украшен широкими полосами многорядного линейного орнамента (рис. 3, 5), а второй покрыт красно-коричневым ангобом и вертикальными полосками лощения (рис. 3, 1). Следует отметить фрагменты двух поливных чаш из красной глины и белого плотного кашина, собранные на полу помещения 2, которые удалось склеить почти полностью. Красноглиняная чаша имеет невысокий кольцевой поддон. Ее внутренняя поверхность и наружная часть венчика были покрыты желтой поливой, нанесенной на светлую ангобную подгрунтовку (рис. 4, 10). Кашинная чаша с прозрачной бесцветной поливой украшена рельефом и полихромной подглазурной росписью черного, бирюзового и ультрамаринового цветов (рис. 4, 5). Кроме того, в заполнении суфы помещения 3 были найдены фрагменты придонной части небольшого красноглиняного гончарного

кувшина (?) с плоским дном (рис. 3, 8), а в помещении 2 – фрагмент ручки большого сероглиняного кувшина с двумя сквозными отверстиями, просверленными после обжига (см. рис. 3, 10). Под кладкой кирпичной печи, расположенной у входа в дом, обнаружен фрагмент стенки толстостенной селадоновой чаши.

В помещении 2 и перед входом в дом найдены десятки фрагментов красноглиняных керамических труб, сильно закопченных изнутри. Очевидно, все они происходят из вертикальных дымоходов отопительной системы помещения 3 (рис. 3, 3, 6, 7, 9).

Из индивидуальных находок, прежде всего, следует отметить медную монету с изображением двуглавого орла, чеканенную в Сарае ал-Джедид (рис. 4, 1), костяной игральный кубик с циркульными обозначениями от одного до шести (рис. 4, 8) и литое свинцовое пряслице грибовидной формы с рельефным геометрическим орнаментом (рис. 4, 11). Кроме того, на раскопе были найдены следующие предметы: кованые железные гвозди различных размеров (рис. 4, 12, 15–17), фрагмент железной дужки (рис. 4, 7), фрагменты небольших железных пластин (рис. 4, 6, 14), фрагмент бронзового шаровидного бубенчика (рис. 4, 2), обломки листовых стекол красного и зеленого цветов (рис. 4, 3, 4), округло-уплощенная бусина из синего полупрозрачного стекла (рис. 4, 9) и часть железной дужки от цилиндрического пружинного замка (рис. 4, 13).

Таким образом, в результате исследований северо-западного пригорода Царевского городища были получены интересные материалы, позволяющие сделать следующие выводы. Прежде всего, в настоящее время можно считать установленным, что обширная территория на правом берегу р. Кальгута, расположенная к СЗ от Царевского городища, занята не остатками средневековых погребальных сооружений, как считалось раньше, а развалинами большого жилого массива золотоордынского времени. Общая площадь Царевского городища должна быть увеличена почти на 20 га, а границы охранной зоны существенно скорректированы.

Этот пригород Царевского городища был построен на открытом степном участке, где до этого никто и никогда не жил. Судя по полученным данным (почти полное отсутствие подъемного материала, относительно небольшое количество находок на раскопе, малая мощность культурных напластований, которые на периферийных участках раскопа сходят на нет, единичность нумизматических находок), можно предполагать, что этот большой жилой массив существовал весьма непродолжительное время – не более полутора–двух десятилетий. Судя по найденной монете, северо-западный пригород Царевского городища функционировал в пределах 40-х годов XIV в., т. е. в период раннего этапа существования этого золотоордынского города.

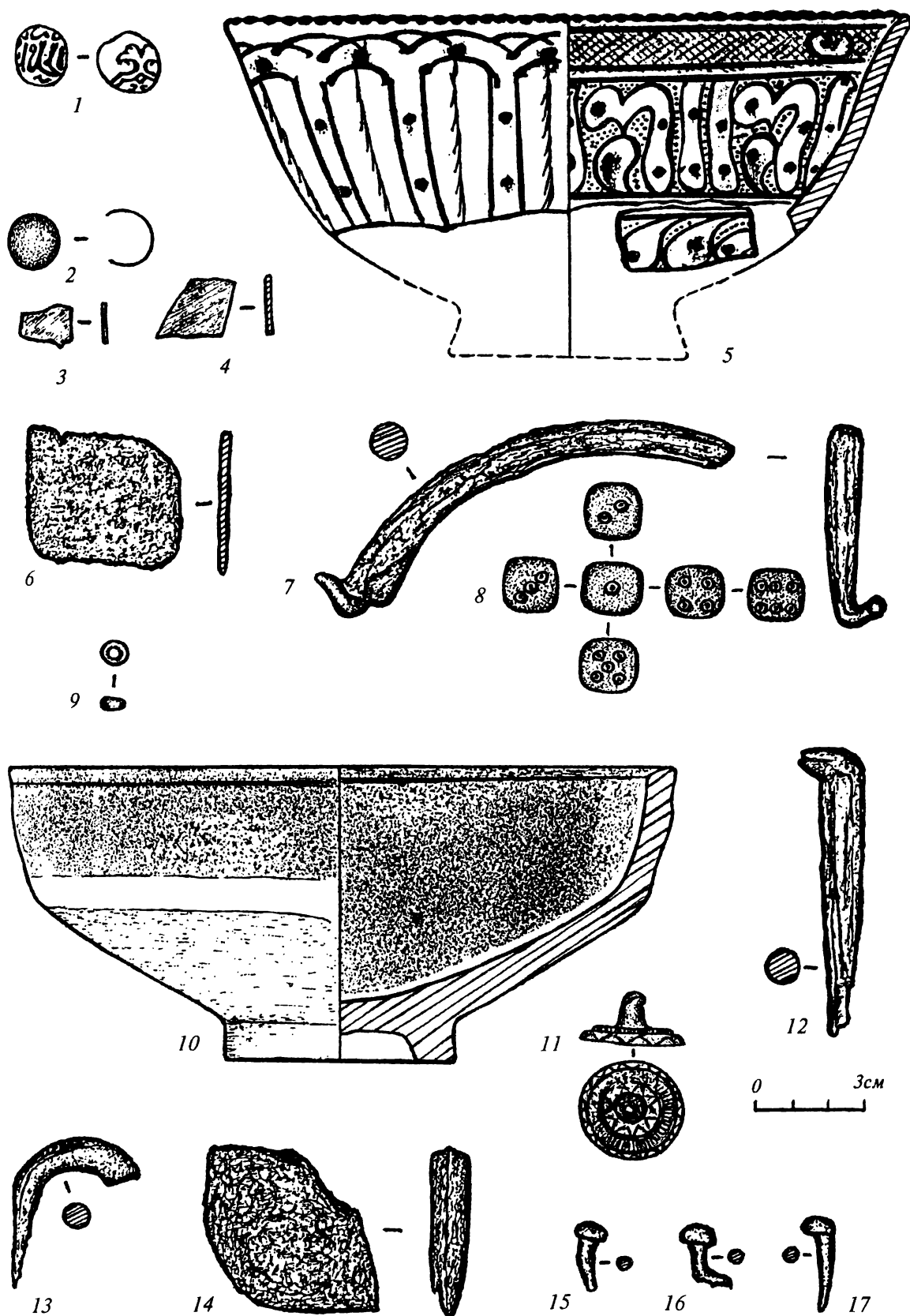

Рис. 4. Вещи из раскопа I-99

1 — медь; 2 — бронза; 3, 4, 9 — стекло; 5, 10 — керамика; 6, 7, 12-17 — железо; 8 — кость; 11 — свинец

Большие размеры раскопанного дома, сложная внутренняя планировка, тщательная отделка жилых помещений свидетельствуют о том, что в нем проживали весьма состоятельные люди. Поэтому можно предполагать, что пригород, несмотря на свое периферийное положение, был населен представителями средних и высших слоев золотоордынского общества. На это указывает и то, что в южной части пригорода сохранились остатки четырех огромных построек, которые, скорее всего, являлись сооружениями дворцового типа.

За время функционирования дома в нем были проведены некоторые перестройки, несколько изменившие его внутреннюю планировку, а перед входом сооружена небольшая кирпичная печь. Отсутствие следов пожара, погрома, спрятанных вещей или кладов свидетельствует о том, что дом был покинут в относительно спокойной обстановке. После того как дом был оставлен жителями, в него неоднократно наведывались какие-то люди, которые вынесли из жилых помещений почти все наиболее ценные строительные материалы (жженные кирпичи, керамические трубы). Некоторые из этих предметов так и остались лежать перед домом.

Факт весьма кратковременного существования северо-западного пригорода Царевского городища и отсутствие перекрывающих и подстилающих слоев имеют большое значение для разработки хронологии золотоордынских памятников Нижнего Поволжья. Все найденные при раскопках строительные остатки и бытовые предметы датируются с точностью до десятилетий. Таким образом, в случае продолжения исследований появится реальная возможность составить достаточно полное представление об особенностях материальной культуры золотоордынского города середины XIV столетия.

Материалы, полученные в результате исследований северо-западного пригорода Царевского городища, важны для выяснения динамики развития этого средневекового города. По-видимому, вскоре после основания, т. е. в 40-е годы XIV в., он занимал очень большую площадь. Однако уже через полтора–два десятилетия его размеры сильно сократились, и целые кварталы были покинуты жителями. Выяснение причин столь быстрого запустения северо-западного пригорода Царевского городища — задача дальнейших исследований.

Л.Ф. Недашковский

РЫБОЛОВНЫЙ ИНВЕНТАРЬ ИЗ УКЕКА И ЕГО ОКРУГИ

В настоящей работе анализируются рыболовные крючки, лодочные скобы и грузила золотоордынского времени, найденные в центральных районах Саратовской области. Все приведенные на иллюстрациях изделия являются подъемным материалом.

Рыболовные крючки представлены двумя типами. Оба типа имеют приспособления для крепления крючка в форме «лопаточки» — расплющенного окончания; такие крючки, как правило, применялись для оснастки переметов.

Тип 1 (9 экз.) — прямоугольные в сечении, с четко выраженным жалом (рис. 1, 1–3). Шесть изделий с выраженным жалом, но два из них округлые в сечении, происходят с селища у с. Подгорное в округе Укека (Касанкин, 1994. С. 95, 100. Рис. 2, 5–6; 1997. С. 235, 237. Рис. 2, 4; Лопатин, 1988. Рис. 71, б)¹; одно из изделий из Подгорного, возможно, служило для удочки, а еще одно — для ловли на «живца». Аналогичные изделия с четко выраженным жалом, но иногда округлые в сечении, были известны на Руси с домонгольского времени до XVI–XVII вв. (Гайдуков, 1992. С. 91, 140. Рис. 49, 11; Даркевич, Борисевич, 1995. С. 148, 194, 200, 218, 237, 246, 295, 305, 334. Табл. 9, 4, 18, 7, 67, 12, 77, 3,

106, 8; Мальм, 1956. С. 119. Рис. 4, 5; Медведев, 1967. С. 76, 81. Рис. 29, 18; Никитин, 1971. С. 41, 61. Табл. 5, 8; Пряхин, Винников, Цыбин, 1987. С. 27–28. Рис. 13, 22, 27; Пряхин, Цыбин, 1991. С. 36, 38, 41, 56, 58, 62. Рис. 13, 11, 15, 16–19, 19, 9; Салмина, 1994. С. 165, 167, 169. Рис. 12, 2а, 3а; Седов, 1961. С. 99–100. Рис. 36, 11–13; Седова, 1978. С. 100, 143. Табл. 14, 3–6, 8–12), бытовали в Булгаре (Савченкова, 1996. С. 19–20. Рис. 4, 2), Суваре (Хузин, Шарифуллин, 1999. С. 99. Рис. 4, 12), Джукетау (Хузин, Набиуллин, 1999. С. 94–95, 111. Рис. 6, б, 8); имеются находки с Водянского городища (Егоров, Полубояринова, 1974. С. 69, 76. Табл. 1, б), с булгарских селищ (Археологические памятники..., С. 91. Рис. 9, 19–20; Казаков, 1993. С. 120, 126. Рис. 4, 18–20; Руденко, 1994. С. 126, 134. Рис. 4, 2; 2000а. С. 105, 107, 113. Рис. 26, б, 24–32, 28, б, 28–29, 34, а, 7, 9; 2000б. С. 26, 69. Рис. 7, 4–5; Старостин, Казаков, 1992. С. 128–129, 135. Рис. 2, 7–8, 5, 3–5, 8–9) и из окрестностей Билярска (Культура Биляра, 1958. С. 28, 33–34. Табл. VIII, 3–4). Округлые в сечении крючки с четко выраженным жалом были известны и в Западной Европе XIV–XV вв. (Murray H., Murray J., 1993. P. 182–183. Ill. 36, 108–109).

Тип 2 (11 экз.) — округлые в сечении, без выраженного жала (рис. 1, 4–13). Подобный крючок известен с поселения Подгорное. Аналогии имеются с древнерусских памятников (*Даркевич, Борисевич*, 1995. С. 195, 198, 297, 301. Табл. 69, 10, 73, 11; *Макаров*, 1994. С. 163, 182. Рис. 7, 7; *Пряхин, Цыбин*, 1996. С. 34, 38, 54, 58. Рис. 11, 19, 15, 20; *Салмина*, 1994. С. 165, 167, 169. Рис. 12, 26; *Седов*, 1961. С. 99–100. Рис. 36, 15; *Седова*, 1978. С. 100), с Болгарского (*Савченкова*, 1996. С. 19–20. Рис. 4, 1) и Билярского (Культура Биляра, 1985. С. 28, 33–34. Табл. VIII, 6–8) городищ, из Суvara (*Хузин, Шарифуллин*, 1999. С. 99. Рис. 4, 13), с Лаишевского селища (*Руденко*, 2000а. С. 106–107. Рис. 27, Б, 5, 28, Б, 27; *Старостин, Казаков*, 1992. С. 129–130, 138. Рис. 5, 1), из одного из золотоордынских курганов на Хопре (*Гарустович, Ракушин, Яминов*, 1998. С. 200, 328. Табл. XXV, 4) и из окрестностей с. Старая Яблонка Хвалынского района Саратовской области².

Рыболовные крючки были найдены и на поселении у с. Квасниковка в округе Укека (*Недашковский*, 2000. С. 125).

В фондах СОМК имеется изделие, вероятно, являющееся лодочной скобой (рис. 1, 14). Аналогичное было найдено на Болдыревском селище в округе Укека. Такие изделия бытовали в золотоордынском Поволжье (*Fyodorov-Davydov*, 1984. III. 98, 1–2), на Руси в XIII–XIV вв. (*Медведев*, 1968. С. 34, 39, Рис. 8, 11–12) и в Западной Европе в XIII–XV вв. (*Murray H, Murray J.*, 1993. P. 182, 184. III. 37, 124–126, 135–136, 138).

Рыболовные грузила представлены шестью типами. Типы 1, 3 и 4, вероятно, служили для оснастки небольших волоковых сетей. Двадцать из имеющихся изделий (рис. 2, 1–13) — керамические коричневого (рис. 2, 1–11, 13) или серого (рис. 2, 12) цвета с примесью песка в тесте³, а три — каменные (рис. 2, 14). Обжиг большинства керамических предметов (рис. 2, 2–10, 13) хороший, но есть и образцы плохого обжига (рис. 2, 1, 11–12). Найденные на Увекском городище грузила неоднократно упоминаются в документации Саратовской ученой архивной комиссии (*Недашковский*, 2000. С. 102).

Тип 1 (3 экз.) — шарообразные грузила (рис. 2, 1–3). Аналогии известны на Руси (*Гуссаковский*, 1967. С. 104. Рис. 36, 21–22; *Медведев*, 1967. С. 75, 80. Рис. 26, 30; *Пряхин, Винницкий, Цыбин*, 1987. С. 16, 20, 27, 29. Рис. 7, 12, 13, 31–33; *Пряхин, Цыбин*, 1996. С. 32, 51. Рис. 8, 15; *Салмина*, 1994. С. 155. Рис. 3, 1; *Седов*, 1961. С. 99, 101. Рис. 37, 5, 7; *Тропин*, 1993. С. 209–210. Рис. 1, 14; *Хохлов, Нестерова*, 1996. С. 163, 166. Рис. 6) и в Волжской Булгарии⁴.

Тип 2 (1 экз.) — дисковидное малое грузило с небольшим отверстием у края (рис. 2, 4). Можно предположить, что подобный предмет служил грузилом удочки. Аналогия более крупных размеров известна из Белоозера (*Мальм*, 1956. С. 122. Рис. 6, 2).

Тип 3 (3 экз.) — подцилиндрические грузила (рис. 2, 5). Два изделия были найдены при раскопках хозяйственных ям поселения Подгорное, одно — на селище в урочище «Подстепное» (*Барин*, 1997. С. 244. Рис. 2, 7) в округе Укека. Аналогии имеются в Древней Руси (*Винников, Синюк, Цыбин*, 1995. С. 132, 137. Рис. 3, 11; *Даркевич, Борисевич*, 1995. С. 302, 221, 332. Табл. 74, 9, 104, 6; *Пряхин, Цыбин*, 1996. С. 32, 35–36, 51, 56. Рис. 8, 16, 13, 14; *Розенфельдт*, 1974. С. 185, 187. Рис. 2, 2–3; *Салмина*, 1994. С. 155. Рис. 3, 4; *Седов*, 1961. С. 99, 101. Рис. 37, 4, 6; *Серкин*, 1995. С. 40, 59. Рис. 12, 20–23; *Тропин*, 1993. С. 213, 216. Рис. 4, 6) и Волжской Булгарии (*Руденко*, 2000б. С. 21, 63. Рис. 1, 3; *Tallgren*, 1916. Pl. X, 25).

Тип 4 (8 экз.) — усеченно-биконические или подовальные в продольном сечении грузила (рис. 2, 6–8). Четыре грузила были найдены на селище Подгорное (*Касанкин*, 1994. С. 95, 100. Рис. 2, 8), два — на поселении «Плотина» (*Барин*, 1997. С. 4), а одно — на Алексеевском городище (*Кочерженко*, 1993. С. 8, 71. Рис. 40) в округе Укека. Аналогии имеются с древнерусских памятников (*Беленькая, Дубынин*, 1967. С. 112. Рис. 39, 7; *Гуссаковский*, 1967. С. 104. Рис. 36, 19–20; *Даркевич, Борисевич*, 1995. С. 144, 221, 229, 332, 428, 435. Табл. 1, 6, 104, 5, 151, 7; *Макушников*, 1996. С. 167, 185. Рис. 6, 11; *Мальм*, 1956. С. 122. Рис. 6, 4; *Медведев*, 1967. С. 75, 80. Рис. 26, 29, 31; 1968. С. 33–34. Рис. 8, 15–17; *Пряхин, Винников, Цыбин*, 1987. С. 12–13, 27, 29. Рис. 5, 17, 13, 30; *Пряхин, Цыбин*, 1996. С. 32, 34–36, 51, 54, 56. Рис. 8, 14, 11, 20–21, 13, 12–13; *Розенфельдт*, 1974. С. 185, 187. Рис. 2, 1; *Салмина*, 1994. С. 155. Рис. 3, 2–3; *Седов*, 1961. С. 99, 101. Рис. 37, 8; *Седова*, 1978. С. 100–101, 143. Табл. 14, 22–29; *Тропин*, 1993. С. 213, 216. Рис. 4, 5, 10–11; *Хохлов, Нестерова*, 1996. С. 163, 166. Рис. 6; *Хреков*, 1994. С. 105, 111. Рис. 3, 14–15; *Цыбин*, 1987. С. 40–41. Рис. 2, 9; *Чернецов, Куза, Кирьянова*, 1985. С. 242. Табл. 90, 4; *Черников*, 1967. С. 88, 90. Рис. 31, 4), из Волжской Булгарии, как в материалах домонгольского, так и золотоордынского времени (Культура Биляра, 1985. С. 28, 33–34. Табл. VIII, 11; *Руденко*, 2000а. С. 117. Рис. 38, 15–16; *Хлебникова*, 1988. С. 97, 99. Рис. 74, 14; *Tallgren*, 1916. Pl. X, 23)⁵, а также с Царевского городища — с раскопа IV-1964, датированного монетами 40-х — начала 80-х годов XIV в. (*Федоров-Давыдов, Вайнер, Мухаммадиев*, 1970. С. 160, 162. Табл. I, 25).

Тип 5 (2 экз.) — уплощенные подовальные грузила с отверстиями у края (рис. 2, 9–10). Это грузила для ставных сетей типа неводов. Близкое по форме керамическое грузило, но имеющее меньшие размеры, было найдено в Пскове; там же, в Старой Рязани и Белоозере известны находки известняковых грузил сходной формы (*Даркевич, Борисевич*, 1995. С. 163, 258. Табл. 30, 14; *Мальм*, 1956. С. 122. Рис. 6, 1; *Салмина*, 1994. С. 155–158. Рис. 3, 6, 4, 1,

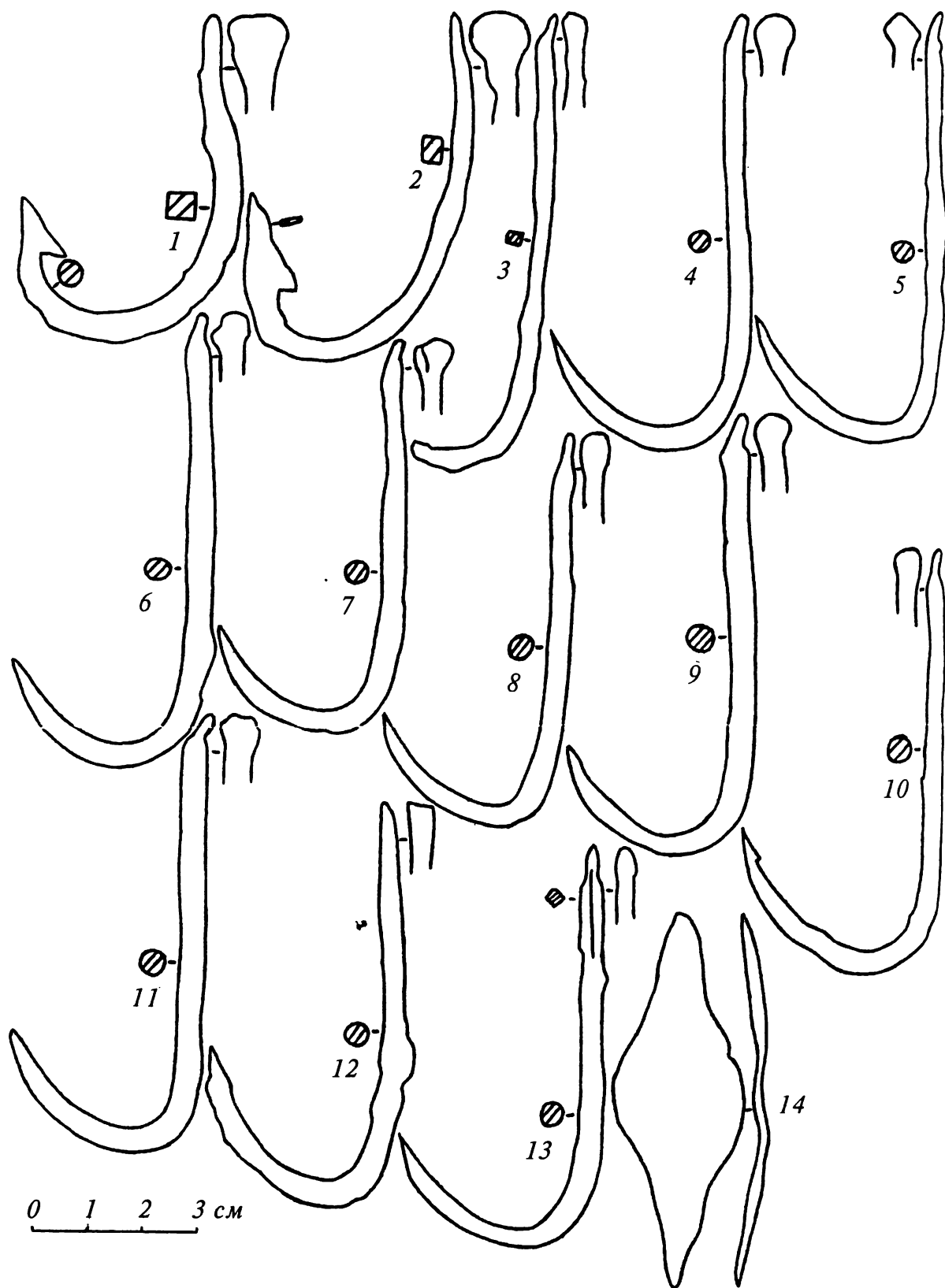

Рис. 1. Железные рыболовные крючки (1–13) и лодочная скоба (14)

1 – селище Подгорное, 2–14 – Увекское городище;

1 – Энгельсский краеведческий музей. № 7737; 2–3 – ГОМРТ. № 5365-70, ст. № 12723; 4–14 – СМК №/№ СН 53339/А-2422 (АО 309), АО 309, НВСП 29904 (АО 316/5)

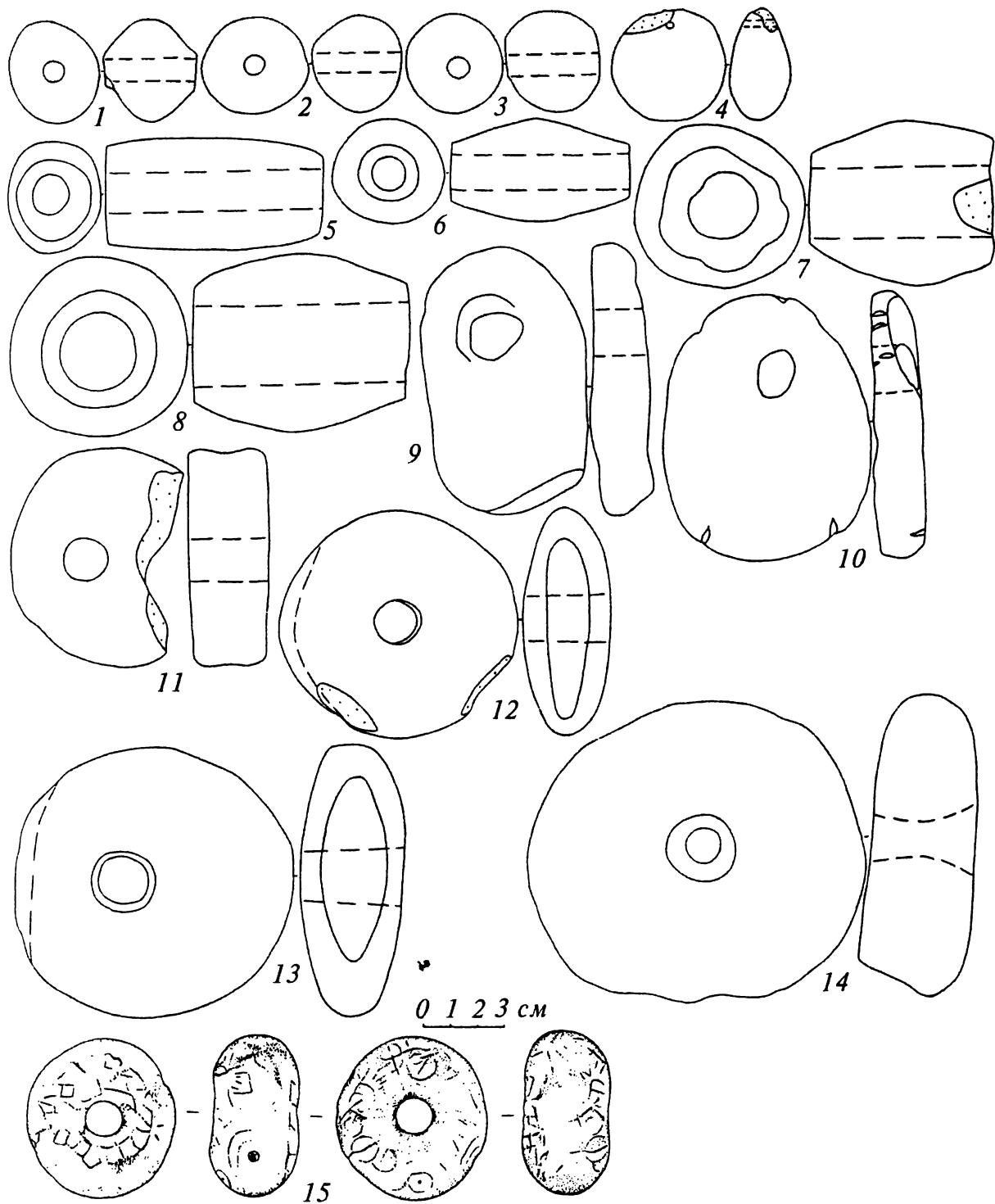

Рис. 2. Керамические (1–13) и каменные (14–15) рыболовные грузила

1–14 – Увекское городище, 15 – Хмелевское I селище;

1–3, 5–13, 15 – СМК №/№ НВСП 18121 (СЯК 170), АО 307, СМК 38575/А-68 (АО 305), 53337/А-2420 (АО 304), 53338/А-2421 (АО 308), НВСП 31471 (СЯК 2042/5, АО 910), АО 303, СМК 53336/А-2419 (АО 302), разведки автора 1998 г.; 4, 14 – ГОМРТ №/№ ст. № 12807, 5365-34

3). Известна также аналогия из Волжской Булгарии (Talgren, 1916. Pl. X, 15).

Тип 6 (5 экз.) — крупные дисковидные уплощенные грузила с отверстием в центре (рис. 2, 11–15). Два из изделий каменные — из известняка (рис. 2, 14–15); одно из них — с процарапанными знаками (рис. 2, 15). Такие предметы служили грузилами для крупных волоковых сетей. Аналогичные изделия из известняка известны в слоях Пскова XIV–XV вв. (Салмина, 1994. С. 156, 158. Рис. 4, 2).

Тип 7 (1 экз.) — из подъемного материала 1992 г. с поселения Подгорное в округе Уека происхо-

дит дисковидное грузило из песчаника размерами 11,5х11,5 см. У изделия нет отверстия, но оно имеет следы обточка с четырех сторон. Вероятно, оно первоначально было оплетено берестой и служило для оснастки многостенной ставной сети. Аналогичные изделия известны из Новгорода и Пскова XIII–XV вв. (Салмина, 1994. С. 157, 159. Рис. 5, 1–3; Чернецов, Куза, Кирьякова, 1985. С. 242. Табл. 90, 5).

Количественное распределение имеющихся находок по памятникам округи приведена в таблице.

Таблица

Памятник	Крючки	Грузила	Лодочные скобы
Увекское городище	13 экз., 2 типа	14 экз., 6 типов	1 экз., 1 тип
Селище Подгорное	7 экз., 2 типа	7 экз., 3 типа	—
Селище «Плотина»	—	2 экз., 1 тип	—
Селище «Квасниковка»	2 экз. (?)	—	—
Алексеевское городище	—	1 экз., 1 тип	—
Селище Хмелевское I	—	1 экз., 1 тип	—
Селище «Подстепное»	—	1 экз., 1 тип	—
Селище Болдыревское	—	—	1 экз., 1 тип

Предметы, связанные с рыболовством, встречены лишь на 8 (15,1%) из 53 известных в настоящее время поселений округи Уека. Шесть из этих поселений располагаются на берегах Волги (Увекское и Алексеевское городища, Хмелевское и селище — на коренном правом берегу, а селища «Подгорное», «Квасниковка» и «Подстепное» — на надпойменной террасе левого берега), поселение «Плотина» — на берегу Саратовки, левого притока Волги, а Болдыревское селище — в верховьях р. Уековки.

Примечательно отсутствие в имеющейся выборке орудий лова ударного действия — острог и гарпун-

ных стрел. Этот факт не позволяет пока говорить, что данный способ рыбной ловли применялся в Уеке и его округе. Мало крючков и грузил для удилищ, что говорит о небольшом распространении этого способа лова по сравнению с сетевым, приносящим значительный улов. Волоковой сетевой лов был гораздо популярнее, чем ставной. Интересно также, что явно выступает факт количественного преобладания керамических грузил над каменными, в материалах Пскова же, например, зафиксировано обратное (Салмина, 1994. С. 155–158).

¹ Автор благодарит С.И. Четверикова за предоставление информации о всех упоминаемых в данной работе неопубликованных предметах рыболовного инвентаря с селищ Подгорное и Болдыревка; материалы раскопок 1991–1992 гг. на поселении Подгорное датируются находками джучидских пулов 1330–1360-х годов.

² СМК. № 52020/А-2306 (АО 1250).

³ В одном случае (рис. 2, 4) зафиксирована и примесь шамота.

⁴ ГОМРТ. № 5369-3. Ин. 5596.

⁵ ГОМРТ. № 16283-22.

Литература

Археологические памятники Центрального Закамья, 1988. Казань.

Баринев Д.Г., 1997. Золотоордынское поселение около поселка Шумейка // Археологическое наследие Сара-

товского края. Охрана и исследования в 1996 году. Саратов. Вып. 2.

Беленькая Д.А., Дубынин А.Ф., 1967. Работы на территории Китай-города (Москва) в 1964–1965 гг. // КСИА. Вып. 110.

Винников А.З., Синюк А.Т., Цыбин М.В., 1995. Средневековые материалы с поселения «Дрониха» // Средневековые памятники Поволжья. Самара.

Гайдуков П.Г., 1992. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М.

Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф., 1998. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV века). Уфа.

Гусаковский Л.П., 1967. Древнерусский город Орлов // КСИА. Вып. 110.

Даркевич В.П., Борисович Г.В., 1995. Древняя столица Рязанской земли. М.

Егоров В.Л., Полубояринова М.Д., 1974. Археологические исследования Водянского городища в 1967–1971 гг. // Города Поволжья в средние века. М.

Казаков Е.П., 1993. Коминтерновское II селище // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. Казань.

Касанкин Г.И., 1994. Золотоордынское поселение у села Подгорное // Материалы научно-практической конференции по проблемам сохранения археологического наследия. Саратов.

Касанкин Г.И., 1997. Жилище XIV в. на золотоордынском поселении у с. Подгорное // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Саратов. Вып. 2.

Культура Биляра, 1985. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. М.

Макаров Л.Д., 1994. Древнерусские памятники среднего течения реки Пижмы // АЭМК. Вып. 23: (Проблемы средневековой археологии волжских финнов).

Макушиников О.А., 1996. Исследования 1989 г. на южной окраине летописного Гомия // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск. № 8.

Мальм В.А., 1956. Промыслы древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.

Медведев А.Ф., 1967. Первые раскопки в Городце на Волге // КСИА. Вып. 110.

Медведев А.Ф., 1968. Новые материалы к истории Городца на Волге // КСИА. М. Вып. 113.

Недашковский Л.Ф., 2000. Золотоордынский город Укек и его округа. М.

Никитин А.В., 1971. Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. М.

Пряхин А.Д., Винников А.З., Цыбин М.В., 1987. Древнерусское Шиловское поселение на р. Воронеж // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. Воронеж.

Пряхин А.Д., Цыбин М.В., 1996. Древнерусское Семилукское городище (Материалы раскопок 1987–1993 гг.) // На Юго-Востоке Древней Руси: Историко-археологические исследования. Воронеж.

Розенфельдт Р.Л., 1974. Егорьевская коллекция рязанских вещей // Археология Рязанской земли. М.

Руденко К.А., 1994. Алексеевское селище и могильник («У дамбы») в Татарии // АЭМК. Вып. 23: (Проблемы средневековой археологии волжских финнов).

Руденко К.А., 2000а. Датировка находок «аскизского круга» из Волжской Булгарии // Аскизские древности в средневековой истории Евразии. Казань.

Руденко К.А., 2000б. VI Алексеевское селище. Казань.

Савченкова Л.Л., 1996. Черный металл Болгара. Типология // Город Болгар: ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань.

Салмина Е.В., 1994. Рыболовный инвентарь из раскопок в Пскове: (Классификация находок и способов ловли) // Археологическое изучение Пскова. Псков. Вып. 2.

Седов В.В., 1961. Древнерусское поселение близ города Вязники // КСИА. М. Вып. 85.

Седова М.В., 1978. Ярополч Залесский. М.

Серкин С.П., 1995. Баллада о Чуршинском городище. Макаров Л.Д. Окрестности п. Первомайского в древности. Слободской.

Старостин П.Н., Казаков Е.П., 1992. Булгарское поселение в урочище «Чакма» // АЭМК. Вып. 21: (Средневековые древности Волго-Камья).

Тропин Н.А., 1993. Хозяйственные постройки древнерусского поселения у с. Аргамач-Пальна // Древности Волго-Донских степей. Волгоград. Вып. 3.

Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Мухаммадиев А.Г., 1970. Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959–1966 гг. // Поволжье в средние века. М.

Хлебникова Т.А., 1988. Неполитная керамика Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М.

Хохлов А.Н., Нестерова М.Е., 1966. О постройках домонгольского времени на территории Затымацкого посада г. Твери // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. Вып. 1.

Хреков А.А., 1994. Древнерусские поселения лесостепного Прихоперья // Материалы научно-практической конференции по проблемам сохранения археологического наследия. Саратов.

Хузин Ф.Ш., Набиуллин Н.Г., 1999. Булгарский город Джукетау на Каме (по материалам раскопа III 1991, 1993 гг.) // Археологическое изучение булгарских городов. Казань.

Хузин Ф.Ш., Шарифуллин Р.Ф., 1999. Город Сувар: некоторые итоги и задачи археологического исследования // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. Казань.

Цыбин М.В., 1987. Древнерусские памятники второй половины XIII–XIV вв. в Среднем Подонье // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. Воронеж.

Чернецов А.В., Куза А.В., Кирьянова Н.А., 1985. Земледелие и промыслы // Археология СССР. Древняя Русь. Город, замок, село. М.

Черников В.Ф., 1967. Крепость «Оленья гора» близ г. Лысково на Волге // КСИА. Вып. 110.

Murray H.K., Murray J.C., 1993. Excavations at Rattray, Aberdeenshire. A Scottish Deserted Burgh // *Medieval Archaeology*. London. Vol. 37.

Tallgren A.-M., 1916. Collection Zaoussailov au Musee Historique de Finlande a Helsingfors. I. Catalogue raisonne de la collection de l'age du bronze. Helsingfors.

Fyodorov-Davydov G.A., 1984. The Culture of the Golden Horde Cities. Oxford.

Баринов Д.Г., 1987. Отчет об археологических работах в бассейне р. Волги с притоками в пределах Энгельсского района в 1986 году. — Архив ИА РАН. Р. 1. Д. 11798.

Кочерженко О.В., 1993. Отчет об археологических раскопках Алексеевского городища (Саратовская область) в 1992 году. — Архив ИА РАН. Р. 1. Д. 17430.

Лопатин В.А., 1988. Археологические исследования в Саратовском Поволжье в 1987 г. — Архив ИА РАН. Р. 1. Д. 12034.

Е.Е. Неразик

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДАХ ХОРЕЗМА (VII–VIII ВВ.)*

События внешнеполитической истории и внутриэкономической жизни Хорезма в IV–V вв. н.э. совершенно изменили облик земледельческих оазисов и привели к упадку многих древних городов. Структурная система оазисов, столь четкая в древности в правобережной части страны, нарушилась. После IV–V вв. больше не использовались укрепления, защищавшие их с севера и построенные на останцовых возвышенностях и отрогах горной цепи Султануиздаг. Окраинные земли на правом и левом берегах Амударьи были заброшены. Резко сократилась площадь освоенных в древности земель, складывалась совершенно иная политико-административная система, отражавшая требования формировавшихся феодальных отношений.

Согласно нумизматическим данным, в Хорезме в VII–VIII вв. существовали крупные удельные владения: в южном Хорезме, где находилась столица страны Ал-Фир, в северной левобережной части государства, в низовьях Амударьи (область Кердер) (Вайнберг Б.И., 1977. С.98,99)**. Последнее владение, сложившееся на базе этнически иного населения, нежели хорезмийцы, характеризовалось весьма самобытной культурой.

В связи с отмеченным фактом раздробленности страны примечательно, что ее правители имели титул MR'Y MLK', прочитанный на серебряных мо-

нетах и означавший «государь-царь» или «господин-царь», в отличие от MLK' более древних правителей. Видимо, такая двойная титулатура появилась вследствие необходимости показать свое первенство среди прочих MLK' в борьбе за власть.

По мнению Е.В.Зеймалья, двойной титул на серебряных монетах предполагает существование в стране в VII–VIII вв. нескольких владельцев (MR'Y-xwt'w), обладавших самостоятельностью, но подчинявшихся царю Хорезма с титулом MLK' (Зеймаль, 1978. С.211). Как отметила Б.И.Вайнберг, действительно на одном из выпусков чекана хорезмшаха Шрама (sg'm) на аверсе имеется надчекан xwt'w (Вайнберг, 1977. С.84). Вопрос о значении данного термина поднимался во многих трудах. В частности, Я.Харматта, занимаясь документами из Дура-Европос, пришел к выводу, что под этим титулом подразумевались «крупные лорды», каждый из которых держал под своим управлением город (Harmatta, 1957. Р.303; Луконин, 1961. С.14–17). Не исключено, что так было и в Хорезме. Некоторое основание предполагать подобную ситуацию, помимо вышеуказанного надчекана, дают сведения Бал'ами, согласно которым хорезмшах Джиган (Чеган) обещал арабскому полководцу Кутейбе за помощь в борьбе со своим братом Хурразадом «три золотых ключа от сокровищницы Хорезма и ключ от своего города» (Chronique..., 1879. Р.175).

В целом же о городах раннесредневекового Хорезма и в письменных источниках, и по данным археологии сведений очень мало. Табари, как показал О.Г.Большаков, упоминает только четыре города: Ал-Фир — столицу страны, Хазарасп, Ургенч (вариант Бал'ами) и Кердер (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973. С.171).

* Статья написана при финансовой поддержке Российского Гуманитарного научного фонда. Проект № 00-01-00454а, код 01150.

** Тенденции политического распада отмечались С.П.Толстовым и для периода конца III — начала IV в., когда появляются разнообразные мелкие медные монеты с разными тамгами, см.: Толстов, 1948. С. 209.

По археологическим данным, в сравнительно густонаселенной в VII–VIII вв. прибрежной полосе левобережья существовали Хива, Хазарасп, Ваянган (средневековый Ардахушмисан). На дороге, соединявшей Хиву с Хазараспом, стоял небольшой городок, в средневековье называвшийся Савкан. Судя по находкам раннесредневековой керамики, в Джигербенте и Садваре продолжали существовать древние укрепления. Возле большой переправы через Амударью в VI в. строится город Дарган.

Таким образом, торговые пути вдоль левого берега реки, известные в древности, продолжали функционировать и в «смутные времена» раннего средневековья. Возможно, использовалась и Шах-

ристанская дорога через пески Каракумов в Хорасан. Пунктами на этом пути были Замахшар и Шах-Сенем, где в каком-то виде жизнь, видимо, поддерживалась и в VII–VIII вв., но трудно сказать, представляли ли они и в это время поселения городского типа.

Иначе выглядел правый берег Амударьи. Нельзя с уверенностью сказать, сохранялся ли там хоть один древний город, включая и древнюю столицу. Скорее всего, продолжал существовать Шурахан, расположенный в разветвлении двух больших каналов – Кырк-кызского и Топрак-калинского, где он известен, согласно Я.Г.Гулямову, уже с начала нашей эры и показан им на карте памятников III–VI вв. (Гулямов, 1957.

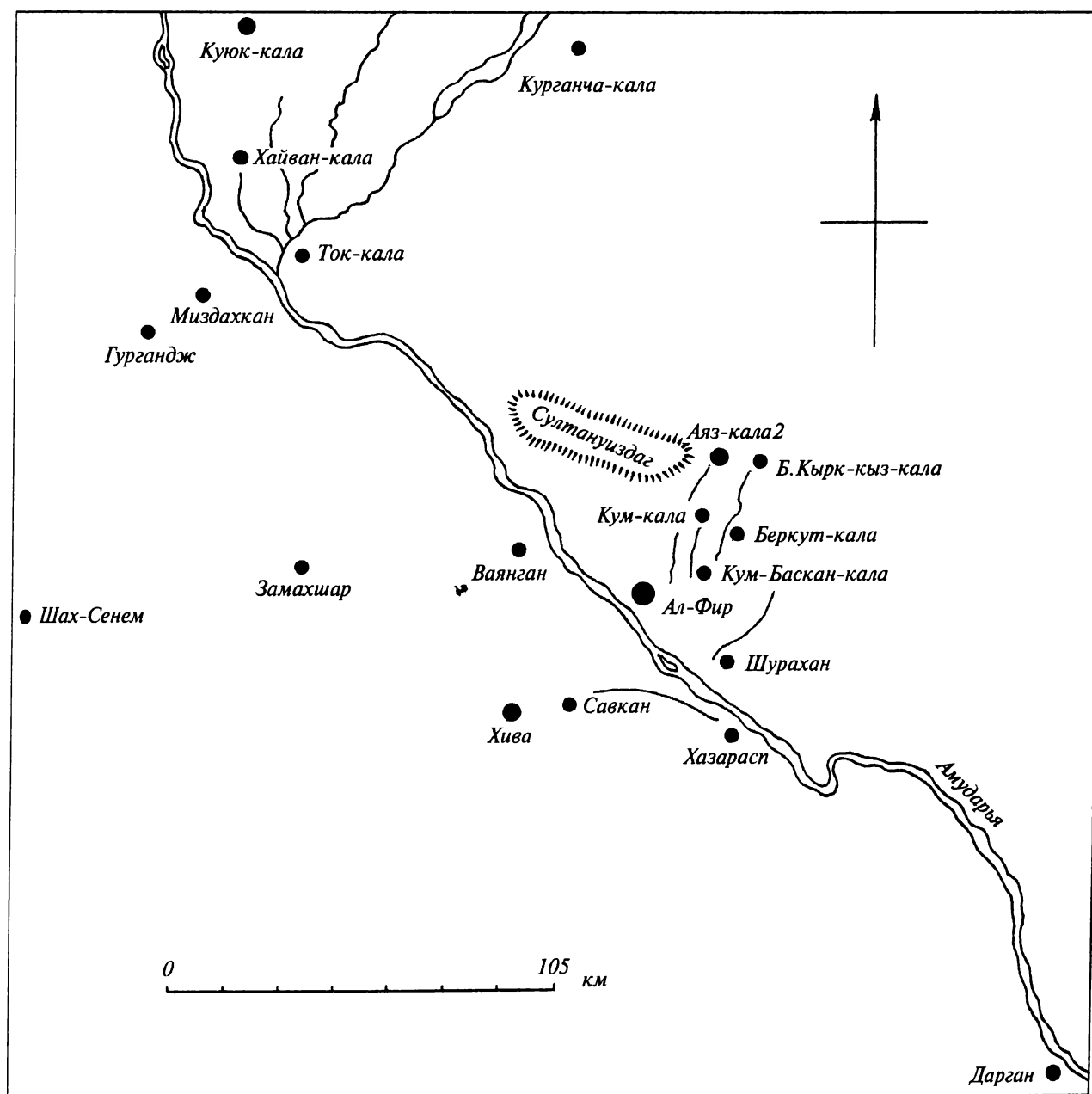

Рис.1. Хорезм в VII–VIII вв.

С.118. Рис.9). Однако судьба древнего Гульдурсуна не ясна, и мы не знаем, выросло ли городское поселение у мощного раннесредневекового замка Наринджан, известного в качестве города в IX–X вв.

Зато на севере, в области Кердер, расцветают большие поселения (которые иногда называют городами) с цитаделями и без оных.

В южных земледельческих оазисах появляются новые города, формировавшиеся вокруг замков феодалов. С учетом этих, как правило, мелких городков, в Хорезме VII–VIII вв. насчитывалось более десятка городских центров, наиболее крупными из которых были Хива (26 га), Хазарасп (более 10 га) и, конечно, Ал-Фир, столица страны, существовавшая, по крайней мере, с IV в. н.э. (рис.1). По словам Баладури, это «просто Самарканд», настолько, видимо, Ал-Фир был велик, намного превосходя прочие хорезмийские города (Al-Baladhuri, 1924. P.II. P.188). Сравнивая раннесредневековый Хорезм с другими среднеазиатскими государствами, можно отметить, что он мало отличался от Согды, где число городских центров если и превышало указанную цифру, то совсем немного. Не было особой разницы и в размерах городов, разумеется, если не считать гигантского Самарканда, впрочем, несколько сократившегося в рассматриваемую эпоху.

На этом фоне выделялся Северный Тохаристан (около трех десятков больших и малых городов) (*Зеймаль, Ртвеладзе*, 1999. С.134) и, конечно, Чач-Илак (32 города) (*Буряков, Филанович*, 1999. С.81). В основе чачского урбанистического феномена – выгоды от развития горных разработок, сделавших Чач источником полиметаллов для всего среднеазиатского региона, а также активное оседание скотоводов, основывавших там свои, часто весьма своеобразные, города типа Кавардана-Кабарна с большими участками, занятыми юртами, и курганными некрополями вблизи города (*Буряков*, 1982. С.111).

Облик древних хорезмийских городов, продолжавших существовать в эпоху раннего средневековья, почти неизвестен, поскольку напластования данного времени, как правило, перекрыты позднейшими слоями. Поэтому так важны упоминания о них в письменных источниках у Бируни, Табари, Баладури, Бал'ами. В первую очередь имеется ввиду столица государства – город Ал-Фир (Фил), с X в. именовавшийся Кятом (*Гоибов*, 1983. С.133, 134). Основываясь на текстах ибн-А'сама, О.Г.Большаков полагает, что Ал-Фир состоял из трех концентрически располагавшихся частей с цитаделью в центре (*Беленицкий, Бентович, Большаков*, 1973. С.171). Согласно Табари, «у хорезмшаха три города, окруженные одним рвом» (*Беленицкий, Бентович, Большаков*, 1973. С.171). Г.Гоибов переводит этот текст несколько иначе: «Центр Хорезма состоял из трех городов, окруженных общим валом» (*Гоибов*, 1983. С.132). Здесь много неясного. Так, по Бируни, «Ал-Фир, так

называлась крепость, построена она вне городской стены из глины и кирпича и состояла из 3-х одна в другой построенных цитаделей. Все они были одинаковой высоты и возвышались над дворцом... В 616г после Александра Великого (в 306 г. Р.Х.) Африг построил себе замок позади города Ал-Фира» (*Беселовский*, 1887. С.24). Из текста явствует, что из трех концентрически располагавшихся частей состоял не город Ал-Фир, а одноименная крепость вне его стен. Что же касается трех городов, окруженных общим валом, то, как нам кажется, в какой-то степени данная ситуация может проясниться в результате исследования Таш-Кырманского оазиса близ современного центра Бируни (выросшего на месте разрушенного рекой Ал-Фира – Кята) Каракалпакско-австралийской экспедицией. Невдалеке от огромного городища Казаклы-Яткан (42 га) с мощной фортификацией, датированного IV в. до н.э. – IV в. н.э. и бывшего, возможно, в какой-то период столицей страны (*Helms, Jagodin*, 1977. P.61), обнаружен трехметровой толщины вал, по-видимому, окружавший оазис. Не так ли было в позднейшие века, когда рядом вырос новый столичный рустак с центром в Ал-Фире? На его территории, помимо Ал-Фира, могли быть и другие города. Однако это только предположение, которое невозможно проверить: река разрушила столичный район, поглотив его населенные пункты.

Появились первые сведения о древнем Гургандже, догадки о существовании которого в VII–VIII вв. и в более ранние эпохи до сих пор основывались только на неясных сообщениях об авестийской Урве и Юегяни китайских хроник. В настоящее время в результате раскопок холма Кыркмолла в северо-восточной части городища обнаружены развалины древнего укрепления с мощной крепостной стеной и квадратными башнями (*Юсупов*, 1993. С.21). Полагают, что оно было построено в IV–III вв. до н.э. и продолжало существовать на протяжении многих столетий. В слоях этого сооружения найдены многочисленные фрагменты раннесредневековой керамики, хотя соответствующий слой пока не вскрыт. Исследование материалов аэрофотосъемки позволило с известной долей вероятности наметить разновременные участки огромного города, каким он был в эпоху средневековья. В частности, в разветвлении естественных протоков в северо-восточной части городища различима большая, подпрямоугольных очертаний территория со следами планировок площадью примерно 200х200 м. Предполагается, что это участок раннесредневекового города, просматривающийся сквозь позднейшие напластования или же не скрытый ими (*Вайнберг*, 1998. С.189). Разумеется, только раскопки смогут проверить данную гипотезу.

Видимо, крупным городом рассматриваемого времени был Миздахкан, расположенный невядалеке от Ургенча. Древние слои там перекрыты по-

зднейшими (город приобрел наиболее крупные размеры в золотоордынскую эпоху), однако значительная площадь, занятая раннесредневековым некрополем, позволяет предположить и соответствующие масштабы самого города (МИТТ. Т. I. С. 217).

Немного сведений и о Хиве, которую Ибн-Хаукаль в X в. назвал «маленьким городом на краю пустыни» (*Ягодин, Ходжайов*, 1970. С. 8). Раскопки, предпринятые Каракалпакским филиалом АНУзССР, велись на территории Ичан-калы близ крепостных стен; вскрыто несколько горизонтов и установлено, что в IV в. древние крепостные сооружения были засыпаны обвалами стен, намывными и наносными слоями, что, видимо, может свидетельствовать о какой-то кризисной полосе в жизни города, когда крепостные стены рухнули. В VI–VIII вв. жизнь вновь активизируется, но городская территория, скорее всего, ограничивалась рамками Ичан-калы (26 га). Здесь появляются монументальные сооружения типа кешков, позволяющие подозревать существенные изменения в структуре города и путях его развития. По мнению исследователей, территория древнего города и сейчас была освоена лишь частично (*Мамбетуллаев, Юсупов, Ходжаниязов*, 1986. С. 38–39).

Почти столь же краткими сведениями мы располагаем о Хазараспе. Ввиду того, что он плотно застроен современными жилыми домами, обследованию оказались доступны только крепостные сооружения и небольшие участки городской территории вдоль стен. Ясно лишь, что это был хорошо укрепленный опорный пункт Хорезма на его южных рубежах (*Воробьев, Лапиров-Скобло, Неразик*, 1963)*. Он служил таковым и арабам Кутейбы – туда они везли казнить сторонников Хурразада, восставших против хорезмшаха.

Учитывая вышеприведенные данные о Хиве, показательно, что в VI–VIII вв. в юго-восточном углу города высилась мощная цитадель (ныне именуемая бугром Дэв-Салган), а крепостные стены были поставлены на высокий вал, в который превратились засыпанные песком и заложенные кирпичами древние крепостные сооружения с внутренним стрелковым коридором. Раскопы у ворот города и с внешней стороны его западной стены открыли остатки культурных слоев раннесредневекового периода, но как далеко они тянулись – сказать невозможно. Тем не менее, результаты этих работ дают некоторое основание предполагать наличие в Хазараспе внешнего города или же пригорода.

Мы кратко охарактеризовали города, продолжавшие существовать в VII–VIII вв. на месте древ-

них. Как развивались эти городские центры в эпоху раннего средневековья, еще предстоит выяснить, но можно предполагать радикальные структурные изменения.

Стабильность данных городов зиждилась прежде всего на выгодах их местоположения на древних торговых путях или у каналов.

Однако появляются и новые города, как правило, небольшие, и их формирование весьма характерно для урбанистических процессов на территории раннесредневекового Хорезма. О них мы можем судить, прежде всего, на основании раскопок Беркут-калы и комплекса построек возле Аяз-калы 2.

Беркут-кала в свете исследований последних десятилетий может быть охарактеризован несколько полнее и иначе, чем это можно было сделать ранее (*Неразик*, 1959. С. 98–108). Это небольшое (чуть более 6 га) городское поселение, сформировавшееся возле крупнейшего замка оазиса в два приема. Время его формирования устанавливается на основании находок монет хорезмшаха Чегана (начало VIII в.). Одна часть городка, южная, имела довольно правильные четырехугольные очертания, была окружена пахсовой стеной с бойницами и компактно застроена. Другая, так называемая восточная пристройка, видимо, появилась несколько позже, но в пределах того же хронологического периода. Она неправильной конфигурации, обведена простой глиняной стеной без башен и бойниц и отличалась сугубо торгово-ремесленным характером.

В замке-цитадели площадью 100x100 м находились монументальные строения, размещавшиеся вдоль стен; посредине – небольшое незастроенное пространство. В северо-восточном углу цитадели был устроен бассейн, а в юго-восточном возвышался кешк-донжон. Однако кешком в обычном понимании этого термина его назвать нельзя, поскольку он сильно отличался от такого жилища дикхана, каким являлись, например, донжоны Тешик-калы и Якке-Парсана. Ничего похожего на парадные помещения Тешик-калы здесь не было: вместо них – несколько скромных жилых комнат с одной или двумя суфами. Зато в высоком кирпичном цоколе этого квадратного сооружения (14x14 м) обнаружен потайной ход, выводивший в город. Донжон посредством открытой стрелковой галереи был соединен также со всеми крупными двухэтажными башнями замка, являясь, по существу, самым мощным укреплением в этой единой цепи. Думается, что упомянутые монументальные строения – развалины дворца правителя.

Особый интерес представляет огромное, очень глубокое (на всю глубину кирпичного цоколя) помещение в северо-западном углу донжона. Оно трактовалось прежде как раннесредневековый зиндан, учитывая административные функции Беркут-калы как центра большого участка оазиса (*Неразик*, 1959).

* К сожалению, автору остались неизвестными последние работы о Хиве и аргументированные выводы о стратиграфии Хазараспа в свете исследований 1980–1990-х годов, предпринятых учеными Каракалпакии и Хорезмской области Республики Узбекистан.

С.102). Мы полагаем, что его правильной рассматривать как большое зернохранилище. Таковые на 16—18 тонн открыты в Пенджикенте, в частности, в домах знати, куда поступал хлеб из подвластных им селений (*Распопова*, 1990. С. 183). Интересно, что в Кафыр-кале — центральном городе области Вахш — возле ворот раскопано здание, где одновременно могло храниться не менее 4 тонн сельскохозяйственных продуктов.

В Беркут-кале, судя по местоположению зернохранилища, оно находилось в руках правителя и его приближенных. Там же, в цитадели, были сосредоточены запасы воды на случай осады. Жесткая власть крупного дикхана выступает в этом случае особенно наглядно.

Беркут-кала, несомненно, демонстрирует путь сложения города возле резиденции крупного дикхана. И этот путь был довольно характерным для Хорезма данной эпохи: такие городки начинали расти, как можно судить по археологическим данным, и возле некоторых других крупных замков. Мы имеем ввиду Кум-Баскан-калу в том же Беркут-калинском оазисе (рис.2); Кум-калу на соседнем канале; город возле дворца хорезмшахов у Аяз-калы 2. Город Курдер в дельте Амударьи упоминается Табари (*Беленицкий, Бентович, Большаков*, 1973. С.17) в качестве резиденции князя. Наконец, видимо, такой же резиденцией была и новая часть столицы — Ал-Фир. Поэтому на примере Хорезма вполне подтверждается вывод О.Г.Большакова о том, что новые раннесредневековые города Средней Азии возникали прежде всего как резиденции правителей (*Беленицкий, Бентович, Большаков*, 1973. С.149).

В структуре Аяз-калинского комплекса построек различаются несколько разнородных частей: 1) большой дом с центральным коридором или вытянутым прямоугольным двором; 2) значительная по площади застройка из двух-трехкомнатных жилых секций; 3) недостроенное монументальное крестово-айванное сооружение; 4) несколько многокомнатных зданий с возвышавшейся над каждым двухэтажной частью. Застройка была довольно слитной. С северной и восточной стороны (прочие засыпаны песком) она ограничена двумя линиями стен, возможно, также незавершенных. На одной видна четырехугольная башня.

В том, что это был формирующийся городок, убеждает, во-пер-

вых, его площадь, составлявшая не менее 25 га и, во-вторых, разнородность построек, включавших и здания явно общественного назначения, и рядовые жилые постройки, и кешки с примыкавшей к ним хозяйственно-жилой частью.

Дворец, находившийся за пределами городка, имел размеры 65х65 м и состоял более чем из сорока помещений, в числе которых были большие залы, культовый комплекс, парадные покои, украшенные росписью, служебные и жилые комнаты. Внешние стены дворца достигали двухметровой толщины. Здание пережило сложную историю: построенное в V — начале VI в. (а может быть, и несколько ранее), оно сгорело, а затем было частично восстановлено в VI—VII вв., однако уже в качестве дворца не хорезмшаха, а какого-то менее значительного лица, скорее всего, правителя города. Город же в VII—VIII вв. продолжал развиваться.

Пандусный подъем соединял дворец с Аяз-калой 2, увенчивавшей вершину конического холма и соответственно его очертаниям получившей неправильно-округлую форму с позднейшей, пристроенной в VII—VIII вв., прямоугольной частью. Размеры Аяз-калы 2, которую мы рассматриваем в качестве цитадели, достигали 36х65 м. Нижний этаж крепости состоял из сводчатых помеще-

Рис.2. Кум-Баскан-кала. Вид с воздуха

ний, видимо, складских и для расположения гарнизона.

В целом оба сооружения, несомненно, являлись ядром развивавшегося рядом города и не имели внешней стены, ограждавшей бы данную «пару» (рис.3).

Как уже давно отмечено в литературе, такое сочетание не единично в градостроительстве Средней Азии (Литвинский, Соловьев, 1985. С. 122; Шишкина, Иневаткина, 1995. С. 13), причем некоторые исследователи полагают, что дворцы чаще находились рядом с цитаделью на террасах или возвышенных стилобатах, реже — в самих цитаделях (Филанович, 1989. С.39). Так, внутри цитадели Пенджикента, на так называемом «верхнем дворе» возвышался кешк-донжон, а «нижняя площадка» была занята дворцом (Исаков, 1977. С. 11, 15; Распопова, 1990. С.168, 169). В Варахше рядом с укреплением с мощными гофрированными стенами на примыкавшей к нему площадке находился дворец бухар-худатов (Филанович, 1989. С.39; другое толкование — Распопова, Шишкина, 1999. С.55). Дворцовое здание столицы Чача располагалось вплотную к цитадели на остатках древней крепостной стены (Филанович, 1989. С.39).

По существу, подобное сочетание представлено и в цитадели Беркут-калы: в одном из ее углов, как мы видели, возвышался донжон, имевший оборонное и хозяйственное значение, а рядом с ним вдоль южной стены с большой долей вероятности можно предполагать развалины дворца правителя большой земельной округи.

В связи с упоминанием данной округи, являвшейся частью Беркут-калинского оазиса, затронем вопрос о своеобразии в структуре хорезмийских оазисов и микрооазисов, которые усматривают некоторые исследователи. Полагают, что «структура ячейки (микрооазиса) с отсутствием города-лидера, отражающая особенности хорезмийского региона, не является характерной для Средней Азии в целом... Более типична структура, включающая в систему расселения крупные и мелкие города (Бактрия, Согд, Чач, Фергана)» (Филанович, 1989. С.39).

Нам представляется очень важным рассмотреть, какие сопоставления лежат в основе данного заключения. Если сравнивать, например, густонаселенный Ташкентский раннесредневековый район с окраинными землями Хорезма, то, несомненно, может обнаружиться явное несоходство. На этих землях (а именно они, главным образом, и доступны археологическим исследованиям) в правобережном Хорезме оазисы вытянуты неширокими полосами вдоль магистральных каналов, узкими «языками» вдаваясь в зону песков. Однако даже их обследование (не говоря уже о более густонаселенных районах) не дает оснований для вышеуказанного заключения. Так, в сравнительно хорошо изученном Беркут-калинском оазисе (который, может быть,

можно назвать небольшим ирригационным районом) на протяжении 60 км от Шурахана до Большой Кырк-кыз-калы выделяются разные по величине и, видимо, значению центры единообразно рассредоточенного расселения (Кум-Баскан-кала — более 4 га; Беркут-кала — 6,2 га; Уй-кала — 1,4 га; Большая Кырк-кыз-кала — 5,3 га). В этой структуре заметна известная иерархическая соподчиненность. «Лидером» была безусловно Беркут-кала (если не Шурахан, который только предположительно мог быть в это время крупным городом). Иерархическая система государственных крепостей, мелких городков и крупного центра — Гульдурсуна — просматривается в данном регионе и в период первых веков н.э., причем эти населенные пункты разделялись близкими по величине интервалами в 6–9 км, видимо, определяя границы микрооазисов (Неразик, 1966. С. 11).

Левобережная прибрежная раннесредневековая зона хотя и скрыта почти на всем протяжении современным освоением, все-таки по многим признакам была значительно гуще населена, и там, где она доступна исследованиям, можно усмотреть наличие крупного города и более мелких. Например, в системе каналов Хейканик (позднейший Палван-яб) наряду с крупнейшим центром — Хивой — существовал по крайней мере один небольшой городок — Савкан (городище Алма-Атышкан). Поэтому нам кажется, что в оазисах Хорезма так же, как и в других раннесредневековых среднеазиатских областях, существовали и крупные, и второстепенные города. Это тем более вероятно, что позднее, когда в письменных источниках появляются более пространственные сведения о городах Хорезма и их местоположении, столичный район Кята, где этот большой город был окружен различными мелкими, полностью соответствует представлению о структуре расселения, типичной для других областей Средней Азии (Неразик, 1981. С.225).

Как известно, города, особенно крупные — полифункциональные образования, причем среди этих функций обычно выделяются одна-две структурообразующих (Андреев, 1987). Лишь недостаток сведений о раннесредневековых городах Средней Азии не дает возможности осветить этот вопрос. Такую «специализацию» отдельных городов (и поселений) можно, однако, предположить в раннесредневековом Согде: в «Истории Бухары» Наршахи упоминается много мелких подробностей, отражающих специфику того или иного населенного пункта. Тававис — «город павлинов», место ежегодной ярмарки, где продавались разные ткани; в Зандане и ряде других селений обитали преимущественно ткачи; Пайкенд — город купцов; Рамитан — царская резиденция (Наршахи, 1897. С. 20, 23, 27). Возможно, что по мере расширения масштабов исследования можно будет говорить о такой «специализации» городов и в Хорезме. По крайней

мере, есть один момент, как бы подкрепляющий данное предположение. Имеется в виду Ток-кала, в VII–VIII вв. — небольшое поселение, территориально состоявшее из двух частей «дворов» — восточной и южной. Площадь первой из них — 11700 кв. м, второй — не установлена. По периметру «двора» или площади, составлявшей основу планировки восточной части Ток-калы, располагались жилые секции, сопоставимые по типу с таковыми в Якке-Парсане, в городе, формировавшемся возле Аяз-калы 2, и т.д.

(Гудкова, 1964. С.42–52). Судя по размерам и характеру застройки городом Ток-калу назвать нельзя. Вместе с тем продолжавшая существовать в IX–XI вв. и отождествляемая с Дарсаном письменных источников Ток-кала в современных преданиях, записанных Г.П. Снесаревым, входит в число пяти древнейших городов — «матерей Хорезмского оазиса» наряду с Хивой, Хазараспом, Бируни (древний Ал-Фир-Кят). Другое ее название — Калаи-ашраф (город святой) (Гудкова, 1964. С.20, 21). Думается, что в Ток-

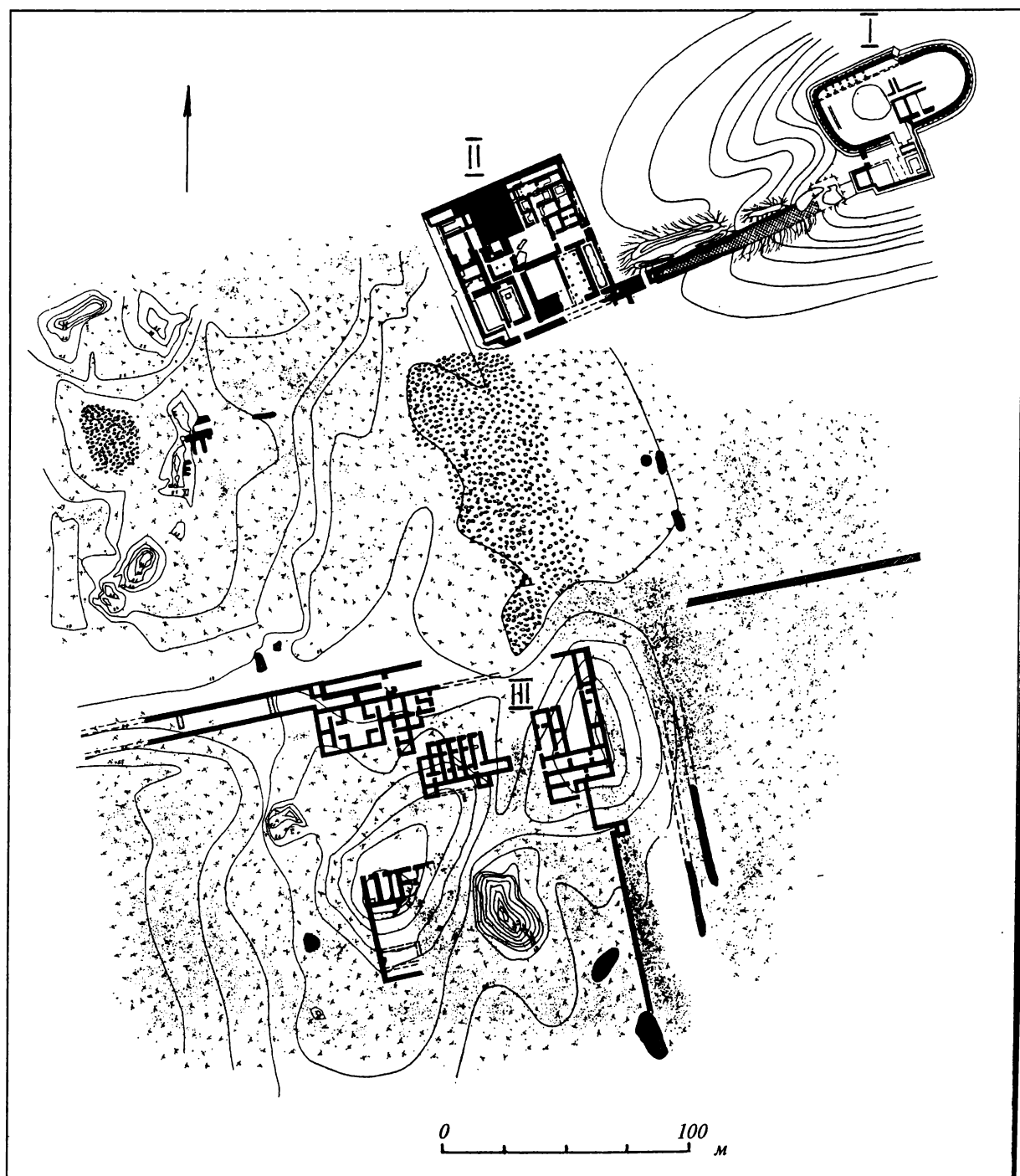

Рис.3. Раннесредневековой комплекс построек возле Аяз-калы 2:
I — Аяз-кала 2; II — дворец; III — городское поселение

кале жила обслуга большого культового места, некрополя, размеры которого далеко не соответствовали маленькому населенному пункту и который, вероятно, имел общегосударственное значение*.

Ток-кала расположена на южной границе области Кердер, где в VII–VIII вв. существовали и другие населенные пункты, в том числе такие значительные по площади, как Куюк-кала (41 га). Их исследование — особая тема, выходящая за рамки

данной статьи. Следует лишь сказать, что эти обширные поселения вырастали за счет стихийного оседания скотоводов вокруг укрепленного ядра, в связи с чем они приобретали неправильные очертания (Куюк-кала, Курганча-кала). По-видимому, в развитии кердерских поселений определенную роль сыграли хорезмийская колонизация и вкрапления хорезмийских купцов и ремесленников в иноэтничную местную среду.

Литература

Андреев Ю.В., 1987. Ранние формы урбанизации // ВДИ. № 1.

Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г., 1973. Средневековый город Средней Азии. Л.

Бураков Ю.Ф., 1982. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент.

Бураков Ю.Ф., Филанович М.И. Чач и Илак // Археология: Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье. М.

Вайнберг Б.И., 1977. Нумизматика древнего Хорезма. М.

Вайнберг Б.И., 1998. Историческая топография городища Куня-Ургенч в свете данных аэрофотосъемки // Приаралье в древности и средневековье. М.

Веселовский Н.И., 1887. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве. СПб.

Воробьева М.Г., Лапиров-Скобло М.С., Неразик Е.Е., 1963. Раскопки Хазараспа в 1956–1958 гг. // МХЭ. М. Вып. 6.

Гоибов Г., 1983. К исторической топонимике Хорасана, Мавераннахра и Хорезма в VII–X вв. // Хорезм и Мухаммед ал-Хорезми в мировой истории и культуре. Душанбе.

Гудкова А.В., 1964. Ток-кала. Ташкент.

Гудкова А.В., 1964. Ток-кала: Исследование комплекса археологических памятников IV в. до н.э. — XI в. н.э. в Северном Хорезме: Автореф. канд. дисс. Нукус.

Гулямов Я.Г., 1957. История орошения Хорезма. Ташкент.

Зеймаль Е.В., 1978. Политическая история древней Трансоксианы по нумизматическим данным // Культура Востока: древность и раннее средневековье. Л.

Зеймаль Т.И., Ртвеладзе Э.В., 1999. Северный Тохаристан // Археология: Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье. М.

Иневаткина О.Н., 1995. Акрополь древнего Самарканда в структуре города (IV в. до н.э. — V в. н.э.). Автореф. канд. дисс. Душанбе.

Исаков А. 1977. Цитадель древнего Пенжикента. Автореф. канд. дисс. Душанбе.

Литвинский Б.А., Соловьев В.И., 1985. Раннесредневековая культура Тохаристана. М.

Лукин В.Г., 1961. Иран в эпоху первых сасанидов. Л.

Магидович И., 1926. Глава в книге «Материалы по районированию Средней Азии». Ташкент. Кн.2. Ч.2.

Мамбетуллаев М., Юсупов Н., Ходжаниязов Г., Матрасумов Ш., 1986. Хива по итогам исследований 1985 года // Вестник КК ФАН. № 2.

Наршахи, 1897. История Бухары / Пер. Н.Лыкошина. Ташкент.

Неразик Е.Е., 1959. Раскопки в Беркут-калинском оазисе в 1953–56 гг. // МХЭ. М. Вып. 1.

Неразик Е.Е., 1966. Сельские поселения афригидского Хорезма. М.

Неразик Е.Е., 1981. К проблеме развития городов Хорезма // Культура и искусство древнего Хорезма. М.

Распопова В.И., 1990. Жилище Пенджикента. Л.

Распопова В.И., Шишкина Г.В., 1999. Согд // Археология: Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье. М.

Соловьев В.И., 1983. Изучение Кафыр-калы — раннесредневекового города Тохаристана // Бактрия–Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. М.

Толстов С.П., 1948. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.

Филанович М.И. 1989. Система расселения и градостроительные формы Ташкентского микрооазиса в древности и раннем средневековье // Культура Среднего Востока. Градостроительство и архитектура. Ташкент.

* Большой интерес в связи с рассматриваемым вопросом о возможной «специализации» хорезмийских раннесредневековых городов представляют материалы И.Магидовича о хивинских городах конца XIX — начала XX в., которые, конечно, являются отражением совсем иной эпохи, но эти сведения следует учесть, имея ввиду удивительную традиционность местных общественных институтов и культурных явлений. По этнографическим материалам, приведенным И.Магидовичем, хорошо прослеживается разница в функциях большого и маленького городов Хорезмской области, а также различных городских центров. Так, в Хиве указанного времени большое значение имели кустарные и мелкокустарные ремесла. В них было занято 25 % населения; на втором месте была торговля. Отмечается большой процент чиновников, священнослужителей, торговцев. Ханки 40 % населения было занято сельским хозяйством, 27 % — ремеслами, 15 % — торговлей. Хазарасп же представлял собой типичный базар, поскольку основным занятием населения являлась торговля; на втором месте — мелкое производство; на третьем — сельское хозяйство (Магидович, 1926. С. 87–88).

Юсупов Х. 1993. Сердце древнего Хорезма. Ашхабад.
Ягодин В.Н., Ходжайов Т.К., 1970. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент.

Al-Baladhuri, 1924. The Origin of Islamic State, being a translation from the arabic of the Kitab Futuh al Buldan of Iman Abu-l-Abbas Ahmad ibn Jabir Baladhuri. Transl. by F.G.Murgotten. New York. P. II. P. 188.

Chronique de Abou Djafar Mo'hammad den Djaris ben Jezid Tabari traduit sur la version persane d'Abou-'Ali Mo'hammad Bel'ami par H.Zotenberg, 1874. Paris. T.IV.

Harmatta Y., 1957. The Parthian Parchment from Dura-Europos // Acta Antiqua Academiae scientiarum Hungaricae. Vol. 5/2

Helms Sv., Jagodin V., 1997. Excavations at Kazakli-Yatkan in the Tash-Ki'rman oasis of ancient Chorasmiat preliminary Report // Iran. L. T. XXXV.

И.М. Петербургский, А.В. Дивлишов, Т.Н. Охотина, О.В. Седышев

СТЕПАНОВСКИЙ МОГИЛЬНИК

Степановский грунтовый могильник находится в трех километрах к югу от села Степановка Атюрьевского района Республики Мордовия и занимает мысовидный выступ коренного правого берега р. Ляча. Площадка расположена между двумя оврагами с небольшим уклоном к югу и возвышается над уровнем пойменных лугов на 4–5 м. Длина мыса по линии Север–Юг – 160 м, ширина по линии Запад–Восток – 180 м. Примерная площадь могильника – 0,5 га.

В 1994–2000 гг. археологической экспедицией МНИИЯЛИЭ (руководитель И.М. Петербургский) проводились раскопки могильника. За годы исследований определены северная, западная и восточная границы памятника. На площади 700 кв.м вскрыто 69 погребений (рис.1), обряд погребения биригуальный. Труположений – 43 (62,3% от общего числа погребений), трупосожжений – 11 (15,9%), неопределенных – 15 (21,7%). Одно парное женское захоронение.

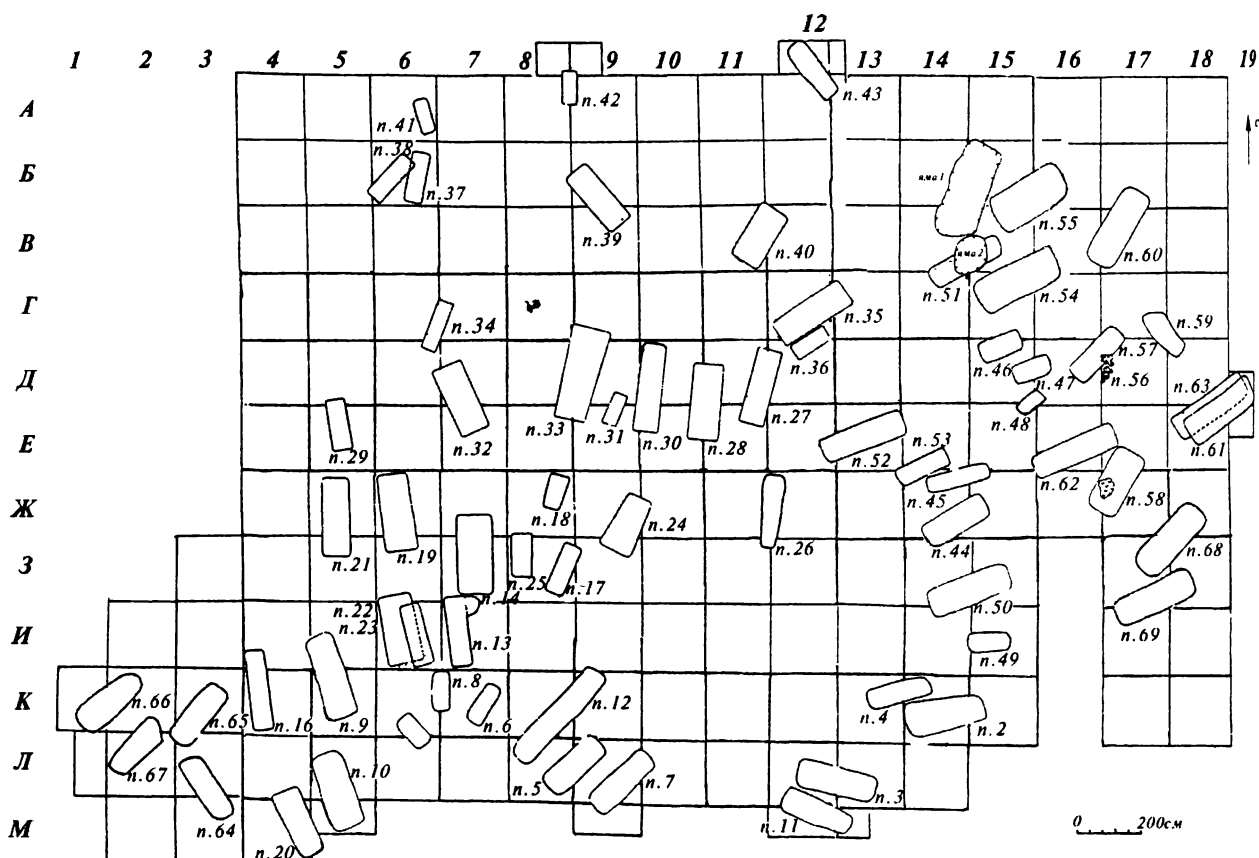

Рис.1. Степановский могильник. План раскопа

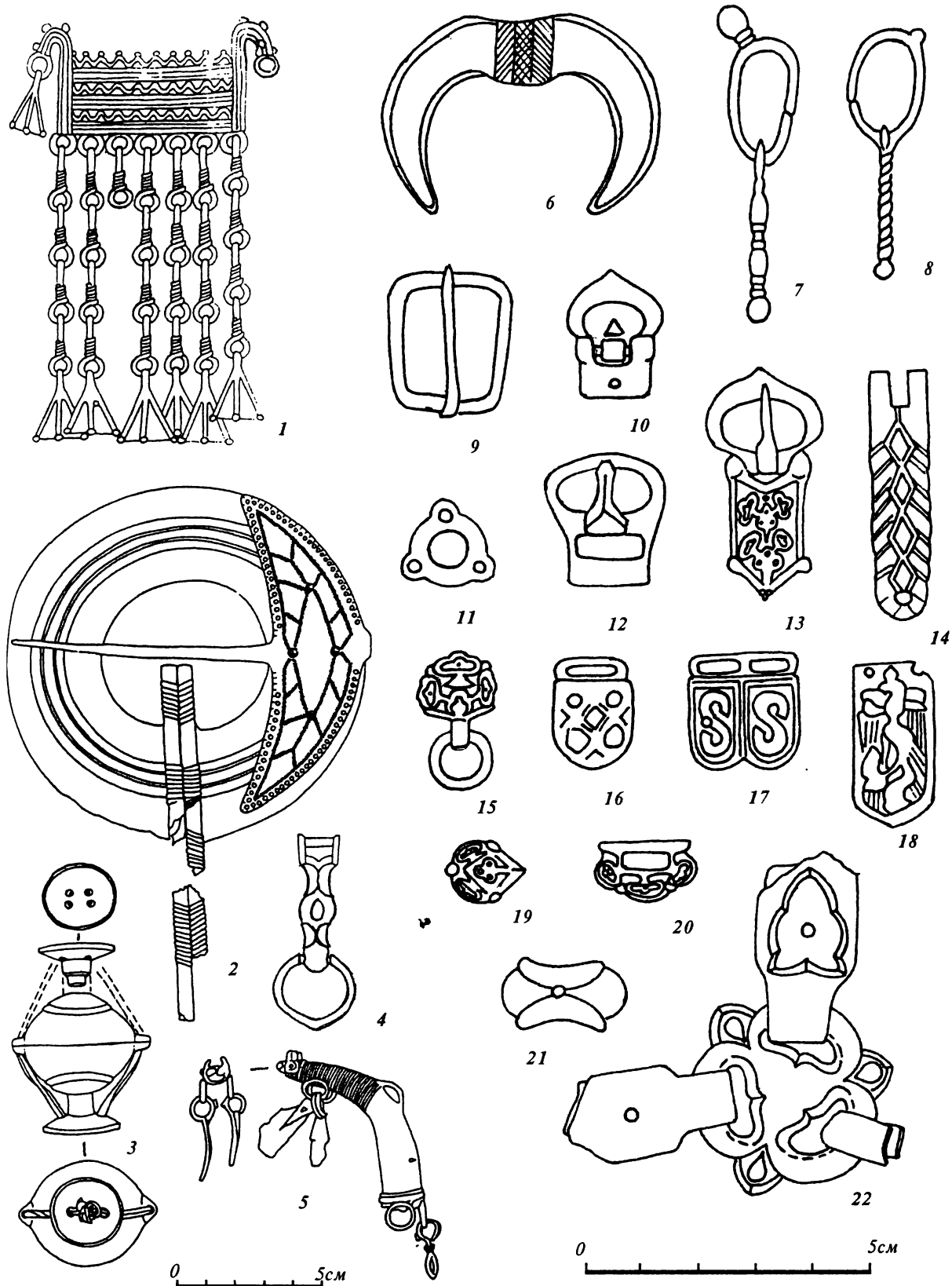

Рис.2. Степановский могильник. Инвентарь погребений (1-22)

Среди могил с труположениями: 18 мужских, 19 женских, 3 детских, 3 неопределенных. При труположениях покойника клали вытянуто на спину, руки часто располагались в области таза и груди или вдоль туловища.

Из трупосожжений: 3 мужских, 3 женских, 5 неопределенных. Кремация умерших производилась на стороне, пережженные кости, очищенные от угля и золы, располагались компактно или по всему дну могильной ямы. Порядок расположения погребального инвентаря в могилах с трупосожжением и труположением одинаков — в порядке ношения.

Большинство могильных ям в плане имели прямоугольную форму с закругленными углами, некоторые — трапецевидные — были слегка расширены к одному из концов.

Длина погребений колеблется от 98 до 330 см, ширина — от 40 до 120 см, глубина составляет 44–183 см от уровня современной поверхности.

Преобладающая ориентировка погребений: ЮЮЗ–ССВ, ЮЮВ–ССЗ, встречаются и другие: Ю–С, ЮЗ–СВ, ЮВВ–СЗЗ, ЮЗЗ–СВВ, но все это единичные случаи. Большинство погребенных было ориентировано головой на Ю, ЮВ, ЮЗ.

Характерной чертой погребального обряда является наличие в отдельных мужских захоронениях «дарственного» комплекса, состоящего из женских украшений.

Погребальный инвентарь Степановского могильника представлен разнообразными украшениями, орудиями труда, глиняной посудой, предметами вооружения, деталями конского снаряжения.

Для определения хронологических рамок существования могильника и его этнической принадлежности нами взяты часто встречаемые в погребениях категории вещей как наиболее массовый и хорошо датированный материал.

Украшения головного убора состояли из налобных венчиков, накосников, височных привесок, серег, височных колец.

Налобные венчики (14 экз.) имеют вид ленты и состоят из бронзовых, трубчатых длинных и коротких пронизок в четыре ряда, украшенных штампованным орнаментом.

Накосник (1 экз.) длиной 26 см состоит из плоской бронзовой спиральной проволоки шириной 6 мм.

Височные привески (26 экз.) из бронзы или серебра представляют собой стержень, обмотанный тонкой проволокой, с грузиком на нижнем конце и спиралькой на верхнем. Тип 1 — бипирамидальный грузик с выемкой, обе пирамидки одинаковы по величине. Тип 2 — с удлинненным бипирамидальным грузиком, верхняя пирамидка которого меньше нижней. Тип 3 — с удлинненным бипирамидальным грузиком, обе пирамидки которого равны. Тип 4 — с удлинненным каплевидным грузиком.

Височные кольца (7 экз.) из белого металла, с несомкнутыми концами.

Серьги (4 экз.) состоят из овального кольца несомкнутыми концами, с шишечкой наверху и неподвижно прикрепленным стержнем внизу (рис. 2, 7, 8). Тип 1 — стержень украшен шариком на конце и шариками по всей длине. Тип 2 — стержень с шариком на конце обмотан тонкой проволокой.

Гривны (1 экз.) делятся на группы по конструкции и технике изготовления, на типы по оформлению концов.

Группа А. Серповидные. Тип 1 — без накладной пластины с луновидными подвесками. Тип 2 — без накладной пластины, без орнамента. Тип 3 — с накладной пластиной, украшенной рельефными шишечками с трубчатыми подвесками.

Группа Б. Круглопроволочные. Тип 1 — обмота на бронзовой проволокой, замок в виде петли на одном конце и лодочки — на другом. Тип 2 — замок в виде двух многогранников, по всей длине гривны обмотана бронзовой проволокой. Тип 3 — ложновитая с замком в виде многогранника на одном конце и петли — на другом.

Бляхи (5 экз.) имеют круглую форму и круглое отверстие посередине, прикрытое круглой подвижной крышечкой. Поверхность корпуса, крышечки и края блях орнаментированы рельефными шишечками и насечками. Тип 1 — бляха небольшая. На крышечке пять шишечек. Тип 2 — корпус имеет треугольные прорези, между которыми расположены крупные рельефные шишечки, напротив прорезей шишечки поменьше. В центре крышечки пять шишечек, соединенных насечками. Тип 3 — корпус украшен шестью крупными шишечками. На крышечке пять шишечек соединенных между собой насечками. Тип 4 — на корпусе четыре крупные рельефные шишечки и между ними мелкие, расположенные треугольником. На крышечке пять шишечек.

Браслеты (5 экз.). По форме концов и сечению разделяются на группы: спиральные, пластинчатые, дровые.

Спиральные браслеты из бронзовой проволоки треугольного сечения. Поверхность некоторых орнаментирована насечками.

Пластинчатые браслеты, шляпкоконечные.

Дровые браслеты. Тип 1 — сечение круглое, концы прямосрезанные. Тип 2 — сечение круглое, шляпкоконечные. Тип 3 — сечение круглое, концы утончены. Тип 4 — сечение квадратное, концы прямосрезанные. Тип 5 — сечение квадратное, отогнутоконечные. Тип 6 — сечение квадратное; шляпкоконечные. Тип 7 — сечение сегментовидное, с кубическим утолщением на концах. Тип 8 — сечение сегментовидное; шляпкоконечные.

Перстни (39 экз.). По форме перстни делятся на типы. Тип 1 — спиральные, из бронзовой проволоки. Тип 2 — пластинчатые, овально-щитковые, ушастые, с валиком посередине щитка. Тип 3 — ажурные с лапчатыми и ромбическими подвесками. Тип 4 — кольцевые со щитком.

Сюлгамы (59 экз.) по технике исполнения подразделяются на литые и кованые. Тип 1 — литые. Длина концов больше диаметра кольца, концы заходят в кольцо. Тип 2 — литые. Длина концов больше диаметра кольца, концы не заходят в кольцо. Тип 3 — кованые. Длина концов больше диаметра кольца, концы заходят в кольцо. Тип 4 — кованые. Длина концов больше диаметра кольца в два раза, концы не заходят в кольцо.

В четырех случаях сюлгамы были дополнены трапезиевидными лопастными привесками.

Застежки (4 экз.). Тип 1 — ажурные, с круглым щитком. В центре — отверстие и подвижная игла с выступающей перемычкой, которая оканчивается стилизованными конскими головами. По нижнему краю с помощью цепочки подвешены лапчатые или треугольные привески. Тип 2 — с «крылатой» иглой (рис. 2, 2).

В погребениях Степановского могильника обнаружено множество подвесок различных форм: бубенчики, трапезиевидные, колокольчиковые, бутыльчатые, в виде гирьки, звездчатые, подвески-лунницы (рис. 2, 6); подвески шумящие, «коньковые», с ажурным прямоугольным щитком, к которому подвешивались привески различной формы (лапчатые, трапезиевидные, треугольные) (рис. 2, 1), рожковая подвеска со стилизованной головой животного (рис. 2, 5), с вытянутым фигурным щитком (рис. 2, 4), подвеска «самоварчик» (рис. 2, 3).

Пряжки по материалу делятся на железные и бронзовые.

Железные пряжки (10 экз.) прямоугольного сечения, в виде рамки, делятся на прямоугольные, овальные, круглые.

Бронзовые пряжки (11 экз.). Тип 1 — рамка под четырехугольной формы; боковые стороны пряжки вогнуты, с прямоугольным подвижным щитком для крепления к ремню. Тип 2 — рамка под четырехугольной формы (рис. 2, 9). Тип 3 — литая, овально-норамчатая, с неподвижным щитком прямоугольной формы (рис. 2, 12). Тип 4 — треугольно-норамчатая, литая, с четырехугольным подвижным щитком без орнамента (рис. 2, 10). Тип 5. Треугольно-норамчатая литая с пятиугольным подвижным щитком с растительным орнаментом (рис. 2, 13).

Наконечники ремней.

Бронзовые (9 экз.). Тип 1 — изготовлены из листа в виде продолговатой пластины. Один конец закруглен. Некоторые экземпляры орнаментированы рельефными шишечками. Тип 2 — литые в виде длинной пластины с закругленным концом, с геометрическим орнаментом (рис. 2, 14). Железные (2 экз.). Имеют форму сложенной пополам, продолговатой пластины с одним закругленным концом.

Бляшки. Формы поясных бляшек разнообразны: серебряные литые четырехугольные с прямоугольной прорезью сверху; литые, трехлепестковые и круглые с небольшим подвижным колечком вни-

зу (рис. 2, 15); серебряные литые трехлепестковые с прямоугольной прорезью и растительным орнаментом (рис. 2, 20); бронзовая литая треугольная с круглым отверстием посередине (рис. 2, 11); бронзовая литая прямоугольно-овальная (рис. 2, 21); серебряная штампованная с S-овидным орнаментом и двумя прорезями (рис. 2, 17); серебряная литая прямоугольная с закругленным концом и прорезью, орнаментирована отверстиями (рис. 2, 16); квадратные бронзовые и серебряные, по краям орнаментированы двумя рядами мелких шишечек.

Украшение обуви (встречено в семи погребениях) состояло из четырех трубочек или спиралек, расположенных в ряд. С обеих сторон от них было нашито по 3 — 4 двойных бляшки. Одна такая же бляшка укреплялась со стороны носка обуви. От этого украшения, охватывая ногу в области шиколотки, шли два узких ремешка с нанизанными на них бронзовыми спиральками.

В одном из погребений наряду с вышеописанным украшением обуви находились и оборы.

Бытовой и производственный инвентарь. Рабочие топоры (22 экз.): втульчатые и проушные. Пешня (1 экз.), кресала (6 экз.), фитильные трубки (13 экз.), оселки (2 экз.), пряслица (3 экз.), почти во всех погребениях встречались ножи.

Оружие. Боевой топор (1 экз.). Имеет узкое, треугольной формы лезвие и длинный молотковидный обухок, в сечении квадратный.

Копья (12 экз.). Все втульчатые, представлены следующими разновидностями. Тип 1 — перо относительно широкое, удлинено-треугольной формы с выраженными плечиками. Сечение пера ромбовидное, реже линзовидное. Тип 2 — пиковидные, с узким четырехгранным пером со слабо выраженными плечиками или без них.

Наконечники стрел втульчатые и черешковые: ромбовидные, листовидные, трехперые, бронебойные.

Кольчужницы из железных колечек фрагментарны и встречены в двух погребениях.

Посуда лепная, по форме горшковидная и баночная.

Снаряжение верхового коня представлено в погребениях могильника стременами, удилами, подпружными пряжками, элементами уздечных наборов.

Стремена (10 экз.) арочной формы имеют плоскую, слегка вогнутую подножку, снабженную снизу одним или тремя укрепляющими валиками, и пластинчатую, прямоугольную или округлую петлю с прямоугольной прорезью для путлища.

Удила (7 экз.) железные, все двусоставные, отличаются формой псалия и окончаниями грызла. Тип 1 — грызло имеет восьмерковидное окончание, где петли расположены во взаимно перпендикулярных плоскостях, в одну из них продет стержневидный псалий, в другую — кольцо для повода. Тип 2 — петли грызла расположены в перпендикулярных

плоскостях, псалий S-видный. Тип. 3 — петли расположены в одной плоскости, псалий S-видный. Тип 4 — грызло оканчивается одной петлей, в которую продет и стержневидный псалий, и поводное кольцо. Тип 5 — удила кольчатые, с двойными кольцами. Большие кольца, тордированные.

Кроме того, в одном из погребений найден стержневидный псалий, тип удил, к которым он принадлежал, неизвестен.

Подпружные пряжки (4 экз.) железные, по форме рамки делятся на два типа. Тип 1 — рамка прямоугольная. Тип 2 — рамка прямоугольная, слегка вогнутая.

Фрагменты уздечек найдены в четырех погребениях. Среди них — бронзовые круглые разделители ремней (рис. 2, 22); наконечники в виде серебряной пластины, обернутой вокруг ремня, и различные серебряные и бронзовые бляшки. Обнаружены цилиндрическое ботало и как часть уздечного набора бронзовая сферическая подвеска.

Погребальный инвентарь, полученный при раскопках, позволяет датировать могильник VIII—XI вв.

К VIII в. относятся височные привески с грузиком типа 1. В дальнейшем нижняя пирамидка грузика удлиняется, а к началу XI в. грани стираются и грузик приобретает каплевидную форму (Воронина, 1988. С. 240. Рис. 3, 3). Эти привески находят широкое распространение в погребальном инвентаре мордовских могильников.

К начальному периоду существования могильника относятся гривны типа А 1, аналогичные гривны обнаружены в могильниках Серповском, Старшем Кужендеевском и могильнике Красный Восток (Алихова, 1959. Табл. 1, 12).

Для VIII—IX вв. характерны гривны типа Б 1 (Петербургский, 1979. С. 65).

Серьги с неподвижной стерженьковой подвеской с шишечкой на конце датируются концом VIII — началом IX в. (Мерперт, 1951. С. 19 — 20).

К раннему типу относятся серповидные гривны без накладной пластины, в дальнейшем они приобретают накладную пластину и бытуют вплоть до X в. Гривны с замком в виде лодочки характерны также для VIII—IX вв. Серповидные гривны с подвесками и без них известны во многих памятниках мордвы-мокши VII—XI вв.: во II Старобадиковском могильнике (Петербургский, 1987. Рис. 8, 1, 3), в среднецнинских могильниках (Зеленцова, 1992. Табл. IV, 1—6; V, 2), в Шокшинском могильнике (Шитов, 1990. Табл. V, 9). Вышеупомянутые типы круглопроволочных гривен имели широкое распространение у финских племен VII—XI вв. Окско-Сурского междуречья (Зеленцова, 1992. Табл. I, 8; III, 1, 2, 4).

Нагрудные бляхи с круглой крышечкой, орнаментированные шишечками и насечками, характерны для VIII—X вв. (Алихова, 1959. С. 18).

Браслеты можно датировать следующим образом. Шляпкоконечные встречаются в погребениях

VIII—IX вв. В памятниках IX в. появляются спиральные браслеты и бытуют вместе со шляпкоконечными до XI в. (Материальная культура..., 1990. С. 10.).

Перстни типа 2, 3 начинают бытовать со второй половины VIII—IX в. К поздним формам перстня следует отнести овально-щитковые усащенные, в основном они встречаются в памятниках бассейнов р. Волги и Нижней Оки. Подобные изделия считаются характерными для финских племен (Недошица, 1967. С. 257 — 258).

Сюльгамы типа 1, 2, 3 датируются второй половиной VIII—IX в. Для погребений X—XI вв. характерны сюльгамы типа 4. Сюльгамы, дополненные трапециевидными лопастными привесками, относятся к началу X в., такие украшения были широко распространены у средневадской (Петербургский, 1979. Рис. 7, 27, 28; Рис. 17, 12; Рис. 23, 29) и среднецнинской мордвы в VIII—XI вв. (Зеленцова, 1992. С. 60. Рис. 1, 3, 9).

Особый интерес для датировки комплекса имеет парадный поясной набор, который украшал умершего. Подобные пояса датируются второй половиной VIII—IX в. (Ковалевская, 1979. С. 37.; Плетнева, 1967. С. 162, 166). Подобные находки широко известны в поясных наборах салтово-маяцкой культуры (Аксенов, 1998. С. 11. Рис. 1, 17).

К этому же времени относится литой наконечник с изображением хищной птицы (рис. 2, 11). Идентичный наконечник имеется в материалах Пановского могильника (Материальная культура, 1969. С. 117. Табл. 21, 6).

Орнаментированная композиция поясного набора очень четко проработана, что свидетельствует о его оригинальном происхождении и безусловно является подлинным образцом салтовских мастеров.

Рожковые подвески встречались также в погребальном инвентаре Пановского могильника (Материальная культура..., 1969. С. 117. Табл. 21, 10). Подвески с вытянутым фигурным щитком и подвески «самоварчики» были частой находкой в памятниках салтово-маяцкой культуры, где датируются концом VIII — началом IX в. (Плетнева, 1967. Рис. 44, 63).

Стремена, аналогичные стременам Степановского могильника, Г.А. Федоров-Давыдов относит к типу Б II и датирует VIII—XI вв. (Федоров-Давыдов, 1966. С. 14 — 15). В могильниках мордвы VIII—X в. они встречаются повсеместно.

Удила всех названных типов датируются VIII—X вв. (Кирпичников, 1973. С. 14, 15, 17). Тордированность колец характерна для VIII—IX вв., и особенно часто встречалась у кольчатых удил II Старобадиковского могильника (Петербургский, 1987. Рис. 12, 1).

Круглые разделители трех ремней известны Крюковско-Кужновском могильнике (Материал по истории..., 1952. С. 213. Табл. XXIX, 13; XXX, 1).

волжских булгар (Казakov, 1971. С.110. Табл. XII, 22, 24, 25), в уздечных наборах Древней Руси (Кирпичников, 1973. Табл. VIII) и в других памятниках IX–X вв. Аналогии некоторым уздечным бляшкам можно найти в древностях салтово-маяцкой культуры (Плетнева, 1989. С. 83. Рис. 39; С. 86. Рис. 41).

Сравнивая материалы и погребальный обряд могильника у с. Степановка и памятников, рас-

положенных на Средней Цне, следует отметить, что в VIII–XI вв. в бассейнах рек Мокши и Цны проживала этнически однородная группа мордвы-мокши. Применение же поясной гарнитуры и ювелирных украшений салтовского типа в рассматриваемых нами комплексах указывает на тесные связи мордовских племен с населением степной полосы.

Литература

Аксенов В.С., 1998. Новые находки коньковых подвесок в салтовских захоронениях на Харьковщине // *Finno-Ugrika*. № 1, 2.

Алихова А.Е., 1959. Из истории мордвы I – начала II тысячелетия н.э. // Алихова А.Е., Жиганов М.Ф., Степанов П.Д. Из древней и средневековой истории мордовского народа. Археологический сборник. Саранск. Т. II.

Воронина Р. Ф., 1988. Мордовская височная привеска с грузиком и спиралью // *СА*. № 4.

Зеленцова О.В., 1992. Шейные гривны среднеэцнинской мордвы // *Труды МНИИЯЛИЭ*. Саранск. Вып. 107.

Зеленцова О.В., 1996. Скулгамы среднеэцнинских могильников // *Финно-угроведение*. №3.

Казakov Е.П., 1971. Погребальный инвентарь Танкевского могильника // *Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья*. Археология и этнография Татарии. Казань. Вып. 1.

Кирпичников А.Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня Древней Руси IX – XIII вв. // *САИ*. Вып. Е1-36.

Ковалевская В.Б., 1979. Поясные наборы Евразии IV–XI вв. Пряжки // *САИ*. Вып. Е1 – 2.

Материалы по истории мордвы VIII–XI вв. (Дневник раскопок П.П.Иванова). Моршанск, 1952.

Материальная культура среднеэцнинской мордвы VIII–XI вв. (По материалам раскопок П.П. Иванова за 1927–1928-е годы.), 1969. Саранск.

Мерперт Н. Я., 1951. О генезисе салтовской культуры // *КСИИМК*. № 36.

Недошивина Н. Г., 1967. Перстни // *Очерки по истории русской деревни X–XIII вв.* Труды ГИМ. Вып. 43.

Петербургский И. М., 1979. Второй Журавкинский могильник // *Труды МНИИЯЛИЭ*. Саранск. Вып. 63.

Петербургский И.М., 1987. Второй Старобадиковский могильник // *Труды МНИИЯЛИЭ*. Саранск. Вып. 80.

Плетнева С.А., 1967. От кочевий к городам // *МИА*. №142.

Плетнева С.А., 1989. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М.

Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.

Шитов В.Н., 1990. Шокшинский могильник: два погребения с монетами // *Труды МНИИЯЛИЭ*. Саранск. Вып. 99.

Ю.А. Рапопорт

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ ХОРЕЗМИЙЦЕВ В ДОИСЛАМСКОЕ ВРЕМЯ

Хорезм — земля, на которой начал свою деятельность археолог Г.А. Федоров-Давыдов, несет таинственное имя с глубокой древности до наших дней. В 521 г. до н.э. оно было выбито на круче Бехистунской скалы в числе стран, подвластных Дарию I. Очевидно, этот макротопоним возник несколько раньше, поскольку он упомянут в священной книге зороастрийцев Авесте (Яшт X, 14). Все исследователи согласны, что заключительная часть слова означает «земля», начальный же компонент трактуется как характеристика этой земли: «кормящая, плодородная» или же наоборот — «плохая, низкая, черная». Любопытно, что число сторонников одно-

го из этих двух основных вариантов примерно равно. Однако уже давно маститый иранист Р. Кент, исходя из убеждения о трехчастном составе слова дал такой перевод: Uvarazmi ... from U — «good» + «?» + Zmi — «land». М.Н. Боголюбов предложил естественное объяснение компонента «Vara», оставленного Кентом без перевода: «Страна с хорошими варами» (индоиранский глагольный корень «Var» означает «укреплять», «окружать» и т.п.). Но, возможно, в слове Хорезм «Var» подразумевает не просто укрепление, а определенную мифическую крепость Вару, где первопродок и устроитель земного царства Йима укрыл от великой стужи все живое. Зороастрийская

традиция связывает деятельность Йимы (Джамы, Джемшида) именно с Хорезмом, где он и зажег впер- вые Огонь жрецов, величайшую святыню и символ религии Заратуштры. Это предание — один из мно- гих серьезных доводов еще недавно господствовав- шей в науке теории, согласно которой Хорезм был родиной зороастризма. Важнейший миф о Благой Варе, возможно, издавна был связан с низовьями Амударьи (Окса) и дал название этой земле и ее оби- тателям. Не исключено и иное предположение: вожди саков-хорезмийцев, на какое-то время овладевшие цивилизованными странами, лежавшими южнее великих среднеазиатских пустынь и назван- ными Геродотом в легенде о реке Акес, решили пе- ренести некоторые важные достижения на родные земли. Используя опыт и труд подневольных строи- телей, они воздвигли у себя крепость, предназна- ченную для защиты своих богатств и святынь. Эта твер- дыня и была названа «Хорезм»; название города, как это часто бывает, распространилось на страну и ее жителей. И действительно, греческий автор VI в. до н.э., наиболее осведомленный о срединной Азии, Гекатей Милетский сообщает о хорезмийцах и их городе Хорезм. Примечательно, что древние лексико- графы первым значением слова «Хорезм» всегда ста- вят — «город». Даже в X в. н.э. знаменитый арабский путешественник и ученый Масуди передает леген- ду, согласно которой сам Заратуштра умолял своего покровителя царя Виштаспу разыскать огонь Йимы и, действительно, этот огонь был найден в городе Хорезм. Уже во времена Масуди святыня была пе- ренесена в храм Фарса, где ее очень почитали. В зна- менитом сочинении аль-Бируни, родившийся в Хорезме и сложившийся там как ученый, привел некоторые сведения о магах Хорезма и хорезмском календаре, имеющем зороастрийское происхождение (в документах III в., найденных на Топрак-кале, это нашло полное подтверждение).

Таким образом, сомнений в том, что древний Хорезм входил в зороастрийский ареал, быть не мо- жет. Сложнее вопрос о родине зороастризма. До не- давнего времени в науке господствовало мнение, что эта религия возникла в Хорезме. В последние деся- тилетия эта гипотеза подвергается критике в трудах некоторых ученых. Так, Г. Ньюли утверждает, что родиной Заратуштры был Сис-тан. Вывод основывается на идентификации нескольких рек, упомя- нутых в одном из яштов. Независимо от Ньюли те же отождествления предложил И.М. Дьяконов. Озе- ро Кансава, в которое впадают упомянутые реки, охарактеризовано как владение Виштаспы, к кото- рому после долгих скитаний прибыл пророк. Одна- ко родовое гнездо Кеянидов и родина Заратуштры, очевидно, не одно и то же. Доводов сторонников «хорезмийской теории» итальянский ученый опро- вергнуть не сумел. В частности, он не смог удовлет- ворительно объяснить, отчего поздние зороастрий- ские авторы, заподозрить которых в хорезмийских

пристрастиях невозможно, связывают зажег- ный «Огонь жрецов» с этой страной.

«Хорезмийскую теорию» было, естественно, пы- таться проверить на земле Хорезма. С 1937 г. ш- рокие разведки и раскопки развернул здесь выда- щийся ученый С.П. Толстов. В числе многих ин- масштабных задач он поставил перед своей экспе- дицией изучение доисламской религии, как при археологических раскопках, так и посредством этно- графических исследований.

Разрозненные следы былых верований обна- жились в десятках раскопанных памятников, но да- краткую, полную и ясную картину местной рели- озной жизни пока не удастся. Однако теперь мож- рассмотреть космогонические представления дре- них хорезмийцев, их пантеон, культовые соору- жения и погребальные обычаи.

С последних и следует начать. Первые домусу- манские древности Хорезма были открыты в 1937 Я.Г. Гулямовым, затронувшим своими раскопками оссуарный могильник Куба-тау. Оссуарии — это с- суды и ящики разной формы, содержащие кости умерших, предварительно очищенные от мягких тканей. Авестийский кодекс Видевдт специально посвящен обращению с мертвым и категориче- ски предписывает очищать кости от тленных тканей. Кости рекомендуется убирать в специальные хра- нища. К настоящему времени в Хорезме найдено многие десятки разнообразных оссуариев и сре- них древнейшие в Средней Азии (рубеж V—IV вв. н.э.), а также самые своеобразные — в виде пуст- ыльных керамических статуи и, наконец, оссуари- несущие древнехорезмийские надписи и рисунки (честь находки этих бесценных документов при- на- лежит археологам Каракалпакстана А.В. Гудковой В.Н. Ягодину). Вот одна из надписей, прочитанная профессором В.А. Лившицем: «Год 706, мес- гawacina, день gawacina. Этот оссуарий Srywuk- душа которого обладает кавийским фарном. Пус- душа (его) будет препровождена в прекрасный рай». Зороастрийская структура и терминология тек- сомнений не вызывают. Примечательно, однако, ч- в сасанидском Иране, где зороастризм был догм- тической религией, не обнаружено перемещаемых костехранилищ. Очевидно, они были особенностью древнего зороастрийского культа Средней Азии первоначально Хорезма.

О космогонических представлениях обитате- лей «Страны Благой Вары» помогли составить пред- ставление два барельефа на хорезмийских сосудах (се- ребряном и керамических). На каждом из них пред- ставлена фантастическая птица, имеющая спинку в ви- де бородатой головы, грудь, как женский профиль, ногу в форме рыбы. Над ликом бородатого стар- ца нависает, касаясь его когтями, грифон — символ огня и солнца. На серебряном сосуде огонь еще не вы- делялся из полиморфного существа, он еще рождается из него в виде огромного языка пламени. Мне, к

кажется, удалось показать, что основной смысл композиции таков: огонь (грифон) уничтожает космическую птицу — изначальную Вселенную, чтобы преобразовать ее (*Ранопорт*, 1977. С. 58–72). Хорезмийский художник, очевидно, передал последние мгновения первичного космоса, в котором еще слиты воедино небо, земля, вода и другие элементы мироздания. На серебряной чаше огонь еще часть космической птицы, которому уже определена роль преобразователя Вселенной. Композиции, очевидно, отражают не только космический, но и теогонический миф. Есть основания считать фантастического гуся воплощением Зарвана, объединявшего в себе мужское и женское начала, небо и землю, огонь и воду, свет и мрак. Сцена фиксирует весьма древние индоевропейские представления зерванистского типа, нашедшие отражение и в авестийской мифологии.

О пантеоне древних хорезмийцев можно судить по статуэткам и барельефам, росписям и скульптурам из дворцов Топрак-калы, по особенностям планировки дворцовых святилищ. Дворцовые документы дали ряд теофорных имен, существенное значение имеют легенды, записанные этнографами. Среди статуэток легче опознаваемы иноземные божеества: Дионис, Гарпократ, Сатир.

Множество изображений богов некогда было в Высоком дворце Топрак-калы, но на месте в лучшем случае уцелели их ноги. Можно утверждать, что подле барельефов царей были и изображения богинь, соответствующих Виктории и Фортуне. На стенах одного зала уцелели глиняные налесты — несомненно, символы Фарна. Найдена алебастровая голова, относившаяся к статуе высотой около 3 м. Тот же женский образ небольшого размера найден возле алтаря в «Зале царей». Особенностью суровой богини был тяжелый шлем. Мне представляется, что эта воительница и владычица вод (она держит сосуд) имела главенствующую роль в сонме хорезмийских богов, а образ ее восходил к иконографии Иштар-Аллат-Афины.

Скульптурное убранство «Зала танцующих масок» позволило предположить, что здесь был центр культа, синтезировавшего оргиастические сакские празднества и диосийские ритуалы.

К очень интересным выводам привел анализ планировки «Зала царей». Вдоль его стен тянулись суфы, разделенные перегородками на ряд отсеков, «лож». Их было 26 или 27. В центре каждой ложи некогда восседала глиняная статуя, выполненная в полторы натуральных величины. Статуи отличались друг от друга и изображали, очевидно, разных богов и религиозные понятия. Как известно, каждому божееству зороастрийского пантеона посвящен свой

день и в честь его жрецы совершают моления. «Календарный пантеон» хорезмийцев известен по данным Бируни. Поэтому можно предположить, какая ложа была посвящена какому божееству. У главного входа располагался большой алтарь и огонь на нем горел, видимо, в честь Ахурамазды — ангела дня 1-го, 8-го, 15-го и 23-го. Но главную в архитектурной композиции зала («Тронную») 10-ю ложу занимала женская статуя. 10-й день — день вод, день Ардвисуры Анахиты. Почетные ложи по сторонам «Тронной» должны были принадлежать олицетворениям Солнца и Огня. Такова, возможно, была формальная и фактическая иерархия божееств хорезмийского пантеона.

Вот не совсем полный список божееств, который можно составить, анализируя теофорные имена документов, найденных во дворце: Ахурамазда, Анахита, Атар (Огонь), Веретрагна (Бог победы), Митра (божеество договора, позднее — света), Фраваша (души праведных), Арта (божеество праведности), Воху Мана (благая мысль), Даэна (олицетворение праведной веры), Сраоша (дух религиозного послушания), Фарн (сияние удачи, царственности), Сиявуш (божеество воскресающей природы), Вахш («ангел» реки Окса). Все эти имена известны в Авесте, часть из них чисто зороастрийские. Зороастризм, безусловно, был известен в Хорезме, но утверждать по данным ономастики, что он господствовал там, было бы рискованно.

За время работ Хорезмской экспедиции был открыт ряд памятников, признанных храмами, но они мало похожи друг на друга и выстроить их в эволюционный ряд не удастся. В нескольких монументальных зданиях раскопаны святилища, включенные в их планировку. В этом хронологическом ряду намечается определенная преемственность (*Ранопорт*, 1996. С. 53–78).

Накопленные нами материалы свидетельствуют о сложных религиозных представлениях и развитых культах, существовавших в Хорезме. Данные письменных и археологических источников склоняют к мнению, что Хорезм был страной, издавна знавшей зороастризм. Подтверждают ли полученные данные «хорезмскую теорию» происхождения этой религии? Они не противоречат ей. Пока попытки отнести времена Заратуштры ко времени более раннему, чем VII в. до н.э., не кажутся бесспорными. Если это так, возможно в архаическом Хорезме видеть родину пророка. В то же время ясно, что зороастризм не был здесь канонической религией подобно зороастризму сасанидскому.

Литература

Ранопорт Ю.А., 1977. Космогонический сюжет на хорезмийских сосудах // Средняя Азия в древности и средневековье. М.

Ранопорт Ю.А., 1996. Религия древнего Хорезма: некоторые итоги исследований // Этнографическое обозрение. № 6.

К ТОПОГРАФИИ ГОРОДА САРАЯ В КОНЦЕ XIV В.

После смерти хана Джанибека в 1357 г. по сообщению русского летописца «в Орде... замятня бысть велика...» (ПСРЛ. Т.8. 1859. С.10). А через два года, с убийством хана Бердибека, внутривосточные распри возобновились с новой силой и уже не прекращались в течение 20 лет. В 60–70-е годы XIV в. на сарайском престоле сменилось более 20 ханов, каждый из которых обычно переступал через труп своего предшественника (ПСРЛ. Т.8. 1859. С.10–41; Т.15. Вып. I. 1965. Стб.66–141; *Егоров*, 1985. С.58–64). Междоусобицы подорвали политическое и экономическое могущество Золотой Орды. В первую очередь это сказалось на городах. Главная опора городских центров – сильная централизаторская ханская власть – рухнула, и они быстро пришли в упадок. Следы затухания жизни, а нередко и гибели четко прослеживаются на всех золотоордынских городищах (*Федоров-Давыдов*, 1974. С.216; 1984. С.86). Естественно, не избежал этого кризиса и город Сарай-Сарай аль-Джедид (Селитренное городище)*, бывший в центре политической борьбы. Помимо этого, город в 1374 г. и 1375 г.** подвергался нападениям и разграблениям новгородских ушкуйников (ПСРЛ. Т.8. 1859. С.21, 23–24; Т.15. Вып. I. 1965. Стб.106, 114).

Период «замятни» можно четко разделить на два этапа. В первые годы междоусобиц – 761–768 гг. х. (1359/1360–1366/1367 гг.) – в поволжских центрах продолжается чеканка в огромных количествах как серебряных, так и медных монет. Это говорит о том, что, несмотря на начавшиеся смуты, процветание джучидских городов все еще продолжалось. Но после 768 г. х. наступает кризис монетного дела в Сарае аль-Джедид (Селитренное городище) и Гюлистане (Царевское городище). Известно только четыре типа медных монет, датированных 70-ми годами XIV в.: анонимные пулы 772 г. х. (1370/1371 г.) чеканки Сарая, пулы 773 г. х. (1371/1372 г.), битые в Сарае аль-

Джедид от имени Тулунбек-ханум, анонимные пулы 776 г. х. (1374/1375 г.), чеканенные также в Сарае аль-Джедид, и анонимные сарайские пулы 780 г. х. (1377/1378 г.). Серебряные монеты в это десятилетие чеканил Каганбек в 777 г. х. (1375/1376 г.) и Арабшах в 779 г. х. (1377/1378 г.), оба в Новом Сарае. С Селитренного городища происходит 225 медных и серебряных монет второго этапа междоусобиц, что составляет 4,46%. А среди материала раскопок их доля еще меньше – 2,5% (здесь и далее см. табл.).

Хану Тохтамышу, захватившему золотоордынский престол в 1380 г., удалось прекратить междоусобицы, вновь объединить всю территорию страны и на 15 лет восстановить ее военно-политическое могущество. Естественно, это сказалось и на экономическом состоянии государства, которое в этот период переживало некоторый подъем. Целью исследования является рассмотрение того, что представляла собой столица улуса Джучи в последние десятилетия XIV столетия. Как выглядел Сарай во второй половине XIV столетия, когда действительно наступил социально-экономический кризис, и как сказалось на правлении Тохтамыша (1380–1396 гг.) на положении города? Верхней границей рассматриваемого периода является 1396 г. – время разгрома Тамерланом Сарая и других нижневолжских городов, после чего наступает совершенно новый этап в истории Золотой Орды.

Для исследования использовались публикации материала, отчеты Поволжской археологической экспедиции (ПАЭ), отчет П.С.Рыкова о раскопках в 1931 г., а также каталог коллекции монет с Селитренного городища за 1965–1997 гг., который любезно предоставлен мне Г.А.Федоровым-Давыдовым (4932 медных и 112 серебряных монет)***. Таблица, приведенная в статье, составлена по данным этого каталога.

С городища насчитывается 508 медных и 17 серебряных монет, точно датированных временем правления султана Тохтамыша. Это такие типы монет, как Я.І.120, Я.І.122, Я.І.123, Я.І.124 и др. (*Яна*, 1954). Они составляют заметную долю: 12,06 пулов и 15,9% дирхемов от количества монет с определенным временем чеканки (*Рудаков*, 1999. С.11 Табл. II; 2000. С.318. Табл. II). Если же считать от общего числа монет, то процент медных и серебряных монет этого периода (в совокупности) равен 10,4. Если при этом среди материала раскопок доля монет, битых при Тохтамыше, составляет всего 4,4% (62 экз). Большая же часть монет Тохтамыша (88%) относится к подъемному материалу, тогда как общее соотношение монет из подъемного материала и с рас-

* Автор придерживается точки зрения, что столица Золотой Орды была одна – город Сарай, археологическими остатками которого является Селитренное городище, и там же чеканились монеты с обозначением места чеканки – «Сарай аль-Джедид». А Царевское городище является руинами другого золотоордынского города – Гюлистана. Впервые эта гипотеза была высказана Ю.Е.Варваровским и И.В.Евстратовым (*Евстратов*, 1997; *Варваровский*, *Евстратов*, 1998; *Варваровский*, 2000). Автор данной статьи в ходе своих исследований пришел к такому же выводу (*Рудаков*, 1999; 2000).

** Вероятно, в летописях под разными годами дано сообщение об одном и том же нападении.

*** Сюда не входят клады дирхемов.

пов составляет примерно 72% против 28%*. Объяснение такого расхождения кроется, видимо, в неравномерной исследованности различных районов городища.

Правда, имеется большое количество анонимных медных пулов без проставленного года чеканки: типы Я.І.129, Я.І.130, Я.І.135, Я.ІІІ.142а-б и др. На Селитренном городище монет этих типов насчитывается более 250 экз. (около 5% всех монет из кол-

лекции ПАЭ). С.А.Янина относит все эти непродатированные типы пулов ко времени правления хана Тохтамыша (Янина, 1954; 1960). Но, по мнению Г.А.Федорова-Давыдова и Е.Ю.Гончарова, эти типы монет могут быть отнесены и к другим хронологическим отрезкам. Многие из них чеканены, скорее всего, во второй период «замятни». В любом случае время чеканки этих недатированных пулов укладывается в пределах последней трети XIV столетия**.

Таблица

Раскоп	Годы исследований	Площадь раскопа (кв. м)	Общее кол-во монет	Монеты 1370-х гг.		Монеты Тохтамыша	
				Кол-во	%	Кол-во	%
I	1965	18	5	-	-	-	-
II	1966–1971, 1975–1977, 1982, 1983	2568	321	10	3,1	31	9,7
III	1967	120	4	-	-	-	-
IV	1967	8	1	-	-	-	-
V***	1967	4	2	-	-	2	100
VI	1969	120	5	2	40,0	-	-
VII****	1969	27	-	-	-	-	-
VIII	1975–1980	4604	153	3	2,0	2	1,3
IX	1977	36	3	1	33,3	-	-
X	1977, 1978	236	9	-	-	1	11,1
XI	1978–1982, 1986	3944	232	5	2,2	1	0,43
XII	1979–1981	604	21	2	9,5	-	-
XIII	1983–1988	5392	362	5	1,4	8	2,2
XIV	1984	192	17	1	5,9	-	-
XV	1985, 1987–1989, 1994, 1997	1688	60	-	-	-	-
XVI	1988	96	5	-	-	-	-
XVII	1988–1990	~1000	45	4	8,9	7	15,6
XVIII	1989, 1990	1200	49	-	-	3	6,1
XIX	1990–1994	360	58	1	1,7	3	5,2
XX	1991–1994	264	18	-	-	4	22,2
XXI*****	1995, 1997, 1999, 2000	460	47	1	2,1	-	-
Итого:	1965–1997	свыше 23 000	1417	35	2,5	62	4,4

* До 1999 г. при сборе подъемного материала не отмечали мест находок монет. Поэтому этот столь многочисленный материал (более 3600 монет), к сожалению, не может быть использован для определения хронологии отдельных районов городища.

** Автор выражает благодарность Е.Ю.Гончарову за консультации по материалам нумизматики.

*** Вскоре после начала работ раскоп был законсервирован.

**** В культурном слое не было найдено монет, но в раскопанном подземном склепе был обнаружен клад из 23 серебряных монет, чеканенных в XV в.

***** Площадь раскопа и количество монет даны за первые два года исследований: 1995 и 1997.

Весьма интересным является примыкающий к селу с СЗЗ район между Больничным бугром и Кучугурами (включая сами эти бугры). Он особенно богат подъемным материалом, и в прошлом местные жители чаще всего именно здесь находили остатки кирпичных сооружений. Поэтому эта часть городища очень сильно перекопана (Спицын, 1895. С.83; Баллод, 1923. С.38; Галкин, 1966. С.2). Но несмотря на многовековую хищническую добычу кирпича и добывание селитры в XVIII в. на территории района до сих пор достаточно хорошо прослеживаются небольшие холмики, расположенные так, что угадываются направления улиц. Это остатки небольших усадеб. В частности, в профиле обрыва Больничного бугра к пойме Ахтубы видно, что культурный слой здесь имеет толщину 2–3 м, а местами и более. Тогда как на других участках городища мощность культурного слоя обычно колеблется от нескольких десятков сантиметров до 1,5 м.

Раскопки ПАЭ выявили здесь высокую плотность застройки и наличие большого количества строительных периодов, что говорит о достаточно долгой и интенсивной жизни в данном районе города. Бесспорно, что в XIV в. этот район относился к центру города. Но раскопок здесь было заложено относительно немного (№ I, III, VI, VII, IX, X, XVII, XXIII, XXIV), и они имели обычно небольшую площадь. Поэтому информации о жизни этого района Сарая получено очень мало.

Значительный интерес представляет небольшой по площади раскоп VI, заложенный на ЮЗ склоне Больничного бугра (здесь и далее см. рис.). Здесь исследованы сооружения, отнесенные к 4 строительным периодам. К самому раннему периоду относятся три грунтовых безынвентарных захоронения. Причем ямы вырыты в материке, а их заполнение состоит из стерильного песка (Федоров-Давыдов, Мухаммадиев, 1970. С.39–40). По всей видимости, это было одно из ранних кладбищ Сарая. Позднее, с ростом территории столицы, здесь перестали производить захоронения, площадка могильника была выровнена и на этом месте началось строительство жилых и хозяйственных сооружений (Федоров-Давыдов, Мухаммадиев, 1970. С.40–45). Подобная картина, когда кварталы растущего города перекрывали старые могильники, наблюдается и на других золотоордынских памятниках, например, Болгарском и Водянском городищах (Хлебникова, 1987. С.65–66, 70, 71–72; Егоров, Полубояринова, 1974. С.67).

Первоначально Г.А.Федоров-Давыдов и А.Г.Мухаммадиев считали, что погребения на раскопе VI относятся к XIII в. (Федоров-Давыдов, Мухаммадиев, 1970. С.3; Егоров, Мухаммадиев, Федоров-Давыдов, 1970. С.174). Но позже из-за отсутствия здесь монет XIII столетия Г.А.Федоров-Давыдов поставил под сомнение это предположение. На наш взгляд, по этой причине еще нельзя полностью отрицать

расположение Сарая XIII – начала XIV в. на месте села Селитренного и Больничного бугра. Во-первых, на раскопе вообще найдено очень мало монет. Во-вторых, выпадение монет данного периода на этом участке города должно было быть очень редким, так как здесь в то время размещалось кладбище, а жилой район. В-третьих, до начала правления Узбека (1312–1341 гг.) в столице не осуществлялась чеканка медных пулов – мелкой разменной монеты. Самые ранние датированные пулы Сарая относятся к 1320-м годам. А именно пулы часто терялись, поэтому в огромном количестве находятся на оордынских городищах. Находки же серебряных дирхемов вне кладов довольно редки.

В начале XX в. Ф.В.Баллод и в особенности П.С.Рыков считали центральной и, возможно, древнейшей частью города Сарая территорию между Маячным и Больничным буграми, которая большей частью осталась под постройками села Селитренного (Баллод, 1923. С.31, 34–35; Рыков, 1931. С.7–32; 1936. С.122–123). Хотя в профиле берегового обрыва за паромной переправой, сразу на юго-восток от Больничного бугра, культурный слой сходен с ним, но на территории села, в том числе и на Маячном бугре, имеется подъемный материал и остатки сооружений золотоордынского времени. Об этом свидетельствуют наблюдения автора и многочисленные исследования прошлых лет (Леопольдов, 1837. С.132. Прим.; Баллод, 1923. С.31, 33, 46–47. Табл. 17–18; Рыков, 1936. С.122–123; Галкин, 1966. С.3; Спицын, 1895. С.84).

Вторым районом, исследовавшимся ПАЭ, является территория между буграми Кучугуры и Красный, где проводились значительно более интенсивные и крупномасштабные раскопки. Здесь было заложено большинство раскопов. Но, главное, многие из них значительно превосходят по площади раскопы предыдущего района (здесь и далее см. таблицы). На этих двух районах Сарая мы и остановим внимание**.

Территория между Больничным бугром и Кучугурами была застроена, в основном, к началу 30-х годов XIV в., и расцвет этого района приходится на 30–60-е годы. В этот период здесь, вдоль Ахтубы ближе к Больничному бугру, размещались вначале мастерские по изготовлению извести (раскопы IX, X и XVII). Затем хозяйственно-ремесленный цикл сменяется жилищно-хозяйственным: тут располагаются небольшие усадьбы (Федоров-Давыдов, Булатов, Гусева, Егоров, Яблонский, 1978. С.202–210; Фе

* В 1920–30-е годы почти весь Больничный бугор был застроен сельскими усадьбами, которые спускались с самой его подошвы.

** К тому же, подавляющее большинство монет подъемного материала найдено на территории между селом и Красным бугром, т. е. на территории двух рассматриваемых нами районов.

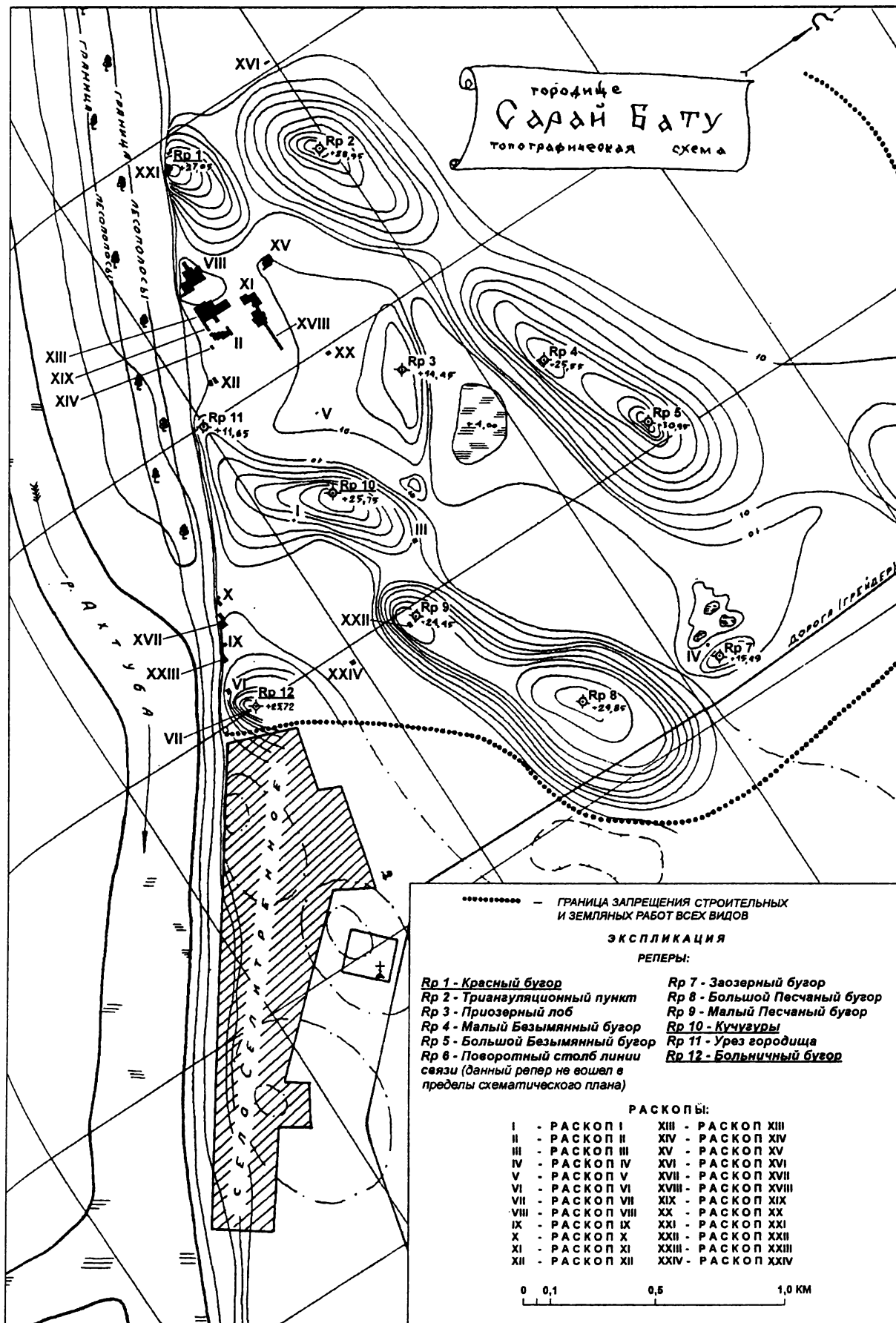

Рис.1. Схематический план Селитренного городища с раскопами 1965–2000 гг.

доров-Давыдов, Булатов, Егоров, Яблонский, 1979. С.61–79; Булатов, 1989. С.19–30; Булатов, 1991. С.2–18). На северном склоне Кучугур в 1350–1360-е годы работала стеклодельная мастерская (раскоп III) (Галкин, 1968. С.246–250; 1984. С.213–216).

Но жизнь в данном районе продолжалась и позднее, во время упадка городов, произошедшего во второй период «замятни» (конец 60-х – 70-е годы XIV в.). С раскопов этого района насчитывается 7 монет (из 71), датированных 1370-ми годами, что составляет 9,9%. К эпохе Тохтамыша относится 8 монет, т.е. 11,3%, что примерно соответствует общей их доле по городищу.

Вероятно, к концу XIV в. относятся объекты поздних строительных периодов на раскопе XVII. Здесь возводится небольшой дом со стенами и внутренними конструкциями из сырцового кирпича, который, судя по мощному слою золы и сажи в интерьерах и вокруг, погиб от пожара (Булатов, 1991. С.18–19). Перед постройками этого периода некоторое время здесь было запустение: в профилях бортов раскопа четко виден слой почти стерильного песка с примесью речной ракушки (Булатов, 1991. С.26–30). После гибели дома на пожарище возводятся сооружения нового строительного периода*. В частности, было построено складское помещение, частично разрушившее дом**. Эти объекты также имеют вокруг следы пожарищ (Булатов, 1991. С.19–21). С раскопа XVII происходит 4 пула 70-х годов и 7 пулов периода царствования Тохтамыша.

Вероятно, ко времени после нашествия Тамерлана, т.е. к концу XIV – началу XV в., относится возникновение здесь мусульманского кладбища: в пределы раскопа частично вошли остатки мавзолея с сырцовыми стенами и кирпичным полом и 17 погребений (Булатов, 1989. С.4–18). Но, возможно, жизнь здесь продолжалась и в XV столетии, так как поверх разрушенного мавзолея была построена печь, а рядом – сооружения, от которых остались лишь небольшие фрагменты кирпичных кладок (Булатов, 1989. С.2–4).

На юго-восточном склоне Кучугур экспедицией П.С.Рыкова в 1931 г. был раскопан однокомнатный жилой дом, построенный из жженого кирпича (Рыков, 1931. С.23–24. Фото 4). В низине, недалеко от юго-восточного склона этого же бугра, П.С.Рыков

частично вскрыл остатки соборной мечети. Ее предположительные размеры составляли 40х40 м. От здания сохранились, в основном, кирпичные полы и базы колонн (Рыков, 1931. С.25–26. Рис. на л.37. Фото 6–9; 1932. С.108). С северо-запада к мечети прилежали остатки, видимо, вытянутых в одну линию и связанных между собой, мавзолеев. Там были обнаружены пять мусульманских погребений в склепах*** (Рыков, 1931. С.24–25. Рис. на л.37. Фото 5; 1932. С.107). В этом же районе были раскопаны еще три кирпичных мавзолеев с остатками мозаичного декора (Рыков, 1931. С.26–28. Фото 11; 1932. С.106). Небольшой раскоп вскрыл также незначительное пространство строения с остатками «кирпичного пола с частью цоколя здания и одной каменной базой для колонны» (Рыков, 1931. С.27). П.С.Рыков не датирует эти здания. Но мавзолеи, возможно, относились к концу XIV в. или к XV в.

Район между Кучугурами и Красным бугром был также построен к 30-м годам XIV в., и также период его расцвета укладывается в пределы 30–60-х годов. По сообщению магрибского путешественника Ибн Баттуты, посетившего Сарай в 1334 г., город в то время достиг уже грандиозных размеров (Тизенгаузен, 1884. С.306–307). Может быть, здесь надо искать объяснение слов арабского историка Ибн Арабшаха, который сообщает, что «между построением Сарая и разрушением тамошних мест [прошло] 63 года» (Тизенгаузен, 1884. С.463). Хотя чуть выше он пишет, что Сарай был основан ханом Берке, т.е. в середине XIII в. (Тизенгаузен, 1884. С.460). Если от даты «разрушения тамошних мест», т.е. нашествия Тамерлана в 798 г. х. (1395/1396 г.), вычесть 63 года, получается 735 г. х. (1334/1335 г.).

Впервые на совпадение датировки ранних слоев Селитренного городища**** и даты построения Сарая у Ибн Арабшаха обратил внимание Е.Ю.Гончаров. Он предположил, что под постройкой города имелось ввиду окончание строительства новых районов Сарая (Гончаров, 2000. С.346–347). Возможно, появление эпитета «аль-джедид» на сарайских монетах с начала 40-х годов XIV в. было связано с широкомасштабным строительством и значительным расширением территории города в 1310–1330-е годы, при хане Узбеке (Рудаков, 1999. С.115; 2000. С.320; Гончаров, 2000. С.347). Еще в середине XIX в.

ный пол с базами колонн (собственно мечеть) – за двор перед этой мечетью. Вообще описания раскопок 1931 г. даны кратко, отсутствуют описания многих особенностей конструкций зданий, к отчету не приложены чертежи, многие сооружения вскрыты только частично. Поэтому трудно представить, как выглядели все эти раскопанные объекты.

**** Отметим, что археологическими исследованиями затронуты лишь отдельные участки городища. Большинство районов городища остаются неисследованными.

* Объекты конца XIV в. сохраняются обычно очень плохо, так как находятся в верхних горизонтах, которые в русский период особенно сильно подверглись перекопам с целью добычи кирпича.

** Сооружения каждого нового строительного периода разрушали более ранние объекты. Но предварительно площадки под строительство обязательно выравнивались.

*** П.С.Рыков ошибочно принимал эти здания с погребениями за одно сооружение (размеры 43х8 м) и считал развалинами мечети, а прилегающий к ним кирпич-

востоковед В. В. Григорьев считал, что прибавление эпитета «аль-джедид» к названиям центров чеканки монет было связано с постройкой новых кварталов города (Григорьев, 1876. С.272–273). На наш взгляд, это предположение относится больше к Сарая — экономической и культурной столице улуса Джучи. В случае с другими городами прибавление данного эпитета являлось, скорее, своего рода модой (Рудаков, 1999. С.115).

Но существует и другая точка зрения, которая в последнее время приобретает все больше сторонников. По данной теории Сарай XIII — начала XIV в. находился не на Селитренном городище, а где-то в другом месте (Пачкалов, 2001; Клоков, Лебедев, 2002. С.91–92, 147, 161). Эта гипотеза имеет веские основания: на Селитренном городище нет монет XIII в. и ничтожное количество дирхемов и пулов 1300–1320-х годов. А. В. Пачкалов предполагает, что Старый Сарай располагался на месте Красноярского городища, которое находится в восточной части дельты Волги (Пачкалов, 2002).

Отличительной особенностью района между Кучугурами и Красным бугром было существование здесь в середине XIV в. крупных аристократических усадеб (раскопы II, VIII, XI, XV и XXI)*. Каждая из этих усадеб образовывала целый квартал. Сарай, как и другие золотоордынские города, имел усадебную систему планировки. Этот принцип планировки восходит к монгольским городам XIII в. (Древнемонгольские города, 1965; Федоров-Давыдов, 1994. С.63, 76; 1998. С.8). Усадебная планировка отличает города улуса Джучи от средневековых городов Средней Азии и Южного Казахстана, где господствовала сплошная застройка в виде жилых кварталов-массивов (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1981. С.135; 1987; Федоров-Давыдов, 1994. С.63; 1998. С.8).

Наряду с богатыми усадьбами здесь располагались многочисленные дома бедных слоев населения и работали мастерские. ПАЭ исследовала гончарные мастерские (раскопы II и XI) и печи для обжига кирпичей (раскоп XII). Работали тут также металлообрабатывающие, ювелирные (раскоп V) и другие мастерские. Проходила сеть улиц, пересекающихся под прямым углом. В городе существовала развитая система водоснабжения: водоемы-хаузы, арыки, дренажные каналы, колодцы.

Улицы (и, соответственно, стены зданий) шли по направлениям: СЗЗ–ЮВВ и ССВ–ЮЮЗ, т.е. параллельно и перпендикулярно руслу р. Ахтубы.

* Территории этих огромных по площади усадеб (они достигают 10 000 кв. м и более) исследованы не полностью, а в пределы раскопа II вошла лишь западная часть усадеб, без главного дома.

** Еще раньше к такому же предположению пришла Э. Д. Зиливинская (Zilivinskaya, 1997. Р.36).

*** Видимо, богатые усадьбы являлись основой, «ко-

Но возможно, что при планировке и строительстве новых районов города (1310–1320-е годы) учитывался и другой фактор. Дело в том, что при таком направлении улиц южные стены зданий смотрели на Мекку (кибла). Вероятно, в основе планировки города главное значение имел принцип направления улиц по расположению мечетей (а также медресе и мавзолеев)**. Известно, что в Сарае уже в начале 30-х годов XIV в. было 13 соборных и огромное количество гузарных (квартальных) мечетей (Тизенгаузен, 1884. С.306).

В период междоусобиц (1360–1370-е годы) этот район, как и весь город, приходит в упадок. В частности, нарушается стройная система улиц. Это хорошо видно на примере раскопа XIV: здесь прямо посередине улицы, проходившей вдоль Ахтубы, выкапываются ямы (Федоров-Давыдов, Булатов, Егоров, Зиливинская, 1985. С.55–59). Забрасываются и засыпаются хаузы, дренажные каналы и арыки. Прекращают работу многие мастерские (раскоп XII). Перестают функционировать соборная мечеть и общественная баня типа хаммам, расположенные на городской площади (раскоп XIII). Одновременно с ними прекращает существование целый ряд домов, принадлежавших бедняцкой части населения и расположенных вокруг этой площади.

Гибнут все пять больших аристократических усадеб, упомянутых выше***. Монеты показывают, что эти усадьбы, вероятно, прекратили существование примерно в одно и то же время, и произошло это в конце 1366 г. Об этом говорит отсутствие или очень низкий процент монет 768 г. х. (1366/1367 г.) по сравнению со значительным процентом монет 767 г. х. (1365/1366 г.) и предыдущих лет на данных раскопах****. Та же картина наблюдается и на остальных раскопах этого района городища. Найденный на VIII раскопе большой клад серебряных дирхемов (3550 экз.), младшие монеты которого чеканены в 767 г. х., подтверждает наш вывод (Федоров-Давыдов, 1980). Причем среди подъемного материала доля монет 768 г. х. лишь немногим уступает доле монет 767 г. х. Отметим также, что нумизматический материал с раскопов из района между буграми Больничный и Кучугуры не дает преобладания монет 767 г. х. над монетами 768 г. х.

Но усадьбы погибли не в результате военной катастрофы, так как они не имеют следов разгрома и гибели в огне пожаров. Они были, по всей видимости, просто брошены. Быстрое затухание жиз-

стяком» этого района столицы. Погибли усадьбы — пришел в упадок и весь район, так как его инфраструктура в огромной степени была связана с ними.

**** Исключение составляет лишь раскоп II, где найдена значительная и примерно одинаковая доля монет как 767 г. х., так и 768 г. х. Объяснение этого явления будет дано ниже.

ни в районе между Кучугурами и Красным бугром, скорее всего, связано с крайне нестабильной политической и экономической обстановкой в 768 г. х. О беспокойной обстановке в столице, возможно, говорит и тот факт, что в этом году было выпущено 3 различных типа медных монет.

Но жизнь в этом районе города угасла далеко не полностью. С раскопов из района между Красным бугром и Кучугурами происходит 1341 медная и серебрянная монета. Из них 28 экз. (2,1%) отчеканены в 70-е годы XIV в., а 54 монеты (4,03%) — во времена Тохтамыша. Как видно из таблицы, монеты этого хана на некоторых раскопах вовсе отсутствуют, а на других составляют незначительный процент. На этом фоне выделяются раскопы II, V, XX: соответственно 9,7%, 100% и 22,2% монет, битых в 1380—1390-е годы. Значит, в период правления Тохтамыша жизнь в данном районе столицы возродилась лишь частично.

К востоку от мечети, параллельно ее стенам, стояло Г-образное в плане здание из сырцового кирпича. Оно имело 8 помещений, одно из которых, вероятно, являлось мечетью, остальные — жилыми комнатами. Здание служило, скорее всего, ханаккой (странноприимным домом) (Федоров-Давыдов, Егоров, Зиливинская, Булатов, 1986. С.18—30; Федоров-Давыдов, 1994. С.69; 1997. С.95). Ханака была возведена позднее мечети, какое-то время сосуществовала с ней и продолжала действовать в последней трети XIV в., уже после того, как мечеть перестала функционировать.

Так же в конце XIV в. здесь было построено несколько небогатых домов. Причем, три из них были пристроены прямо к portalу заброшенной мечети (Федоров-Давыдов, Дворниченко, Егоров, Булатов, 1984. С.56—60; Федоров-Давыдов, Булатов, Егоров, Зиливинская, 1985. С.48—50; 1986. С.30—31). Здесь ясно прослеживается варваризация жизни. Засыпается даже большой общественный бадраф, на месте которого строится другой, значительно меньший и примитивный. С раскопа происходят 4 монеты, датированных 1370-ми годами, и 8 монет, время чеканки которых, наверное, относится к последним трем десятилетиям XIV в. Монет, точно относимых к эпохе правления Тохтамыша, насчитывается 8 экземпляров. В XV в. к югу от мечети (южная часть раскопа) производится захоронения*.

Разрушается ограда заброшенной усадьбы на раскопе II (в 50—60 м к востоку от раскопа XIII), внутри которой действовала гончарная мастерская. Арыки забрасываются отходами керамического производства. Гибнут жилища и другие объекты

предыдущего периода существования. Но гончарная мастерская не только не прекращает работу, но значительно расширяет свое производство, выплеснувшись за пределы усадьбы (Федоров-Давыдов, Булатов, 1989. С.166). Было построено 18 новых горнов, и продолжали действовать некоторые старые печи. Здесь выпускались все виды поливной и неполивной посуды (кроме люстровой) и архитектурного декора (Федоров-Давыдов, Булатов, 1989. С.166, 169—179, 225—230, 238).

К 1370-м годам относятся 10 пулов, и еще 12 недатированных пулов могут быть отнесены к последней трети XIV в. Керамическая мастерская превращается в большое ремесленное предприятие, работавшее на рынок. Подобные предприятия — «карханы» — были известны в Средней Азии и Иране с монгольского времени. Они обычно обслуживались рабским трудом и принадлежали крупному феодалу, богатому купцу или даже хану (Федоров-Давыдов, Булатов, 1989. С.238—239; Федоров-Давыдов, 1974. С.215—216; 1984. С.90; 1994. С.68; 1998. С.12—13). На раскопе найдена 31 монета 80—90-х годов XIV в., причем 13 из них обнаружены в заполнении дома №2, от которого хорошо сохранилась подпольная часть (7,3х7,25 м) с кирпичными стенами. В этих стенах были устроены ниши для хранения сырья, полуфабрикатов и готовой продукции (Федоров-Давыдов, Булатов, 1989. С.167—168). Дом №2 датируется Г.А.Федоровым-Давыдовым по монетам 70—90-ми годами XIV в. (Федоров-Давыдов, Булатов, 1989. С.195).

Возможно, жизнь на этом участке городища продолжалась и после правления Тохтамыша, когда прекратила работу мастерская: здесь были построены два однокомнатных дома и некоторые другие, плохо сохранившиеся объекты (Федоров-Давыдов, Булатов, 1989. С.180—181). В следующий период, т.е. уже в XV в., тут в небольшом количестве производили захоронения (Федоров-Давыдов, Булатов, 1989. С.181—182).

После гибели аристократической усадьбы (раскоп XI, примерно в 50 м к северу от раскопа XIII) в развалинах его главного дома селятся новые люди. Это были, скорее всего, бедные ремесленники, которые перестраивают и обживают некоторые помещения дворца. Засыпается бассейн, разрушаются кирпичные полы комнат и коридоров (на некоторых из них отложился слой грунта, т.е. полы становятся земляными), сдвигается изразцовый декор со стен центрального зала и т.д. (Федоров-Давыдов, 1984. С.86; 1994. С.35, 58—59; 1997. С.93; 1998. С.7).

В западной части усадьбы в 1370-е годы действует небольшая гончарная мастерская с 8 горнами, выпускавшая глазурованную керамику**. Отсюда происходят 5 монет этого десятилетия и еще 6 монет, которые относятся, скорее всего, ко второй половине эпохи «замятни». Печи были поставлены прямо поверх развалин домов усадебной прислуги

* Не исключено, что захоронения начинают производить здесь уже с конца XIV в.

** Возможно, начало работы мастерской относится к тому времени, когда еще существовала усадьба.

(Федоров-Давыдов, Егоров, Яблонский, Булатов, 1982. С.37–49; Федоров-Давыдов, Егоров, Скоробогатова, Булатов, 1983. С.51–62). К 80-м годам XIV в. мастерская прекращает работу (всего 1 монета Тохтамыша), и территория усадьбы превращается в пустырь. Возможно, свертывание работы этой мастерской связано с тем, что в непосредственной близости от нее, примерно в 100 м к ЮВ, действовала мастерская на раскопе II, которая огромными масштабами своего производства вытеснила ее с рынка.

Другая большая усадьба, находившаяся значительно севернее (раскоп XV), примерно в 300 м от обрыва к пойме Ахтубы, была заброшена владельцами в конце 1366 г.* Какое-то время (видимо, до 1380-х годов) это место оставалось пустырем. Затем в восточной части усадьбы появляются захоронения. Они прорезают разрушившиеся к тому времени остатки усадебной стены и пристроек центрального дома (Федоров-Давыдов, Зиливинская, 1988. С.31; Зиливинская, 1989. С.31–34; 1990. С.11–12; 1995. С.10–17). Могильник относится, скорее всего, к периоду правления Тохтамыша. Позже, по-видимому, уже в XV в., здесь поверх могил, прорезавших в свое время дувал усадьбы, строятся два дома (Зиливинская, 1995. С.17–21). Это один из немногих исследованных участков городища, где можно предполагать существование жилых кварталов XV столетия.

После запустения аристократической усадьбы на берегу Ахтубы (раскоп VIII), возможно, какие-то новые люди еще жили в развалинах центрального дома (до 80-х годов), ютятся в трех его помещениях (Федоров-Давыдов, 1994. С.57; 1997. С.92). По-видимому, начиная с 1380-х годов на месте усадьбы возникает кладбище. В одной из могил найден клад медных монет, датируемых 1370–1380-ми годами**.

В юго-западной части двора, частично на месте оплывшего к тому времени сырцового дувала, был построен довольно крупный мавзолей (12х10 м) из обожженных кирпичей. Это была типичная портально-купольная постройка, богато ornamentированная мозаичными панно. В центре мавзолея была расположена гур-хана квадратной формы (7,2х7,2 м). Под полом находился двухкамерный склеп, над которым некогда возвышалась мастаба (Федоров-Давыдов, Булатов, Егоров, 1976. С.62–69).

Судя по всему, данный мавзолей относится к тохтамышевскому времени, а не к XV в. Для мавзолеев и склепов XV столетия характерно применение кирпичей *вторичного использования*, скромный декор или полное его отсутствие, общее ухудшение

строительной техники, в частности, использование глиняного скрепляющего раствора вместо известкового. Данный же мавзолей сооружен из кирпичей *первичного применения*, богато ornamentирован изразцами и отличается хорошим качеством кладки с применением известкового раствора.

На территории этой бывшей усадьбы исследовано почти 400 погребений, большая часть которых совершена по мусульманскому обряду. Некоторые могильные ямы были вырыты прямо на месте жилищ прислуги и на территории центрального дома, в завалах его стен. Большинство захоронений относится, скорее всего, к XV в. Некоторые погребения прорезают ранее существовавшие, что говорит о долговременном функционировании этого кладбища (см.: Федоров-Давыдов, Булатов, Егоров, 1976. С.69–73; Федоров-Давыдов, Егоров, Яблонский, Булатов, 1977. С.84–152; Федоров-Давыдов, Булатов, Гусева, Егоров, Яблонский, 1978. С.53–172; Федоров-Давыдов, Булатов, Егоров, Яблонский, 1979. С.13–55; Федоров-Давыдов, Булатов, Егоров, Яблонский, Паромов, 1980. С.11–42; Федоров-Давыдов, Булатов, Гусева, Егоров, Паромов, 1981. С.6–11). Мавзолей тохтамышевского времени был разрушен, а рядом с его развалинами и даже поверх них появляются новые захоронения. Кирпичи же разрушенной постройки используются в конструкциях надгробных сооружений и склепов XV в.

Другой большой мавзолеем исследовался на раскопе XX. Построен он был, скорее всего, в середине XIV в. В погребальной камере находилось 5 захоронений. Вокруг мавзолея выявлено множество других погребений. Зиярат (мусульманские кладбище) был обнесен мощной кирпичной стеной, от которой осталась лишь траншея от выборки кирпича шириной более 2 м (Булатов, 1992; 1993). Мавзолей был разрушен еще в золотоордынское время. По всей вероятности, уже после разрушения надземной части постройки погребальная камера была расширена и в ней сделаны дополнительные захоронения. Остается вопрос: чем объяснить наличие на раскопе весьма значительной доли монет Тохтамыша – 22,2%? Может быть, монеты попадали во время посещения зиярата людьми. Хотя в отношении этого участка городища трудно делать выводы в связи с небольшой площадью раскопа – 264 кв. м.

Усадьба на вершине Красного бугра (раскоп XXI) также прекращает свое существование (Зиливинская, 2001. С.64). Но в западной его части строится новое здание из обожженного кирпича. Оно плохо сохранилось, так как его стены были почти полностью выбраны и большая часть сооружения разрушена обрывом. Но относительно неплохо сохранилось основание башни. Судя по остаткам, башня была цилиндрической, с прямоугольным цоколем и мощным фундаментом, сложенным из крупных меловых камней в прямоугольной яме. Яма имела размеры 4,2х2,8 м при глубине в 2,3 м.

* На раскопе XV обнаружены 7 монет 767 г. х. и ни одной монеты 768 г. х.

** Среди отдельных находок монет только 5 пулов относятся к 1370–1390-м годам (см. табл.).

Скорее всего, это были остатки минарета, принадлежавшего соборной мечети. На существование здесь мечети указывает и единственная сохранившаяся база колонны диаметром 80 см, сложенная из обломков кирпичей. Причем, у здания был богатый архитектурный декор: на раскопе в огромном количестве найдены фрагменты мозаичных панно, каменные изразцовые вставки разных форм и цветов, поливные и фигурные кирпичи (Рудаков, 2001).

Итак, исследованные участки района между Кучугурами и Красным бугром* после 1366 г. приходят в упадок. Здесь наблюдается варваризация жизни и запустение. Район перестает быть аристократическим. Во времена Тохтамыша в этом районе большей частью были, видимо, пустыри и кладбища, и лишь на отдельных участках продолжалась жизнь**. Наверное, этим, в первую очередь, и объясняется отсутствие на раскопах данной части городища следов погрома и пожаров, которые можно было бы связать с нашествием войск Тамерлана. Восточные историки и русские летописцы сообщают, что зимой 1396 г. Аксак-Тимур захватил Сарай и подверг его страшному разгрому (Тизенгаузен, 1884. С.446; 1941. С.123, 180–181, 185; Повесть о Темир Аксаке, 1992. С.354; ПСРЛ. Т.8. 1859. С.65).

Район между Больничным бугром и Кучугурами в конце XIV в. был заселен в большей степени. Большинство монет Тохтамыша, являющихся подъемным материалом, по всей видимости, происходит из этого района. Здесь, возможно, прослеживаются следы тимуровского погрома. Как отмечалось выше, на раскопе XVII, в поздних строительных периодах,

зафиксированы прослойки с золой и сажей, говорящие о пожарищах. Пепельно-серый слой с углями есть и на раскопе VI, хотя, может быть, он относится к более раннему времени (Федоров-Давыдов, Мухаммадиев, 1970. С.38. Рис. 12 (альбом)).

Как видим, несмотря на некоторый экономический подъем в царствование Тохтамыша, город неуклонно шел к упадку, который начался еще в конце 1360-х годов. Об упадке городов и варваризации жизни в последней трети XIV в. неоднократно писал Г.А.Федоров-Давыдов (1984. С.86; 1994. С.58; 1997. С.92–93; 1998. С.7–8). Но при этом Сарай не погиб, как это произошло с другими степными городами улуса Джучи. Ярким примером почти полной гибели в период «замятни» является Царевское городище (г. Голистан), где очень мало монет 1370–1390-х годов. В частности, медные монеты эпохи правления Тохтамыша составляют здесь всего 0,53%. Невелика доля пулов Тохтамыша и на Водянском городище – 2,96% (Рудаков, 1999. С.111. Табл. II; 2000. С.318. Табл. II).

В XV столетии Сарай, некогда огромный процветающий город, превращается в такое же огромное кладбище. Заселенной оставалась, очевидно, лишь очень незначительная территория. Это, вероятно, был район между Кучугурами и Больничным бугром, так как там встречаются монеты XV в. Очень интересен в этом отношении Каменный бугор, находящийся примерно в 5 км к ЮВ от села. Эта местность сильно разграблена кладоискателями, а их сборы дают огромное количество дирхемов XV в. (Клоков, Лебедев, 2001. С.90. Рис. 10).

Литература

Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б., 1981. Позднесредневековый Отрар (XVI–XVIII вв.). Алма-Ата.

Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б., 1987. Отрар в XIII–XV вв. Алма-Ата.

Баллод Ф.В., 1923. Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды (результаты археологических работ летом 1922 года). Казань.

Булатов Н.М., 1989. Отчет о раскопках на Селитренном городище в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №13770. Альбом: №13771.

Булатов Н.М., 1991. Отчет о раскопках на Селитренном городище в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №15158. Альбом: №15159.

Булатов Н.М., 1992. Отчет о раскопках ПАЭ на Селитренном городище в 1991 г. Раскоп XX. (Описание), в папку вложен также отчет о раскопе XIX Ю.А.Зеленева // Архив ИА РАН. Р-1. №16677.

Булатов Н.М., 1993. Отчет о раскопках ПАЭ на Селитренном городище в 1992 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №16935.

Варваровский Ю.Е., 2000. К вопросу о «теории двух Сараев» и локализации города Голистана // Археологические вести. СПб. №7.

Варваровский Ю.Е., Евстратов И.В., 1998. О тождественности передачи Ф.Ф.Чекалиным карты Фра Маур 1459 г. // Древности Волго-Донских степей (сборник научных статей). Волгоград. Вып.6.

Галкин Л.Л., 1966. Описание городища у села Селитренного Астраханской области (Дополнение к отчету Г.А.Федорова-Давыдова за 1965 г. Работы на Селитренном городище Харабалинского района Астраханской области) // Архив ИА РАН. Р-1. №3131.

Галкин Л.Л., 1968. Отчет о раскопках на городище Селитренном в 1967 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №3534.

Галкин Л.Л., 1984. Стеклодельная мастерская на городище Селитренное // СА. №2.

Гончаров Е.Ю., 2000. Старый и Новый Сарай – столица Золотой Орды (новый взгляд на известные источники) // Степи Европы в эпоху средневековья (сборник статей). Донецк.

* Главным образом, это юго-западная часть района.

** Автор благодарит И.В.Волкова, В.Л.Егорову, Ю.А.Зеленева и Э.Д.Зиливинскую за предоставленные материалы исследований Селитренного городища.

- Григорьев В.В., 1876. О местоположении Сарая, столицы Золотой Орды // Россия и Азия (сборник исследований и статей по истории, этнографии и географии, написанных в разное время В.В.Григорьевым ориенталистом). СПб.
- Древнемонгольские города. 1965 (сборник статей). М.
- Евстратов И.В., 1997. О золотоордынских городах, находившихся на местах Селитренного и Царевского городищ (опыт использования монетного материала для локализации средневековых городов Поволжья) // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей (Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения П.Д.Рау (1897–1997), г. Энгельс, Саратовской обл., 12–17 мая 1997 г.), Саратов. Ч.2.
- Егоров В.Л., 1985. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.
- Егоров В.Л., 1988. Отчет о раскопках Селитренного городища в 1987 г. // Р-1. №14715. Альбом: № 14716.
- Егоров В.Л., Мухаммадиев А.Г., Федоров-Давыдов Г.А., 1970. Раскопки золотоордынских городов на Нижней Волге // Археологические открытия 1969 г. М.
- Егоров В.Л., Полубояринова М.Д., 1974. Археологические исследования Волянского городища в 1967–1971 гг. // Города Поволжья в средние века. М.
- Зиливинская Э.Д., 1989. Отчет о раскопках на Селитренном городище Харабалинского района Астраханской области в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14632. Альбом: № 14633.
- Зиливинская Э.Д., 1990. Отчет о раскопках на Селитренном городище Харабалинского района Астраханской области в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13666.
- Зиливинская Э.Д., 1995. Отчет о раскопках на Селитренном городище в Харабалинском районе Астраханской области в 1994 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 18414. Альбом: № 18415.
- Зиливинская Э.Д., 2001. Охранные раскопки на Красном холме Селитренного городища в 1995–2000 гг. // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий (Материалы всероссийской научно-практической конференции). Астрахань.
- Клоков В.Б., Лебедев В.П., 2002. Монетный комплекс с Селитренного городища (Золотая Орда, город Сарай) // Древности Поволжья и других регионов. Нумизматический сборник. М. Вып. IV. Т.3.
- Леопольдов А.Ф., 1837. Ахтубинские развалины // Журнал Министерства внутренних дел. СПб. Ч.24.
- Паллас П.С., 1788. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб. Ч.3, половина 2.
- Пачкалов А.В., 2001. К вопросу об интерпретации эпитета ал-Джедид (по материалам городов улуса Джучи) // Поволжье в средние века (Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Германа Алексеевича Федорова-Давыдова (1931–2000)). Нижний Новгород.
- Пачкалов А.В., 2002. О местоположении Сарая (первой столицы Золотой Орды) // Археология та етнологія Східної Європи: Матеріали і дослідження. (Міжнародний конгрес. Крок молоді у XXI століття. 24–27 квітня 2002 р.). Одеса. Т.3.
- Повесть о Темир Аксаке, 1992 // Тамерлан (эпоха, личность, деяния). М.
- ПСРЛ. Т.8. 1859 (Продолжение летописи по Воскресенскому списку). СПб.
- ПСРЛ. Т.15. Вып. I, 1965 (Летописец Рогожский). М.
- Рудаков В.Г., 1999. Вопрос о существовании двух Сараяв и проблема локализации Гюлистана // Гыйльми яз-малар — Ученые записки Татарского государственного гуманитарного университета (сборник статей на рус. и тат. яз.). Казань. Вып. 7.
- Рудаков В.Г., 2000. К вопросу о двух столицах в Золотой Орде и местоположении города Гюлистана // Научное наследие А.П.Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья (Материалы научной конференции). Труды ГИМ. М. Вып. 122.
- Рудаков В.Г., 2001. Раскопки остатков минарета на Селитренном городище // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий (Материалы Всероссийской научно-практической конференции). Астрахань.
- Рыков П.С., 1931 г. Отчет об археологических раскопках, произведенных летом 1931 г. в Нижнем Поволжье (на обложке: Дневник археологических раскопок, в Калмыцкой обл. и бл. с. Селитренного Харабалинского района Нижне-Волжского края летом 1931 г.) // Архив ИИМК. Ф. 2. Арх. № 845.
- Рыков П.С., 1932. Музейные материалы по изучению феодального города // СМ. № 4.
- Рыков П.С., 1936. Очерки истории Нижнего Поволжья по археологическим материалам. Саратов.
- Спицын А.А., 1895. Отчет о поездке члена Археологической комиссии А.А.Спицына летом 1893 г. на Жареный бугор и некоторые приволжские золотоордынские города // Отчеты Археологической комиссии за 1893 год. СПб.
- Тизенгаузен В.Г., 1884. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб. Т.1. Извлечения из сочинений арабских.
- Тизенгаузен В.Г., 1941. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л. Т.2. Извлечения из персидских сочинений.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1974. Три средневековых нижеволжских города // ВИ. № 3.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1984. Четверть века изучения средневековых городов Нижнего Поволжья // СА. № 3.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1997. Некоторые итоги изучения городов Золотой Орды на Нижней Волге // Татарская археология. № 1.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1998. Раскопки Поволжской археологической экспедицией золотоордынских городов на Нижней Волге // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Йошкар-Ола. Вып. 1.
- Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М., 1989. Керамическая мастерская Селитренного городища // Сокровища сарматских вождов и древние города Поволжья. М.

- Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М., Гусева Т.В., Егоров В.Л., Паромов Я.М., 1981. Отчет о раскопках на Селитренном городище Астраханской области в 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Т.1. № 8269; т.II. № 8269а (альбом).
- Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М., Гусева Т.В., Егоров В.Л., Яблонский Л.Т., 1978. Отчет о раскопках Селитренного городища в 1977 году. // Архив ИА РАН. Р-1. Т.1. № 6687. Альбомы: т.II — № 6687а, т.III — № 6687б, т. IV — № 6687в.
- Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М., Егоров В.Л., 1976. Отчет об археологических раскопках на Селитренном городище в Астраханской области в 1975 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Ч.1. № 5846. Альбомы: ч.II — № 5846а, ч.III — № 5846б.
- Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М., Егоров В.Л., Зиливинская Э.Д., 1985. Научный отчет о раскопках на Селитренном городище в Астраханской области в 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Т.1. № 10845; т.II — № 10845а (альбом).
- Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М., Егоров В.Л., Яблонский Л.Т., 1979. Отчет о раскопках Селитренного городища в Астраханской области в 1978 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Т.1. № 8263. Альбомы: т.II — № 8263а, т.III — № 8263б.
- Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М., Егоров В.Л., Яблонский Л.Т., Паромов Я.М., 1980. Отчет о раскопках Селитренного городища в 1979 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Т.1. № 8266. Альбомы: т.II — № 8266а, т.III — № 8266б.
- Федоров-Давыдов Г.А., Дворниченко В.В., Егоров В.Л., Булатов Н.М., 1984. Научный отчет о раскопках Селитренного городища Поволжской археологической экспедиции в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Т.1. № 9275. Альбом: т.II — № 9275а.
- Федоров-Давыдов Г.А., Егоров В.Л., Зиливинская Э.Д., Булатов Р.М., 1986. Отчет о раскопках на Селитренном городище в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Т.1. № 10766. Альбомы: т.II — № 10766а.
- Федоров-Давыдов Г.А., Егоров В.Л., Скоробогатова В.Л., Булатов Н.М., 1983. Отчет о раскопках на Селитренном городище в 1982 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Т.1. № 9792. Альбомы: т.II — № 9792а, т.III — № 9792б.
- Федоров-Давыдов Г.А., Егоров В.Л., Яблонский Л.Т., Булатов Н.М., 1977. Научный отчет о раскопках 1976 г. на Селитренном городище Астраханской области. // Архив ИА РАН. Р-1. Т.1. № 6168. Альбомы: т.II — № 6168а, т.III — № 6168б.
- Федоров-Давыдов Г.А., Егоров В.Л., Яблонский Л.Т., Булатов Н.М., 1982. Отчет ПАЭ о раскопках на Селитренном городище Астраханской области в 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Т.1. № 9677. Альбомы: т.II — № 9677а, т.III — № 9677б.
- Федоров-Давыдов Г.А., Зиливинская Э.Д., 1988. Отчет о раскопках Селитренного городища в Харабалинском районе Астраханской области в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Т.1. № 14651.
- Федоров-Давыдов Г.А., Мухаммадиев А.Г., 1970. Отчет о раскопках золотоордынского городища у с. Селитренного Астраханской области Харабалинского района (Срай-Бату) в 1969 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Т.1. № 3909. Альбом: № 3909а.
- Хлебникова Т.А., 1987. История археологического изучения Болгарского городища: Стратиграфия. Топография // Город Болгар: Очерки истории и культуры. М.
- Янина С.А., 1954. Джучидские монеты из раскопок сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946-1952 гг. МИА. № 42.
- Янина С.А., 1960. Джучидские монеты из раскопок сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1957 г. МИА. № 80.
- Zilivinskaya E., 1997. The Golden Horde city pattern: evidence from excavations // Urbanism in medieval Europe. Zellik. V.1

К.А. Руденко

«ТАТАРСКАЯ ЗЕМЛЯ»: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ XIV — НАЧАЛА XV В. В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

Вопрос об этнической ситуации в Среднем Поволжье в позднеордынское время не раз становился объектом исследования историков. Обсуждались терминологические проблемы, приводились аргументы в пользу той или иной интерпретации исторических событий. Однако археологические материалы для решения этих вопросов использовались ограниченно. Практически были не известны погребальные памятники, а специфика сельских поселений ордынского времени в полной мере стала выявляться только в недавнее время. Таким образом,

новые археологические данные, появившиеся в последние годы, позволили рассмотреть новые аспекты этой проблемы.

Рассмотрим сначала сохранившиеся сообщения письменных источников, относящихся к концу XIV — началу XV в.

«Татары» и «татарская земля» в русских летописях. Как неоднократно отмечалось исследователями (А.А.Спицын, А.П.Смирнов, М.Д.Полубояринов, Р.Г.Фахрутдинов, А.Х.Халиков и др.), в русских летописях при описании событий, происходивших

в Волго-Вятском регионе, наряду с болгарами часто употребляется этноним «татары». Причем роль последних в политической жизни края и Северо-Восточной Руси в конце XIV — начале XV в. была весьма высока (см. работы А.Н.Насонова, М.Г.Сафаргалиева, А.П.Смирнова, В.Л.Егорова и др.).

«Татары» и «бесермены». Летописи достаточно четко определяют в Среднем Поволжье в это время термины «бесермены» и «татары», рассматривая их как две различные группы населения. Этот факт уже отмечался в исторической литературе (Тихомиров, 1973. С.84—90). Причем исследователи считали «бесермянами» волжских болгар (мусульман), а кочевое население Орды — «татарами». Трактовка И.Л.Измайловым термина «татары» как военно-служилого сословия Золотой Орды мало аргументирована. Автор исходит из того, что «почти всегда, когда речь шла о боевых столкновениях, писали «татары», или «татары» и «бесермены», а когда говорили о мирном населении, то почти всегда «бесермены», действительно очень четко различая их. Видимо, эти данные могут служить еще одним доказательством реальности, но не этнического, а социального разделения этих терминов: «татарами» считалось военное сословие, а «мусульманами» — остальное население» (Измайлов, 1993. С.28).

Отметим в связи с этим описание событий 1399 года по Новгородской IV летописи:

«(6903) Тое же осени князь Семен Дмитриевич суздальский приде ратью к Новгороду Нижнему, а с ним царевич Ентяк да татар с тысячу, а люди горожане затворишася в городе, а воеводы бяху у них Володимер Данилович, Григорий Володимирович, Иван Лихорь. И бысть им бой и потом татарове отступиша и паки приступиша и тако по 3 дни быяхуся стреляюще промеж себя и много людей от стрел паде и посим от бою восхотели мир и взяша мир, крестьяне крест целоваша, а татарове по *своей вере* (курсив мой. — *К.Р.*) даше правду на тем на всем, что им крестьян не грабити, не зимати. И потом татарове сотовориша лесь, роту свои измениша а клятву преступиша пограбиша всех крестьян от больших до меньших, и нагих пускаху. И град весь взяше и до конца пограбиша, и всякого имения без числа поимаша, а князь Симеон глаголяше: не аз есмь сотворивый се, но татарове в ни же аз не волен, а с них не могу и тако татарове Новгород Нижний взяша октября 25 и пребыша ту 2 недели дондеже услышаша, что москвичи хотят ити на них рать они убояшася и побегоша к Орде, много зла сотвориша крестьянем. Тогда же слыхав князь Великий Василий собрав ратей много и воевод и бояр старейших и силу многу ониже шедше ратью плениша землю татарскую и взяша град Болгары и Жюкотин и Казань, Кременчук и пребыша 3 месяца воююще и никто же не помнит толь далече воевала Русь татарскую землю и возвратишася со многою корыстью» (ПСРЛ. Т. IV. С.101—102).

Вполне очевидно, что «татары» здесь — это население, исповедовавшее свою веру и клявшееся «по своей вере», причем не мусульманской, и жившее на конкретной территории, обозначенной как «татарская земля», причем земля эта характеризовалась как языческая, не мусульманская («воюючи землю поганскую» — языческую. — *К.Р.*). Именно в этом контексте употребляется название «татарская земля» в сообщении 1408/9 г. о розысках княгини Александры (жены Семена Дмитриевича Суздальского) в «татарских местах», а затем ее пленении в «татарской земле» в местности Цыбирца. Причем летописец уточняет, что это произошло «у святого Николы — поставил бо бяше церковь ту бесерменин Казибаса и ту изимяша княжню» (ПСРЛ. Т.11—12. С.186).

Понятно, что речь здесь идет не об Орде в целом, а о вполне конкретной территории. Эти термины встречаются не менее восьми раз: при описании событий 1360, 1361, 1366, 1370, 1376, 1399, 1409, 1410(11) гг.

Подлинность термина. Возникает вопрос: не является ли этот термин позднейшей вставкой или заменой. Как установлено М.Д.Приселковым, одним из источников сообщений 1360—1399 гг. в общерусских летописных сводах XV в., особенно касающихся Нижегородского княжества и Орды, является «Суздальский летописец» (Приселков, 1940. С. 128, 131).

Подробный рассказ о битве при Лыскове и Владимирском взятии (1410 г.) был внесен из летописи митрополита Фотия (?). Без изменений, видимо, дошла запись 1409 г. в Тверской летописи (*Шахматов*, 1938. С. 372) из тверского же источника. В целом состав сообщений, дошедших до нас, сформировался в Фотиевом Полихроне 1418 г. с последующей доработкой и дополнением новгородскими данными из Софийского временника 1418 г., в своде 1448 г. по Суздальской, Тверской и Владычной московской летописям конца XIV — начала XV в. и переработан в своде 1456 г.

Наиболее близкими к первоначальной записи следует считать сообщения: 1360 г. Рогожского (ПСРЛ. Т. 15. С. 69) и Владимирского (ПСРЛ. Т. 30. С. 112) летописцев; 1361 г. Московского свода конца XV в. (ПСРЛ. Т. 25. С. 161), а также соответствующие известия Типографской, Софийской I, Воскресенской и Никаноровской летописей; 1366 г. — Московского свода (ПСРЛ. Т. 25. С. 183), Владимирского летописца (ПСРЛ. Т. 30. С. 115), новгородская версия данного рассказа в Софийской I (ПСРЛ. Т. 5. С. 230—231); 1370 г. — практически всех летописей; 1376 г. — Московского свода (ПСРЛ. Т. 25. С. 192) и Рогожского летописца; 1399 г. — Московского свода (ПСРЛ. Т. 25. С. 266), Воскресенской (ПСРЛ. Т. 8. С. 72), Софийской I (ПСРЛ. Т. 5. С. 247) и Новгородской IV; 1409 г. — Тверской летописи (ПСРЛ. Т. 15. С. 485), вариант сообщения в Московском своде (ПСРЛ. Т. 25. С. 239) и Никоновской летописи

(ПСРЛ. Т. 11–12. С. 130); 1410/11 г. – Московского свода (ПСРЛ. Т. 25. С. 240), Никоновской (ПСРЛ. Т. 11–12. С. 215) и Никаноровской (ПСРЛ. Т. 27. С. 48).

Таким образом, можно утверждать, что этноним «татары» появилось изначально в записях первоисточника и не является позднейшей заменой (как, например название «булгар» на «казанцы» (*Фахрутдинов Р.Г.*, 1987. С. 23). Термин «татарская земля» применительно к Среднему Поволжью также является современным тем событиям и обозначал территорию, включавшую, как основную, Закамскую Булгарию и Казань в Предкамье, а также часть земель, близких к Наровчатскому княжеству (см. сообщение под 1408 г.). Скорее всего, этот термин появился после 1361 г., когда устоявшиеся держания (улусы) ордынских царевичей в регионе в результате захватов (например, Булак-Тимура) стали княжествами.

Не останавливаясь подробно на каждом из вышеупомянутых сообщений в летописях, отметим, что русские летописцы под «татарами» понимали население степей «Дешт и Кыпчак» и четко отличали его от «бесермян». В этом значении они употребляются и при описании событий в Волго-Вятском крае: татары – кочевое население, пребывавшее более-менее постоянно («зимници их») в улусах Закамской «татарской земли». Упоминание ордынских царевичей Ентяка и Талыча как князей булгарских и жукотинских вполне понятно.

История «татарской земли». Итак, из анализа летописных данных следует, что термин «татары» появляется при описании событий в Волго-Вятском регионе с 1366 г. и в дальнейшем соседствует (не заменяя) с термином «бесермяне», который ранее употреблялся для характеристики жителей Булгара и Жукотина или же мусульман вообще.

1361–1366 гг. Начало 60-х годов XIV в. ознаменовалось тем, что булгарская земля стала плацдармом для борьбы за сарайский престол. Открыл этот список ордынский «князь» Булак-Тимур, который захватил власть в Булгаре. Этот захват не сопровождался военным разгромом Булгарской земли (*Смирнов*, 1951. С. 68; *Фахрутдинов*, 1987. С. 23). В конце его правления в Среднем Поволжье появляются этнические группы «татар». Не исключено, что это связано с убийством Булак-Тимура от руки Азиз-хана. Отметим, что в 1361 г. началось правление первого из Шейбанидов на Сарайском престоле – Хызр-хана (*Костюков*, 1998. С. 216).

1366–1380 гг. После убийства Булак-Тимура в Орде в 1366/7 г. в булгарском улусе правит ордынский царевич Асан (Хасан) (*Сафаргалиев*, 1960. С. 126), которого А.П.Смирнов считал казанским правителем (*Смирнов*, 1951. С. 68). Асан в то время имел соправителя в лице Махмет-салтана (Мухаммед-Булак?) (*Фахрутдинов*, 1987. С. 22; *Насонов*, 1940. С. 126, 127), или «Салтана, Бакова сына». Интерес-

но, что в это время термин «татарская земля» летописцами не используется, хотя «татары» уже упоминаются.

Судя по событиям 1370 г. и 1375–1376 гг., Среднее Поволжье после Булак-Тимура контролировал Мамай. Недолгий русский протекторат в Булгаре в 1376 г. закончился установлением власти Урус-хана: Булгар стал «урусхановым юртом». В 1377–1378 гг. сторонники Мамай покинули его, появившись снова в Орде (*Сафаргалиев*, 1960. С. 130). Характерно, что упоминание «татар» приходится именно на время правления хана Асана. – 1370–1376 гг. Шейбанидская линия в это время подкрепляется энергичными действиями представителя этого рода – Араб-шаха (*Греков, Якубовский*, 1959. С. 287).

1380–1399 гг. С 1380 г. Закамская территория вместе с булгарскими городами находилась под властью Тохтамыша (см. события 1382 и 1391 гг.). Здесь же он скрывался от преследования Тимура в 1395 г. (*Сафаргалиев*, 1960. С. 142, 144, 164; *Насонов*, 1940. С. 139), когда последний подверг разгрому булгарские города (*Сафаргалиев*, 1960. С. 164, 165). Власть Тохтамыша над «татарской землей» сохранилась до 1398 г. (по М.Г.Сафаргалиеву – до 1395–1396 гг.: *Сафаргалиев*, 1960. С. 174), когда он потерпел поражение от Едигея. Вероятно, во время правления Тохтамыша термин «татарская земля» получает свое распространение.

1400–1431 гг. Едигей продолжил политику Тохтамыша в отношении русских княжеств (*Насонов*, 1940. С. 140–142), опираясь на «татарскую землю». Так, в 1399 г. «татарская земля» и Орда дали 1000 воинов в помощь князю Семену Дмитриевичу Нижегородскому, нашедшему убежище вместе с семьей в «татарской земле». Возглавил это войско один из Едигеевых царевичей – Ентяк (как посол из Орды он упомянут и под 1403 г.: *Насонов*, 1940. С. 140). Результатом похода был разгром Нижнего Новгорода и последовавшая за этим карательная операция русских войск в ноябре 1399 г. (описание этих событий под 1395–1396 гг. ошибочно, о чем см.: *Сафаргалиев*, 1960. С. 166; *Карамзин*. Т. V. С. 286. Прим. 175). Последствия этой войны были ликвидированы Едигеем завоеванием Булгарии в 1407 г. Тогда, по мнению Сафаргалиева, ушедший из Орды Джелал-ад-Дин стал ханом Булгара (*Фахрутдинов*, 1987. С. 24).

В 1409 г. князья «болгарские и жукотинские» хитростью захватили предводителя новгородских ушкуйников Анфала и отправили его в Орду (*Смирнов*, 1951. С. 71–72). В следующем году те же князья участвовали в битве при Лыскове на стороне нижегородских князей, а один из татарских отрядов под предводительством царевича Талыча вместе с нижегородским воеводой в июле 1410 г. штурмовал Владимир.

Один из последних ударов по Закамской «татарской земле» нанес князь Федор Давидович Пестрый в 1431 г. Его поход был спровоцирован набегом в 1429 г. на Галич

и Кострому татарского царевича и князя Алибабы (Смирнов, 1951. С. 72). Не исключено, что «татары» впоследствии вошли в состав отрядов Улу-Мухаммеда.

Таким образом, термин «татарская земля» — не собирательное название той же Золотой Орды, а наименование конкретной территории и вполне определенных этнических групп, игравших существенную роль в истории региона в течение почти 80 лет: 60-е годы XIV в. — 30-е годы XV в.

Есть ли подтверждение этим сведениям в археологическом материале?

Археологические памятники XIV — начала XV в. в казанском Поволжье и нижнем Прикамье («татарской земле»). Среди археологических объектов ордынского времени выделяется группа памятников, которые исследователи единодушно связывают с кочевниками. Это Балымерские курганы, Рождественское и Лебединское погребение. В последние годы этот список пополнился материалами из разрушенных погребений Байряки-тамакского могильника (исследователь Е.П. Казаков), могильника Песчаный остров в Центральном Закамье и погребения кочевника на Булгарском городище.

Систематизация погребений и могильников. Данные погребальные памятники, объединенные в одну группу, делятся на отделы по их характеру: могильники, одиночные захоронения и элементы кочевнических или близких к ним (языческих) культов в мусульманских некрополях.

Классификация погребальных памятников (Руденко, 1999а. С. 29–33).

Отдел I. Кочевнические захоронения на сельских мусульманских кладбищах (Рождественское погребение) (Генинг и др., 1962).

Отдел II. Погребения на городских некрополях (Болгары) (Аксенова, Хлебникова, 1974; Газимзянов, 1999. С. 47–48).

Отдел III. Некрополи кочевников или одиночные захоронения.

Тип 1. Могильник «Песчаный остров» (Руденко, 1999а. С. 61–76).

Тип 2. Балымерские курганы (Халикова, 1965).

Тип 3. Лебединское погребение* (АК. 1988. № 80).

Отдел IV. Мусульманские кладбища с элементами языческой культуры.

Тип 1. Городские некрополи — могильник у «Ханской усыпальницы» в Болгарах** (Акчурина, Воскресенская, Смирнов, 1970. С. 20).

Тип 2. Сельские кладбища — Лаишевский II и III (Руденко К.А., 1996. С. 73–102), Кожаевский (Газимзянов, 1991. С. 106–110) и др.

* Тип 3 выделен предварительно, поскольку памятник исследован частично.

** В погребении № 16 под надгробием из обломков кирпича найдена фигурка человека, вырезанная из тонкой медной пластинки. Правда, принадлежность ее к этому погребению не бесспорна.

Отдел V включает мусульманские некрополи (в данном случае не рассматриваются).

Характеристика погребальных памятников «татарской земли». Отдел I, II: совместное расположение среди других захоронений могильника, выдержанность ритуала погребения, наличие вещевого инвентаря. Отдел III. Различные типы в этом отделе определяются разницей в расположении, обряде и инвентаре (по всей видимости, это связано с принадлежностью к различным этническим группам по происхождению и связям) (Руденко, 1999. С. 31–33). Отдел IV: общее соблюдение мусульманских канон при захоронении, с отклонениями (ориентировка, положение, «культ огня» и т.п.), наличие отдельных бытовых вещей или культовых предметов.

Особенности расположения.

Общие моменты: практически все памятники тяготеют к пойме р. Камы и ее притоков или Волги. Могильник «Песчаный остров» расположен на песчаном останце надлуговой террасы реки Архаровка, притоке реки Кама. Причем это место, огибаемое рекой, единственное в пойме, не затапливаемое в паводок. До начала XIV в. здесь был небольшой поселок, впоследствии опустевший. На его месте по прошествии нескольких десятилетий возник могильник. Выбор места для него был не случаен.

По поверьям некоторых тюркских кочевых народов, мир мертвых помещался где-то на севере или западе в низовьях реки, текущей на север или запад (Традиционное... 1989. С. 217). У средневековых монгол погребальные и поминальные комплексы сосредоточены вблизи возвышенных мест и располагаются преимущественно на их восточном, южном или юго-западном склоне или у подножий, чаще всего у какого-нибудь источника. При этом головы погребенных ориентированы в основном на север, с некоторыми отклонениями на запад или восток (Мэнэс, 1992. С. 8). На границе с тюрками фиксируется западная ориентировка (Мэнэс, 1992. С. 10).

Запад и север у тюрков и монгол ассоциировался с потусторонним миром. Ориентация умершего на север или запад обеспечивала, по их представлениям, переход умершего в иной мир, а обращение лицом к югу или восходу — возрождение его в этом мире в лице потомка (Мэнэс, 1992. С. 21).

Своеобразным вместилищем душ умерших у киданей, монгол и уханей были горы или заметные возвышенности (Мэнэс, 1992. С. 19). Песчаный останец, не затапливаемый в половодье, на котором совершались захоронения, отвечал всем требованиям. Река Курналинка огибала останец, где располагался могильник, севернее сливалась с рекой Архаровкой, поворачивавшей затем на запад. С него открывался вид на возвышающиеся на севере над поймой «горы» правого берега реки Кама (современное название — Сорочьи горы).

Балымерские курганы занимают край коренной террасы левого берега реки Волга. Расположение

достаточно традиционно для могильников тюркского круга в Среднем Поволжье, начиная с VII–VIII вв. н.э.

Особенности погребального инвентаря и культа.

1). Наблюдается четкое различие мужских и женских погребений по инвентарю (Балымерские курганы, Песчаный остров). 2). Анализ предметов показывает общее соответствие инвентаря кочевническим захоронениям этого типа в регионе. 3). Захоронения с собакой характерны для памятников тюркского круга (Арсланова, 1969. С. 49–57). 4) Захоронения с конем или его частями (Балымерские курганы; Барбащинский могильник и др.) (Отчет, 1941. С. 151. Рис. 36–3).

Рассмотрим некоторые моменты более подробно.

Ритуальное захоронение черепа собаки – погребение 12 могильника «Песчаный остров» (Руденко, 1999. С. 64). Погребенный располагался вытянуто на спине головой на юго-запад. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая положена на таз, перекрывая низ живота. Ноги вытянуты, колени плотно сдвинуты. Череп лежал на затылке, лицевой частью вверх.

У правого предплечья отмечен бронзовый тлен от украшения (?). На левой половине груди расширена верхняя часть черепа собаки (определение А.Г.Петренко). Костяк, особенно ноги, чуть отодвинут к западному краю могильной ямы. В засыпи отмечены угольки, фрагменты средневековой керамики и кирпичной крошки. Заполнение сильно гуммировано.

Находки в засыпи могилы и расположение ее на краю котлована жилища конца XIII – начала XIV в. позволяют датировать погребение не ранее середины – второй половины XIV в.

Собака считалась у многих народов священным животным. Так, древнекитайская «Хоу-ханьшу» сообщает, что ухани «берут одну откормленную собаку и ведут ее на цветном шнурке, так же берут лошадь, на которой ездил покойник, его одеяния и вещи и все сжигают и несут за гробом для перепоручения собаке, чтобы она охраняла душу умершего до горы Чишань» (Мэнэс, 1992. С. 18). Не исключено, что близкие моменты обусловили и положение черепа собаки в данном погребении.

Культ собаки и волка очень распространен у тюрков (Федоров-Давыдов, 1966. С. 192. Прим. 41). Как пример своеобразного синтеза отметим захоронения черепов собак в погребениях коней (!) в мордовских могильниках XII–XIII вв. Нижегородской области (Мартьянов, 1992. С. 53, 56).

Культ коня подробно исследован (Нестеров, 1990). Отметим, что в курганах Балымерского могильника фиксируется череп лошади, в погребении на Болгарском городище – ребро лошади в изголовье (Газимзянов, 1999. С. 48), в могильнике «Песчаный остров» – лошадиные зубы в межмогильном пространстве (Руденко, 1999. С. 62).

Культ огня и поминальные жертвы. Огненный ритуал фиксируется в нескольких формах.

1. Погребальный костер над могилой (Лайшевский II могильник); (Руденко, 1999. С. 80): в виде стоевших деревянных конструкций (?) – небольших, до 7 см в диаметре, бревнышек, углистые и золистые линзы (Руденко, 1991. С. 32. Рис. 75).

2. Обожженные дно и стенки могильной ямы, угольки в засыпи погребения (Лайшевский II могильник, могильник «Песчаный остров» и др.).

3. Обжигание гробовища (Кожаевский могильник) – сбрасывание остатков поминального (?) костра или разведение костра на крышке гроба (Газимзянов, 1991. С. 108).

Поминальные жертвы. В качестве таковой можно считать бронзовый браслет, найденный в засыпи погребения 11 могильника «Песчаный остров» (Руденко, 1999. С. 63–64. Рис. 3–13).

Занятия населения. Обработанные антропологические материалы* из могильника «Песчаный остров» показали, что существенную роль в жизни этого населения играло скотоводство (Приложение I). Подтверждается это и данными, полученными при исследовании остеологических остатков с поселения «Песчаный остров»: 39–43% – это остатки лошадей** из всей выборки (Руденко, 1999а. С. 49–50).

Этническая интерпретация. Могильник «Песчаный остров» был оставлен группой людей, связанных, видимо, с нижневолжским регионом. Наличие стационарных поселений в ближайших окрестностях некрополя, датированных, по монетам, серединой – второй половиной XIV в., свидетельствует о том, что это было население с элементами оседлости.

В целом могильник «Песчаный остров» по формальным признакам ближе всего некрополям царевской группы Заволжья и западной группы курганов Южного Урала, а также погребениям в Самарском Заволжье, связываемых с кимако-кипчаками (Иванов, Кригер, 1988. С. 60, 65, 66). Определенные аналогии ему находятся в могильниках близ Нового Сарая (Сарай ал-Джадид; Федоров-Давыдов, 1994. С. 31). Не исключено, что люди, оставившие могильник «Песчаный остров», каким-то образом связаны с населением окрестностей Нового Сарая. Переселение их можно объяснить «...кризисом столичных центров и городских верхов, охватившим золотоордынские города в 1360–1370-е годы и приведшим к их упадку еще до нашествия Тимура в 1395 г.» (Федоров-Давыдов, 1994. С. 30).

* Благодарю А.П.Бужилу за обработку и анализ материала могильника «Песчаный остров».

** Надо учитывать, что часть костей из культурного слоя могла относиться к слою эпохи бронзы, который был сильно переработан, однако такое процентное соотношение дают находки и из закрытых комплексов этого поселения средневекового времени.

Можно предположить, что пойменная часть низовий реки Камы могла быть местом летних кочевков нижневолжских групп кипчаков, постепенно основывавших здесь более-менее постоянные (сезонные) стойбища (20–40-е годы XIV в.). Данный процесс активизировался в конце 50-х годов в связи с начавшимися смутами в Орде и особенно в начале 60-х годов, когда ордынский хан Булат (Пулад)–Тимур в 1361 г. захватил власть в Булгаре. В принципе, данное положение уже давно высказывалось в исторических исследованиях (Кузеев, 1992. С.84).

Характерно, что именно к 1361 г. (Хызр-хан) относятся значительные серии медных монет с поселений близ Песчаного острова. Постоянно нижневолжские пришельцы тогда здесь не жили, а основной контингент населения составляли собственно булгары («бесермяне»). В небольшом количестве первые могли входить в состав сельских общин (Рождественское погребение).

Сравнение Песчаноостровного могильника и погребений в Балымерских курганах (раскопки Е.А.Халиковой, 1961 г.) показывает следующее. Захоронения в Балымерах отличаются выдержанностью ориентировки (северная), наличием жертвенных комплексов (череп лошади), деревянными перекрытиями, конструкцией котлованов могильных ям и более представительным набором погребального инвентаря. Элементов мусульманского погребального культа здесь нет (Халикова, 1965).

Общими следует признать наличие огненного ритуала и некоторого сходства в наборе вещей. Е.А.Халикова, исследовавшая Балымерские курганы, датировала их XIII в., связывая с монгольским нашествием на Волжскую Болгарию (1236 г). Вместе с тем, анализ материалов позволяет датировать этот могильник не ранее второй половины XIV в. (Руденко, 1994. С. 125). Таким образом, Балымерский и Песчаноостровный могильники оказываются почти синхронными.

В интерпретации Балымерских курганов существует несколько версий. Г.А.Федоров-Давыдов предполагал, что он оставлен каким-то сибирским племенем, втянутым монголами в их движения на запад (Федоров-Давыдов, 1966. С. 158–159). В.А.Иванов и В.А.Кригер, считают, что Балымерские курганы не выделяются из общей массы кыпчакских памятников региона (Иванов, Кригер, 1988. С.68). На наш взгляд, своеобразие Балымерских курганов для булгарской территории, по рассмотренным Г.А.Федоровым–Давыдовым признакам, вполне очевидно. Отметим и тот факт, что в погребениях расположенного рядом балымерского кладбища, относящегося к Балымерскому II городищу и окружающим его селищам — посадку (раскопки К.А.Руденко, 1996, 1998 г.), четко прослеживается классический мусульманский обряд и нет никаких следов языческого ритуала.

Различие Песчаноостровного могильника и Балымерских курганов объясняется, скорее всего, тем, что они относятся к разным этническим группам. Хронологически функционирование обоих могильников приходится на вторую половину XIV в., возможно, на 1367–1395 гг. — период активной деятельности ак-ордынских царевичей, боровшихся за влияние и власть в Орде (вероятно, этим объясняется наличие определенных тюрко-монгольских черт в расположении и погребальном обряде этих могильников).

По данным письменных источников, среди ак-ордынских царевичей видное место принадлежало Хасану (Асану), одному из потомков хана Шейбана, который после бегства из Сарая в 1367 г. возглавлял булгарский улус вплоть до конца 1370-х годов (Сафаргалиев, 1960. С.388). Видимо, часть людей, пришедших с ним, были выходцами из самого улуса Шибана (Балымерские курганы) — отсюда и четко выраженные специфические черты погребальной обрядности. Не случайна и близость Балымерских курганов к г. Булгару — ставке нового хана и расположение их у р. Волги. Можно предположить, что и принадлежали они к одному из племен в составе улуса Шибана (найман, буйрак, кушчи, карлук) (Костюков, 1994. С.56).

Население, оставившее Песчаноостровный могильник, состояло из сторонников Хасана в самом Сарая и его окрестностях. Об этом свидетельствует наличие черт мусульманского культа, разнообразие антропологических типов и вариантов погребальной обрядности. Вещевой инвентарь в деталях идентичен вещам из усадеб и могильников Нового Сарая. Скорее всего, отдаленное место в пойме Камы было этим людям известно давно, и пришли они сюда к уже существующим «зимникам», в уже знакомую и не враждебную среду (Рождественское погребение). Обосноваться в пойме могли их заставить и период безвременья, когда власть над Булгарским улусом переходила от одного правителя к другому — от ставленников Мамая к Урус-хану, а затем (с 1380 г.) — к Тохтамышу, и периодические волны чумных эпидемий (1364, 1374 гг.).

Дальнейшая судьба этой части населения прикамских и приволжских районов известна по сообщениям русских летописцев. Они описывали военные действия нижегородских князей, а также правителей Булгара и Джукетау в конце XIV — начале XV в., которые велись в союзе с отрядами «татар» (как их называют русские летописи). «Татары» для русских летописей конца XIV в. — это языческое полукочевое население (как уже отмечалось выше), имевшее на булгарской земле постоянные поселения («зимницы», по словам летописца). Численность объединенных «татарских» отрядов составляла в конце XIV в. до 1000 человек (взятие Нижнего Новгорода в 1399 г.), а отдельных отрядов — до 150 человек (поход 1410 г. на Владимир).

Выделение поселений, соотнесенных с выше-описанными погребальными памятниками, довольно сложно. По сути, это не стационарные места обитания, а сезонные стоянки, впоследствии становившиеся постоянными селениями. Тем не менее, наблюдения на памятниках курналинского комплекса (Руденко, 1999б. С.67–68) позволили предположить, что определенная связь поселений с могильниками была. Определяется она наличием на них предметов, связанных со скотоводством, широкой распространенностью отдельных местонахождений вокруг таких селищ. На местонахождениях встречаются фрагменты чугунной посуды, монеты, керамика тарная (корчаги) и столовая (кувшины). Культурный слой не прослеживается. Хронологическим показателем является наличие керамики славяноидных форм, распространяющейся довольно широко во второй половине XIV – начале XV в.

Классификация поселений. Общая типология болгарских селищ X–XIV вв. рассмотрена нами отдельно (Руденко, 1999в. С. 66). Далее указываются только типы селищ. Расположено большинство рассматриваемых поселений на останках в пойме Камы на расстоянии около 1,5 км от коренного берега (группа «А») или на краю относительно невысокой надлуговой террасы (группа «Б»).

Тип АIIа характеризуется расположением у старицы реки, занимая край надлуговой террасы (Первомайское I селище).

Тип АIVв. Селища (остров «Восточный», остров «Разбойничий», «Дамба» I, II. – Руденко, 1994) находились на берегу реки Курналинки и Архаровки на невысоких гривках, ограниченных низинами поймы.

Тип БIIа. Селище (Полянское*) располагалось на краю надлуговой террасы у старицы Волги.

Особенности материальной культуры поселений. Встречены части чугунных котлов типа Ч-1, 2, 5, 6, 9 (Руденко, 2000. С.38–39). Последние два типа имеют ножки, что сближает их с монгольскими образцами. Большинство вещей на поселениях, соотносимые с материалами погребений, общеупотребительны и на прямую связывать их вместе будет не корректно, хотя встречены точные аналогии предметам из погребений и расположенных рядом селищ (Руденко, 1999. С.67–68). Видимо, «стационарное» становление большинства таких поселений происходит не позднее второй трети XIV в., когда на них появляется керамика так называемого славяноидного типа. Вероятно, о таких поселениях под термином «зимнищи» идет речь в летописи.

Датировка. Поселения датируются нумизматическими находками – с 60-х годов XIV в. и до начала XV в. Некрополи и отдельные захоронения (датированы по монетам, стратиграфии, инвентарю) относятся ко второй половине XIV в., скорее всего, в большей части – с 60–70-х годов этого столетия.

Место «татарской земли» в культуре населения региона. В конце XIII–XIV вв. на территории бывшего болгарского государства складывается периферийная ордынская культура (Руденко, 1998. С.23). Особенностью ее было наличие как имперских или династических черт, присущих материальной культуре города, как-то: распространение определенного типа костюма и его аксессуаров, прически, предметов вооружения и конского убора (Васильев, Горелик, Кляшторный, 1993. С.40–41), так и местных культурных элементов, заметно усиливавшихся в период наибольшего расцвета государства (например, захоронения в «Ханской усыпальнице» в Болгарах; Смирнов, 1951. С. 65–66). Специфику ей придавала и новая система территориально-экономических связей и определенный этнический колорит, прежде всего среди поселений негородского типа, выразившаяся в следующем:

1. Укрупнение размеров поселений (селищ) по площади и сокращение их в количественном отношении.

2. Территориальная обособленность.

3. Экономическая автономность и одновременно интегрированность в общую экономическую систему государства (Руденко, 1997. С.40–43).

4. Эклектичность и многокомпонентность основных составляющих материальной культуры, причем, чем ближе располагалось селище к городу, тем ощутимее становилось влияние ремесленной городской культуры (Кожаевское IV селище*; Кавеев, 1994, Билярское III и Батынгузское селища) (раскопки С.И.Валиуллиной и Е.А.Беговатова), и чем удаленнее от него, тем менее оно ощущалось (селище Чакма и Песчаный остров – Руденко, 1998 а, 1999 б).

5. Элементы династической культуры более всего распространяются в высших слоях оседлых обществ, причем в ордынское время здесь диагностирующими могут считаться только единичные явления – крой костюма, система декорации пояса и некоторые аксессуары, и предметы оружия и конского убора (Васильев, Горелик, Кляшторный, 1993. С.42). Местные традиции при сохранении основных тенденций домонгольского времени обогащаются модными украшениями (браслеты, серьги) (Руденко, 1998. Рис.1).

Более существенной стороной проблемы стала формирующаяся новая культурная традиция – определенная общность мифологических представлений. Тиражирование определенных художественных сюжетов, имевших общедоступную семантическую нагрузку, стало одним из характерных признаков культуры болгарской окраины ордынского государ-

* Разведки К.А.Руденко. Коллекция ГМТР В-19274/2727-2732.

** Коллекция Болгарского государственного историко-архитектурного заповедника.

ства. Та легкость, с которой новые инородные элементы проникали в мир сельского оседлого населения как на уровне элементов бытовой культуры, так и на уровне этнокультурной (включение представителей иного этноса на равных правах в сферу «загробного», т.е. захоронения на одном сельском кладбище), была общей тенденцией развития социума этой части ордынского государства.

Рассмотрим один пример, связанный с предметами, широко использовавшимися в погребальной практике и быту. Это металлические зеркала. В домонгольский период они практически не известны на поселениях как городских, так и сельских, зато в ордынское время становятся частой находкой как на селищах, так и на городищах. Показательно, что это не просто потерянные или выброшенные предметы, хотя таких подавляющее большинство, среди них есть и изделия, использовавшиеся в качестве магических предметов.

Так, например, одно из зеркал было найдено в основании глубокой столбовой (!) ямы сооружения (погреб?) на селище Песчаный остров (яма № 28) (Руденко, 1994. Рис. 16,3); второе, разбитое, — на дне хозяйственного сооружения. Селище датировано концом XIII — первой четвертью XIV в. Украшены эти изделия геометрическим рисунком или солярными знаками (Руденко, 1998 а. Рис.9,18; 11,25). Отметим, что зеркало было найдено и в погребении могильника Песчаный остров (Руденко, 1999. Рис.3,10).

В целом, зеркалам отводилась особая роль как в быту, так и в магических ритуалах. Распространившись в золотоордынский период, они сохранили традиционное значение (в погребальном обряде), связанное со светлым, очищающим, защищающим магическим воздействием (Чвырь, 1991). Причем, утилитарные функции их зачастую совпадали с магическими: так, мусульманские купцы, как правило, брали с собой в дорогу кольцо, четки, ножницы, халат с кушаком, щепотку земли и зеркало (Чвырь, 1991. С.202). С помощью зеркала, по поверьям народов Сибири, можно было видеть притаившихся злых духов и отгонять их. Сломать зеркало значило сохранить память о друге или разлуке родственников, любовников и супругов (Стратанович, 1961; Лаврова, 1925). Разбитое зеркало было символом расставания супругов (Руденко, 1962).

Остановимся только на нескольких элементах и сюжетах, связанных с этими изделиями.

Декор зеркал. Выделяются изделия с утолщенным краем и фигурным вырезом всего бортика в виде «ба лэн цзин» (8 лепестков) или «ба ху» («лю ху цзин») (6 или 8 полукружий), имеющие прототипы в китайских зеркалах периода Тан — Сун (VI — конец XIII вв.) (Стратанович, 1960, 1961). Имеющие закругленные лопасти края ассоциируются с мальвой, выражением активного начала янь; остроконечные — с водяным каштаном, который рассмат-

ривался как проявление пассивного начала инь. Оба цветка считались в Китае снадобьем, дающим долголетие, и оберегом от злых сил (Лубо-Лесниченко, 1975).

Символика изображений.

Птицы. Китайские прототипы эпохи Тан имеет зеркало с изображением танцующих гусей (журавлей), олицетворяющих символ янь. По поверью, гуси всегда летают вместе и никогда не спариваются во второй раз, поэтому и символизируют верность в браке. Журавль (аист) является и символом долголетия (Стратанович, 1961). Символика эта относится к так называемым свадебным зеркалам, орнамент которых состоит обычно из парных птиц, олицетворяющих счастливый семейный союз (мандариновые уточки) (Лубо-Лесниченко, 1975).

Рыбы. Изображение двух рыб на зеркалах появляется в начале эпохи Хань (206—220 гг. н.э.); карпы — пожелание достижений высот учености, причем они изображаются как символы инь и янь: как бы догоняющие друг друга — голова одного к хвосту другого (Стратанович, 1961). Позже, широко распространившись в период Северной Сун (X—XII вв.), они стали символизировать многочисленное потомство (Лубо-Лесниченко, 1975).

Змея, дракон. Изображение змеи и дракона функционально находит параллели в синонимических по свойствам изображениях хищников из семейства кошачьих (ночное видение), ароматизирующих растениях (пахучесть), что характеризует образно-понятийную роль дракона как посредника между Небом и Землей (Чеснов, 1986). Само изображение дракона — существа в звериной форме, с растительными атрибутами, указывает на «взаимную связь космического света и земного растения, воспринимающего этот свет и порождающего все земное плодородие. Такая символика дракона могла породить новый уровень — символику единения мужского и женского начал» (Чеснов, 1986); в татарской мифологии юха — змей, превращенный в женщину (Мифология, 1910).

Образ дракона, появившийся в Китае в период Хань (Решетов, 1981), связывается с божествами рек и озер. Он считается покровителем дома и местности. Табличка с драконами встречалась в Китае даже в мечети, где совершалось моление о дожде (Решетов, 1981). География культа дракона-змеи исключительно широка (Решетов, 1981). Одним из районов формирования этого образа была Юго-Восточная Азия. Связь дракона, повелителя водной стихии, с земледелием, зависящим от влаги, очевидна.

Фантастические существа — персонажи религиозных сказаний. С мусульманской богословской традицией связано изображение на зеркалах существа Борака (молнии), поднявшего Мухаммеда от Иерусалимского храма через 7 небес и обратно (Эрдман, 1832).

Знаки зодиака. Изображение 12 животных на зеркалах символизирует 12 знаков зодиака (*Лубо-Лесниченко, 1975*). В золотоордынское время для местных центров производства в Минусинской котловине становится характерным сближение зеркал с амулетами (*Лубо-Лесниченко, 1975*).

Знаковые элементы декора. Декоративные выступы — кнопки на зеркалах — в китайской традиции осмысливаются как жертвенные зерна риса. На зеркалах они символизируют 4 сезона, 8 перемен или 8 сфер, 12 знаков зодиака, т.е. 12 месяцев, отражая тем самым солнечный цикл (*Стратанович, 1961*). Зеркала с геометрическим узором ханьского периода во многом стали прообразом зеркал с солярной символикой более позднего времени (*Стратанович, 1961*).

Растительный орнамент на зеркалах из четырехлепестковых розеток означает, по мнению Э.В.Шавкунова и Л.Н.Гусевой, сложную идеограмму оплодотворенной Вселенским светом и дождями, вспаханной и засеянной семенами земли, нивы (*Шавкунов, Гусева, 1988*).

Другой пример — образ лягушки. Здесь наиболее выразительно сказывается сочетание общих мотивов имперской моды и традиционных поверий. Так, из Болгар происходит перстень с камнем, на котором вырезано изображение лягушки (раскопки бани начала XIV в. — *Хованская, 1954. С.407*). Он отнесен к типу В-III-1, по Г.Ф.Поляковой (*Полякова, 1996. С. 179. Рис.61,35*). Амулеты в виде лягушки имеются в болгарской коллекции А.Ф.Лихачева.

Не исключено, что изображение лягушки имело значение и в свете мифологических воззрений финно-угров. Так в некоторых вариантах коми сказаний создателями суши на Земле выступают две болотные лягушки — Ен и Омоль. Бог Ен создает землю из болотной тины, доставленной голубем. Бог Омоль выступал антиподом Ена. Поверье о лягушке как повивальной бабке (отраженное и в орнаменте) отмечено у верхневолжских карел (*Акцорин, 1980. С.18–19*).

Семантика этого образа прослеживается также в китайских истоках: иероглиф «цзао-ван» в виде лягушки в пещере обозначает понятие «домашний очаг». Как отмечается, связь лягушки с водой, влагой, дождем ассоциируется у самых разных народов с обеспечением плодородия, возрождения и через

это — со связью двух начал: плодородия и огня (*Решетов, 1986. С.232*).

У хантов мужчина, чтобы привлечь женщину должен был пришить к рукаву косточку лягушки и как бы невзначай задеть свою избранницу; замужняя женщина хранила платок с вышитым изображением лягушки, который во время родов держала бабка. Детям нельзя было ловить и мучить лягушек; вогулы Сомовы называли лягушку женщиной, живущей между кочек (*Кулемзин, 1984. С. 104*). В целом, лягушка у народов Сибири фигурирует как доброжелательное к людям существо.

Александровские ханты делали антропоморфные изображения лягушки, которые «помогали рыбачить» и которых «кормили» сушеной рыбой (*Кулемзин, 1984. С. 95–96*).

Таким образом, «татары» на окраине империи не были инородным телом, а составляли единое этнокультурное целое со сложившимся населением данного региона.

Общая характеристика археологических памятников «татарской земли» (выводы).

1. Рассмотренные археологические памятники (поселения и захоронения) оставлены разными этническими группами населения: курналинской (джукетаусской) и балымерской (болгарской)), в какой-то мере родственными по происхождению, но сложившимися на разных территориях и имеющими, скорее всего, незначительный временной промежуток функционирования.

2. Эти археологические памятники можно сопоставить с известными в русских летописях «татарами» и «татарскими зимницами».

3. Образ жизни этого населения — непостоянная оседлость; вероисповедание — язычество.

4. Численность объединенных «татарских» отрядов составляла в конце XIV в. до 1000 человек (взятие Нижнего Новгорода в 1399 г.), а отдельных отрядов — до 150 человек (поход 1410 г. на Владимир). Скорее всего, такая численность достигалась путем объединения сил нескольких орд не только татарской земли, но и сопредельных территорий.

5. Отмечается включение в состав местного «бесермянского» и, вероятно, поволжско-финского населения представителей новых этнических групп.

Приложение 1. Определение остеологических остатков из могильника Песчаный остров (по А.П.Бу-
жиловой)

Погребение	Пол	Возраст	Примечание
1	Муж.	35–45	Арахноидоз, прижизненная потеря зубов, признаки холодового стресса в надорбитальной области
2?	Муж.?	20–25	Эмалевая гипоплазия (1–3 лет), некоторая уплощенность лица
3?	Муж.	30–40	Зубной камень, эмалевая гипоплазия на предкоренных зубах
4	Муж.	35–45	Стертость коренных зубов, возможно, из-за прикуса, уплощенность лица
5	Жен.	20–29	Эмалевая гипоплазия (1–3 лет), уплощенность лица
6	Подросток, жен.?	16–18	Фрагменты черепа, фрагменты костей скелета. <i>Cribra orbitalia</i> , эмалевая гипоплазия, одиночные линии Гарриса. Искривление диафизов лучевых костей
7	Подросток, жен.?	16–18	Клаудинг, множественная эмалевая гипоплазия (3–6 лет), слева в орбите пороз (<i>Cribra orbitalia</i>). Уплощенность лица
8	Муж.	35–45	Метопический шов, значительная стертость третьих коренных зубов, холодовой стресс. Уплощенность лица
9?	Жен.	45–55	На нижней челюсти полное отсутствие зубов с облитерацией альвеол. Слева в орбите следы пороза (<i>Cribra orbitalia</i>)
10	Муж.	45–55	Холодовой стресс, зажившая травма в затылочной области слева (линейный дефект). Значительное мышечное развитие. Возможно, всадник
12?	Муж.	35–45	Эмалевая гипоплазия. Развитие жевательной мышцы на нижней челюсти. Незначительные дефекты коронок нескольких коренных зубов из-за разгрызания твердой пищи. Заживший перелом носовых костей
13	Ребенок	Ок. 0,5	
14	Жен.	45+	Множественное выпадение зубов с облитерацией альвеол. Слева в орбите пороз (<i>Cribra orbitalia</i>). Значительное мышечное развитие
15	Ребенок	7–8	Неправильный прикус (как в п.4)

Из 15 индивидуумов: 7 мужчин, 5 женщин (в том числе 2 неполовозрелых), 3 детей (один определен по данным археологии). У 5 индивидуумов отмечается некоторая уплощенность лица. Остальные половозрелые индивидуумы характеризуются европеоидным комплексом.

Интересно, что группа погребений (№5,6,7) состоит из 3 особей женского пола, двое из них — неполовозрелые. У двоих из них отмечается уплощенность лица, а у третьей (№6) — выраженный европеоидный вариант.

По набору патологий, к сожалению, весьма скудному из-за фрагментарности материала и его немногочисленности, можно предположить, что группа была оседлой или полуседлой. По типу хозяйствования — это, скорее, скотоводы. У 3 мужчин отмечаются признаки холодового стресса, что при кли-

матических особенностях этого региона можно связать со скотоводством или верховой ездой при вое низкованном образе жизни. Одно другого не исключает.

Интересно, что в группе погребений (№10, 13, 14) взрослые индивидуумы отличаются высоким уровнем развития мышечного рельефа, причем у мужчин это, скорее всего, связано с занятием верховой ездой, а у женщины из-за недостатка маркера последнее (верховую езду) можно только предположить.

У двух индивидуумов в группе неправильный прикус. Один из них погребен в 4 погребении, второй — ребенок из 15 погребения. Они могут быть родственниками. Однако сохранность материала позволяет обосновать этот тезис.

ЛИТЕРАТУРА

АК, 1988. Археологические памятники Центрально-го Закамья. Казань.

Аксенова Н.Д., Хлебникова Т.А., 1974. Исследования городища Великие Болгары // АО 1973 г. М.

Акцорин В.А., 1980. Историко-генетические связи финно-угорских племен по данным мифологии // Вопросы марийского фольклора и искусства. Йошкар-Ола. Вып.2.

Акчурина З.А., Воскресенская Л.П., Смирнов А.П., 1970. Работа на городище Великие Булгары в 1957 г. // Поволжье в средние века. М.

Арсланова Ф.Х., 1969. Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата.

Васильев Д.Д., Горелик М.В., Кляшторный С.Г., 1993. Формирование имперских культур в государствах, созданных кочевниками Евразии // Из истории Золотой Орды. Казань

Газимзянов И.Р., 1991. Об одном элементе погребального обряда некрополей Волжской Булгарии (по материалам Кожаевского могильника) // Проблемы археологии Среднего Поволжья. Казань

Газимзянов И.Р., 1999. Кочевническое захоронение на территории Болгарского городища // Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья. Болгар

Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., Хлебникова Т.А., Вайнер И.С., Казаков Е.П., Валеев Р.К., 1962. Археологические памятники у села Рождествено. Казань.

Греков Б.Д., Якубовский А.Ю., 1959. Золотая Орда и ее падение. М.; Л.

Иванов А., 1914. Символический орнамент в Китае (описание нефрита из коллекции А.В.Верещагина) // Материалы по этнографии России. СПб. Т. II.

Иванов В.А., Кригер В.А., 1988. Курганы кипчакского времени Южного Урала. М.

Измайлов И.Л., 1993. Некоторые аспекты становления и развития этнополитического самосознания населения Золотой Орды в XIII–XIV вв. // Из истории Золотой Орды. Казань.

Кавеев М.М., 1994. Некоторые итоги исследования IV Кожаевского селища // Историко-археологическое изучение Поволжья. Йошкар-Ола.

Карамзин Н.М., 1993. История государства Российского. М. Т. V.

Костюков В.П., 1998. Улус Шибана в XIII–XIV вв. (по письменным источникам) // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск. Вып. 4.

Кузеев Р.Г., 1992. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: Этногенетический взгляд на историю. М.

Кулемзин В.М., 1984. Человек и природа в верованиях хантов. Томск.

Лаврова М., 1925. Китайские зеркала Ханьского времени (из собрания Русского Музея) // Материалы по этнографии. Л. Т. IV. Вып. 1.

Лубо-Лесниченко Е.И., 1975. Привозные зеркала Минусинской котловины (к вопросу о внешних связях древнего населения южной Сибири). М.

Мартыанов В.Н., 1992. Захоронения коней в могильниках мордвы левобережья р. Теши в конце I — начале II тыс. н.э. // Археологические исследования в Окско-Сурском междуречье. Саранск. Вып. 107.

Мифология казанских татар. 1910. Казань.

Мэнс Т., 1992. Символика солнца в системе погребального обряда монгольских племен // Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии. Новосибирск.

Насонов А.Н., 1940. Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). М.; Л.

Нестеров С.П., 1990. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск.

Отчет 1898. Отчет ИАК за 1896. СПб.

Отчет, 1941. Отчет об археологических исследованиях в Куйбышевской области в 1934–1936 гг. // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. Краткие отчеты и сведения. М.; Л.

- Полякова Г.Ф., 1996. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань.
- Приселков М.Д., 1940. История русского летописания XI–XV вв. Л.
- ПСРЛ. Т. 11–12. Никоновская летопись. М.
- ПСРЛ. Т. 15. Тверская летопись. М.
- ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М.; Л.
- ПСРЛ. Т. 27. Никаноровская летопись; Сокращенные летописные своды конца XV в. М.
- ПСРЛ. Т. 30. Владимирский летописец. Новгородская вторая летопись. М.
- ПСРЛ. Т. 4. Новгородская и Псковская летописи. СПб.
- ПСРЛ. Т. 5. Псковская и Софийская летописи. М.
- ПСРЛ. Т. 8. Воскресенская летопись. М.
- Решетов А.М., 1981. Цзао-ван – китайский бог очага // Мифы, культы, обряды народов зарубежной Азии. М.
- Руденко К.А., 1991. Отчет о археологических работах в Татарии в 1991 году. Казань // Архив ИА РАН.
- Руденко К.А., 1994. Алексеевское селище и могильник. Казань.
- Руденко К.А., 1997. Булгарское ремесло XII–XIV вв. (по археологическим данным) // Всероссийская научно-практическая конференция «Гуманистические традиции Запада и Востока в музейном деле России и Татарстана». 12–14 сентября 1995 г.: Материалы. Казань.
- Руденко К.А., 1998. К вопросу о взаимодействии волжских булгар с поволжскими и прикамскими финнами в XII–XIV вв. (по материалам селищ) // Finno-Ugrica, № 1(2).
- Руденко К.А., 1998 а. Исследования селища и могильника Песчаный остров («Алексеевского у дамбы») в Татарии в 1993–1994 гг. // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Йошкар-Ола. Вып. 1.
- Руденко К.А., 1999. Некоторые проблемы исследования золотоордынской истории булгар // Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья: Тезисы. Болгар.
- Руденко К.А., 1999 а. Могильник на острове «Песчаный» // Татарская археология. № 1/2 (4/5). Казань.
- Руденко К.А., 1999 б. К вопросу об удмуртских элементах в материальной культуре Волжской Булгарии XI–XIV вв. (на примере Лаишеского селища) // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья: Материалы Международного полевого симпозиума, посвященного 100-летию со дня рождения А.П.Смирнова и 25-летию исследования городища Иднакар. Ижевск–Глазов.
- Руденко К.А., 1999 в. Булгарские селища: вопросы типологии // Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья: Тезисы. Болгар.
- Руденко К.А., 2000. Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII–XIV вв. Казань.
- Руденко С.И., 1962. Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.; Л.
- Сафаргалиев М.Г., 1960. Распад Золотой Орды. Саранск.
- Серебрякова М.Н., 1986. Функциональная роль магии в обрядах деторождения у современных турок // Мифы, культы, обряды народов зарубежной Азии. М.
- Смирнов А.П., 1951. Волжские Булгары. М.
- Стратанович Г.Г., 1960 Рец.: Книга о древнем искусстве китайских мастеров художественного литья, чеканки и гравировки металла. Пекин, 1958 // СЭ. № 1.
- Стратанович Г.Г., 1961. Китайские бронзовые зеркала: их типы, орнаментация и использование // ТИЭАН СССР. Нов. Сер. Т. 73.
- Тихомиров М.Н., 1973. Российское государство XV–XVII вв. М.
- Традиционное, 1989. Традиционное мировоззрение тюрков южной Сибири: Человек. Общество. Новосибирск.
- Фахрутдинов Р.Г., 1987. Болгар в письменных источниках // Город Болгар: Очерки истории и культуры. М.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.
- Халикова Е.А., 1965. Археологические исследования в Куйбышевском районе ТАССР // КСИА. № 104.
- Хованская О.С., 1954. Бани города Болгара // МИА. № 42. М.
- Чевыр Л.А., 1991. Судьба одного обряда (о бактрийско-таджикских соответствиях в похоронно-погребальной обрядности) // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. М.
- Чеснов Я.В., 1986 Дракон: метафора внешнего мира // Мифы, культы, обряды народов зарубежной Азии. М.
- Шавкунов Э.В., Гусева Л.Н., 1988. О семантике декора из четырехлепестковых розеток на средневековых металлических зеркалах // Древний и средневековый Восток. М. Ч. II.
- Шахматов А.А., 1938. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л.
- Эрдман, 1832. О восточных зеркалах // Заволжский муравей. № 5 (март).

МОНЕТЫ ЦАРЕВСКОГО ГОРОДИЩА (РАСКОПКИ 1998 г.)

В 1998 г., во время экспедиции найдено 117 монет и 1 пластинка, в том числе 8 серебряных. Все монеты, за исключением одной (Чагатанды. Буян Коли хан. 75... г.х.), — джучидские. Кроме одной монеты (№ 83 по моей нумерации) — подъемного материала, все найдены на раскопах или отвале. Из отвала происходят 2 серебряных и 28 медных монет.

По местам находок монеты распределяются следующим образом:

Монеты из раскопок 1998 г. составляют довольно компактную группу, самыми ранними являются монеты ханов: Узбека — 4 ед., Джанибека — 78 ед., Бердибека, Навруза, Хызра, Мюрида; анонима 766 г. (1362 г.).

Квадрат	Штык	Номер монет
1	1	60, 111
1	5	37, 66
3	3	9
3	4	52
4	1	8
4	4	84
4	5	77
5	4	114
5	5	115, 74
7	3	109
7	4	99
8	5	98
9	3	56
10	2	46
10	5	65, 90
1	3	2
11	4	75
11	5	67
11a	3	18, 100
11a	4	73
12	4	43
12	5, 6	113
14	1	14
14	3	3
14	5	93
16	1	19
16	4	116
17	1	117
18	4	7, 29, 55
18	5	79

Квадрат	Штык	Номер монет
19	4	22, 58
20	3	68
21	1	42, 53
22	1	41
22	3	10
23	Под бревном	36
23	Под завалом кирпича	76
25	2 (развал)	69
25	2	81, 92
25a	Яма 86	70
26	4	86
27	1	6 (Барджин)
Сооружение 1	—	48, 49
Яма 8		
Яма 8	2	31, 59, 64
Яма 8	3	39
Яма 8	—	12, 34
Яма 12	—	23–25, 40
(землянка)		
Яма 12 (дно землянки)	—	101, 45
Яма 12 (мусор в землянке)	—	50, 51
Яма 12 на ступеньках землянки	—	72
Яма 42	—	5
Яма 42	—	33, 32, 54, 62, 80, 82, 87, 96, 97, 103, 108)

Более ранних или поздних монет не найдено, таким образом, монеты укладываются в хронологические рамки 30-е — начало 60-х годов XIV в.

С.А. Янина, исследовавшая монеты с Царевского городища из раскопок 1959–1962 гг., отмечала довольно большой процент нечитаемых монет из-за губительного действия почвы городища на металл. Действительно, некоторые монеты превратились в тончайшие ажурные пластинки или сохранились в виде мелких фрагментов. Часть монет имеет порошкообразную поверхность — результат постоянной коррозии. Читаемых монет 22 ед.

По местам чеканки монеты распределяются следующим образом: Сарай — 3 ед., Мохши — 1 ед., Барджин — 1 ед., Пулистан — 10 ед., Новый Сарай — 77 ед., город (?) — 2 ед.

Абсолютное большинство монет из раскопок 1998 г. составляют медные анонимные монеты времени Джанибека, чеканенные в Сарае ал-Джедид с изображением двуглавого орла и обозначением стоимости — 16 данг (пул). Данные монеты изучены С.А. Яниной (Янина, 1954. № 49–50) и датированы 743–751 г.х. (приблизительно 1342,3–1350,1 гг.) — 55 ед.

Следующей многочисленной группой анонимных монет времени Джанибека являются более тяжелые по весу и крупные по размеру пулы Сарая ал-Джедид 752 г.х. (1351,2 г.) с изображением цветочного орнамента — 19 ед. По мнению С.А. Яниной, эти монеты сменили в денежном обращении легковесные пулы с двуглавым орлом (Янина, 1954. № 67, 72).

Среди именных монет чаще всего встречается имена Хызр (1359–1361 гг.) — 5 ед., Джанибек (1339–1357 гг.) — 2 ед., Узбек (1313–1339 гг.), Бердибек

(1357–1360 гг.), Навруз (1359–1360 гг.), Мюрид (1361–1363 гг.) — по 1 ед.

Приведенные данные позволяют констатировать, что раскопки в 1998 г. велись на объектах, относящихся к компактному отрезку времени, а именно — времени Джанибек-хана. Даже чагатайская монета Буян Кули-хана соответствует этому периоду.

По местам нахождения иногда однотипные монеты также составляют большинство: например, среди 8 монет из ямы 8 семь экземпляров — с двуглавым орлом; в яме 12 (землянка) из 10 монет — 8 штук с изображением двуглавого орла; 1 чагатайская монета.

Анонимные монеты с цветочным орнаментом не составляют подобного большинства ни на одном квадрате, а распределены по всему раскопу.

Таким образом, монеты, найденные во время археологических раскопок в 1998 г. на Царевском городище, местного чекана (Сарай ал-Джедид и Пулистан) укладываются в хронологические рамки 40-е—начало 60-х годов XIV в. и принадлежат Джанибеку. Другие правители и места чекана представлены эпизодически (Узбек, Бердибек, Хызр, Мюрид, Навруз; города Сарай, Мокши, Барджин).

Наиболее редкими и интересными экземплярами являются чагатайская монета Буян Кули-хана (1348–1358 гг.) и медный пул с цветочным орнаментом чекана Барджина. В 1959–1962 гг. монет Барджина было найдено 20 экземпляров.

Плохая сохранность монет не позволяет выявить весовые данные, более детально внешнее оформление, особенности изображений и надписей.

Детальное изучение медных монет середины XIV в. из музейных коллекций может дать богатый материал и существенно снизить количество нечитаемых монет, найденных при археологических раскопках.

Литература

Янина С.А., 1954. Джучидские монеты из раскопок и раскопок Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946–

1952 гг. // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I (МИА. № 42).

Е.М. Черных

ПРОЯВЛЕНИЕ ОБЩЕГО И ОСОБЕННОГО В РАЗВИТИИ ОСНОВНЫХ ЧЕРТ ПРИКАМСКОГО ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА В ЭПОХУ РАННЕГО И ПОЗДНЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Консервативность отдельных форм и элементов жилища общеизвестна, что и определяет рассмотрение его в ряду важнейших категорий традиционной культуры. Стереотипы домостроительства, сформировавшиеся в определенной этнической сре-

де и будучи тесно скоррелированы с географической средой и хозяйственным укладом, существуют длительное время, передаваясь из поколения в поколение. Выявление данной преемственности в развитии жилища дает право говорить о традициях в

домостроительстве и решать проблемы их возникновения, функционирования, путей и механизмов передачи. Проблему традиционности этнологи предлагают решать через рассмотрение содержательной стороны явления, которая обнаруживается «путем сравнения со стереотипом, типовой моделью» как точкой отсчета (*Будина, Шмелева, 1987. С. 16*) и его распространенностью как степенью количественного бытования элементов (*Строгальщикова, 1986. С. 85*). Реализация такой установки достигается путем моделирования типов жилища, в результате мы можем реально видеть ту неповторимую, устойчивую связь составляющих его элементов, в которой и проявляется этническое своеобразие искомого домостроительства. Прием этот облегчает картографирование жилища, позволяя точнее очертить ареалы как отдельных типов, так и элементов жилища.

Коми и удмурты, которых с полным правом можно считать автохтонами лесных областей Приуралья, безусловно, имели свою оригинальную самобытную домостроительную практику. Цель настоящего исследования — выявить конструктивные особенности древних жилищ, изученных в междуречье Камы и Вятки (прапермский этнокультурный ареал), проследить их эволюцию на протяжении двух с половиной тысячелетий, определив при этом общие тенденции в пермском домостроительстве. Хронологические границы исследования определяются рамками функционирования ананьинской КИО (культурно-исторической общности) и генетически связанных с ней средневековых прикамских культур, пермская основа которых на сегодняшний день убедительно показана в трудах уже нескольких поколений уральских археологов.

Выявление общего и особенного в эволюции жилища лесных областей Волго-Уральского региона возможно лишь при решении задач систематико-классификационного порядка. Прделанный нами анализ остатков жилищ с более чем 70 поселений лесной зоны Западного Приуралья I тысячелетия до н.э. — первой половины II тысячелетия н.э. показал многообразие их форм и конструкций. Выбранный подход позволил в конечном счете уловить типичное в «море разнообразия», установить основные связи и их направление в местном домостроительстве (*Черных, 1992. С. 20–21*). В основе стереотипа домостроительства местного населения, по крайней мере с ананьинского времени, лежала наземная бревенчатая постройка прямоугольной формы. Тенденция к «вырастанию» жилища из земли отчетливо обозначилась еще в финале эпохи бронзы (*Денисов, 1967. С. 47; Халиков, 1980. С. 15; Ашихмина, 1985. С. 17*), а на ананьинских поселениях наземное жилище становится абсолютно господствующим (*Черных, 1992*). Появление полуземлянок в эпоху средневековья в некоторых районах

Прикамья (Нижняя Кама, Сылва) можно уже рассматривать как факт включения в местную этнокультурную среду носителей иных культурных стереотипов.

Предполагаем, что приемы устройства стен и перекрытий наземных и полуземляночных жилищ в процессе упрочения новой домостроительной традиции не должны были претерпеть серьезных изменений. Раскопки поселений эпохи бронзы дают многочисленные свидетельства наличия бревенчатой обкладки стен полуземлянок. Их строители располагали достаточным набором инструментов, позволявшим возводить дома сложной конструкции. Но выведение стен на поверхность земли сопровождалось, как показывает анализ построек (*Коренюк, 1990*), использованием различных способов их конструкции. В южных районах КИО, в низовьях Камы и Вятки (Зуево-Ключевское I, Аргыжское и Буйское городища), исследованные жилища имели, как правило, четко фиксируемые прямоугольные основания, стройные пропорции (соотношение боковых и торцевых стен 1:2), что косвенным образом может служить свидетельством использования жесткой связи бревен в срубе. Мы не находим здесь ни одного факта наличия так называемого «примитивного» сруба, когда бревна в кладке крепились посредством кольев, вбитых по периметру стен. Очевидно, выбор конструктивного решения стены в пользу сруба был стимулирован более прочной оседлостью и стабильностью социальных организмов, живших южнее границы таежных и смешанных хвойно-лиственных лесов Приуралья, в непосредственной близости от этносов с давними традициями производящего хозяйства. Вынесенные на поверхность стены долговременного жилища требовали более прочной конструкции. Более быстрому распространению новации способствовало, на наш взгляд, и некоторое похолодание, фиксируемое палеоклиматологами в начале I тысячелетия до н.э.

В таежных районах Прикамья, где производящие отрасли экономики на заре железного века еще не занимали ведущего места в хозяйстве, формы жилищ были более разнообразны. На раннеананьинских поселениях Васюковское I, Заюрчимское I исследованы как полуземляночные жилища, так и наземные дома, обнаруживающие преемственность с жилищами ерзовской культуры финальной бронзы. Форма таких жилищ — круглая, квадратная, прямоугольная. Как правило, вдоль стен построек фиксируются следы столбов — основы каркасной конструкции или подпорок бревенчатых стен. Таким образом, если подъем жилища на поверхность и появление сруба в его конструкции можно рассматривать как процесс спонтанного развития традиции, за счет факторов внутренней эволюции, то распространение данной инновации определялось особенностями природной среды и социально-экономическим уровнем воспринимающих коллективов. На

рубеже новой эры, в пьяноборско-гляденовское время, можно говорить уже о значительной нивелировке внешнего вида жилища. Повсеместно утверждается прямоугольная форма построек, близки пропорции и размеры жилищ, окончательно исчезают полуземлянки. В постоянно используемых жилищах этого времени не встречена столбовая конструкция: и пьяноборские, и гляденовские племена широко использовали в домостроительстве сруб.

Развитие интерьера жилища было тесно связано с общими этнокультурными процессами в регионе. Варианты интерьера древнепермского жилища, характеризующиеся взаиморасположением очага, хозяйственной ямы, лежанок и входа, не отличались существенным разнообразием и зависели главным образом от местных условий, топографии отдельных поселений. Но генерализующим фактором в развитии внутреннего устройства жилища являлось эволюционное развитие хозяйственного уклада и социальной структуры прикамского общества. Анализ изменчивости элементов интерьера, направления этой изменчивости с использованием метода корреляции свидетельствует об их значительной консервативности, но все же определенные тенденции на столь длительном отрезке времени выявить можно (рис. 1).

Специфическим элементом местной домостроительной культуры исследователи считают тамбур при входе. Действительно, 16,4 % жилищ в анализируемой выборке, место выхода в которых устанавливается достаточно надежно, имели тамбур. Это была крытая постройка, приемы устройства которой в различных районах и в разное время имели некоторые особенности. Уже в ананьинских жилищах можно наблюдать предвходовое помещение в торцевой стене либо в виде самостоятельного пристроя, либо образованное выпуском длинных бревен сруба. Последний способ в местных условиях, по-видимому, оказался наиболее соответствующим потребностям, поскольку закрепился в строительной практике прикамского населения на длительное время. Но, очевидно, действие адаптационных механизмов было не везде одинаковым. Непрерывную линию наблюдаемая традиция дает лишь в тяжелой зоне, в гляденовских и ломоватовско-родановских жилищах (Бадер, Оборин, 1958. Рис. 34; Оборин, 1970. С. 9; Голдина, 1985. С. 90). Размеры средневековых тамбуров 1,5–2х1,5–3 м близки размерам сеней в традиционных жилищах коми («керкаводзь». — Белицер, 1958. С. 178), да и в эпосе коми мы встречаем упоминание специального помещения перед входом в жилую камеру. В южных районах древнепермского культурного ареала (пьяноборская общность) тамбур при входе широкого распространения не получил. Возможно, решающую роль сыграл более мягкий климат. Во всяком случае в удмуртских жилищах, по сведениям этнологов, даже в начале XX в. сени представляли собой как бы совершенно самостоятельную постройку.

Единственным устройством для обогрева жилища и приготовления пищи в древнепермском жилище был очаг. Процесс его совершенствования был детерминирован функциональной значимостью данного устройства. Отсюда понятно, что трансформациям была подвержена прежде всего конструкция очага, эволюционировавшего от обычного открытого кострища до очагов полужакрытого типа наподобие «fournaux super arcus» раннесредневековой Европы. Эпизодическое использование камня и глины в ананьинских очагах в последующее время получает повсеместное распространение. Глина шла на сооружение глинобитной вымостки-подушки (первоначально лишь в качестве основы очага), а камни — на утяжеление массы самого очага, необходимой для более длительного сохранения тепла. Но уже в середине I тысячелетия н.э. в общей эволюции очага намечаются различные пути. На Верхней и Средней Каме в основе эволюции очажного устройства лежала гляденовская традиция — здесь предпочтение получает глиняная подушка-основа. Уже в позднегляденовских постройках размеры ее увеличиваются, занимая всю центральную часть пола (Генинг, 1988. С. 182–184). Глинобитные очаги — типичная черта ломоватовских (Голдина, 1985. С. 89), а затем и родановских жилищ (Оборин, 1970. С. 9).

Развитие пьяноборских очагов, очевидно, шло в направлении совершенствования каменной кладки. По наблюдениям Т.И.Останиной, среди мазунинских (позднепьяноборских) очагов преобладают отопительные устройства с каменными конструкциями (44%. — Останина, 1997. С. 91–92). Каменная обкладка, возможно, была присуща и очагам вятского варианта пьяноборской культуры. Во всяком случае глиняные вымостки, редкие в ананьинских очагах вятских жилищ, на памятниках I–II тысячелетий н.э. неизвестны совсем (Буйское городище, поселение Искра). Зато на Чепце, где формирование культурных традиций происходило во взаимодействии верхнекамских ломоватовских и позднепьяноборских групп населения, трансформациям подверглись как глинобитное основание, так и каменная обкладка очага.

Большие по площади жилища раннего железного века (80–100 кв.м), как и более ранние, отапливались несколькими очагами, расположенными на одной оси с входом или чуть в стороне от нее. Таково большинство жилищ Зуево-Ключевского I, Аргыжского, Заюрчимского поселений. Многоочажность отмечается и в некоторых жилищах более позднего времени (I — начало II тысячелетия н.э.), но здесь имела место скорее всего функциональная дифференциация очагов, принадлежавших единому социуму. В целом же можно говорить об очевидной тенденции устройства одного центрального очага, отчетливо проявившейся во второй половине I тысячелетия н.э. Что касается устройства хозяй-

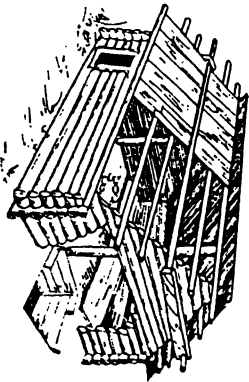
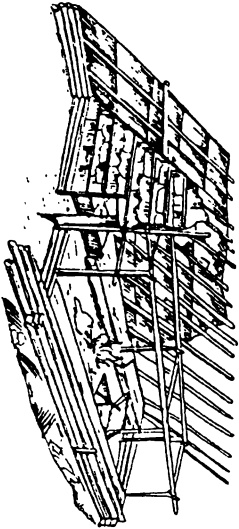
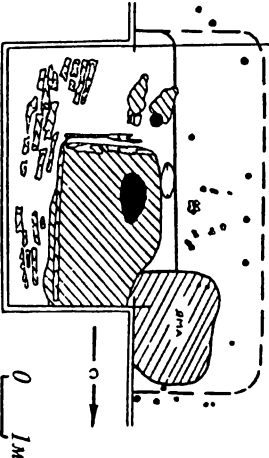
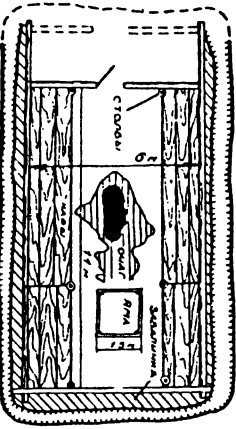
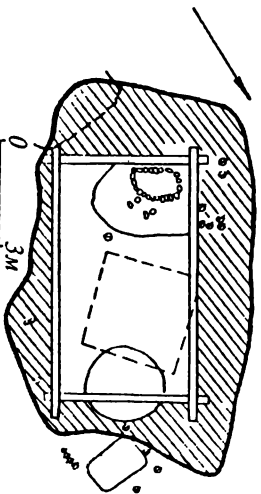
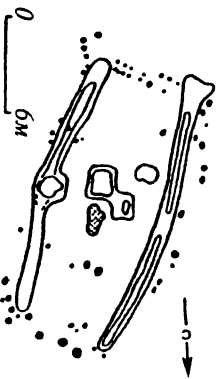
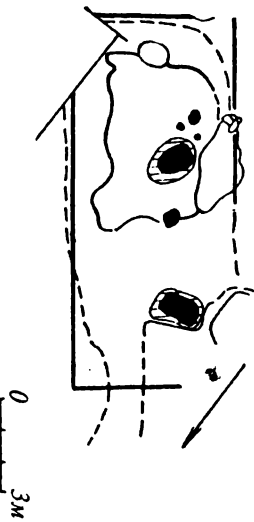
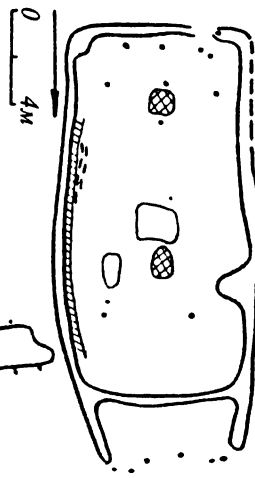
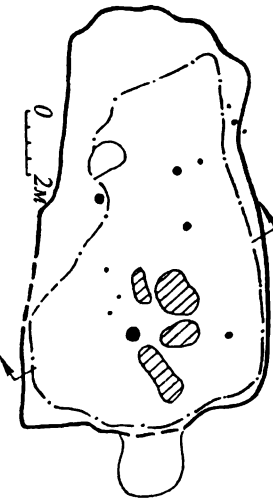
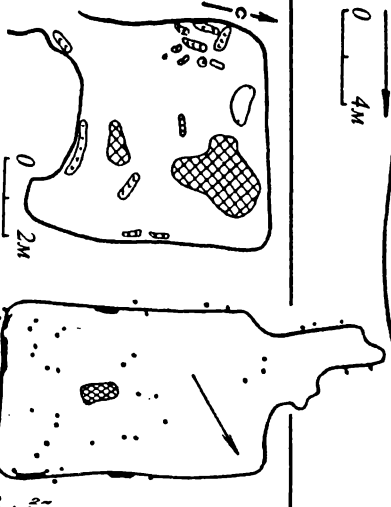
	ПРАДАМУРЬЕ	ПРАКОМИ
РЕКОНСТРУКЦИЯ ЖИЛИЩА		
ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ		
РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ		
ПЬЯНОБОРСКАЯ ЭПОХА		
АНАНЬИНО		

Рис. 1. Эволюция традиций домостроительства коми и удмуртов

стенных ям внутри жилого помещения, то здесь можно отметить следующее. В ананьинское время ямы-хранилища, как правило, устраивались за пределами жилищ. Обязательное включение хозяйственной ямы в жилой интерьер наблюдается в пьяноборскую эпоху, около рубежа нашей эры, что, несомненно, диктовалось факторами внутреннего развития, а именно — укреплением статуса отдельной семьи внутри общины. Точно так же впоследствии те же факторы способствовали постепенному оттеснению ямы на задний план, к стене, а затем в середине II тысячелетия н.э. и вовсе выносу ее за пределы дома.

Местная линия домостроительства вообще оказалась достаточно устойчивой, она выдержала все испытания периода перекройки карты Прикамья в эпоху великого переселения народов и вновь оказалась доминирующей во второй поло-

вине I тысячелетия н.э. Во всех районах средневекового пермского мира мы обнаруживаем наземные срубные жилища прямоугольной формы с сенями-тамбуром при входе или без него, с очагом, расположенным на одной оси с ним, а иногда и ямой-кладовкой, вписанными в заданную парадигму.

Наличие такой зависимости, с одной стороны, свидетельство глубины традиции, а с другой — действие стабилизирующего фактора в данной цепи эволюции жилища. Таким образом, обозначенные нами проявления общего и особенного в формировании древнего жилища пермских народов Приуралья позволяют поставить в свою очередь ряд важных и интересных вопросов, непосредственно затрагивающих проблемы культурной преемственности, механизмов и путей передачи традиций как коллективного опыта народа.

Литература

Ашихмина Л.И., 1985. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Бадер О.Н., Оборин В.А., 1958. На заре истории Прикамья. Пермь.

Белицер В.Н., 1958. Очерки по этнографии народов коми. М.

Будина О.Р., Шмелева М.Н., 1987. Проблема преемственности бытовой культуры русского городского населения // СЭ. № 6.

Генинг В.Ф., 1988. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. М.

Голдина Р.Д., 1985. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск.

Денисов В.П., 1967. Культуры эпохи поздней бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье и их роль в формирова-

нии ананьинской культуры // Уч. зап. ПГУ. Пермь, № 148.

Кореньюк С.Н., 1990. Жилища раннеананьинских поселений южнотаежного Прикамья // Взаимодействие древних культур Урала. Пермь.

Оборин В.А., 1970. Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья // ВАУ. Свердловск, Вып. 9.

Останина Т.И., 1997. Население Среднего Прикамья в III—V вв. Ижевск.

Строгальщикова З.И., 1986. Традиционное жилище Межозерья: 1900—1960. Л.

Халиков А.Х., 1980. Приказанская культура. М.

Черных Е.М., 1992. Жилище племен Прикамья I тысячелетия до н.э. — первой половины II тысячелетия н.э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

В.Н. Шитов

МЕЧ С КОЛЬЦЕВЫМ НАВЕРШИЕМ ИЗ ШОКШИНСКОГО МОГИЛЬНИКА*

Шокшинский могильник, расположенный на северо-западе Мордовии, на правом берегу р. Мокша, является одним из наиболее полно исследованных памятников рязанско-окских племен. За 15 лет раскопок (А.В.Циркиным в 1967—1969 гг. и автором статьи в 1983—1993, 1995 гг.) здесь было изучено 1143 погребения. Функционирование этого могильника в течение более пяти столетий (со второй половины V по начало XI в.), стратиграфические и планигра-

фические особенности (многоярусность погребений, сложная планировка), богатство и разнообразие материала выделяют его среди многих других раннесредневековых финно-угорских памятников Восточной Европы (Циркин, 1972; Шитов, 1987; Шитов, Зеленцова, Охотина, 1996; и др.).

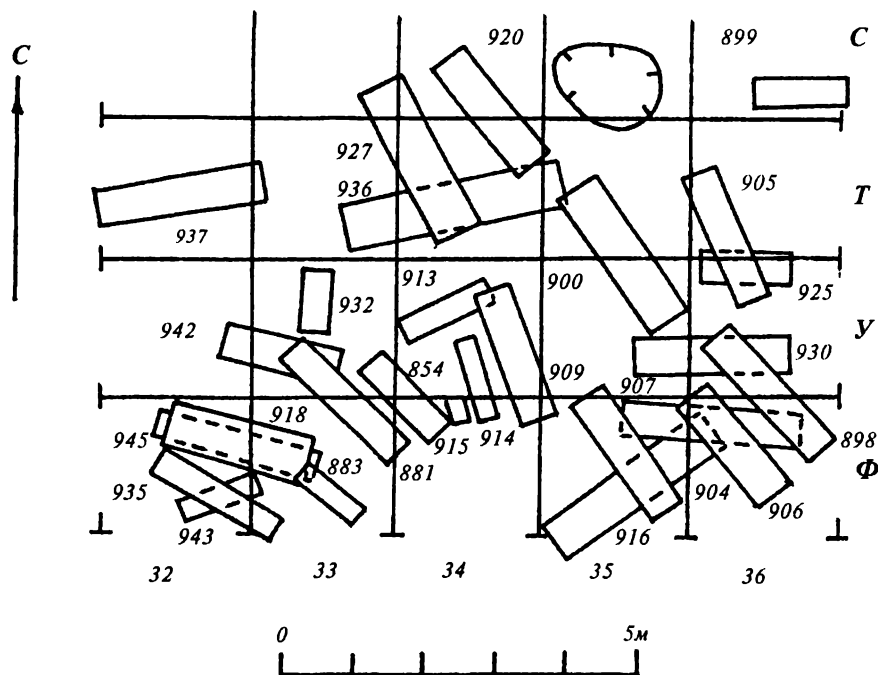
* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 00-01-00161 а/в.

В 16 погребениях Шокшинского могильника были найдены мечи и сабли. Среди них особый интерес представляет однолезвийный меч с кольцевым навершием из погребения 936 (Шитов, 1994).

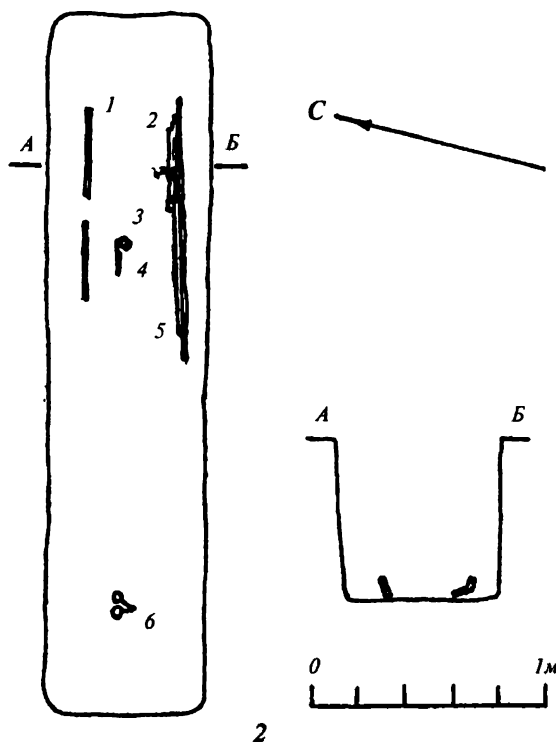
Могильная яма погребения 936 в плане имела подпрямоугольную форму, вытянутую с ВСВ на

ЗЮЗ. Ее длина — 313 см, ширина — 70 см, глубина от уровня современной поверхности — 102 см. Заполнение ямы состояло из серой гумусированной супеси с включениями материкового песка.

На дне вдоль боковых стенок могильной ямы обнаружены остатки тонких обугленных плашек

1

2

Рис.1. Планы Шокшинского могильника (1) и погребения 936 (2)

(рис.1, 2). Костяк, как и во многих других погребениях, не сохранился. Судя по расположению вещей, умерший был ориентирован головой на ВСВ (76°).

На предполагаемом месте расположения пояса и таза обнаружены железный нож длиной 15,1 см с остатками деревянной рукояти (рис. 2, 4) и небольшая

железная пряжка прямоугольной формы, слегка расширенная в передней части (рис. 2, 6). У запад-юго-западного конца могилы, предположительно в ногах умершего, лежали железные удила с крупными неподвижными кольцами на концах, внутри которых сохранился тлен от деревянных псалий. Внутренний диаметр колец — 2,1х2,5 см (рис. 2, 5).

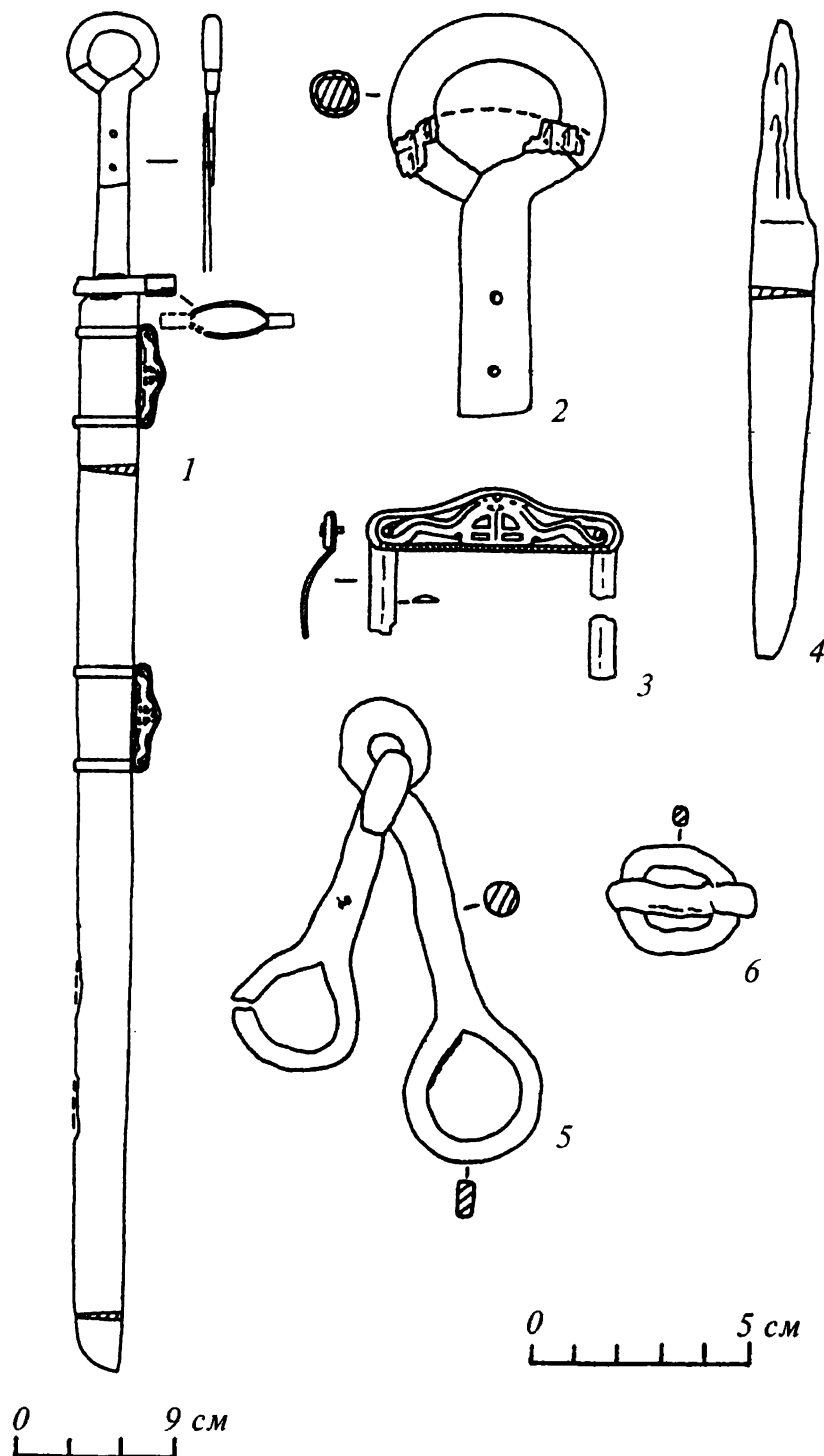

Рис.2. Вещи из погребения 936

1 — меч, 2 — навершие меча, 3 — бронзовая накладка, 4 — железный нож, 5 — удила, 6 — железная пряжка

Слева, вдоль края гробовища из плашек лежал однолезвийный меч с кольцевым навершием и прямым перекрестьем. Длина меча — 75,8 см, в том числе длина рукояти с навершием и перекрестьем — 15,5 см. Ширина клинка у перекрестья — 3,2 см, в 10 см от конца — 2,8 см. Конец меча закруглен со стороны лезвия (рис. 2, 1).

К стержню рукояти при помощи двух заклепок прикреплена железная пластина, оканчивающаяся массивным кольцом размером 4,5х5,0 см. Около двух третей окружности кольца покрыты тонкой бронзовой пластиной. Сохранились фрагменты деревянной рукояти с дугообразным верхним краем, заходящим в кольцевое навершие (рис. 2, 2).

Перекрестье меча состоит из узкой (0,6 см), сложенной вдвое железной пластины. На одном конце перекрестья сохранился бронзовый, слегка приплюснутый колпачок длиной 1,6 см и диаметром 0,8х1,0 см. Длина перекрестья, по-видимому, не превышала 7,0 см (длина сохранившейся части — 5,5 см).

Меч был в деревянных ножнах. На расстоянии 1,8 и 20,8 см от перекрестья к ним были прикреплены (с помощью бронзовых пластинок шириной 0,6 см) боковые выступы с бронзовыми накладками, служившие для подвешивания меча. Накладки литые, довольно массивные. Один край у них прямой, украшенный поперечными рубчиками; второй в средней части имеет плавно изогнутый выступ. Концы закругленные. Накладки имеют прорезные изображения двух противостоящих хищников семейства кошачьих, по-видимому, пантер. Передние лапы зверей вытянуты вперед. Голова приподнята. Заметны приоткрытая пасть, узкие «прижмуренные» глаза, оттянутые назад остроконечные уши. Длинный хвост загибается на спину. На полукруглом выступе имеется небольшое круглое отверстие. Длина накладки — 5,8 см, наибольшая ширина — 1,5 см (рис. 2, 3).

Еще в 1930-е годы Д.Чаллань выделил особую группу прямых однолезвийных мечей, обнаруженных в аварских памятниках на территории Венгрии. Для них характерны кольцевое навершие с обкладкой из тонкой пластинки; дугообразный верхний край рукояти, заходящий в кольцо; узкое перекрестье с колпачками («футлярами») на концах (Csallány, 1939). Все эти признаки присущи и мечу из Шокшинского могильника.

Другой особенностью аварских мечей с кольцевым навершием является наличие выступов с трехлопастными штампованными накладками из золотых или серебряных пластин, украшенных ложной зернью, вставками из стекла и камней. Для декора этих накладок обычны фигуры в виде треугольников, ромбов, розеток (Fettich, 1926. Fig. 21. Pl. VIII, 1, 2; X, 26; Bálint, 1978. Pl. XXX, 1, 2).

В Карпатской котловине большинство мечей этого типа происходит из средней части междуречья Дуная и Тиссы (Garam, 1990. Abb. 8). К этой же

группе оружия относится однолезвийный меч из Малой Перешепины Полтавской области. По предположению А.К.Амброза, он был привезен от авар или сделан под их влиянием (Амброз, 1986. С. 62–63). Греческие буквы на золотых обоямах рукояти перешепинского меча, а также надпись на золотой обкладке меча из Кунаготы свидетельствуют о принадлежности наиболее дорогих образцов этого оружия к изделиям «византийско-понтийского круга» (Львова, Семенов, 1985. С.84–85).

Накладки для ножен меча из Шокшинского могильника имеют сходство с трехлопастными пластинами на аварских мечах по своей симметричности и наличию высокого выступа в средней части. По форме концов шокшинским находкам наиболее близки накладки из Манджелоса, относимые к среднеаварскому времени (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 73. Рис.74, 108).

Обращает на себя внимание сюжетное и композиционное сходство в оформлении шокшинских накладок и бронзовых литых петель на мече из Сросток на Верхней Оби. На сросткинских петлях изображены прыгающие навстречу друг другу львы. В промежутке между ними расположена типично восточная пальметта. По мнению С.В.Киселева, изображения львов на сросткинском мече восходят к прототипам сасанидского стиля, а сам меч является изделием Переднего Востока (Киселев, 1951. С. 555–556. Табл. 58, 5).

Ч.Балинт относит мечи с 3-образными петлями, «символическим» перекрестьем и кольцом на конце рукояти к раннеаварскому периоду. По его мнению, в следующем среднеаварском периоде они сменяются саблями с прямой гардой (Балинт, 1995. С. 42, 44). По заключению Е.Гарам, большинство мечей с кольцевым навершием, известных в междуречье Дуная и Тиссы, относится приблизительно к середине VII в. (Garam, 1990. S.256). В качестве эталонного для древностей середины и второй половины VII в. рассматривается комплекс с мечом из Малой Перешепины (Амброз, 1981. С.21; Гавритухин, 1990. С.124).

Удила, обнаруженные вместе с мечом, имеют некоторые особенности, выделяющие их из общей массы распространенных в Евразии удила с крупными неподвижными кольцами. Кольца у них раскованы в виде небольших трубиц высотой 0,9 – 1,0 см. Дополнительные подвижные кольца отсутствуют, ремни повода крепились непосредственно к неподвижным (как и на удилах с деревянными псалиями из погребения 620 Шокшинского могильника).

Целая серия удила этого типа происходит из древнемордовских погребальных комплексов середины VII–первой половины VIII в. Второго Старобадиковского и Волчихинского могильников (раскопки И.М.Петербургского и М.Ф.Жиганова). Среди них ранние экземпляры датируются находками поясов с геральдическими накладками, сюлгами с корот-

кими «усами» (Волчиха, погребение 70); поздние — находками сюлгам с удлиненными «усами», шляпкоконечными браслетами, серповидной гривной с накладкой и подвесками. Обращает на себя внимание устойчивая взаимовстречаемость таких удили и круглых стремян с петлевидным ушком (Старое Бадиково, погребения 48, 70, 97; Шокша, погребение 953). Удила с крупными неподвижными кольцами и деревянными псалиями, обложенными медными пластинками, встречались в Безводнинском могильнике в погребениях стадии 3, датированной VII в. (Краснов, 1980. С. 78, 94–95).

Для решения вопроса о времени шокшинского захоронения немаловажное значение имеет его страграфическое и планиграфическое расположение (рис. 1, 1).

Рассматриваемое захоронение было перекрыто тремя другими, относящимися ко времени не ранее второй половины VIII в., судя по находкам в них поясного набора салтовского типа (погребение 900), налобного венчика из трубчатых пронизок и пластинчатых обоймочек (927), кресала овальной формы с расплюснутыми концами (920).

На расстоянии 0,8 м к юго-востоку, в одном ряду с захоронением с мечом находилось детское погребение 913. Умерший был ориентирован головой на

северо-восток (61°). На уровне груди найдены две бронзовые колокольчиковидные привески с остатками кожаных ремешков (рис. 3, 2, 3) и бронзовая пальчатая фибула (рис. 3, 1). На правой руке был бронзовый пластинчатый браслет с расплюснутыми и срезанными под углом концами (рис. 3, 4).

Длина фибулы равна 7,5 см. Ее головка в виде полукруглого щитка орнаментирована вписанными друг в друга кружочками, местами соединенными между собой и напоминающими S-видные спирали. Дужка фибулы трехгранная, гладкая. Ножка, орнаментированная углубленными линиями, имеет боковые клювовидные отростки и два круглых отверстия. Окончание ножки, отделенное двумя бороздками, гладкое. Бронзовая игла крепилась к железной перекладинке. Приемник для иглы в виде короткой загнутой сбоку бронзовой пластинки.

Основная территория распространения пальчатых фибул включает Среднее и Нижнее Подунавье, Поднестровье, Мазовию и Среднее Поднепровье. Фибула из Шокшинского могильника — одна из наиболее северо-восточных находок (Седов, 1995. С. 88. Рис. 28, 30). Ее своеобразием является сочетание на ней двух разных видов орнаментации: спиралевидного и линейного. Близкие фибулы с двумя боковыми отростками относятся к VII в.,

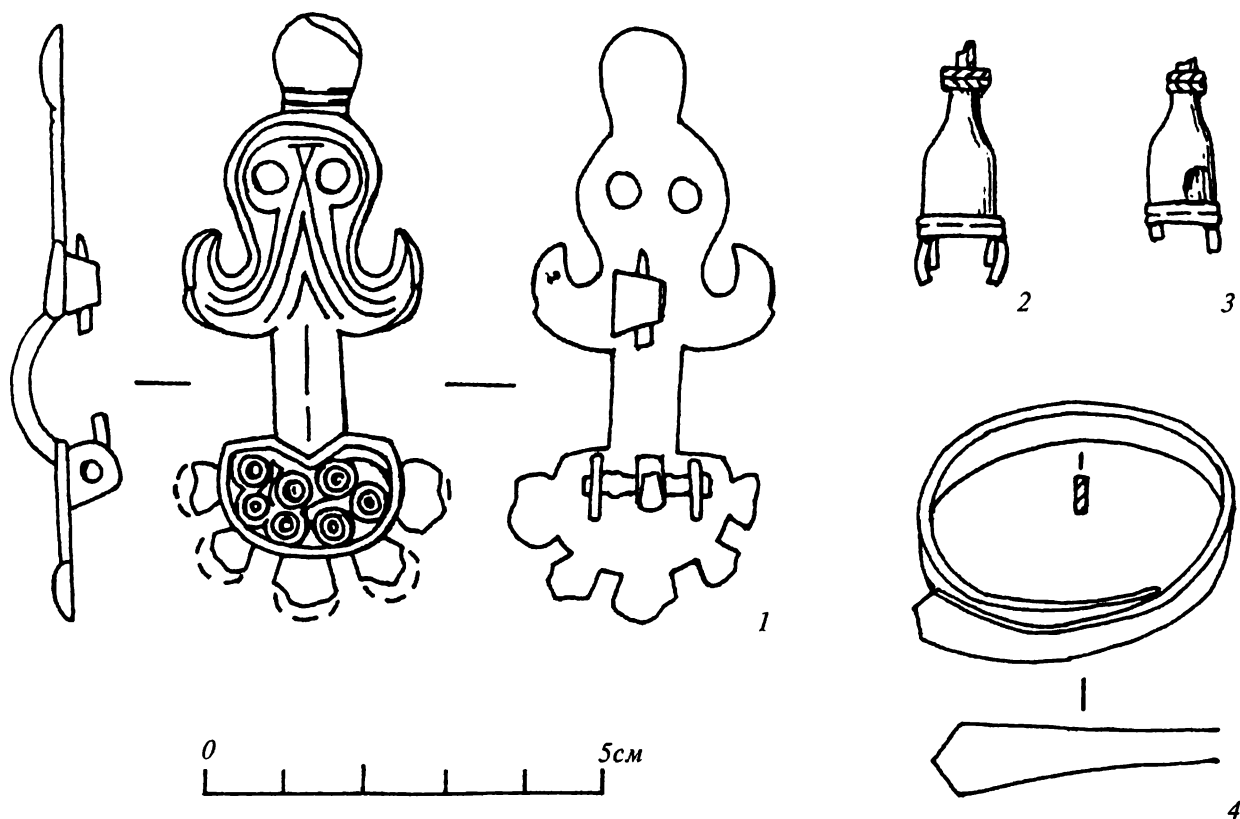

Рис. 3. Бронзовые предметы детского захоронения 913
1 — фибула; 2, 3 — привески; 4 — браслет

скорее всего к его началу (Гавритухин, 1991. С. 131, 134. Табл. II).

Колокольчиковидные привески из этого же погребения представляют переходный вариант между привесками с ложной веревочкой по верхнему и нижнему краям (VI–VII вв.) и с гладкими бортиками (VIII–X вв.). Появление пластинчатых браслетов с расплюснутыми и срезанными под углом концами, по материалам Шокшинского могильника, относится ко второй половине VII в. (погребение 620), а время их наибольшего распространения приходится на VIII в. (погребения 195, 426, 924, 963, 1093, 1101 и др.).

Захоронение с пальчатой фибулой было частично перекрыто погребением 909, которое датируется

IX–X вв., судя по присутствию в комплексе шляпкоконечного браслета позднего типа.

Таким образом, временные рамки для захоронения с мечом предварительно могут быть определены в пределах середины и второй половины VII в. К этому времени, очевидно, относится и соседнее погребение с пальчатой фибулой.

Находка в Шокшинском могильнике меча аварского типа пока является единственной на территории России. Для определения путей проникновения этого уникального предмета в Примокшанье, несомненно, важное значение будет иметь привлечение и других импортных предметов, в том числе шокшинской пальчатой фибулы.

Литература

Амброз А.К., 1981. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V–первой половины VIII в. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.

Амброз А.К., 1986. Кинжалы VI–VIII вв. с двумя выступами на ножнах // СА. №4.

Балинт Ч., 1995. Введение в археологию авар // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск.

Гавритухин И.О., 1990. К изучению изменений в материальной культуре севера Карпатской котловины в конце VI–начале VIII в. н.э. // Традиции и инновации в материальной культуре древних обществ. М.

Гавритухин И.О., 1991. Пальчатые фибулы пражских памятников Поднестровья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М.

Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.

Киселев С.В., 1951. Древняя история Южной Сибири. М.

Краснов Ю.А., 1980. Безводнинский могильник: К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья. М.

Львова З.А., Семенов А.И., 1985. К проверке основной реконструкции перешепинского меча // АСГЭ. Л. Вып.26.

Седов В.В., 1995. Славяне в раннем средневековье. М.
Циркин А.В., 1972. Шокшинский могильник // СА. №1.

Шитов В.Н., 1987. Нижнее Примокшанье в VI–XI вв. (По материалам Шокшинского могильника) // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. М.

Шитов В.Н., 1994. Работы Шокшинской экспедиции в 1991–1992 гг. // Археологические открытия Урала и Поволжья. Йошкар-Ола.

Шитов В.Н., Зеленцова О.В., Охотина Т.Н., 1996. Исследования в Теньгушевском районе Республики Мордовия // АО – 1995.

Bálint Cs., 1978. Vestiges archéologiques de l'époque tardive des sassanides et leurs relations avec les peuples des steppes // ААН. Budapest. XXX, 1–2.

Csallány D., 1939. Kora avarkori sirleletek (Grabfunde der Frühawarenzeit) // FA. Budapest. 1–2.

Fettich N., 1926. Garnitures de fourreaux de sabres du temps des avars en Hongrie // Arethuse. Paris.

Garam É., 1990. Bemerkungen zum Ältesten Fundmaterial der Awarenzeit // Veröffentlichungen der Kommission für Frühmittelalterforschung. Wien. Bd 13.

Ю.Л. Шапова

МАТЕМАТИКА В АРХЕОЛОГИИ

О том, что по материальным остаткам, дошедшим до нас «из глубины веков» и ставшим известными благодаря археологическим раскопкам, специалист-археолог может восстановить и образ жизни, и среду обитания, и род занятий, и объем знаний и умений древнего человека, их происхож-

ждение и историю, его миропонимание, верования, искусство и культуру эпох, с которой все это было связано, и время, в которое все это имело место, знают многие: и специалисты, и увлеченные любители истории, и просто знатоки курьезов и научных сенсаций. Современные успехи археологии, приум-

ножаемые ее взаимодействием с другими науками (и гуманитарными, и естественными, и техническими), глубоко впечатляют, затмевая собою ту цену, которую нужно было заплатить за это, — столько вложено в это труда, усилий и характера.

Было собрано огромное количество эмпирической информации. Однако блестящие открытия, сенсации и найденные закономерности зависят не только от археологического счастья. Их обязательная составляющая — умение читать и понимать археологический источник, истолковать его и ввести полученный результат «в научный оборот», как говорили специалисты старой школы. Достойными быть введенными в научный оборот являются результаты, полученные за счет новых открытий, за счет обработки давно известного с помощью нетрадиционных для археологии методов и за счет «нового взгляда» на материалы, находящиеся в таком обороте.

Правильное отношение к практике, методам и теориям было осознано археологией в середине XX в. Именно с того момента ведут счет своего времени «новая археология» и «новые методы в археологии», к тому же времени относятся первые опыты создания теоретической археологии и теорий в археологии, предметов, не тождественных друг другу. (Замечу в скобках, что я сознательно не упоминаю имен: причастных к созданию разных инноваций в археологии много, и было бы полезно упомянуть всех в специальном издании.)

Активные методологические, познавательные и методические инновации в археологии начались в период господства типологического метода. Первые нововведения ставили своей целью усилить и приумножить его позиции. Все то, что осталось неиспользованным (для достижения такой цели), зажило своей жизнью.

Методы естественных наук в археологии были упорядочены по областям применения: анализ древних материалов и технологий, физическое моделирование технологических процессов, применение естественнонаучных методов в полевой практике и математика в археологии (Археология и естественные науки, 1965).

Отличительная особенность статей, которые были опубликованы в математическом разделе названного сборника, — обилие примеров успешного применения метода в качестве обязательного его дополнения и описания. Такой прием представления научного метода сродни популяризации и рекламе. Обстоятельства, в которых археологической общественности были представлены возможности и перспективы применения математических методов в археологии, подробно описала В.Б. Ковалевская, инициатор математизации археологии (Ковалевская, 1995. С. 24). В ее работе представлена и предшествующая, полная драматизма история применения математики в археологии (Ковалевская,

1995. С. 13—55). Начальную историю математики в археологии совсем недавно описал И.С. Каменецкий (Каменецкий, 2000. С. 52—59). Говоря о начальной и последующей истории математических методов в археологии, он показал, что математизация археологии происходит очень медленно по причинам, в первую очередь зависящим от самих археологов и лишь во вторую — от математиков. Отношение математиков к гуманитарным наукам формировалось под влиянием Н. Винера, который полагал, что «гуманитарные науки — убогое попрание для новых математических методов» (цит. по: Каменецкий, 2000. С. 53).

Причин, толкающих археологов к занятиям математикой, три.

Первая причина — объективная: стремительный рост информации. По верному наблюдению И.С. Каменецкого, археология захлебывается от резкого прироста исходной информации, первичных фактов, т.е. от роста объекта исследования (в других терминах — тела науки).

Вторая причина, на его взгляд, — субъективная: существующая в настоящее время картина мира древнейшей истории, воплотить которую было призвано фундаментальное издание «Археологии СССР» (работа над которой еще не завершена), основана на практических достижениях и на исчерпавшем себя методическом и теоретическом уровне археологии середины XX в. (Автор написал мягче: «старые методы себя уже исчерпывают».)

Наконец, третья причина — чисто научная: это проверяемость (в других терминах — сходимоть) результатов археологических работ, предположений, гипотез. По мнению И.С. Каменецкого, в современной археологии сосуществуют все гипотезы, выдвинутые за последние 100—150 лет (Каменецкий, 2000. С. 57, 58). Великодушный автор полагает, что с этим можно как-то мириться, пока выводы строят на исходном материале. Однако в более глубоких исследованиях за счет привлечения системного подхода возникает необходимость осваивать и использовать в выводах утверждения, полученные ранее. Надежность выводов, опирающихся на «звенья», составленные исследованиями предшественников, естественно, невелика. Нужно знать степень достоверности каждого звена и (каждого. — Ю.Ш.) конечного вывода. Достоверность общих выводов всегда ставят в зависимость от достаточности археологических материалов, как верно заметил автор. Однако, отмечает автор далее, в математической статистике существует иная практика проверки гипотез, без увеличения объема наблюдений. Использование статистики и других математических методов в археологии не только возможно, но и необходимо.

Замечу, что признание равноправными всех гипотез, основанных на анализе первичных данных и выдвинутых за последние 150 лет, — явление чрезвычайно редкое в исследованиях, к тому же пред-

ставляет собой очевидное отклонение от пути нормальной науки. Обязательной частью нормальной науки является некое достижение, парадигма, принятая научной группой. Парадигма включает в себя терминологию, общие модели (развития) и общую систему ценностей. На ее основе вырабатываются своего рода общая теория, одинаковое видение мира и общее интуитивное представление о нем. Парадигма не только объединяет ученых, она направляет отбор фактов и их интерпретацию.

Парадигма — явление преходящее. Считается, что научная парадигма меняется каждые 15 лет и существует лишь до тех пор, пока в нее можно вписать новые научные достижения и через нее понять и объяснить их. Та часть открытий, которую нельзя вписать в парадигму, считается некоторое время аномальной. Для объяснения множества аномалий создают новые теории. Они-то и ослабляют старую парадигму, выявляя содержащиеся в ней ограничения и расшатывая стереотип принятых взглядов. Старая парадигма сдает свои позиции новой, правда, не без сопротивления. Утверждение новой парадигмы — это и есть научная революция. Причем старая парадигма не входит в новую даже как частный случай. Принять или не принять новую парадигму — это зависит от мнения ученого большинства (Кун, 1977).

Изменение парадигмы меняет и интерпретацию факта, и его восприятие. Такое переключение необратимо. В двух последних главах своей книги Т. Кун обосновывает и формулирует критерий предпочтения парадигм: новая парадигма открывает возможности простых, изяшных и кратких решений научных задач. Что касается доводов в пользу парадигм (старой или новой), то они взаимно уравновешены. Новую парадигму принимают за обещание новых успехов. Более того, новая парадигма меняет систему обучения, освобождая ее от необходимости тратить время на повторение пройденного (Кун, 1977. Гл. X). От себя добавлю, что переход к новой парадигме, т. е. отказ от прежнего восприятия фактов и их интерпретации, сопровождается так называемое укрупнение, свертывание и уплотнение единиц информации, что никак не означает ее потерю.

Из краткого рассмотрения состояния археологии становится очевидным, что общая картина мира, основанная на археологических данных, была создана в первой половине XX в. (Арциховский, 1947). В дальнейшем было потрачено много сил на критику и опровержение «устаревших взглядов» предшественников и на создание новых представлений об ограниченных во времени, локальных процессах. Эти новые представления должны бы стать частью новой парадигмы и новой теории, но этого не происходит. Целое не является суммой частей, суммативный подход был свойствен науке XIX в. Наука избирает новый подход, в основе которого лежит общая теория систем, но развитая до уровня синер-

гетики. Синергетический подход и составляет основу новой науки.

Современному развитию археологических знаний свойственно интенсивное и последовательное накопление научной информации. Его сопровождают экстенсивное расширение исследовательского поля, рост числа вовлеченных в его «возделывание» и углубление специализации за счет привлечения новых методов исследования (технических, естественнонаучных), изменение масштабов научных проблем до уровня локальных исследований. Развитие вширь, как известно, снимает остроту противоречий, переводя их на уровень пространственно-временной специфики, и делает разногласия бесконфликтными, а вольное толкование археологических данных — своего рода правилом. И, наконец, доминанта регионального и глубоко специализированного подхода делает общие представления, скорее, «общим местом», а не обязательным условием развития науки. И.С.Каменецкий считает, что современные научные представления находятся под влиянием стареющей картины мира. Это — плохой симптом. Если признать справедливой такую оценку, то общее состояние современной российской археологии может показаться тяжелым.

Действительно, в археологии наших дней есть десятки равнозначных гипотез, но нет доминирующей, есть множество догадок теоретического характера, но нет общей теории. Равные возможности для всех (в терминах синергетики — детерминированный хаос) характеризуют самый первый этап становления каждой открытой системы. Как ни удивительно, но в современном состоянии археологии заметны (и ярко выражены) подобные симптомы. Как ни странна сама по себе оценка современного состояния в археологии, более характерного для этапа становления системы, тем не менее такое предположение вытекает из его анализа.

Вместе с тем И.С.Каменецкий заметил «господство» некоторых гипотез. По его мнению, это «означает лишь, что археологическая общественность в данное время склоняется в сторону именно этой гипотезы. Обычно такое положение связано с появлением работ авторитетного ученого» (Каменецкий, 2000. С. 58). Какие бы причины ни определяли появление доминант, — это хороший симптом, это признак упорядочивания системы. Такое состояние характерно и для этапа становления открытой системы, но не начального, а следующего — сложения новой системы. Возможно, что в настоящий момент происходит формирование новой системы видения мира, которая идет на смену системы, в настоящее время стареющей.

Новая картина мира, построенная по археологическим данным и соответствующая современному уровню развития науки, ждет своего создателя. И математика, как считает И.С.Каменецкий, должна сослужить свою службу.

Из всех математических методов, известных и применявшихся в отечественной и зарубежной археологии, пусть непоследовательно, от случая к случаю, научная общественность отдала предпочтение математической статистике. Ее применение было ограничено учетом, систематизацией и обработкой массового археологического материала (*Колчин, Круг, Черных*, 1965). На долгие годы вперед статистика (подсчет числа и доли находок в изучаемой совокупности) стала главной и нередко единственной математической составляющей работ по археологии. Первые шаги использования статистики ничего не меняли в характере изучения древностей: оно оставалось эмпирическим, а результаты — строго детерминированными.

Однако даже такой скромный математический аппарат, как учет коэффициента корреляции (связи), установление меры близости в построении типологического ряда, — делал построение логически более надежным и, казалось бы, более обоснованным (*Шер*, 1975). Правда, необходимое и ясно обозначенное «пространство признаков» породило кулуарную дискуссию о признаках «работающих» и «неработающих». Признак оказался сложным понятием, он имел не только собственное имя, но и значение, меру и степень выражения. Из такой дискуссии с очевидностью следовало, что признаки нужно специально отбирать, предварительно именовать, избегать напрасной счетной работы, уметь ценить аккуратность в расчетах и видеть небрежность, ошибки, заблуждения.

Признак приобрел новый статус, сделавшись своего рода единицей познания, с его помощью можно было описать признаковое пространство и оценить качество исследуемого поля. Можно было одни и те же признаки рассматривать в разной связи, не меняя всего признакового пространства, и изучать не только связь вещей, обладающих такими признаками. Более того — удалось превратить признаки в предмет исследования и изучать их специально. Признаки и их значения создали возможность сравнивать поля и придали исследовательскому полю определенные очертания, зависящие от выбора.

Очень небольшая математизация традиционной процедуры (построение типологического ряда с использованием матрицы — таблицы, построенной по принципу объект—признак) имела глубокий, по моему мнению, системообразующий смысл, вводя в действие, по словам Ю.Н. Толстой, «мышление признаками» (*Толстова*, 2000. С. 23).

Первые опыты применения матриц в археологии были проведены еще в 20-е годы XX в. (*Ефименко*, 1926). Они относятся к докомпьютерной эре. Расчет коэффициента связи вручную — трудоемкое и медленное дело, на которое отваживались немногие. Однако полученный результат превосходил самые смелые ожидания. Г.А. Федоров-Давыдов развязал запутанный узел проблем в истории ко-

чевников Восточной Европы (*Федоров-Давыдов*, 1966).

Опираясь на собственную практику, смею утверждать, что один результат, полученный таким путем в 1972 г., в полной мере я поняла спустя почти 20 лет. Речь идет об установлении родства между стеклянными сосудами, декор которых выполнен в техниках глубокой и/или высокой резьбы. Кубки, стаканы, чаши, бутылки, флаконы-квадриподы, чернильницы, ложки и знаменитые вазы-диатреты — таков набор этих сосудов. Он настолько же широк, насколько широки их хронологические рамки и географические пределы. Они были известны в III—XII вв. (немногим менее тысячелетия) на территории обеих империй, Римской и Византийской, и за их пределами: в Северной, Западной и Восточной Европе, в Закавказье, Иране и Средней Азии, в Африке, Японии и на Ближнем Востоке. Самое яркое впечатление произвели сосуды с резным декором, найденные во время раскопок дворцового комплекса Самарры, столицы халифата Аббасидов в 836—892 гг. Стекло из Самарры прекрасно издал Карл Ламм, назвав его исламским по первому месту самого большого числа находок (*Lamm*, 1928; 1931; 1935; 1937). Это мнение вместе с названием надолго утвердилось в литературе предмета (*Oliver*, 1961. P. 9—29).

Для разработки проблемы происхождения резных сосудов были использованы все имевшиеся средства: анализ технологии и метрики сосудов, конкретных исторических условий, известных по письменным источникам и исторической литературе, анализ химического состава и математическая обработка полученных результатов. Исследования показали, что исламским резным стеклом было названо резное стекло, которое производили в государственных (императорских) мастерских в Риме, а с 330 г. в императорских дворцовых мастерских в Константинополе. Производство таких сосудов было чрезвычайно дорогим, но их цена не входила в расчет: подобные сосуды никогда не были товаром, они предназначались только для придворных церемоний и императорских подарков «главам государств», будь то вождь варварского племени или арабский халиф (*Шапова*, 1998. С. 205—243).

Применение количественных методов в археологии имеет долгую историю, начало которой можно отнести к XIX в. Именно тогда в исторической интерпретации археологических находок появились словесные оценки числа находок: «широко известно», «преобладает», «встречается часто/изредка/иногда». Впечатление от числа находок нередко дополнял простой подсчет их числа. Иногда число находок представляли в виде кривых, построенных на оси времени. Их часто используют в нумизматике (*Янин*, 1956).

Числовые (не частотные) кривые их можно встретить и в археологических работах, хотя в ста-

тях и во всех учебных пособиях по применению количественных методов в археологии рекомендованы частотные графики (простейший их вариант — процентные отношения) (Ковалевская, Погожев, Погожева, 1970; Каменецкий, Маршак, Шер, 1975; Шапова, 1988; Мартынов, Шер, 1989; Каменецкий, 2000).

От частотных графиков пролегает путь к частотным гистограммам, а затем и к теориям распределения, которых, как известно, много. Самая простая — теория нормального распределения, которую представляет гауссова кривая: одновершинная и симметричная. Ее описывают средняя, M , и стандартное отклонение, σ . Кривую целиком описывают: $M \pm \sigma$; $M \pm 2\sigma$; $M \pm 3\sigma$. Существуют так называемые квази-нормальные (похожие на нормальные) треугольные, асимметричные одновершинные, многовершинные и другие распределения. Все они применяются в зависимости от класса и типа задач, к которым можно свести разрабатываемую проблему.

Заметным явлением в процессе математизации археологии стала книга Г.А. Федорова-Давыдова, «допущенная» в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «История» (Федоров-Давыдов, 1987). Его книга — достойный пример того, как компактно и доступно можно представить непростые математические методы специалисту-археологу, математическая подготовка которого ограничена школьным курсом математики. Автор подробно изложил основные понятия математической статистики: виды признаков и связей между ними, пространство признаков и группировку признаков и объектов с обозначением степени и сходства последних. Важные особенности книги — указатель терминов (с дефинициями) и 48 примеров применения статистических процедур в археологическом исследовании.

Однако использование количественных методов, несмотря на прекрасные примеры, натолкнулось на глухое сопротивление. Применение математики в любых областях гуманитарного знания исподволь меняет чисто гуманитарное мышление, придавая ему черты естественнонаучного, логически и понятийно более строгого. Математизация гуманитарного знания вообще и археологии, в частности, делает возможным поиск закономерностей, статистических прежде всего. В археологии всякие закономерности могут быть выражены только статистически. Это утверждение основано на главной особенности археологического знания. В его исследовательском поле находятся процессы. Другая его особенность — неполнота знания.

Мне не раз доводилось писать и говорить, что в распоряжении археологов находится лишь малая доля целого. Действительно, далеко не все, что когда-то было в распоряжении древнего человека, дош-

ло до наших дней. Из сохранившегося открыта (даже разведками) малая часть, из открытого раскопана тоже малая часть, из которой в свою очередь исследовано не все, более того — даже в исследованном имеется нераскрытая (неизученная и непонятая) часть. Изучение целого по части определено теорией вероятностей и следующего из нее вероятностно-статистического подхода. Таким образом, с трудом добытые эмпирические знания представляют лишь незначительную часть локального процесса, более общие представления и картина мира в целом могут иметь лишь вероятностно-статистический характер. Эмпирические данные, лишь будучи обработанными статистически и математически, характеризуют развитие больших явлений или общества в целом. К тому же именно математически препарированные эмпирические знания способствуют пониманию частного. Именно этого — понимания разномасштабности изучаемых процессов — недостает археологам-практикам. Единичное, действительно, как в капле воды, отражает целое, но масштабы единичного, степень отражения в нем целого слишком разные и плохо сопоставимые.

Статистические закономерности — своего рода модель, норма, некий стандарт, с которым можно и нужно сравнивать любую конкретность. Конкретность — это нечто уникальное: частный случай, который может быть правильно оценен только на общем фоне статистически закономерного. Общий итог взаимодействия единичного и целого, частного и общего — «устойчивость глобального развития и хаотичность региональных явлений в нелинейных динамических процессах». Это выражение стало названием статьи исследователей (Садовничий, Козодеров, Ушакова, Ушаков, 2000).

Применение математики в археологии наших дней отошло на второй план. Математизация археологии, сократившись в масштабах, оказалась на периферии. Математика в археологии, став маргинальным направлением, развивается теперь в рамках исторической информатики (Математические методы..., 1972; Математизация..., 1986; Ковальченко, 1987; Россия и США..., 1992; Математическое моделирование..., 1996).

Немногие, наверное, помнят начало 60-х годов ушедшего века, когда на лекции по математическому анализу и математической логике на историческом факультете МГУ собирался «и стар, и млад»: и историки, и археологи, и этнографы — все те, которым было тесно в традиционных рамках конкретных наук.

Математизация истории привела к осознанию того, что история изучает *информацию о социальных системах*, дошедшую до нас в виде исторических источников. Историк выступает как толкователь информации (Подгаецкий, 1997. С. 18). Комментируя это высказывание, автор утверждает, что объектом исторического исследования является знаковая

модель, что модели социальных систем субъективны, число их неограниченно и все они имеют право на существование. Модели упрощают и даже искажают моделируемую систему, делая объект моделирования обозримым и осознаваемым (*Подгаецкий*, 1997. С. 16, 17).

Математизация археологии приведет, очевидно, к осознанию того, что археология также изучает *информацию о системе*, но не только взятую из письменных источников информацию о социальной системе, как в истории. В древности, которую изучают по археологическим данным, социальная система выступает наряду с другими системами: экономической, производственно-технологической и производственно-экономической, демографической, антропо- и этногенетической, культурной, материальной и духовной и т.д. Каждая такая система и все они вместе являются частью большой системы. Объект изучения археологии — не только сама система во всей ее полноте и сложности. Система и процессы, происходящие в ней, становятся объектом моделирования. Упрощенная модель и моделирование в этом случае выступают как звенья, соединяющие конкретность с абстракцией, эмпирику с теорией.

Один из видов моделирования — физическое моделирование — хорошо известно и принято в археологии как метод исследования трудовых процессов и технологий прежде всего. Расчет частот и коэффициентов — это тоже моделирование, равно как и построение гистограмм, дендрограмм и графиков. Нормальное распределение, о котором шла речь выше, — идеальная модель хронологического распределения чего угодно.

В разработке проблемы одинаково важны и построение модели, и ее анализ, и ее интерпретация. Последняя процедура, как и сравнение моделей, предполагает создание модели-эталона. Хорошим примером может быть идеальная кривая распределения, сравнение с которой дает повод для оценки конкретного распределения изучаемых древностей на памятнике, в пределах культуры и целой эпохи. По такому же принципу, который Б.А. Рыбаков называл «*rag example*», планировалась организация свода археологических источников (САИ). Что из этого получилось — особый сюжет.

Идея модели-эталона не чужда и самой археологии: примером могут служить так называемые стратиграфические колонки, составляемые по керамике для многослойных памятников Средней Азии, и эталонные памятники для мезолита, неолита и других эпох. Подобные эталоны-модели являются предметными, но и они возможны только после некоторой количественной обработки исходных данных (подсчет числа находок, расчет встречаемости и т.д.). И числовые, и графические модели являются математическими моделями, правда, невысокой сложности. Важен самый переход: от слов — к чис-

лам, от повествования — к расчетам, от мышления образного — к аналитическому, от понимания конкретного — к обобщенному, от единичного — к общему и далее — к теоретическим построениям.

Моделирование как методический прием и как научный подход широко распространено в современной науке. К его обоснованию привлечены специально разрабатываемый математический аппарат, общая теория эволюции и термодинамический подход к ее пониманию, а также учение о единстве мира и открытых системах (синергетика) и достижения в математике (теория фракталов).

Вся эта научная новизна вершит переворот в представлениях о мире. Мир, как утверждает современная наука, един, несмотря на различия, которые, казалось бы, делят его на косное и живое, космическое и земное, материю и дух. Все в этом огромном мире можно описать одними и теми же словами: хаос, порядок и равенство, причина и следствие, свобода выбора и закономерная предопределенность. Более того, мир самоподобен организационно и структурно, различны лишь его природа и размерность. Всеми мирами управляют одни и те же законы. Новые проблемы возникли там, где их ранее не было: например, возникла надобность различать такие понятия, как эволюция и развитие, деятельность и труд, достаточные наблюдения и информационно-насыщенная система.

Человеку старшего поколения, выросшему и сформировавшемуся при советской власти, ничего подобного не приходило в голову. Напротив, было хорошо известно, что биологические законы не приложимы к пониманию эволюции вещей, поскольку их развитие подчинено совсем иным, социальным законам (*Монгайт*, 1973. С. 30–33). Ученые, видевшие немало общего в эволюции живого и древних вещей, долгое время были лишены слова, и всего два десятилетия тому назад нужно было доказывать свое право на подобное видение.

Теперь же существует и развивается наука, объект исследования которой — современная техническая реальность, исторические корни ее — это древняя техническая реальность. Обе они тесно связаны с биологией, системологией и информатикой, математический аппарат строго описывает ее составляющие, среди которых и универсальное так называемое Н-распределение (*Кудрин*, 1993). Совсем недавно общая теория систем и системный подход были последним словом науки. Теперь общая теория (закрытых) систем представляет собою часть более общей теории открытых систем.

Археология, отойдя от исторического материализма и теории формаций, интенсивно использовала системный подход или декларировала на протяжении последней четверти века свое положительное отношение к нему. Однако новая теоретическая ориентация не повлекла за собой отмену старой парадигмы, но многие изменения в ней произошли. Но-

вая теоретическая ориентация следовала в своем движении правилам и направлениям, предпочитаемым в разных науках, не только исторических и социальных. Продолжая следовать за «вперед смотрящими», археология должна бы создать новую парадигму, новое видение мира, или, другими словами, новую «картину мира», ориентируясь на достижения математики, информатики и теорию открытых систем.

Уже сейчас можно говорить о том, что найден вид кривой распределения признака (явления) во времени, отличающийся от нормального*. Основание, на котором строится нормальная кривая, разделено на шесть равных частей: $M \pm \sigma$; $M \pm 2\sigma$; $M \pm 3\sigma$, которые, объединенные попарно, соответствуют: первые две — основному периоду развития явления, одна ветвь, восходящая ($M - 2\sigma$ и $M - 3\sigma$), — периоду становления, другая, нисходящая ($M + 2\sigma$ и $M + 3\sigma$), — периоду старения, инволюции явления; пик эволюции располагается в середине.

Основание новой кривой, в отличие от нормальной, нужно делить на десять равных частей (а не на шесть, как для нормального распределения): периоду становления явления соответствуют первые пять отрезков, основному развитию — три, инволюции — два. Каждый следующий период короче предыдущего, и их соотношение подчиняется правилу золотого сечения: $5 : 3 : 2$. Пик приходится на середину второго отрезка: $3 : 2 = 1,5$, т. е. на расстояние $6,5$ отрезков ($5 + 1,5$) от начала кривой. Положение пика новой кривой почти совпадает с моментом $M - \sigma$, т. е. с моментом перехода нормальной кривой в режим инволюции. (Поясню расчетом: $100 - 5 = 95 : 6 = 15,83 + 50 = 65,83$.) Новая кривая асимметрична, ее восходящая ветвь (от начала кривой до пика) вдвое протяженнее нисходящей (от пика до конца).

Интерпретируя новую кривую, нельзя не заметить, что она описывает процесс, развивающийся с ускорением, что для эволюции естественно. Инволюция, процесс старения, следуя за поведением кривой, начинается в момент наивысшего развития явления, когда кривая достигает своего пика, именно в этот момент и включается механизм старения (Подколзин, Донцов, 1996. С. 6–15). Новая кривая, разделенная на части, — готовая модель для периодизации. Идея единства мира позволяет распространить приведенные математические расчеты на все процессы, которые уже оказались в поле зрения исследователя или когда-нибудь попадут в него. Процедура периодизации упрощается: для ее построения достаточно выяснить хронологические пределы, начальный и конечный моменты существования явления, которое представляет собой и историю ве-

шей, и историю археологической культуры, и любой другой процесс, ставший известным по археологическим данным.

Признав мир единым, а законы, которые управляют его эволюцией и развитием, — универсальными, можно использовать еще одно замечательное достижение математики последних лет. Я имею в виду теорию, которую ее создатель Б. Мандельброт назвал теорией самоподобия, или теорией фракталов (Федер, 1991). Для рассмотрения и решения археологических задач наиболее подходяща фрактальная геометрия.

Понять, что такое фрактал, можно, вспомнив из школьного курса геометрии о подобных треугольниках. Треугольники называют подобными, если углы их соответственно равны, а сходственные стороны, противолежащие этим углам, пропорциональны. Число, равное отношению сходственных сторон подобных треугольников, называется коэффициентом подобия. У подобных треугольников отношение сходственных медиан равно отношению сходственных высот, равно отношению сходственных биссектрис и равно коэффициенту подобия. Другим, еще более простым примером подобия являются окружности.

Фрактальная геометрия имеет дело не только с треугольниками и окружностями, но и со всеми другими самоподобными фигурами. Фрактальная теория полагает самоподобными не только геометрические фигуры, но и процессы: например, процесс эволюции. Из признания самоподобия в процессе эволюции вытекает один, но очень существенный вывод: располагая информацией об эволюционных изменениях, имеющих место в одной среде (это частный случай), можно составить общее и полное представление об эволюции, располагая частной разрозненной и поэтому не полной, но предельно насыщенной информацией. Поясню примером.

Изучая раннюю пору верхнего палеолита, которую в целом относят к среднеландейскому оледенению, М. В. Аникович отнес ее начало на уровень 40 тыс. лет назад. Кроме того, он заметил и привел очень интересные данные о самом раннем проявлении черт верхнего палеолита: верхнепалеолитическая техника замечена задолго до этого времени. Верхний палеолит возникает на Ближнем Востоке около 90–80 тыс. лет назад как «преориальник», и его начало связано с появлением неолита (Аникович, 1991. С. 38). Верхнюю границу ранней поры, близкую верхнему рубежу среднего Валдая, М. В. Аникович проводит между 24 и 22 тыс. лет назад. Эта дата особенно важна и интересна тем, что именно в этом промежутке, по его наблюдениям, исчезает всякая мустьерская компонента (Аникович, 1991. С. 6).

Оценим обе даты: 90–80 тыс. лет и 24–22 тыс. лет.

Явное начало верхнего палеолита большинство исследователей уверенно относит на уровень 40 тыс.

* Асимметричное распределение впервые было мною доложено в ноябре 2000 г. на заседании МОИП (Комиссия по применению методов естественных наук в археологии).

лет, а его самые первые проявления заметны за 40–50 тыс. лет до этого, в 90–80 тыс. лет назад. Этот момент совпадает с серединой мустье. Продолжительность скрытого периода становления верхнего палеолита (назовем так период от середины мустье до 40 тыс. лет) почти равен полупериоду мустье. Верхний палеолит скрыто существует в мустье.

Видимый конец мустье относят на уровень 40 тыс. лет, на самом же деле мустье еще 20 тыс. лет существует скрыто, внутри верхнего палеолита, и изживает себя лишь через 20 тыс. лет после своего «официального конца». Эта дата совпадает с серединой верхнего палеолита, а продолжительность скрытого периода его инволюции почти равна полупериоду верхнего палеолита.

Если объединить и сопоставить все наблюдения, то нельзя не заметить, что обе археологические эпохи, кроме этапа явной и поэтому очевидной эволюции, переживают этапы скрытой эволюции. Начальный этап скрытой эволюции верхнего палеолита начинается около середины мустье, эпохи предшествующей ему; этап изживания мустье продолжается примерно до середины верхнего палеолита, эпохи, следующей за ним. Обобщив полученный результат, можно было бы говорить о том, что каждая археологическая эпоха переживает в своем развитии один явный этап и два скрытых (один на стадии зарождения и становления, другой на стадии изживания).

Теория фракталов позволяет придать этому обобщению статус правила, согласно которому первый скрытый этап эволюции, зарождение новой эпохи, неявно начинается внутри существующей в настоящем. За явным этапом эволюции следует другой, скрытый этап, продолжающийся неявно внутри следующей эпохи. Продолжительность каждого скрытого этапа соответствует полупериоду эпохи предыдущей (для этапа становления) и полупериоду эпохи следующей (для этапа изживания).

Следовательно, момент зарождения будущего и момент полного исчезновения старого (назовем это

явление условно «смертью старого») совпадают — это один и тот же момент. Согласно найденному таким образом правилу, можно утверждать следующее: ашель зарождается в середине шелля; мустье — в середине ашеля, к этому же моменту исчезли все признаки шелля; неолит зародился в середине верхнего палеолита, к этому времени исчезли все признаки мустье. Далее как прогноз: энеолит должен бы зародиться в середине неолита и к этому же моменту все верхнепалеолитические черты должны исчезнуть; бронзовый век — в середине энеолита и к этому моменту должны исчезнуть все признаки неолита, железный — в середине бронзового, тогда же должны исчезнуть признаки энеолита.

Рождение нового и смерть старого находятся под защитой эпохи, «зрелой» в своем развитии. Такой «протекторат» делает процесс смены эпох спокойным, почти бесконфликтным, придавая зрелости прочность и устойчивость. Такова математическая модель смены эпох.

Такова научно-практическая новизна, которая возникает как следствие математизации археологии. Хотелось бы подчеркнуть, что математического аппарата в отмеченной новизне совсем мало. Математизация — это большее, чем владение счетом; она меняет тип мышления (детерминизм на системное мышление), она позволяет отчетливо видеть общее в частностях, а в общем — всеобщее, помогая и позволяя понять и объяснить устойчивость в развитии системы. Математизация археологии дает надежду на понимание того, что исторические процессы разномасштабны, что изменения на уровне частного и единичного — хаотичны, что закономерности проявляются на уровне общего и всеобщего, когда особенно заметны их отдельные приметы (Садовничий, Козодеров, Ушакова, Ушаков, 2000. С. 34–38).

Пытаясь оценить характер математизации археологии и ответить на вопрос, поставленный в заголовке статьи, скажем: математизация в археологии — вялотекущий процесс, имеющий положительную динамику.

Литература

Аникович М.В., 1991. Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб.

Археология и естественные науки, 1965. МИА. № 129.

Арциховский А.В., 1947. Введение в археологию. М.

Ефименко П.П., 1926. Рязанские могильники. Опыт культурно-исторической стратиграфии // Материалы по этнографии. Рязань. Т. III.

Каменецкий И.С., 2000. Археологические памятники меотов Кубани. Краснодар.

Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер Я.А., 1975. Анализ археологических источников (Возможности формализованного подхода). М.

Ковалевская В.Б., 1995. Археологическая культура — практика, теория, компьютер. Б.м.

Ковалевская В.Б., Погожев И.Б., Погожева А.П., 1970. Количественные методы оценки степени близости памятников по процентному содержанию массового материала // СА. №3

Ковальченко И.Д., 1987. Методы исторического исследования. М.

Колчин Б.А., Круг О.Ю., Черных Е.Н., 1965. Всесоюзное совещание по применению в археологии методов исследований естественных и технических наук // МИА. № 129.

Кудрин Б.И., 1993. Введение в технетику. Томск.

Кун Т., 1977. Структура научных революций. М.

Мартынов А.И., Шер Я.А., 1989. Методы археологического исследования. М.

Математизация современной науки: предпосылки, проблемы, перспективы, 1986. М.

Математические методы в исторических исследованиях, 1972. М.

Математическое моделирование исторических процессов, 1996. М.

Монгайт А.Л., 1973. Археология Западной Европы. Каменный век. М.

Подгаецкий В.В., 1997. Числа и мысли или утопия? Диалектика, теория и методология клиометрики // Круг идей: традиции и тенденции исторической информатики. Труды IV конференции Ассоциации «История и компьютер». М.

Подколзин А.А., Донцов В.И., 1996. Старение, долголетие и биоактивация: (Методическое руководство). М.

Россия и США на рубеже XIX–XX столетий: (Математические методы и моделирование в исторических исследованиях), 1992. М.

Садовниций В.А., Козодеров В.В., Ушакова Л.А., Ушаков С.А., 2000. Устойчивость глобального развития и хаотичность региональных явлений в нелинейных динамических процессах // Синергетика. Труды семинара. М. Т. III: Материалы круглого стола «Самоорганизация и синергетика: идеи, подходы и перспективы».

Толстова Ю.Н., 2000. Анализ социологических данных. Методология, дескриптивная статистика,

изучение связей между номинальными признаками. М.

Федер Е., 1991. Фракталы. М.

Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.

Федоров-Давыдов Г.А., 1987. Статистические методы в археологии. М.

Шер Я.А., 1975. Логика и интуиция в археологии // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.

Щапова Ю.Л., 1988. Естественнонаучные методы в археологии. М.

Щапова Ю.Л., 1998. Византийское стекло: очерки истории. М.

Янин В.Л., 1956. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М.

Lamm C.J., 1928. Das Glas von Samarra // Forschungen zur islamischen Kunst. Berlin. II.

Lamm C.J., 1931. Les verres trouve's a Suse // Syria. 12.

Lamm C.J., 1935. Glas from Iran in the National Museum, Stockholm. Stockholm; London.

Lamm C.J., 1937. Islamische Goldser im Polnischen Nationalmuseum zu Warsawa // Rocznik Orientalistyczny. 13.

Oliver P., 1961. Islamic Relief Glass: a suggested Chronology // Journal of Glass Studies. Vol. III.

А.И.Юдин, А.В.Балановский

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПОСЕЛОК НА АЛЕКСЕЕВСКОМ ГОРОДИЩЕ

На территории Саратова еще с начала 20-х годов XX в. известно Алексеевское городище, упоминание о котором можно найти во многих работах, посвященных преимущественно раннему железному веку, а разновременные материалы памятника практически не введены в научный оборот. Алексеевское городище расположено в Волжском районе, примерно в 4–5 км вверх по Волге от исторического центра города. В настоящее время площадка городища имеет длину от вала до оконечности мыса 155 м, ширину — от 110 м в районе вала до 60 м на мысу. Высота над уровнем Волги — от 23 до 28 м. Оборонительные сооружения лучше всего сохранились в северной части — здесь вал при ширине в 5–7 м достигает высоты 2–2,5 м со стороны рва и 1–1,5 м со стороны городища. На памятнике хорошо сохранился культурный слой, самые ранние находки относятся к средней бронзе, позднейшие — к средневековью.

На памятнике неоднократно производились археологические исследования. Начало им было по-

ложено в 1921–1923 гг., когда П.Н.Шишкин и А.А.Кротков произвели небольшие раскопки. В 1925–1929 гг. городище исследует П.С.Рыков (Рыков, 1926. С. 96; 1931. С. 77).

Алексеевское городище постоянно осматривалось краеведами и археологами, на поверхности собирались находки и закладывались небольшие пробные раскопы, материалы которых хранятся в фондах Саратовского краеведческого музея (С.Н.Чернов, П.Н.Шишкин, 1921 г.; Н.К.Арзютов, 1928 г.; И.В.Синицын, 1947–1948 и 1959–1964 гг.; Ю.В.Деревягин, 1967–1969 гг.). В 1971 г. на городище раскопки производились экспедицией ИА АН СССР под руководством Т.А.Хлебниковой (1971), а в 1992–1993 гг. — О.В.Кочерженко, когда территория памятника оказалась под угрозой застройки (Кочерженко, 1992; 1993).

В 1998 г. работы на городище были продолжены в связи с планируемой музеефикацией. За два полевых сезона (1998–1999 гг.) вскрыто около 500 м²

культурных напластований, в том числе произведен разрез вала и рва городища, и заложено 5 шурфов с целью выяснения характера распределения культурных отложений и их сохранности. Культурные напластования практически на всей площади содержали находки средней и поздней бронзы, раннего железного века и средневековья, за исключением юго-восточной части площадки, где сохранились только поздние отложения (Юдин, 2000. С. 194–197). Здесь впервые удалось проследить остатки двух средневековых построек, поскольку мощность культурного слоя тут невелика и одна из полуземлянок своим котлованом полностью врезалась в материк. На этом же участке исследовано свыше 50 погребений средневекового грунтового могильника, перекрывавшего культурный слой.

Средневековые материалы Алексеевского городища привлекли наибольшее внимание, так как в литературе они практически не отражены: упоминаются как золотоордынские в работах П.С. Рыкова, а Л.Ф. Недашковский (Недашковский, 1997. С. 233) в материалах раскопок Т.А. Хлебниковой среди красноглиняной керамики обнаружил фрагменты от нескольких древнерусских сосудов.

Исследованные остатки полуземляночных жилищ по ряду признаков, несомненно, имеют русское происхождение и были широко распространены в южнорусских землях начиная с X в. Лучше сохранилось жилище 1. По классификации П.А. Раппопорта, оно относится к планировочной схеме типа II с левосторонним вариантом размещения печи (Раппопорт, 1975. С. 137–141). Темное, гумусированное заполнение землянки хорошо выделялось на светлом суглинистом материке. Верхняя половина заполнения включала угольки, комочки прокаленной глины, золу, обломки костей животных и рыб, а также несколько десятков фрагментов гончарной русской керамики, принадлежавшей, как минимум, трем сосудам. Ближе ко дну жилища и непосредственно на дне котлована находок было больше, в том числе и керамики. Кроме обломков боковых сосудов, найдены фрагменты венчиков от 6 горшков и плоское орудие из окаменевшего дерева типа ложила.

Котлован полуземлянки имеет подквадратную форму. Длина 2,9–3 м, ширина 2,7–2,9 м. Глубина от верхнего уровня материка 0,3–0,42 м. Более длинными сторонами котлован ориентирован по линии северо-запад – юго-восток. Вход в жилище был устроен в виде коридора шириной 0,8–0,9 м и длиной 1 м, примыкавшего к юго-восточной стенке (со стороны Волги) и плавно опускающегося в котлован (рис. 1, 1).

Вдоль стенок по дну котлована проходит канавка шириной 0,16–0,2 м. В свою очередь, по дну канавки имеются семь столбовых ямок: две – за печью, две – по центральной оси, две – в противоположных по диагонали углах и еще одна – слева от

входа. Последняя столбовая ямка вместе с одной из «осевых» ямок, несомненно, являлись частью коридора-входа. Все ямки имели глубину 10–12 см, за исключением двух по обеим сторонам входа – 20 см (осевая ямка) и 25 см. Кроме того, еще две столбовые «полуямки» в виде небольших выемок были устроены в длинных стенках котлована. Их глубина – 17 и 22 см от верхнего уровня материка. В восточном углу котлована, там где в землю была зарыта корчага, вместо столбовой ямки был оставлен выступ, возвышающийся на 23 см над уровнем дна жилища и, вероятно, служивший основанием для углового столба.

Земляной пол ровный и хорошо утрамбован. В левом, дальнем от входа углу располагалась устьем к выходу глинобитная печь длиной 1,15–1,3 м и шириной 0,7 м. Под печи плоский, подквадратной формы (0,5х0,65 м). Он прокален до красно-кирпичного цвета и покрыт слоем золы, пепла и угольков, в котором обнаружен фрагмент днища русского сосуда. Задняя стенка печи имеет полукруглую форму, и здесь сохранилась часть свода высотой до 0,2 м. Свод разрушен более поздним захоронением. Глинобитная печь, вероятно, включала в себя деревянный каркас, конструкция которого прослеживается по оставшимся вертикальным и круглым в сечении полостям в стенках печи.

Прямо напротив входа, в 0,9 м от него, на полу жилища был устроен небольшой очаг. Он имел округлую форму 0,43–0,5 м в диаметре, центральная часть плавно заглублена на 5 см в материковое дно жилища. Дно очага прокалено до светло-коричневого цвета. Очаг был заполнен золой и мелкими древесными угольками.

В углу, справа от входа и по диагонали от печи, в дно жилища вкопана крупная корчага. Ее устье слегка возвышалась над полом и наклонено к центру жилища. Корчага имеет плоское широкое дно, округлые бока, невысокую шейку и относительно узкую горловину. Верхняя половина украшена волнистым орнаментом. Максимальное расширение тулова подчеркнуто рядами горизонтальных прочерченных линий. Обжиг неравномерный, преобладают светло-коричневый и светло-красные цвета на поверхности. Черепок плотный, в изломе средняя часть темно-серая. Высота корчаги 45 см, диаметры: устья 14 см, максимального расширения тулова 43 см, дна 18 см (рис. 1, 2). Аналогичный прием закапывания корчаг в полу известен в жилищах Киева, которые были разрушены во время нашествия 1240 г. (Каргер, 1958. С. 325), и других русских поселений домонгольского времени.

В 1,4 м к юго-западу от жилища располагалась хозяйственная яма, круглая в плане, диаметром 1,1–1,2 м и глубиной до 0,43 м. Стенки ямы плавно сужались к округлому дну. Несомненно, что она составляет единый комплекс с жилищем и синхронна ему. Об этом говорит состав находок в заполнении

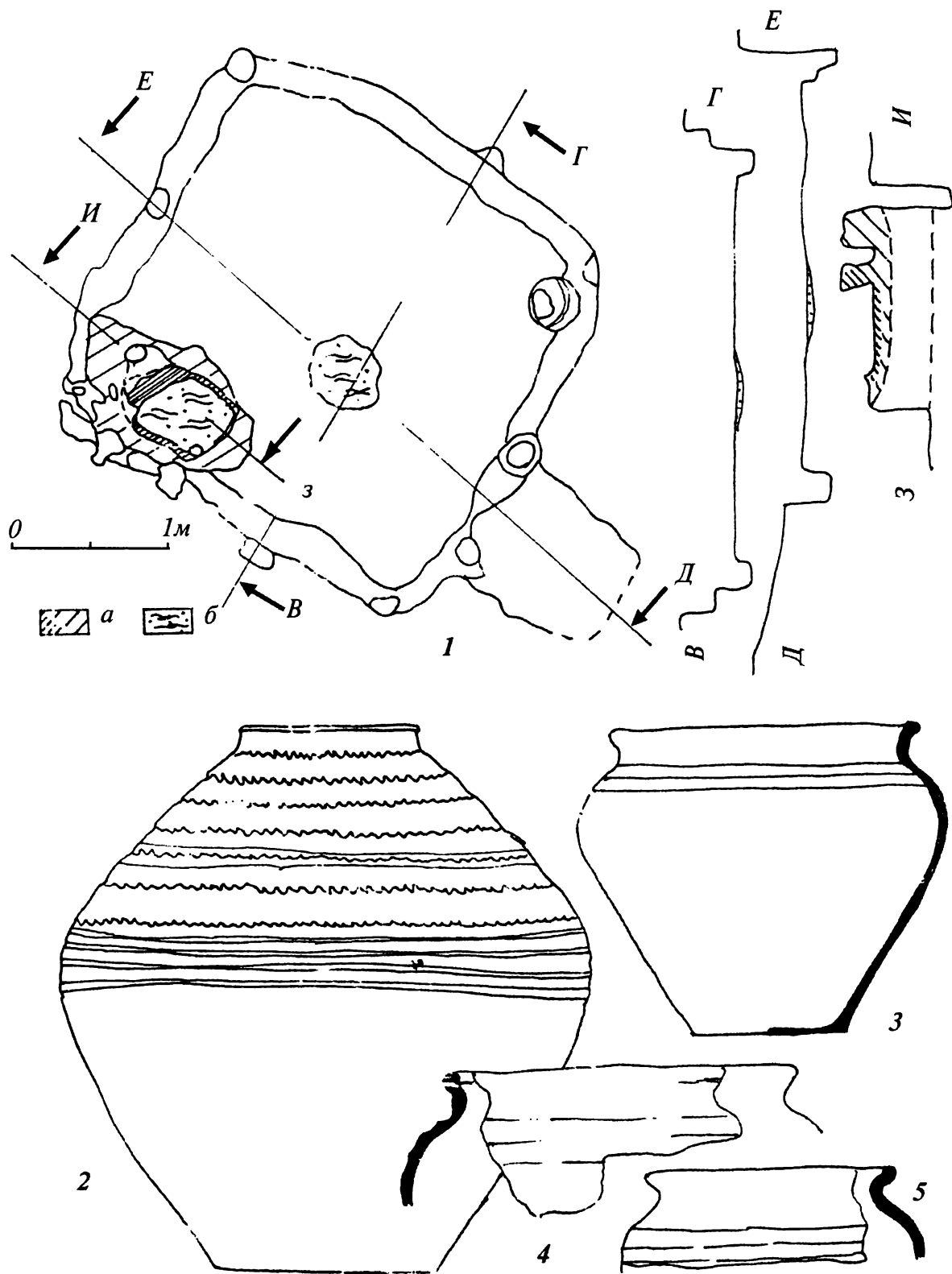

Рис. 1. Алексеевское городище:

1 – план и профили жилища 1; 2 – корчага из жилища 1; 3–5 – русская средневековая керамика из культурного слоя:
 а – угли, б – прокаленная глина

ямы. Верхняя часть хозяйственной ямы была устроена в культурном слое и поэтому ее приблизительные границы можно было определить только по скоплению крупных рыбных костей, составлявших основную часть ее заполнения. На дне ямы, кроме костей животных и рыб, найдены фрагменты серой и красной гончарной средневековой керамики, обломок красноглиняной ручки от сосуда; нуклеидный кусок серого низкокачественного кремня с негативами снятия и следами сработанности по краю ударной площадки; фрагмент венчика лепного сосуда эпохи финальной бронзы, попавшего сюда, вероятно, из культурного слоя.

Жилище 2 находится приблизительно в 23 м к юго-западу от первого. На одной линии с ними находились и две хозяйственные ямы. Яма 1, как уже упоминалось, расположена в 1,4 м к юго-западу от жилища 1, яма 2 — в 6 м к северо-востоку от жилища 2.

На данном участке раскопа материк плавно понижается в южном направлении, в сторону Алексеевского оврага, и поэтому в него врезался только северный угол котлована с глинобитной печью, а остальная его часть была сооружена в культурном слое и не прослеживалась. По расположению остатков печи и двум частично выявленным стенкам котлована установлено, что полуземлянка была ориентирована более длинными сторонами по линии северо-запад — юго-восток, т.е. выходом к юго-востоку, как и в предыдущем случае.

Лучше всего сохранилась часть северо-западной стенки котлована, которая вертикально опускается в материк на 0,32–0,36 м. Заполнение котлована отличалось не столько цветом от окружающих участков культурного слоя, сколько большей насыщенностью находок. В основном это фрагменты средневековых русских гончарных горшков, а также кости животных, рыб, угольки, зола и комки обожженной глины от печи. Особенно много керамики обнаружено по дну котлована в районе печи и между печью и северо-западной стенкой.

Глинобитная печь сильно повреждена более поздними погребениями. Сохранились остатки двух стенок в виде двух параллельных рядов комков прокаленной глины, по которым определяются длина (1,05–1,2 м) и ширина (0,7 м) печи. Причем эти комки залегали не на материковом дне котлована, а отделены от него прослойкой (8–11 см) темной гумусированной супеси, в которой встречены несколько фрагментов керамики раннего железного века и один орнаментированный обломок боковины сосуда средней бронзы. Между этими стенками, на дне котлована зачищено скопление золы и угольков размерами 0,95х0,35 м. Под этим пятном залегала тонкая линза прокаленного песка.

В 0,8 м к западу от печи, уже за пределами котлована, на глубине 0,4–0,47 м от современной поверхности обнаружен развал древнерусского сосу-

да (рис. 1, 3). Черепки плотные, цвет внешней поверхности темно-серый. По плечу прочерчены три неглубокие параллельные линии, причем, на некоторых участках эти линии не заглублены, а наоборот, выступают над поверхностью сосуда. Высота горшка 18,5 см, диаметры: венчика — 19,6 см, шейки — 16,2 см, максимального расширения тулова — 21,4 см, дна — 9 см. Толщина стенок 6 мм, дна — 3 мм. Среди фрагментов этого сосуда найдены два обломка венчика от еще одного сосуда такого же типа (рис. 1, 5). Обжиг сосуда неравномерный, цвет поверхности плавно меняется от черного до красно-кирпичного. По плечу прочерчены три параллельные линии. Диаметр горшка по венчику — 14,5 см, по шейке — 12,8 см, диаметр максимального расширения тулова — 17,4 см. Аналогичные горшки получили в литературе условное название «сосуды курганного типа», так как чаще всего их целые формы встречаются в подкурганных захоронениях. Приблизительно на этом же уровне в 0,2 м к юго-западу от развалов горшков зачищена небольшая кладка из плоских каменных (аргиллит) плиточек. Камни были выложены неровной цепочкой на протяжении 0,8 м по линии северо-запад — юго-восток. Эта вымостка имеет явно искусственный характер и вместе с развалами сосудов указывает уровень древней дневной поверхности, по которому вычислено, что жилище 2 было заглублено в землю минимум на 0,4–0,5 м.

В 6 м к северо-востоку от жилища исследована хозяйственная яма 2. Над этим местом в процессе исследования культурного слоя отмечалось пятно золы и мелких древесных угольков. Зола и угольки продолжали встречаться и в заполнении хозяйственной ямы. Яма в плане имеет округлую форму, ее диаметр 1–1,05 м по уровню материка, глубина — 0,38 м, стенки, как и в яме 1, плавно сужаются ко дну. В заполнении, кроме золы и угольков, встречены в большом количестве кости животных и рыб, куски обожженной глиняной обмазки, фрагмент округлого керамического пряслица, обломки железного ножа и свыше полутора десятка керамических черепков, в том числе фрагменты венчиков от четырех русских сосудов, венчик от сосуда раннего железного века и обломок боковины золотоордынского сосуда с линейным орнаментом.

Наиболее массовой категорией находок, относящихся к средневековью, является керамика. Всего обнаружены фрагменты от, приблизительно, 134 сосудов, из них 110, или 82% — древнерусских (рис. 1, 2–5; 2, 1–17; 3, 1–6) и 24, или 18% — золотоордынских (рис. 4, 1–11). Данное количество сосудов позволяет сделать только предварительные выводы, но все же представляет интерес залегание керамики: пик распределения древнерусской приходится на слой 60–80 — 31%, а золотоордынской — на слой 20–40 — 46%. Русская керамика встречается в культурном слое до глубины в 1 м (без учета находок в за-

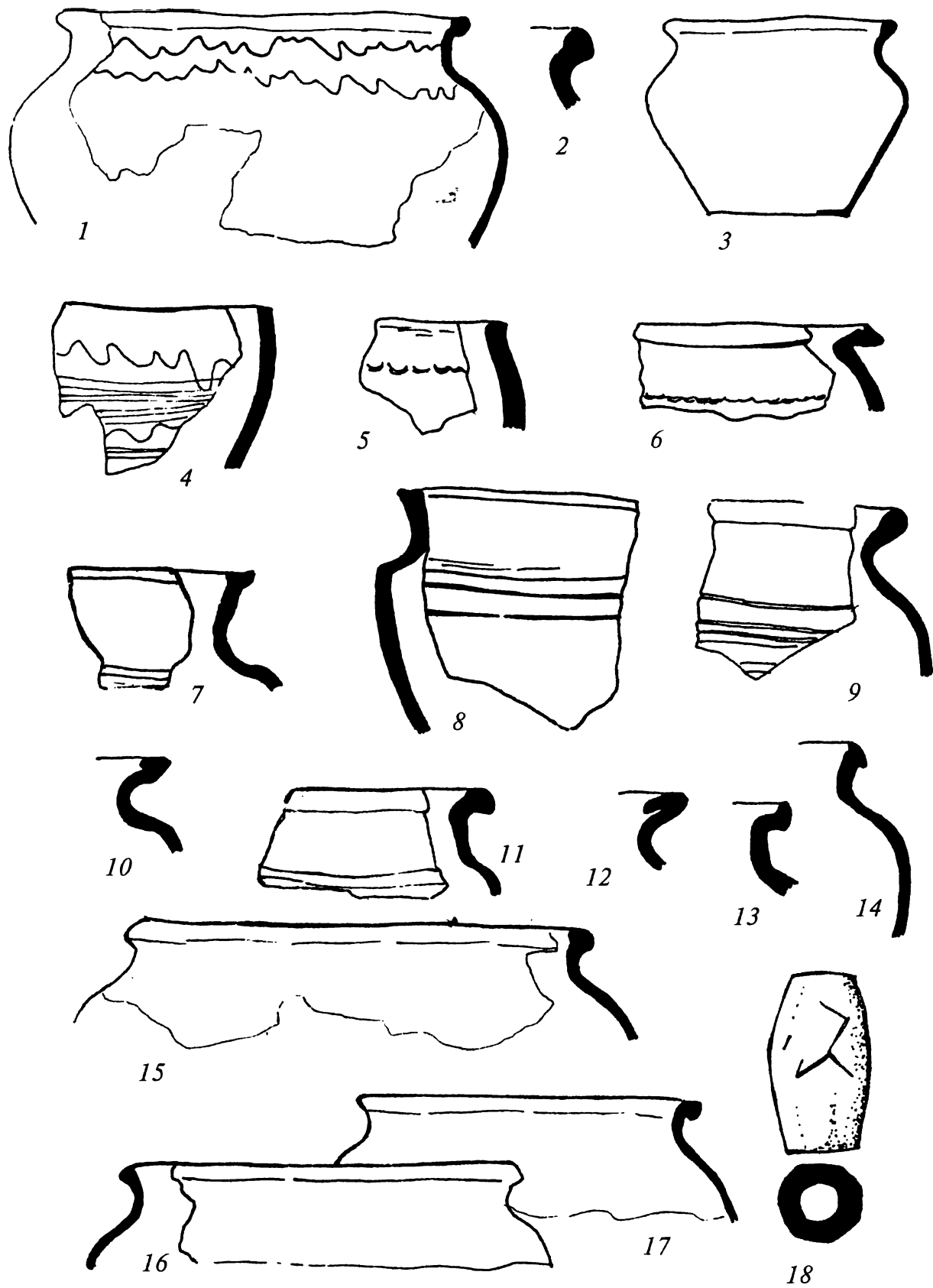
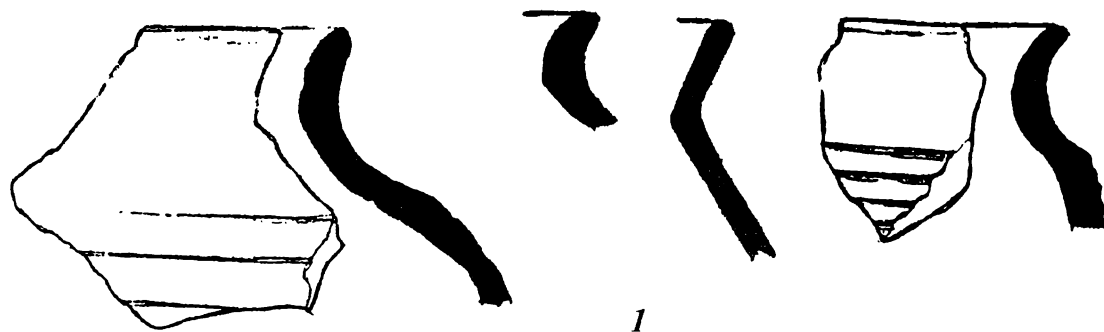

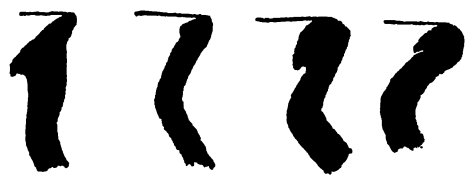
Рис. 2. Русская средневековая керамика из культурного слоя Алесеевского городища (1–17) и керамическое грузило с тамгой (18)

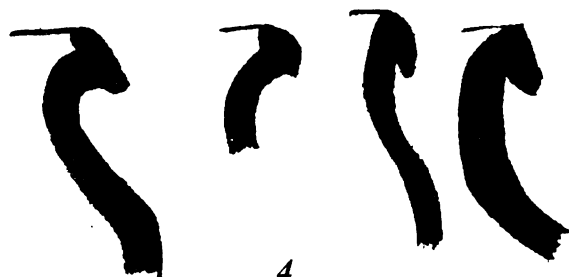
1

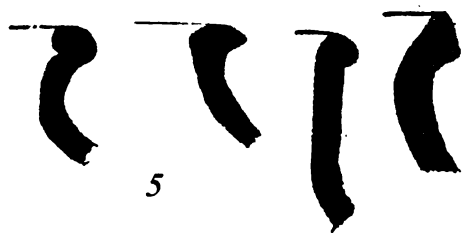
2

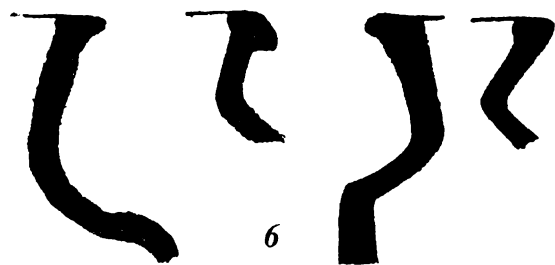
3

4

5

6

Рис. 3. Типы венчиков русских горшков Алексеевского городища

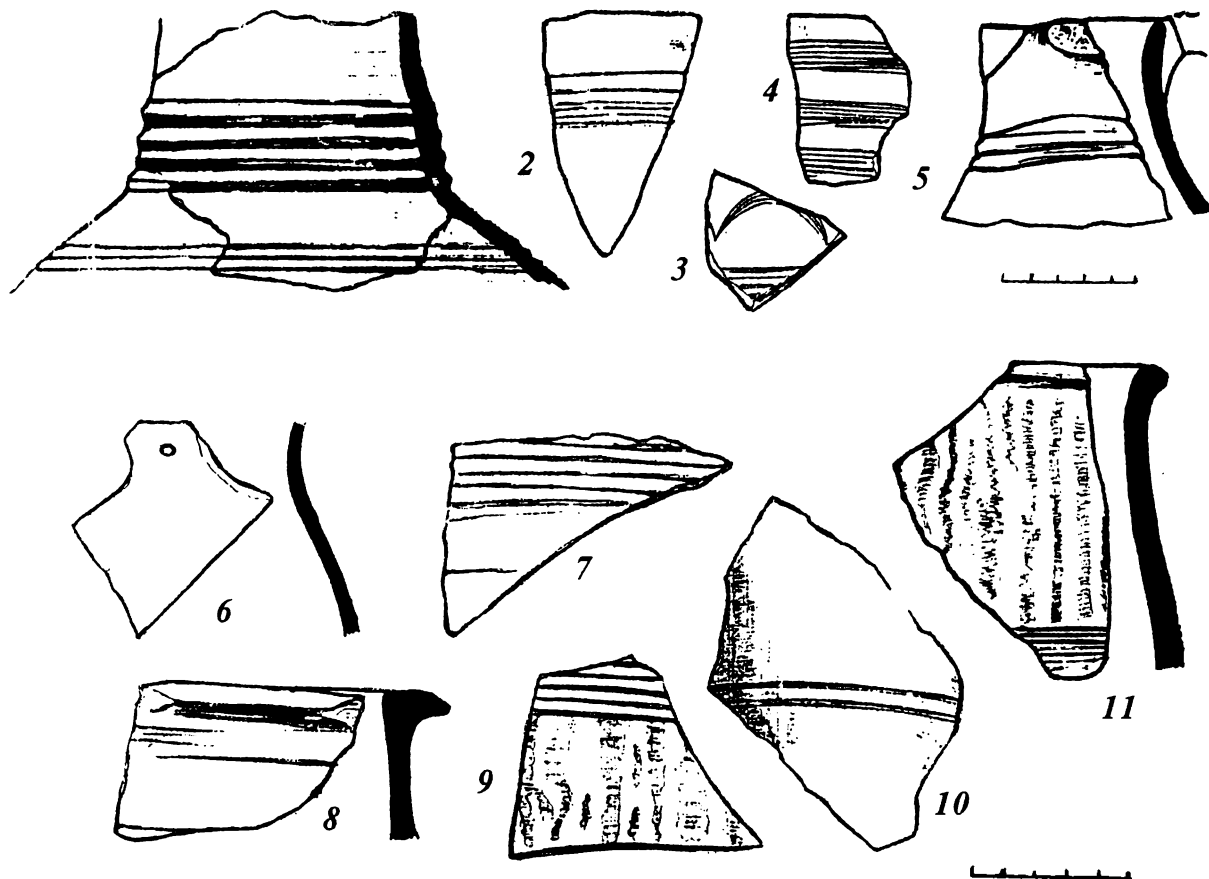

Рис. 4. Золотоординская керамика из культурного слоя Алексеевского городища

полнении котлованов полуземлянок и хозяйственных ям), золотоординская же очень редко попадает глубже 0,6 м.

Средневековая русская керамика значительно отличается от золотоординской по формам и составу керамического теста. Преобладает черная и сероглиняная, встречается красноглиняная (серая в изломе). Есть несколько черепков из беложгушейся глины, а также с неравномерным обжигом, когда цвет поверхности на одном сосуде плавно изменяется от черного до красно-кирпичного. Черепки в изломе, по сравнению с золотоординскими, по большей части рыхлые, иногда заметна примесь шамота или органики. По форме сосуды в основном представляют собой различных размеров горшки курганного типа. Но встречаются остатки простых баночных сосудов, а в одном случае — уже упоминавшаяся корчага. Профилировка верхней части разнообразна, многие горшки имеют характерную бороздку по внутренней стороне среза венчика. На нескольких доньшках встретились керамические клейма: на двух — в виде круга со спицами (рис. 5, 2), еще на двух, полностью не сохранившихся, — сложные геометрические композиции, в одном случае — достаточно редкий вариант стилизованного «знака

рюриковичей» (рис. 5, 1). Последнее клеймо находит прямые аналогии в Киеве (Рыбаков, 1948. С. 493. Рис. 126, 8) и на городище Титово—Мотыка (Никольская, Полубояринова, 1967. С. 65. Рис. 22, 2).

Древнерусская керамика орнаментирована волной (чаще всего однорядной) — 45 %, линией — столько же, волной и линией — 10 %. Всего орнаментирована одна треть сосудов.

Особого упоминания заслуживает керамика из землянки 2, залегавшая по дну, вокруг печи. Большая ее часть представлена однотипными горшками. Всего здесь обнаружены фрагменты как минимум 19 сосудов. Один небольшой горшок графически восстанавливается полностью (рис. 2, 3), а у 10 из них удалось реконструировать верхнюю часть. Диаметры сосудов колеблются от 11 до 22 см. Венчики — валикообразные, некоторые с внутренней стороны имеют желобок. Горшки практически неорнаментированы (рис. 2, 15—17), только на двух из них имеются по две параллельных линии по плечу.

Преобладает светло-коричневый цвет сосудов, но встречаются красно-кирпичный и черный. Большинство же сосудов имеют неравномерный обжиг, и все перечисленные цвета и их многочисленные оттенки могут встречаться на одном горшке. Кера-

мика отличается от золотоордынской, она менее плотная и даже красножгущиеся сосуды в изломе серые или коричневые, тогда как золотоордынские имеют одинаковый цвет по всей глубине черепка.

Керамика поселения в основном представлена горшками. Все они подразделяются на несколько типов. За основу деления взяты формы венчиков. Принято считать, что они наиболее информативны и, как правило, берутся исследователями в качестве основы при типологическом анализе древнерусской керамики (Полубояринова, 1978. С. 89; Пряхин, Винников, Цыбин, 1987. С. 21). Впрочем, вопрос о том, что этот показатель обладает наибольшей хронологической информативностью, для нас является открытым, так как гончарные изделия отличаются крайней консервативностью, особенно в чужеродной этнокультурной среде. Во всяком случае, А.А.Мансуров, ссылаясь на данные этнографов Б.А.Куфтина и А.М.Россова, отмечает, что гончары с. Куликово Дмитровского у. Московской обл. и в 20-е годы XX в. производили тот же тип гончарных форм и даже клеймили их так же, как и в IX–XIV вв. (Мансуров, 1946. С. 293).

Тем не менее, мы можем выделить следующие типы горшков:

I тип (рис. 3, 1). Горшки, не имеющие фигурного профиля по венчику, округлые по краю венца (10%). Сосуды такого типа имеют аналоги с типом I из Шиловского поселения на реке Воронеж (Пряхин, Винников, Цыбин, 1987. С. 22. Рис. 9, 1–6).

II тип (рис. 3, 2). Горшки, имеющие венчик с отогнутым внутрь краем, образующим в профиль варианты валика (34%). Они имеют аналоги с типами V, VI из южного городища Старой Рязани (Стрикалов, 1996. С. 152. Рис. 3), а также с типом III из поселения у с. Березовка Волгоградской обл. (Полубояринова, 1978. С. 105. Рис. 34) и типом IV уже названного Шиловского поселения.

III тип (рис. 3, 3). Горшки, имеющие венчик с отогнутым внутрь краем, образующие варианты клювообразного профиля (12%). Аналоги имеются на поселении у с. Березовка (Полубояринова, 1978. С. 92. Рис. 23, VII), в Прихопенье (Хреков, 1994. С. 104. Рис. 1, IV).

IV тип (рис. 3, 4). Горшки с отогнутым наружу краем венчика, имеющие варианты клювообразного профиля (13%). Многочисленные аналоги можно найти на Водянском городище Волгоградской обл. (Полубояринова, 1978. С. 152. Рис. 23, II, IV), в Старой Рязани (Стрикалов, 1996. С. 152. Рис. 3, IX).

V тип (рис. 3, 5). Горшки, имеющие венчик с отогнутым наружу краем в виде козырька (28%). Сосуды такого типа имеют аналоги с типом 5 классификации Шиловского поселения (Пряхин, Винников, Цыбин, 1987. С. 11, I–IV).

VI тип (рис. 3, 6). Горшки, имеющие венчик с отогнутым наружу краем в виде козырька, но со срезынным верхом (3%). Они близки типу IV из посе-

ления из с. Березовка (Полубояринова, 1978. С. 106. Рис. 35, IV).

Золотоордынская посуда немногочисленна и тяготеет, как уже было сказано, к верхней части культурного слоя. Керамика фрагментирована, полностью реконструируемых форм нет (рис. 4, 1–11). Орнаментация обычна для золотоордынского времени в регионе: ряды параллельных прочерченных линий (рис. 4, 2, 4, 5, 7, 9, 10), полосчатое лощение по сырой глине (рис. 4, 9, 11), в одном случае — арочный орнамент (рис. 4, 3). Керамика — тонкостенная (за исключением фрагментов от крупных сосудов), глина хорошо отмучена, обжиг равномерный, цвет поверхности красно-кирпичный. К этому же времени можно отнести фрагменты придонной части розовой кашинной керамики с голубой и изумрудной поливой. Найдены фрагменты двух узкогорлых кувшинов, на одном из них сохранились остатки ручки (рис. 4, 1, 5).

Другие средневековые находки немногочисленны. В одном из шурфов найден железный цилиндрический замок (рис. 5, 3). Он сильно корродирован и развалился на две половины, дужка не сохранилась. Из-за этого сложно установить тип замка, но нижнее донце цилиндра вполне удовлетворительной сохранности, прорези под ключ в нем нет, что позволяет относить замок к типу А, по В.А.Колчину (Колчин, 1977. С. 14–16). Замки этого типа были особенно широко распространены на Руси в XI — первой половине XIII в. Ключ от замка типа Г, найденный в центральной части памятника (рис. 5, 4), по той же классификации датируется от середины XIII до середины XV в.

Представляет интерес железный наконечник копья (рис. 5, 5). Он сильно корродирован. Втулка наконечника сохранилась плохо, по ее краю заметно валикообразное утолщение, а на внутренней стороне есть прикипевшие остатки древесины от древка. Перо наконечника от втулки плавно сужается к вершине. Максимальная ширина пера — около 3,5 см. Толщину установить трудно, так как металл «вскипел» и распался на пластины, так что общая толщина пера достигает 3 см, а поперечное сечение имеет подквадратную форму. Длина наконечника — около 32 см, длина втулки — 12–14 см. Наиболее близкая аналогия обнаруживается на селище 1 у с. Мошины Калужской обл. (Прошкин, 1977. С. 238. Рис. 7, 8).

Остальные металлические изделия менее выразительны. Это дверной пробой в виде плоского приостренного стержня с петлей (рис. 5, 10), однолезвийный черешковый и клиновидный в сечении нож (рис. 5, 6), кованые гвозди (рис. 5, 8, 9) и железный предмет, напоминающий обломок черешкового ножа. Но его короткое лезвие подтреугольной формы расковано и приострено на конце (рис. 5, 7).

Возможно, на городище было налажено производство железа — шлак и крупные куски крицы,

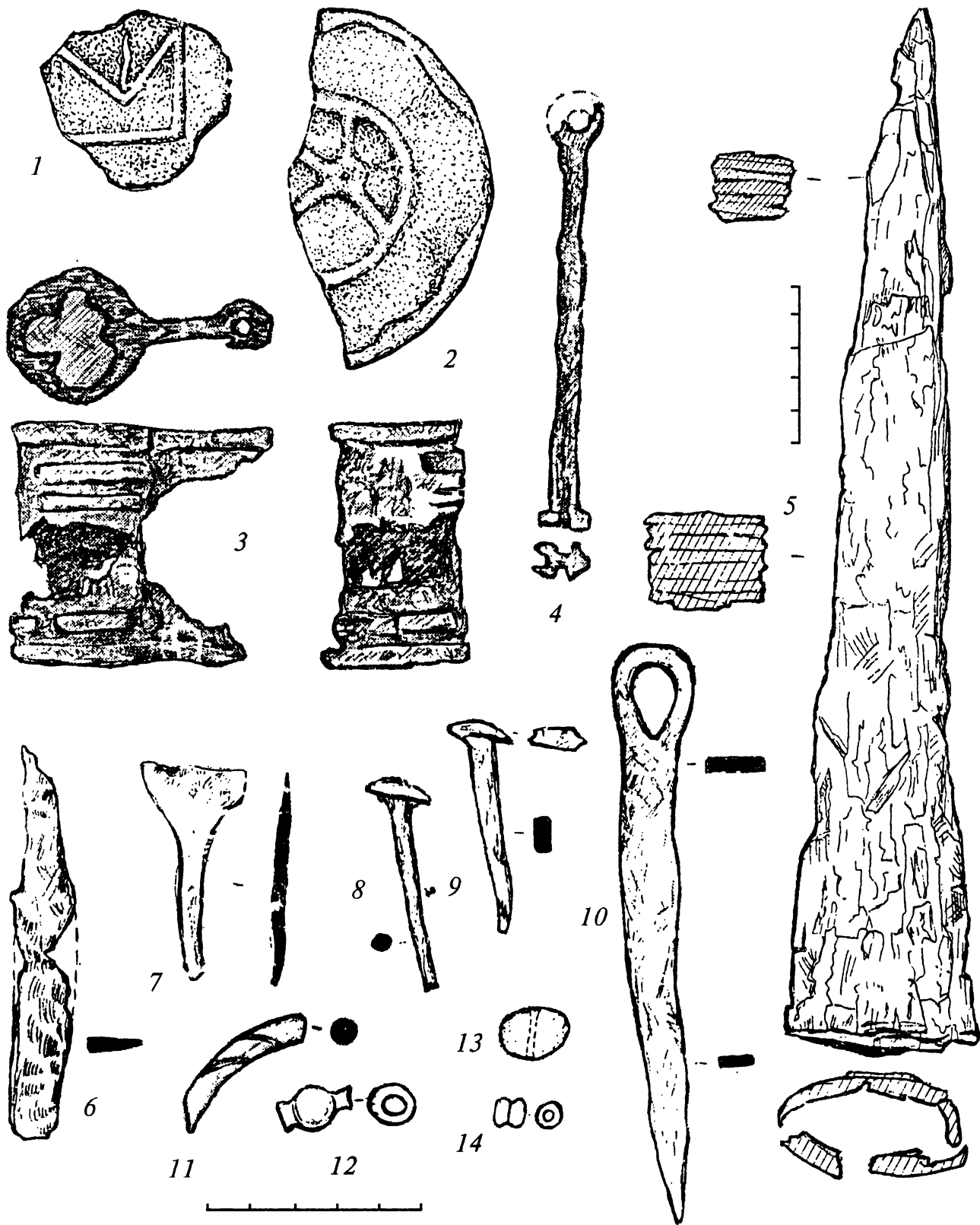

Рис. 5. Находки из культурного слоя Алексеевского городища:
1, 2 — глина; 3–10 — железо; 11, 12, 14 — стекло; 13 — горный хрусталь

фрагмент ошлакованной керамической льячки встречены в верхней части культурного слоя.

Из украшений найдены стеклянная, желтого цвета двухчастная бусина (рис. 5, 14) и крупная круглая бусина из горного хрусталя (рис. 5, 13), аналогичная вятическим домонгольского времени (Полубояринова, 1988. С. 159, 162). Оба типа этих бус известны и на Семилукском городище (конец XII — первая половина XIII в.: Пряхин, Цыбин, 1996. С. 38. Рис. 16, 25, 26).

На территории городища обнаружен обломок стеклянного браслета коричневого цвета. По классификации М.Д.Полубояриновой (Полубояринова, 1963. С. 171), это круглый перевитой браслет. Он украшен стеклянной нитью желтого цвета (рис. 5, 11). Аналогичные браслеты известны в больших количествах на Руси в домонгольское время, в Северной Руси продолжали изготавливаться и в XIII—XIV вв. Производство стеклянных браслетов было налажено и в Золотой Орде вплоть до начала XV в. (Полубояринова, 1988. С. 192—193; Галкин, 1984. С. 218). В культурном слое найден еще один обломок стеклянного браслета (?). Вероятнее всего, это производственный брак, так как один конец смят и обломан, когда предмет был еще горячим (рис. 5, 12). Цвет — темно-синий с зеленым отливом.

Найдено керамическое грузило от рыболовной сети, которое, несомненно, следует связывать со средневековым русским населением. Грузило имеет цилиндрическую форму и легкую, едва заметную огранку. Его длина — 4,5 см, максимальный диаметр — 2,5 см. На грузиле по сырой глине прочерчен знак-тамга (рис. 2, 18). Аналогичные грузила в большом количестве встречаются на древнерусском Семилукском городище (конец XII — первая половина XIII в.; Пряхин, Цыбин, 1991. С. 100—101; 1996. С. 32, 38) и селище у с. Борщево (вторая половина XII—XIV вв.; Цыбин, 1987. С. 41. Рис. 2, 9).

Как уже было сказано, керамика Золотой Орды очень немногочисленна и стратиграфически расположена выше древнерусской. Например, золотоордынская керамика на участках, прилегающих к землянке, глубже слоя 40—60 см не залегала, а основное ее количество найдено выше, в двух первых слоях. Это характерно для данного участка памятника, но и в других местах такая керамика в слое 80—100 см встречается только в нескольких случаях, тогда как русская — намного чаще, а иногда залегает и еще ниже.

Типологически русская керамика (по большей части это горшки курганного типа) может относиться как к XII — первой половине XIII в., так и к более позднему времени.

Находки русского происхождения достаточно часто встречаются на поселениях Золотой Орды, но там чаще всего преобладает красноглиняная керамика, встречаются в значительном количестве поливная и кашинная керамика, нумизматические

материалы, а горшки с русскими гончарными традициями немногочисленны. Исследования последних лет выявили в Нижнем Поволжье целый пласт поселенческих памятников, на которых русское население явно преобладало.

Русские археологические древности на территории Золотой Орды рассматривались исследователями неоднократно, наиболее полные данные собраны в работе М.Д.Полубояриновой (1978). Русские находки на памятниках в окрестностях Саратова приведены в работе Л.Ф.Недашковского (1997), но ни на одном из них древнерусская керамика не достигает и 10% от общего числа. Материалы Алексеевского городища явно выбиваются из этого ряда по количеству археологических материалов русской культурной традиции. Среди памятников окрестностей Саратова на Алексеевском городище пока отмечен самый высокий процент русской керамики — 82%. Уже одно это представляет несомненный интерес, но необходимы дальнейшие раскопки, так как керамики, происходящей от 134 средневековых сосудов, конечно, недостаточно для каких-либо окончательных выводов. К тому же, по мере накопления материала станет возможным провести более полную классификацию древнерусской керамики с Алексеевского городища и сравнить ее с керамикой других русских памятников. Пока можно только сказать, что наблюдается значительное сходство русской керамики с коллекциями домонгольских памятников Подонья (например, уже упоминавшееся Семилукское городище) и Прихоперья, а с золотоордынскими Поволжья (Водянское, Березовка) аналогии в керамике представляются более отдаленными, хотя общие тенденции развития прослеживаются отчетливо. Например, при сравнении с «русскими» участками Водянского городища наблюдается следующая картина. Совпадают типы жилищ: полуземлянка из раскопа II 1967 г. по размерам и конструкции (выступ-вход, расположение печи) аналогична полуземлянке I Алексеевского городища. В раскопе III 1968 г. и раскопе I 1969 г. процент русской керамики в нижних слоях выше, чем в верхних, что характерно и для Алексеевского городища. Культурный слой Водянского городища, как и на Алексеевском, перекрывается поздним средневековым могильником. Конструкции могил и их расположение, позы и ориентировки погребенных на обоих могильниках идентичны (Полубояринова, 1978. С. 74—78). Е.П.Мысков считает, что ранний русский поселок на Водянском городище основан не позднее рубежа XIII—XIV вв., так как в слое не встречено ни одной золотоордынской монеты, что в общем правомерно и для Алексеевского городища, где тоже за все годы раскопок не было нумизматических находок (Мысков, 1998. С. 132).

Если среди средневековых памятников округа Саратова Алексеевское городище выделяется мощ-

ным пластом находок русского происхождения, то далее к западу картина изменяется. Для лесостепного Волго-Донского междуречья памятник не является в этом отношении исключением. Культурные слои с преобладающим количеством русских материалов становятся все более известны в этом регионе. В настоящее время выявлен ряд памятников с преобладанием русской керамики курганного типа. Это поселения Шапкино 2, Подгорное, Никольевка, Инясево, Рассказань в бассейне р. Хопер (*Хреков*, 1994), Алмазово (*Изотова*, 1999), Калмантай в бассейне р. Терешка (приток Волги)*. Причем часть материалов одного из них — Шапкино 2 — совершенно определено относится к домонгольскому времени.

Приведенные аналогии домонгольского периода показывают, что нижняя дата средневекового культурного слоя, скорее всего, относится к моменту образования Золотой Орды — середине XIII в. Это подтверждает и находка в центральной части городища в раскопе Т.А.Хлебниковой (раскопки 1971 г.) обломка чугунного котла, появление которых в южнорусских землях относится ко второй половине XIII—XIV вв. (*Пряхин, Винников, Цыбин*, 1987. С. 32).

Таким образом, средневековый поселок на Алексеевском городище, очевидно, был основан русскими людьми, переселенными сюда монголо-татарами из захваченных русских княжеств в середине XIII в. Поселок существовал и в XIV в., до времени широкого распространения медных денег золотоордынской чеканки, так как они пока не обнаружены в культурном слое памятника. Средневековый культурный слой перекрыт могильником, который на основании аналогий с Водянским городищем мы связываем с русским населением XIV в. В 50-е годы XIII в. в 20 км от Алексеевского городища, ниже по Волге, монголы основывают город Укек — третий по величине торговый, ремесленный и культурный центр Золотой Орды. Однако следы его влияния на сравнительно небольшой русский поселок очень невелики. Тем не менее делать окончательные выводы о времени возникновения, продолжительности существования и этническом составе жителей средневекового поселка на Алексеевском городище пока рано, так как большая часть его еще нуждается в дальнейших археологических исследованиях.

Литература

Археология, 1997. // Древняя Русь. Быт и культура. М. С. 14–16.

Галкин Л.Л., 1984. Стеклянная мастерская на городище Селитренное // СА. № 2.

Изотова М.А., 1999. Древнерусское поселение Алмазово II // Археологическое наследие Саратовского края: Охрана и исследования в 1997 г. Саратов. Вып. 3.

Каргер М.К., 1958. Древний Киев. М.; Л.

Кочерженко О.В., 1992. Отчет об археологических раскопках Алексеевского городища (Саратовская область) // Архив Комитета по историко-культурному наследию. № 35 б.

Кочерженко О.В., 1993. Охранные раскопки городища Алексеевское и курганной группы у с. Свищевка [Отчет за 1993 г.] // Архив Комитета по историко-культурному наследию. № 35 б.

Мансуров А.А., 1946. Старорязанские и пронские гончарные клейма // СА. № VIII.

Мыськов Е.П., 1998. Общие итоги исследований Водянского городища в 1992, 1997 годах // Проблемы археологии юго-восточной Европы. Ростов-на-Дону.

Недашковский Л.Ф., 1997. Некоторые древнерусские материалы из Увека и его округа // Этногенез и этнокультурные контакты славян: Труды VI международного конгресса славянской археологии. М. Т. 3.

Прошкин О.Д., 1997. Древнерусский слой Мошинского городища // РА. № 2.

Полубояринова М.Д., 1963. Стеклянные браслеты древнего Новгорода // МИА. Вып. 117.

Полубояринова М.Д., 1978. Русские люди в Золотой Орде. М.

Полубояринова М.Д., 1988. Стеклянные изделия Болгарского городища // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М.

Пряхин А.Д., Винников А.З., Цыбин М.В., 1987. Древнерусское Шиловское поселение на р. Воронеж // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. Воронеж.

Пряхин Д.С., Цыбин М.В., 1991. Древнерусское Семилукское городище XII—XIII вв. на р. Дон (итоги раскопок 1984–1986 гг.) // Археология славянского юго-востока. Воронеж

Пряхин Д.С., Цыбин М.В., 1996. Древнерусское Семилукское городище (материалы раскопок 1987–1993 гг.) // На юго-востоке Древней Руси. Воронеж.

Раппопорт П.А., 1975. Древнерусское жилище // САИ. Вып. Е 1–32.

Рыбаков Б.А., 1948. Ремесло Древней Руси. М.

Рыков П., 1926. Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г. (предварительный отчет) // Изв. КИИУОВО. Саратов. Т. 1.

Рыков П., 1931. Отчет об археологических работах, произведенных в Нижнем Поволжье летом 1929 г. // Изв. НВИК. Саратов. Т. IV.

* Раскопки Д.Г.Барина. По сведениям автора раскопок, на поселении обнаружена исключительно древнерусская керамика, хотя на поверхности были найдены золотоордынские монета XIV в. и подвеска в виде знака вопроса.

Стрикалов И. Ю., 1996. Хронология керамики и культурный слой Южного городища Старой Рязани // Археологические памятники Окского бассейна. Рязань.

Хлебникова Т. А., 1971. Отчет о работе на Алексеевском городище у г. Саратова в 1971 г. // Архив ИА РАН. Р-1. 4397.

Хреков А. А., 1994. Древнерусские поселения лесостепного Прихоперья // Материалы научно-практической конференции по проблемам сохранения археологического наследия. Саратов.

Цыбин М. В., 1987. Древнерусские памятники второй половины XIII–XIV вв. в Среднем Подонье // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. Воронеж.

Юдин А. И., 2000. Алексеевское городище: от средней бронзы до позднего средневековья // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Саратов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ	– Античная древность и средние века. Свердловск
АЕ	– Археологический ежегодник
АКМ	– Азовский краеведческий музей
АНТ	– Академия наук Татарстана
АО	– Археологические открытия
АС	– Археологический съезд
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АЭМК	– Археология и этнография марийского края
ВАУ	– Вопросы археологии Урала
ВВ	– Византийский временник
ВДИ	– Вестник древней истории
ВИ	– Вопросы истории
ВККОАНРУ	– Вестник Каракалпакского отделения АН республики Узбекистан
ВМУ	– Вестник Московского университета
ВООПИК	– Всесоюзное общество охраны памятников истории и культуры
ГИМ	– Государственный Исторический музей
ГОМРТ	– Государственный Объединенный музей Республики Татарстан
ДОСМ	– Древности Окско-Сурского междуречья
ЗКВ	– Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук
ИАК	– Известия Императорской археологической комиссии
ИА РАН	– Институт археологии Российской Академии наук
ИАН	– Известия Академии наук Казахстана
ИИМК	– Институт истории материальной культуры
Изв. КИИЮВО	– Известия Краеведческого института изучения Южно-Волжской области при Саратовском государственном университете
Изв. НВИК	– Известия Саратовского Нижне-Волжского института краеведения им. М. Горького
ККОАНРУз	– Каракалпакское отделение Академии наук Республики Узбекистан
ККФАНРУз	– Каракалпакский филиал Академии наук Республики Узбекистан
КМ	– Краснодарский музей
КСИА	– Краткие сообщения института археологии РАН
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ	– Краткие сообщения института этнографии
МАИЭТ	– Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики
МАР	– Материалы по археологии России
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. М.
МИТТ	– Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.;Л., 1939 Т. I.; 1938. Т. II.
МКАЭН	– Международный конгресс антропологических и этнографических наук
МНИИЯЛИЭ	– Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики
МХЭ	– Материалы Хорезмской экспедиции. М.
НЭ	– Нумизматика и этнография
ОАК	– Отчеты Археологической комиссии
ОНУ	– Общественные науки в Узбекистане
ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей
РА	– Российская археология
РГУ	– Ростовский государственный университет

РГПИ	– Ростовский государственный пединститут
СА	– Советская археология
САИ	– Свод археологических источников
СМ	– Советский музей
СПИПАИ	– Сессия, посвященная итогам полевых археологических исследований
СЭ	– Советская этнография
ТНПК	– Тезисы докладов научно-практической конференции
ТИЭ	– Труды Института этнографии АН СССР
Труды МарНИИ	– Труды Марийского научно-исследовательского института
ТХАЭЭ	– Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР. М.
ЭВ	– Эпиграфика Востока
ЮТАКЕ	– Южнотуркменская археологическая комплексная экспедиция
AJA	– American journal of archaeology
BAR IS	– British archaeological report. International Series

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов	5
<i>В.В.Дворниченко, В.Л.Егоров, Л.Т.Яблонский</i> Памяти Германа Алексеевича Федорова-Давыдова	6
<i>М.Д.Полубояринова</i> Список научных трудов Г.А.Федорова-Давыдова	14
<i>И.Р.Ахмедов</i> Детали конского убора с зооморфным декором в гуннское и постгуннское время	20
<i>Н.М.Булатов</i> Антропоморфные и зооморфные сюжеты в керамике Золотой Орды	37
<i>Б.И.Вайнберг</i> Арсии из Хорезма в Хазарском каганате	49
<i>В.И.Вихляев</i> К вопросу о ранней стадии пензенских могильников	52
<i>И.В.Волков</i> Местные амфоры Азака	55
<i>В.В.Гришаков</i> Наконечники стрел Андреевского кургана в контексте проблемы формирования памятника	63
<i>В.В.Дворниченко, В.Л.Егоров, Ю.А.Зеленеев</i> Поволжская археологическая экспедиция: история создания, организация и основные результаты исследований	71
<i>В.Л.Егоров</i> Основные направления развития культуры Золотой Орды	79
<i>М.-Ш.Кдырнязов</i> Миздахкан — памятник золотоордынской эпохи	84
<i>С.А.Курочкина</i> Классификация керамики Сарай ал-Джедид	90
<i>В.А.Кучкин</i> О древнейшем списке Жития Сергия Радонежского	96
<i>Т.И.Макарова, С.А.Плетнева</i> К вопросу о растительном орнаменте в металлопластике Хазарского каганата	107
<i>Е.П.Мыськов</i> Северо-западный пригород Царевского городища	115
<i>Л.Ф.Недашковский</i> Рыболовный инвентарь из Укека и его округа	122

<i>Е.Е. Неразик</i> Некоторые сведения о раннесредневековых городах Хорезма (VII – VIII вв.)	128
<i>И.М. Петербургский, А.В. Дивлишов, Т.М. Охотина, О.В. Седышев</i> Степановский могильник	136
<i>Ю.А. Рапопорт</i> Религиозные верования хорезмийцев в доисламское время	141
<i>Рудаков В.Г.</i> К топографии города Сарая в конце XIV в.	144
<i>К.А. Руденко</i> «Татарская земля»: археологические памятники XIV – начала XV в. в Среднем Поволжье	154
<i>А.З. Сингатулина</i> Монеты Царевского городища (<i>Раскопки 1998 г.</i>)	166
<i>Е.М. Черных</i> Проявление общего и особенного в развитии основных черт прикамского домостроительства в эпоху раннего и позднего железного века	167
<i>В.Н. Шитов</i> Меч с кольцевым навершием из Шокшинского могильника	171
<i>Ю.Л. Щапова</i> Математика в археологии	176
<i>А.И. Юдин, А.В. Балановский</i> Средневековый поселок на Алексеевском городище	184
Список сокращений	196

Научное издание
Труды Государственного Исторического музея
Выпуск 135

Поволжье и сопредельные территории в средние века

Научно-издательский отдел ГИМ
Заведующая *Н.Д. Морозова*
Редакторы *С.Н. Романова, Л.И. Тормозова*
Художник *Д.А. Сенчагов*
Технический редактор *Л.В. Жигульская*
Компьютерные работы: *П.В. Шишкин, Е.А. Говорова*
Верстка *Е.А. Сенчаговой*

Подписано в печать 30.12.02
Формат 60x84¹/₈
Бумага офсетная. Гарнитура Ньютон. Печать офсетная
Печ.л. 25,6. Уч.-изд.л. 36. Тираж 500 экз.
Государственный Исторический музей
103012, г. Москва, Красная площадь, д.1/2
Отпечатано в типографии «Тиссо-Полиграф»

Герман Алексеевич Федоров-Давыдов (1931–2000 гг.) — археолог и нумизмат, доктор исторических наук, профессор. Сорок лет преподавал на кафедре археологии истфака МГУ им. М.В.Ломоносова. Специалист широкого профиля в области кочевниковедения. Заложил основы изучения Золотой Орды, исследуя остатки городов Нижнего Поволжья XIII–XIV вв. Автор фундаментальных монографических работ и многочисленных статей по средневековой истории, археологии и нумизматике.

